

Генеральная прокуратура Республики Беларусь

Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Институт переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Минск, 9—10 ноября 2018 г.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь
Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ФУНКЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Минск, 9—10 ноября 2018 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2018

УДК 347.97/99(06)

ББК 67.7я431

П78

Рекомендовано

Ученым советом Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь
16 октября 2018 г., протокол № 6

Редакционная коллегия:

*В. В. Марчук (главный редактор), А. В. Барков, Н. А. Богданович, С. И. Герасимова,
В. Н. Годунов, Л. Л. Зайцева, О. Э. Кравцов, В. В. Лосев, А. П. Ракицкий,
П. И. Сащико, Д. О. Сидоренко, А. В. Солтанович, В. М. Хомич*

Под редакцией

В. В. Марчука, А. В. Солтановича

Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2018 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. — Минск : Изд. центр БГУ, 2018. — 295 с.

ISBN 978-985-553-542-4.

В сборник включены материалы (доклады и сообщения) участников Международной научно-практической конференции «Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе».

Предназначен для научно-педагогических работников, судей, работников правоохранительных органов, правозащитных организаций, аспирантов, магистрантов и слушателей, проходящих переподготовку и повышение квалификации.

УДК 347.97/99(06)

ББК 67.7я431

ISBN 978-985-553-542-4

© Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2018

© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2018

Уважаемые коллеги!

Осуществление в Республике Беларусь социально-экономических преобразований актуализирует реализацию важнейшей функции государства – правоохранительной функции, которая объединяет в себе деятельность государственных органов по охране прав и свобод граждан, обеспечению законности и правопорядка.

На состоявшемся 10 марта 2017 г. совещании по итогам деятельности правоохранительных органов и вопросам оптимизации правоохранительной и судебной систем Президент Республики Беларусь отметил: «Проблем в сфере правоохранительной деятельности, к сожалению, еще хватает. Прежде всего, в вопросах обеспечения надлежащего взаимодействия в процессе профилактики и предупреждения правонарушений, раскрытия и расследования преступных деяний, исключения дублирования и формализма в работе, полноты возмещения ущерба, причиненного преступлениями». В выступлении Главы государства, в частности было обращено внимание на надзорную деятельность органов прокуратуры: «Нельзя также допустить, чтобы красивая статистика плановых мероприятий закрывала собой отсутствие прокурорского реагирования на действительно серьезные проблемы и упущения в защите государственных и общественных интересов... Обращаю внимание не только прокуратуры, но и всех контролирующих органов. Применяемые к нарушителям меры ответственности должны быть соизмеримы с допущенным нарушением, стимулировать добровольное устранение последствий этих нарушений и возмещение вреда пострадавшим. Недопустимы мелкие придирки к представителям реального сектора экономики и инвесторам, когда излишняя принципиальность в вопросах принесения исков и представлений по формальным признакам несоблюдения законодательства приводит к приостановлению реализации инвестиционных проектов, прекращению деятельности субъектов хозяйствования».

В предлагаемый сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе», которая проводилась 9-10 ноября в г. Минске государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» совместно с учреждением образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» при поддержке общества с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр».

Проблематика реализации правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе в предметном поле конференции представлена в рамках подиумных дискуссий по трем темам. Первая подиумная дискуссия по теме «Уголовный закон и обеспечение верховенства права в защите социально-экономических свобод человека, стабильности общества и национальной безопасности» посвящена вопросам социальной функции уголовного закона в условиях глобализации общественных процессов, криминологической обоснованности и социальной обусловленности уголовно-

правового запрета, криминологической экспертизы как инновационному направлению модернизации превентивной деятельности, правовой природы уголовного проступка, уголовно-правовым средствам обеспечения защиты прав человека, проблемным вопросам уголовной ответственности и квалификации соответствующих преступлений.

Тема «Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения верховенства права при осуществлении функции уголовного преследования и правосудия по уголовным делам» образует предмет второй подиумной дискуссии. Ключевой по этой теме является проблематика функций прокурора в уголовном процессе. Кроме того, на обсуждение поставлены вопросы уголовного преследования, проблемы формирования института электронного уголовного производства, достаточности доказательств для привлечения в качестве обвиняемого, проблемные вопросы производства экспертиз в уголовном процессе и др.

Пределы третьей дискуссии по теме «Расширение правоохранительной составляющей в деятельности органов прокуратуры – важнейшее направление повышения социальной и функциональной значимости и эффективности прокурорского надзора в обеспечении стабильности общества и национальной безопасности» определены вопросами правового регулирования проведения проверок при осуществлении контрольной (надзорной) и уголовно-процессуальной деятельности, повышения роли прокуратуры в обеспечении законности на стадии досудебного производства, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, мониторинга соблюдения законодательства как способа реализации правоохранительной функции прокуратуры, оптимизации организационной структуры органов прокуратуры.

В решении задач по реализации правоохранительной функции полезен законодательный и научный опыт зарубежных государств. В работе конференции приняли участие прокурорские работники и видные ученые из Латвии, Литвы, России, Сербии, Украины, Узбекистана.

Надеемся, что размещенные на страницах предлагаемого сборника материалов конференции суждения ученых-правоведов, прокурорских работников и представителей иных правоохранительных органов и правозащитных организаций будут интересны и полезны для научной и практической деятельности.

*От имени оргкомитета конференции
главный редактор сборника **В.В. Марчук**,
директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»*

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВОБОД ЧЕЛОВЕКА, СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Абрамович О.А.

С распадом Советского Союза, переходом государств к рыночной экономике и провозглашением равенства всех форм собственности роль юридических лиц многократно возросла [1, с. 4].

В настоящее время юридические лица могут быть субъектами административной и гражданско-правовой ответственности. В свою очередь, в уголовном праве принято считать, что субъектом преступления может быть лишь физическое вменяемое лицо, достигшее определенного законом возраста [2, с. 3]. Так, согласно ст. 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь уголовной ответственности подлежит только лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом [3].

Вместе с тем в рамках формирования Европейского права принят комплекс нормативных правовых актов, обязывающих государства-участников закрепить в своем национальном уголовном законодательстве нормы об ответственности юридических лиц.

Так, на основании ст. 2 Конвенции о защите финансовых интересов Европейских Сообществ от 26 июля 1995 г. «государства ЕС обязаны предусмотреть ответственность за подкуп иностранного государственного служащего...» и «...установили эффективное уголовное наказание, сравнимое с применяемым ко взяточничеству собственных служащих». Согласно Рамочному решению Совета ЕС о борьбе с коррупцией в частном секторе от 22 июня 2003 г. каждое государство-член принимает необходимые меры с целью обеспечить, чтобы юридические лица могли привлекаться к ответственности за преступления, когда эти преступления были совершены в их пользу любым физическим лицом, которое, действуя индивидуально или в качестве члена органа юридического лица, осуществляет внутри последнего руководящие полномочия, исходя из следующих оснований: а) способностью выступать представителем юридического лица; б) наличие права принимать решения от имени юридического лица; в) наличие права осуществлять внутренний контроль. При этом ответственность организации не исключает уголовного преследования физических лиц – исполнителей, подстрекателей или пособников указанных действий [4, с. 50].

Кроме того, следует отметить, что институт уголовной ответственности юридических лиц существует в законодательстве Австралии, Бельгии, Венгрии (с 2001 г.), Дании, Израиля, Ирландии, Исландии (с 1998 г.), Нидерландов (с 1976 г.), Норвегии (с 1991 г.), Польши (с 2002 г.), Румынии (с 2004 г.), Словении (с 1999 г.), США, Финляндии (с 1995 г.), Франции (с 1992 г.), Швейцарии (с 2003 г.), Шотландии, Ирландии, Люксембурга [5, с. 73].

Согласно ст. 5 Уголовного кодекса Бельгии юридические лица, как отечественные, так и иностранные, отвечают за корыстные преступления

(коррупция, злоупотребление служебным положением, «отмывание денег»), при этом официально задекларирована цель обеспечения привлечения к ответственности членов коллегиальных органов организаций как за преднамеренные действия, так и за халатность. В данном случае ответственность юридического лица рассматривается как основание ответственности физических лиц, являющихся его менеджерами. В силу ст. 7 bis Уголовного кодекса Бельгии к юридическим лицам могут применяться следующие виды наказания: штраф, конфискация имущества, ликвидация компании, запрет на занятие определенной деятельностью. Ст. 41 Уголовного кодекса Бельгии предусматривает правила преобразования тюремного заключения для физических лиц в эквивалентные штрафы для юридических лиц [4, с. 51].

Согласно ст. 2 Закона Венгрии «О мерах, применяемых к юридическим лицам в рамках уголовного права» уголовная ответственность юридических лиц возможна при любом нарушении Уголовного кодекса, а также когда преступление было направлено на юридическое лицо, получающее от этого финансовую выгоду. К уголовной ответственности могут быть привлечены не все юридические лица; установлены исключения для Венгрии, иностранных государств, органов государственной власти, Управления омбудсмана, международных организаций, муниципальных органов [4, с. 52].

Статья 25 Уголовного кодекса Дании предусматривает ответственность юридических лиц за любое преступление, предусмотренное Уголовным кодексом, в виде штрафа, размер которого законодательно не установлен и определяется судом исходя из требований разумности. Основанием таковой является поведение физического лица, связанного с юридическим лицом. При этом процессы привлечения к ответственности физического лица и юридического лица могут осуществляться параллельно.

В соответствии с Уголовным кодексом Франции юридические лица могут быть субъектами таких преступлений как мошенничество (ст.313-1); злоупотребление доверием (ст. 314-1); приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем (ст.321-1) и др. [6, с. 4].

Минин Р. В. в своем диссертационном исследовании определяет следующие особенности уголовной ответственности юридических лиц в странах романо-германской правовой системы: к уголовной ответственности можно привлечь не только частноправовые организации, но и публичные корпоративные объединения, такие как муниципалитеты; вина юридических лиц, совершивших преступление, определяется через совокупную вину физических лиц, представляющих интересы данной корпорации; в разных странах, входящих в романо-германскую правовую семью, по-разному определяется круг преступлений, в которых юридическое лицо признается субъектом; применяемые к организациям наказания в основном носят имущественный характер [1, с. 10].

Нормы об уголовной ответственности юридических лиц получили свое закрепление и в англо-саксонском праве. Согласно английскому праву аналогично физическим лицам к уголовной ответственности могут быть привлечены корпорации, такие как инкорпорированные компании, публичные корпорации или органы самоуправления. В английском уголовном праве никаких конкретных указаний относительно наказуемости преступного поведения корпораций не содержится. Из этого можно сделать вывод о том, что система наказаний, применяемых к физическим лицам, может быть применена и к юридическим лицам

за некоторыми исключениями. В частности, корпорация не может быть привлечена к уголовной ответственности за деяние, влекущее за собой личное наказание [7, с. 91–93].

По мнению Минина Р. В., уголовная ответственность юридических лиц в странах англо-саксонской правовой системы обладает следующими особенностями: субъектом преступления и уголовной ответственности могут быть не только организации с правами юридического лица (корпорации), но и без таковых (неинкорпорированные объединения); вина корпорации презюмируется; корпорация несет уголовную ответственность за преступления, совершенные руководителями или агентами (иными служащими) в интересах и с согласия юридического лица; организация может совершить любое общественно опасное деяние вплоть до убийства и половых преступлений; корпорации могут быть подвергнуты только имущественным наказаниям в виде штрафа и конфискации [1, с. 9].

В постсоветских странах данный вид ответственности предусмотрен в уголовных кодексах Молдовы и Литвы. Не принимают уголовной ответственности юридических лиц большинство стран восточной Европы, страны бывшего соцлагеря. В некоторых других государствах (в частности в Германии и Швеции) установлена так называемая «квазиуголовная» ответственность юридических лиц [5, с. 73].

О целесообразности закрепления уголовной ответственности юридических лиц высказывается также ряд российских ученых. Так, в частности, по мнению Кондратова А.М., Медведева С.С., по уголовному законодательству Российской Федерации юридические лица могут быть субъектами следующих преступлений в сфере экономической деятельности:

- легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем;
- приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем;
- незаконное получение кредита;
- злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности;
- монополистические действия и ограничение конкуренции;
- незаконное использование товарного знака;
- злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии);
- незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники;
- уклонение от уплаты налогов с организаций;
- неправомерный доступ к компьютерной информации;
- создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ;
- нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.
- нарушение авторских и смежных прав, то есть незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно присвоение авторства, если эти деяния причинили крупный ущерб;
- нарушение изобретательских и патентных прав, то есть незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной

модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству, если эти деяния причинили крупный ущерб и т.д. [6, с. 2–13].

Опыт применения уголовной ответственности в отношении юридических лиц в зарубежных странах, безусловно, является полезным для отечественной правовой науки. Практика применения уголовной ответственности юридических лиц во многих развитых странах дает возможность утверждать, что уголовная ответственность юридических лиц не только возможна, но иногда даже необходима, особенно в связи со стремительным развитием экономики, что подразумевает сосредоточение все больших капиталов в руках негосударственных образований. Представляется, что надлежащая регламентация названного института способна существенно упорядочить деятельность юридических лиц и значительно повысить реальную защищенность их прав и законных интересов.

Список цитированных источников

1. Минин, Р. В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р. В. Минин. – Тюмень, 2008. – 193 с.
2. Антонова, Е. Ю. Юридическое лицо как субъект преступления (Опыт зарубежных стран и перспективы применения в России) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. Ю. Антонова. – Владивосток, 1998. – 153 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. № 53-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Арямов, А. А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / А. А. Арямов // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2011. – № 2. – С. 49–57.
5. Богдановская, В. А. Анализ правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах / В. А. Богдановская // Вест. Казанского юрид. ин-та МВД России. – 2010. – № 2. – С. 73–80.
6. Кондратов, М. А., Медведев, С. С. преступления, совершаемые юридическими лицами в зарубежных странах и виды наказаний, применяемые к ним (систематизированный обзор зарубежной практики) / М. А. Кондратов, С. С. Медведев // Научный журнал КУБГАУ. – 2015. – № 108(04). – С. 2–13.
7. Минин, Р. В. Уголовная ответственность юридических лиц в Англии / Р. В. Минин // Бизнес в законе. – 2006. – № 3-4. – С. 91–93.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Афонченко Т.П.

Традиционно ресоциализация осужденных осуществляется после их освобождения от отбывания наказания (и в первую очередь из мест лишения свободы) и рассматривается как часть уголовно-исполнительной политики государства, направленной на оказание помощи лицам, претерпевшим состояние изоляции или эмоциональной отчужденности от общества и в связи с последним

нуждающимся в психологической, материальной, организационной и другой поддержке после отбытия наказания. В настоящее время все настойчивее констатируется актуальность экономии средств уголовно-правового воздействия и на основе расширения проявления гуманизма в уголовно-правовой сфере совершенствования норм, поощряющих позитивное посткриминальное поведение личности как залог его успешной социальной реабилитации [1, с. 259; 2, с. 5-15]. В качестве одного из определяющих факторов эффективной ресоциализации вполне закономерно полагают возможность самореализации в трудовой деятельности, а отсутствие профессиональных навыков, и, как следствие, работы, безусловно, выступает дестабилизирующим социальным фактором для осужденного. Более 75% лиц, отбывающих лишение свободы, пребывают в физически активном (трудоспособном) возрасте, и их инклюзивность в трудовую деятельность должна стать важнейшим элементом мероприятий по их социальной адаптации и предупреждению рецидива. На важность привлечения различных категорий населения к общественно полезному труду и востребованность подобной меры в различных зарубежных государствах обращает внимание Г.А. Василевич [3, с. 86]. Миняева Т.Ф. указывает, что «критерии ресоциализации осужденного поддаются реальной оценке в процессе его трудовой занятости, откладывающей отпечаток и на общение в разной среде социума..., при должной организации труда человек развивает свои физические и профессиональные способности, формирует, закрепляет и развивает основные нравственные качества» [4, с. 531]. В качестве важнейшего элемента ресоциализации справедливо рассматривает работу для осужденных С.А. Хохрин [5, с. 69]. Опираясь на мнение Д.А. Шестакова, полагающего, что «... если лишение свободы не будет связано с привлечением к общественно полезному труду и проведением воспитательной работы, то оно останется лишь карой за совершенное преступление» [6, с. 707], позволим себе констатировать, что если реализация уголовной ответственности в постпенальный период не будет сопровождаться комплексом исправительных и ресоциализационных мероприятий, в том числе связанных с вовлечением в трудовую деятельность, то и формы постпенального воздействия – профилактическое наблюдение и превентивный надзор – останутся в статусе режимно-ограничительных мер, призванных осуществлять лишь механическую фиксацию осужденных, освобожденных от отбывания наказания.

Очевидно, что обеспечить полную и стабильную занятость как в течение отбывания наказания, так и после освобождения, весьма непросто ввиду ряда объективных и субъективных факторов. В связи с трансформацией существующей структуры и форм трудового использования осужденных актуализируется привлечение инвестиционного капитала в уголовно-правовую и уголовно-исполнительную сферы [7, с. 183]. В литературе все чаще констатируется актуальность вовлечения частной деловой инициативы в сферы уголовно-правовой и уголовно-исполнительной деятельности. Предложения по реформированию данной отрасли варьируются: от формирования мобильных исправительных учреждений, а также исправительных центров, способных дислоцироваться на наиболее востребованных производствах, до создания негосударственных исправительных учреждений на основе так называемого делегированного управления с использованием опыта Австралии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Германии, Нидерландов, США, Франции, ЮАР [4, с. 532; 8, с. 557; 9, с. 25-28]. На основе использования частного капитала возможна также реализация

проектов по созданию широкопрофильных реабилитационных центров для лиц, освободившихся от наказания [10, с. 25]. Справедливо отметить, что сближение уголовно-правового воздействия с экономической составляющей (так называемая фискальная функция уголовного права) подвергаются критике [11, с. 73; 12, с. 243]. Белик В.Н., в частности, отмечает, что «... государственно-частное партнерство в указанной сфере, при возможном эффективном решении экономических задач, в случае недооценки мер государственного и общественного контроля, может превратиться в грубое нарушение прав и свобод лиц, находящихся в местах отбывания наказаний» [13, с. 204]. Очевидно, что необходима экспериментальная проверка функционирования различных моделей государственно-частного сотрудничества в рассматриваемой сфере [14, с. 17]. Однако, представляется, что совместные государственно-частные проекты по вовлечению осужденных в активную трудовую и иную социально значимую деятельность как на стадии исполнения наказания, так и после освобождения, будут весьма востребованы. Например, в июле 2016 г. в Республике Беларусь создано сельскохозяйственное предприятие «Хутор-Агро» (путем реорганизации Светлогорского агропромышленного управления ПО «Белоруснефть»), которое в 2017 г. перешло в подчинение ДИН, и в настоящее время ставятся амбициозные цели создать в хозяйстве «идеальные условия для работы и жизни» осужденных, освобожденных от наказания, для их социальной реабилитации [21], однако пока это, фактически, единственное экспериментальное предприятие, и назвать его в полной мере государственно-частным проектом мы, пожалуй, не можем.

Закон Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» от 30 декабря 2015 г. № 345-З в числе задач, перечисленных в ст. 2, помимо прочих, называет создание условий для обеспечения устойчивого социально-экономического развития и национальной безопасности Республики Беларусь и эффективное использование бюджетных средств. Правоохранительная деятельность, согласно ст. 5 названного Закона, является одной из сфер осуществления государственно-частного партнерства. Представляется, что под правоохранительную деятельность в широком ее понимании также подпадает ресоциализационная составляющая реализации уголовной ответственности на любом ее этапе, в том числе завершающем, то есть и после освобождения от отбывания наказания в течение неснятой (непогашенной) судимости.

В качестве системообразующих факторов, способствующих проникновению частных аспектов в систему социальной реабилитации осужденного, выступают развитие негосударственных форм контроля уголовно-исполнительной деятельности, имплементация международно-правовых стандартов обращения с осужденными к различным видам наказаний, в том числе не связанным с изоляцией от общества, понимание необходимости и своевременности более тесного взаимодействия уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества.

В качестве вывода отметим следующее. Инновационная модель уголовно-правового противодействия преступности предполагает смещение акцентов, а, следовательно, и источников финансирования, с организации исполнения режимно-ограничительных и иных свойств наказания исключительно за счет средств государственного бюджета на сферу социальной помощи в различных ее формах: образование, трудовая занятость, психологическое сопровождение, вовлечение в разнообразную социально значимую деятельность. Существенную

роль в данном процессе, на наш взгляд, может сыграть успешное взаимодействие государственных структур и субъектов предпринимательства. Поэтапное привлечение в сферу ресоциализации негосударственных финансовых средств представляется возможным начинать, например, со сферы оказания психологической помощи, а прохождение соответствующего курса психологического сопровождения сделать обязательным элементом индивидуальной исправительной программы осужденного, нацеленного на правоупотребительное поведение. Подобную практику можно распространить также на получение востребованной на рынке труда специальности либо дополнительного образования. Инвестиционные вложения представляются также перспективными в сфере IT-технологий: при внедрении механизма социального контроля с использованием техники электронного слежения и мониторинга, в том числе в отношении лиц, находящихся в режиме постпенального контроля (профилактического наблюдения и превентивного надзора). При этом обеспечение режимно-ограничительных аспектов пенального и постпенального контроля, безусловно, целесообразно сохранить за государственным сегментом.

Список цитированных источников

1. Хатеневич, Т. Г. Тенденции современного правовопонимания на примере экономики средств уголовно-правового воздействия и проявления гуманизма в уголовно-правовой сфере / Т. Г. Хатеневич // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Э. А. Саркисова [и др.]; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск: Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э.А. Саркисовой. – С. 259-279.
2. Звечаровский, И. Э. Уголовно-правовые нормы, поощряющие посткриминальное поведение личности / И. Э. Звечаровский. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – 160 с.
3. Василевич, Г. А. Труд добровольный и труд принудительный / Г. А. Василевич // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 2. – С. 21-24.
4. Миняева, Т. Ф. Труд осужденных в системе обеспечения национальной безопасности / Т. Ф. Миняева // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, проф. В. С. Комиссарова, г. Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 530-533.
5. Хохрин, С. А. Трудовая занятость осужденных как основа предупреждения преступлений, совершаемых в пенитенциарных учреждениях / С. А. Хохрин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 1 (36). – С. 69-71.
6. Частная криминология: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ Д. А. Шестаков. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 771 с.
7. Тимофеева, Е. А. Частные тюрьмы Французской республики: история становления и история функционирования / Е. А. Тимофеева, В. О. Белоносов // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 4 (45). – С. 183-188.
8. Скиба, А. П. Государственно-частное партнерство в сфере лишения свободы: проблемные вопросы и некоторые направления развития / А. П. Скиба, В. Н. Белик // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: матер. XI Российского Конгресса уголовного права, посвящен. памяти доктора юридических наук, проф. В. С. Комиссарова, г. Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 556-559.

9. Шамсунов, С. Х. Частные тюрьмы в мире: нужны ли они современной России? / С. Х. Шамсунов // Уголов.-исполн. система: право, экономика, упр. – 2016. – № 3. – С. 25-28.
10. Бебенин, А. В. Публично-частное партнерство в системе исполнения наказаний: зарубежный опыт и российская пенитенциарная практика / А. В. Бебенин // Человек: преступление и наказание. – Том 25. – № 4. – С. 21-25.
11. Кострова, М. Б. Уголовно-правовые механизмы компенсационного характера как один из трендов «экономико ориентированной» уголовной политики России / М. Б. Кострова // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 73-79.
12. Скрипченко, Н. Ю. Преодоление экономического кризиса уголовно-правовыми средствами / Н. Ю. Скрипченко // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, проф. В. С. Комиссарова, г. Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 240-243.
13. Белик, В. Н. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: отдельные аспекты исполнения уголовных наказаний / В. Н. Белик // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 423. – С. 202-206.
14. Лузгин, С. А. Зарубежный опыт функционирования частных исправительных учреждений / С. А. Лузгин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 10. – С. 13-17.
15. Министр внутренних дел Игорь Шуневич снова посетил «Хутор-Агро» / Официальный Интернет-портал радио «Ранак» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ranak.by/novost-dnya/item/5936-ministr-mvd-igor-shunevich-snova-posetil-khutor-agro.html>. – Дата доступа: 10.08.2018.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, РАСКРЫВАЕМЫХ С ПОМОЩЬЮ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Бабий Н.А.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативный эксперимент представляет собой вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определённого события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности (ст. 34).

По своему содержанию поведение вовлекаемого в оперативный эксперимент лица является продолжением уже начатой и ставшей известной правоохранительному органу преступной деятельности. Такое продолжение преступной деятельности для самого виновного может осуществляться в рамках одной и той же стадии совершения преступления либо перетекать из одной стадии в другую, когда приготовление переходит в стадию исполнения или стадия исполнения завершается.

Как известно, стадия совершения преступления оказывает существенное влияние на квалификацию и величину ответственности. По Уголовному кодексу

Республики Беларусь (далее – УК) приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, уголовную ответственность не влечёт (ч. 2 ст. 13 УК), по Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ) не влечёт ответственность совершение преступления небольшой тяжести или средней тяжести, поскольку согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Пресечение преступления на более ранней стадии означает, что совершено менее опасное преступление, а следовательно, и наказание виновному должно быть менее строгим. Как того требует ст. 67 УК, при назначении наказания за неоконченное преступление учитываются характер и степень общественной опасности действий, совершённых виновным, степень осуществления преступного намерения и обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца.

Изложенное вызывает вопрос о том, должны ли вменяться в вину вовлечённому в оперативный эксперимент лицу действия, совершённые под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. С одной стороны, действия контролируемого лица являются продолжением совершения умышленного преступления, что побуждает квалифицировать такие действия в соответствии с фактической стадией совершения данным лицом преступления. С другой стороны, совершение преступления под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, не есть собственно преступление, поскольку изначально исключается возможность реализации общественно опасного результата поведения виновного (имеет место нечто наподобие псевдопреступления).

Представляется, что содеянное контролируемым лицом должно квалифицироваться как преступление в той его стадии, которой преступная деятельность достигла до начала осуществления оперативного эксперимента. Фактически совершаемые под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, действия изобличаемого лица не должны оказывать влияния на квалификацию преступления, однако должны учитываться как обстоятельство, отражающее степень решимости лица довести преступление до конца, что должно быть учтено при назначении наказания.

Объясняется такой подход, в первую очередь, тем, что добываемые в ходе проведения оперативного эксперимента доказательства должны подтвердить совершённое или совершаемое до проведения эксперимента преступление, которое и должно вменяться в вину подозреваемому лицу.

Так, если правоохранительному органу известно, что лицо сбывает наркотические средства, и к нему направляют агента для приобретения наркотических средств, то содеянное указанным лицом должно квалифицироваться как хранение с целью сбыта, поскольку именно это преступление раскрыто правоохранительным органом. И именно для доказывания этого преступления собирается доказательственная база. То обстоятельство, что фактически совершён сбыт наркотических средств агенту правоохранительного органа не должно служить доказательством совершения сбыта, поскольку такое преступление допущено правоохранительным органом с целью доказать наличие на хранении у лица соответствующих средств и цели их сбыта. К ответственности за сбыт наркотических средств следует привлекать лицо в том случае, если в результате оперативной работы собраны доказательства о факте или фактах сбыта

наркотических средств вне их приобретения агентом по инициативе правоохранительного органа.

В процессе сбыта наркотических средств в ходе оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Законом об оперативно-розыскной деятельности, нет совершения преступления как такового, поскольку нет незаконного приобретателя. Субъект лишь полагает, что совершает преступление, но в действительности ему всего лишь позволено деятельно продемонстрировать свои намерения. Такие действия субъекта по своему содержанию являются для правоохранительного органа доказательством наличия у субъекта наркотических средств и (или) цели их сбыта, поскольку указанные намерения объективированы в конкретных действиях, подвластных контролю и фиксации.

Если правоохранительному органу стало известно о приготовлении конкретного лица к приобретению с целью сбыта наркотических средств, то передача такому лицу наркотических средств в рамках оперативного эксперимента не должна превращать содеянное изобличаемым лицом в покушение на незаконное приобретение с целью сбыта наркотических средств, содеянное виновным при данных обстоятельствах должно квалифицироваться как приготовление к незаконному приобретению наркотических средств с целью их последующего сбыта.

Аналогичным образом следует подходить и к оценке получения и дачи взятки под контролем правоохранительного органа.

Если правоохранительным органам стал известен факт требования дачи взятки, то это стадия приготовления к совершению преступления – стадия приготовления к получению взятки, следовательно, и доказываться должен факт совершённого приготовления к совершению преступления. Поэтому принятие должностным лицом взятки в ходе оперативного эксперимента должно квалифицироваться только как приготовление к получению взятки, но не как покушение на получение взятки и уж тем более не как оконченное получение взятки.

В общем плане с момента выявления преступления все последующие действия правоохранительных органов должны быть направлены на пресечение ставшего им известным совершаемого преступления. На изобличённую стадию должна быть направлена и деятельность по созданию доказательственной базы.

Не должна правоохранительная деятельность иметь своим результатом ухудшение положения лиц, совершающих преступления. А ведь именно такое ухудшение произойдёт, если вместо пресечения преступления на ранней стадии его совершения сотрудники правоохранительного органа будут «сопровождать» под своим контролем доведение преступления до конца с последующим арестом виновного.

Сколь ни было бы непривычным предложение подобной квалификации, есть надежда на её принятие Верховным Судом Республики Беларусь. Основанием для такой уверенности является отмена Президиумом Верховного Суда приговора суда Калинковичского района, который осудил С. за получение нескольких взяток. Как сказано в Обзоре судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь от 01.01.2008 [1, с. 66] основанием к отмене послужили следующие обстоятельства: «После выявления первого эпизода получения С. взятки были выполнены задачи, являющиеся основаниями для проведения оперативно-розыскной деятельности, и имелись основания для возбуждения уголовного дела.

Фактической целью оперативных экспериментов по второму и третьему эпизодам получения взятки было не пресечение преступления, выявление коррупционных связей взяткополучателя либо предметов преступления, а склонение С. к совершению более тяжкого по квалификации преступления, что противоречит вышеназванному Закону».

Список цитированных источников

1. О практике применения судами законодательства об ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями и за взяточничество (ст. ст. 424, 430-432 УК) (по материалам обзора судебной практики) // Судовы веснік. – 2008. – № 3. – С. 60-68.

НАЗАД В БУДУЩЕЕ: ОБ ИДЕЯХ ВОЗВРАТА К СТАРЫМ ИНСТИТУТАМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Барков А.В.

Время от времени на обсуждение научной общественности выносятся предложения вернуться к методам правового регулирования, имевшим место в советском уголовном праве и, в частности, в Уголовном кодексе БССР 1960 г. Ностальгические идеи пытаются обосновать простотой и экономической выгодностью принимаемых решений. При анализе таких инициатив обнаруживается, что все не так просто. Обратимся к одному из примеров.

Неоднократно предлагалось декриминализировать ст.ст. 415–419 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) с одновременным введением механизма замены назначенного наказания при уклонении виновного от его отбывания более строгим наказанием. Такая практика определялась, в частности, ст. 28 УК 1960 г. [1].

Рекомендовалось: 1) устранить уголовную ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы, исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штрафа и общественных работ, исключив из УК ст.ст. 415–419; 2) ввести вместо уголовной ответственности по перечисленным статьям, как средство государственного принуждения к исполнению назначенных судом указанных видов наказания, институт замены постановлением суда неотбытой части назначенного по приговору наказания, при уклонении от его отбывания, на более строгий вид наказания в рамках уголовно-исполнительной деятельности органов уголовно-исполнительной системы и судебных органов.

Обосновывая идею, утверждают, что необходимость соблюдения в ходе досудебного и судебного производств установленных правил, гарантий и процедур в полном объеме делает процесс ответственности за уклонение от отбывания наказания неоправданно громоздким, затяжным и не всегда эффективным.

Анализ подобных предложений порождает ряд вопросов и возражений.

Во-первых, какова природа уклонения от отбывания наказания? Что это: преступление или «некое правонарушение»? Если это преступление, то почему нужно исключать ст.ст. 415–419, если это «некое правонарушение», то почему за его совершение назначается наказание. Отрицание преступного характера

уклонения от отбывания наказания исказит правовую природу последующего усиления наказания: за проступок последует мера уголовной ответственности – наказание.

Замена наказания будет осуществляться механически путем перевода одного вида наказания в другой без соблюдения основных начал назначения наказания (ст. 62 УК) с игнорированием принципа индивидуализации ответственности. Это наивно признают авторы идеи, утверждая, что законодательно закрепленный механизм автоматической замены назначенного наказания, не исполненного по приговору суда, позволит снять имеющиеся проблемы.

Авторы идей утверждают, что гарантии соблюдения законности от такой реформы не пострадают, поскольку судебная процедура сохраняется. В действительности процедура ужесточения ответственности упростится за счет нарушения права осужденного на защиту:

- а) не будет предъявляться обвинение;
- б) не будет состязательного процесса;
- в) не будет приговора;
- г) не будет права на апелляционное обжалование.

Бремя установления обстоятельств уклонения перелagается с органов дознания (которое практически не осуществляется) на суд. Это возврат к советскому уголовному процессу.

Нарушается логика системы преступлений против правосудия, например, исключив уголовную ответственность за уклонение от отбывания наказания, предполагают сохранить уголовную ответственность за менее опасное деяние – уклонение от превентивного надзора (ст. 422 УК).

Действующий механизм ответственности предполагает назначение наказания по правилам о совокупности приговоров, что обеспечивает неотвратимость ответственности и превентивное воздействие на лицо, склонное к уклонению. Превентивный эффект предлагаемых замен сомнителен. Например, водитель-профессионал, осужденный к лишению права управлять транспортными средствами на три года, предпочтет ради восстановления профессионального статуса отбыть год исправительных работ или три месяца ареста и поэтому будет демонстративно уклоняться от отбытия первоначального наказания.

Аргументация предлагаемых изменений в УК противоречива, а в некоторых моментах ошибочна. Некорректно ссылаются на то, что институт замены назначенного наказания уже применяется в рамках действующего уголовного законодательства. В качестве примера называют правила ч. 3 ст. 50 УК, когда в случае невозможности взыскания штрафа при отсутствии признаков уклонения от его уплаты суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, заменяет штраф общественными работами в соответствии со ст. 49 УК. Названный институт предполагает смягчение наказания, а не его ужесточение.

Реализация предложения декриминализировать ст.ст. 415–419 УК не снимет проблемы массового уклонения осужденных от отбывания таких наказаний как ограничение свободы или исправительные работы. Будет лишь создана иллюзия благополучия за счет сокращения статистики преступности и судимости.

Еще в 2010 г. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [2] определила более действенные направления снижения уровня уклонений от названных наказаний. В п. 7 этого документа сказано: «Наказание в виде ограничения свободы является оптимальной

альтернативой лишению свободы только в отношении осужденных, обладающих устойчивой мотивацией на социальную адаптацию и реабилитацию.

Отсутствие надлежащих условий для обеспечения исполнения данного вида наказания и надлежащей системы контроля за осужденными, большинство из которых являются лицами с устойчивыми асоциальными установками, злоупотребляющими спиртными напитками, наркотическими средствами, иными одурманивающими веществами, привело к тому, что ежегодно к уголовной ответственности за уклонение от отбывания ограничения свободы привлекается каждый четвертый осужденный к этому виду наказания». В п. 8 отмечается, что «неэффективно и назначение исправительных работ лицам, не желающим трудиться». Судам в п. 15.2 рекомендовано «учитывать при назначении наказаний в виде ограничения свободы и исправительных работ мотивацию лиц, совершивших преступления, на социальную адаптацию и реабилитацию. При этом назначать исправительные работы, как правило, лицам, имеющим на день постановления приговора постоянное место работы или принявшим меры к трудоустройству».

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Кодекс Республики Беларусь от 29.12.1960 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

Бахур О.И., Примаченок А.А.

Здоровье человека, как биосоциальное благо, дарованное ему природой, в последующем сохраняемое им самим, охраняются обществом, государством как «высшая ценность». В ст. 45 Конституции Республики Беларусь указано, что гражданам Беларуси «гарантируется право на охрану здоровья». Причинение вреда здоровью человека сопровождается болью, физическими страданиями, вызывает нервно-физиологическое напряжение как в период причинения болезни, так и в последующем при приспособливании его к жизнедеятельности в изменившихся условиях в связи с ухудшением качества здоровья и ограничением в реализации физических, социальных и экономических возможностей.

В уголовном законе (ст. 2 УК) предусмотрена в качестве одной из задач охрана человека, имея в виду, прежде всего, его жизнь и здоровье, а также его права и свободы. Ответственность за преступления против здоровья человека в действующем УК Беларуси закреплена в двух главах и ряде статей, в которых здоровье человека предусмотрено в качестве второго или дополнительного объекта преступления либо квалифицирующего признака состава преступления. Так, в главе 19 «Преступления против жизни и здоровья» (ст.ст. 147 – 165 УК) и в главе 29 «Преступления против здоровья населения» (ст.ст. 322 – 338 УК)

непосредственным объектом преступного посягательства предусмотрено здоровье человека.

В целях реализации традиционных принципов уголовного права (законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма) ответственность за преступления против здоровья дифференцируются в основном в зависимости от формы вины (причинен вред здоровью умышленно или по неосторожности), степени тяжести причиненного вреда здоровью человека: легкое телесное повреждение, менее тяжкое и тяжкое (легкий, менее тяжкий или тяжкий вред здоровью – по УК РФ) и некоторых других признаков. При этом законодатель Беларуси при определении степени тяжести причиненного вреда здоровью человека использует в качестве своеобразного эталона понятие «телесное повреждение», хотя понятие телесное повреждение является видовым относительно вреда здоровью человека как родового понятия.

Уголовно-правовая оценка степени тяжести причиненного вреда здоровью человека путем отождествления его со степенью тяжести телесных повреждений исторически, а, следовательно, и традиционно присуща правовой системе восточно-славянской цивилизации. В первом систематизированном правовом источнике древней Руси «Русской правде» (ст. 2) предусматривалась ответственность за нанесение ранений и увечий [1, с. 117], что тождественно причинению телесных повреждений. В первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., действие которого было распространено на территории Беларуси (а с 1924 г. он стал называться Уголовным кодексом БССР), содержался подраздел «Телесные повреждения и насилия над личностью». В нем предусматривалась дифференцированная ответственность в зависимости от формы вины (умышленной и неосторожной), степени тяжести телесных повреждений (тяжкое, менее тяжкое и легкое телесное повреждение) и других обстоятельств [2, с. 118]. В последующие годы были приняты новые УК БССР: в 1928 г. и 1960 г., в которых сохранились указанная дифференциация ответственности и классификация телесных повреждений.

В действующем УК Беларуси по сравнению с предыдущими УК были расширены пределы охраны жизни и здоровья человека, уточнены понятия телесных повреждений. Классификация степени тяжести телесных повреждений в нем была сохранена. Следует отметить, что законодатель РФ в УК 1996 г. отказался от традиционного наименования преступлений против здоровья человека – телесные повреждения. В нем в главах «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» и др. используется следующая классификация: тяжкий вред здоровью, средней тяжести вред здоровью и легкий вред здоровью. В связи с социально-экономическими интеграционными процессами Беларуси и России представляется целесообразным унифицировать уголовное законодательство, в частности, регулирующее охрану здоровья человека и населения, восприняв классификацию, содержащуюся в УК РФ.

Однако проблема не только и не столько в наименовании рассматриваемых видов преступлений, а в том, что существующая трехвидовая классификация степени тяжести причиненного вреда здоровью человека (степени тяжести телесных повреждений) не соответствует присущей УК Беларуси четырехуровневой классификации преступлений (особо тяжкие, тяжкие, менее

тяжкие и не представляющие большой общественной опасности преступления) и, более того, не способствует реализации принципа справедливости. Так, согласно Инструкции о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденной постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 24 мая 2016 г., к тяжким телесным повреждениям относятся такие, которые повлекли стойкую утрату общей трудоспособности «не менее чем на одну треть», т.е. от 33% до 100%, к менее тяжким телесным повреждениям относятся такие, которые повлекли утрату общей трудоспособности «менее чем на одну треть», т.е. до 33% и к легким телесным повреждениям соответственно относятся такие, которые повлекли «незначительную стойкую утрату общей трудоспособности». Иными словами, количественный диапазон стойкой утраты общей трудоспособности в отношении тяжких телесных повреждений более чем в два раза увеличен (от 33% до 100%), по сравнению с менее тяжкими телесными повреждениями. В связи с этим следует отметить, что согласно следственно-судебной практике не находят отражение в квалификации и, естественно, ответственности, деяния, повлекшие причинение тяжких телесных повреждений, связанных с утратой общей трудоспособности, например, 34% и свыше 66%. Так, причинение вреда здоровью, связанного с утратой одной руки, обеих рук и, тем более, еще утраты одной или обеих ног не находят дифференциации в правоприменительной практике. Реализация принципа справедливости в отношении потерпевшего предполагает дифференциацию тяжких телесных повреждений на тяжкие и особо тяжкие телесные повреждения (вред здоровью), определив, что к особо тяжким телесным повреждениям относятся такие, которые повлекли утрату общей трудоспособности свыше двух третей. Отметим, что это будет соответствовать сложившейся экспертно-медицинской практике по установлению групп инвалидности (первая, вторая и третья группы инвалидности). При этом следует учитывать, что третья группа инвалидности устанавливается при утрате трудоспособности в результате причинения некоторых менее тяжких и некоторых тяжких телесных повреждений, пограничных с менее тяжкими. Вторая и первая группы инвалидности назначаются, как правило, при причинении тяжкого телесного повреждения, т.е. получается, что причинение вреда здоровью человека, явившегося основанием признания его инвалидом как первой, так и второй группы в уголовном праве при установлении ответственности не дифференцируется.

Естественно, реализация данного предложения повлечет внесение изменений и дополнений в УК и названную инструкцию. Так, целесообразно дополнить УК ст. 147-1 УК, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 147-1. Умышленное причинение особо тяжкого вреда здоровью.

Умышленное причинение особо тяжкого телесного повреждения или иного вреда здоровью, повлекшее стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на две трети, –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет».

В ч. 2 и 3 ст. 147-1 воспроизвести соответствующие диспозиции ст. 147, повысив санкцию ч. 2 до 14 лет. Статью 147 следует сохранить без изменений, Следует также дополнить наименование ст. 155 УК словами «особо тяжкого» и частью второй, указав: «причинение особо тяжкого вреда здоровью, –

наказывается ограничением свободы на срок от трех до пяти лет или лишением свободы на срок до трех лет».

Предложенные изменения и дополнения УК Республики Беларусь будут способствовать более дифференцированному регулированию ответственности за причинение вреда здоровью, а также расширению уголовно-правовой защиты здоровья человека.

Список цитированных источников

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 640 с.
2. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917 –1937 гг.) : учеб. пособие для юрид. ин-тов. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 272 с.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПРОТИВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Гашикова Т.В.

Одним из квалифицирующих признаков преступлений против экологической безопасности и природной среды, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), признается причинение ущерба в крупном или особо крупном размере.

Преступлениями против экологической безопасности и природной среды признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесенным к таковым законодательством об охране окружающей среды, независимо от форм собственности.

Под крупным размером ущерба в статьях данной главы признается размер ущерба на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным – в тысячу и более раз превышающую размер такой базовой величины, если иное не оговорено в статьях данной главы.

Следует отметить, что нормативные правовые акты, касающиеся возмещения вреда окружающей среде, с одной стороны, и УК – с другой стороны, оперируют различной терминологией. Законодательство об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов буквально не определяет вред как ущерб. И обратим внимание, что в литературе указывается на то, что вопрос о понимании сущности вреда, его отличия от ущерба и убытков является дискуссионным в юридической науке. УК (статьи 44, 62, 63, 66, 86, 88, 88-1 и др.) использует разные термины ("характер нанесенного вреда" и "размер причиненного ущерба"), что приводит к неоднозначному пониманию и применению данных терминов в практической деятельности [1].

Согласно ст. 99 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) привлечение лиц к ответственности за нарушение законодательства Республики Беларусь об охране

окружающей среды не освобождает их от возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и выполнения мероприятий по ее охране.

В соответствии со ст. 101 Закона об охране окружающей среды вред, причиненный окружающей среде, подлежит возмещению в полном объеме, если иное не установлено данной статьей, добровольно или по решению суда лицом, его причинившим.

Законодательством предусматривается особенность порядка исчисления размера причиненного вреда. Поскольку природные ресурсы не имеют стоимости, используется, в том числе, так называемый таксовый метод подсчета вреда.

Таксы, в соответствии с которыми определяется размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, определены Указом Президента Республики Беларусь от 24 июня 2008 г. № 348 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде» (далее Указ № 348).

В случае, если таксы не установлены Президентом Республики Беларусь, возмещение вреда, причиненного окружающей среде, осуществляется лицом, ответственным за его причинение, по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды (подпункт 1.4 пункта 1 Указа № 348).

В ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Исходя из этого, применительно к случаю, указанному в подпункте 1.4 пункта 1 Указа № 348, можно предположить, что вред складывается из ущерба и упущенной выгоды.

В связи с изложенным встает вопрос о возможности признания ущербом сумм, подлежащих уплате в качестве возмещения вреда, причиненного окружающей среде, в том числе рассчитанных на основании такс для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Согласно пункту 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды» для квалификации действий виновного по признакам причинения крупного или особо крупного размера ущерба в результате незаконной порубки деревьев и кустарников, незаконной добычи рыбы, водных животных или незаконной охоты следует исходить из специально утвержденных такс для возмещения причиненного ущерба, действующих на день совершения преступления. Для признания размера ущерба крупным или особо крупным необходимо, чтобы установленная такса соответствовала кратности базовых величин, указанной в примечаниях к ст.ст. 275, 276, 281 УК, или превышала ее независимо от индивидуального характера и особенностей предметов охоты, добычи рыбы или водных животных. То есть, можно сделать вывод о том, что размер ущерба принимается равным размеру вреда, определенному на основании такс.

Вместе с тем, в целях исключения двоякого толкования норм уголовного закона на практике, подлежит рассмотрению вопрос о возможности более четкого

соотнесения в законодательстве понятий вред, причиненный окружающей среде, и ущерб, терминологическом согласовании норм законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов и уголовного законодательства.

Список цитированных источников

1. Денисевич, А. В. О возмещении вреда (ущерба) в административном процессе [Электронный ресурс] / А.В. Денисевич // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ НА БАНКОВСКИХ СЧЕТАХ

Гладкий П.А.

Статьей 234-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) установлена ответственность за действия по распоряжению денежными средствами в крупном размере, находящимися на текущем (расчетном) банковском счете (счетах) юридического лица или индивидуального предпринимателя, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение лицом, не наделенным полномочиями по распоряжению денежными средствами в установленном законодательством порядке, при отсутствии признаков иного более тяжкого преступления.

Необходимость введения уголовной ответственности за незаконные действия по распоряжению денежными средствами на банковских счетах была вызвана многочисленными случаями распоряжения денежными счетами организации лицами, не имеющими соответствующих полномочий (например, с использованием современных возможностей управления банковскими счетами организации при посредстве ключей электронной цифровой подписи), в связи с чем возникла проблема пресечения таких действий, нередко связанных с причинением существенного ущерба бюджету, организациям, иным субъектам права [1].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 234-1 УК, выражается в совершении действий по распоряжению денежными средствами, находящимися на банковском счете субъекта хозяйствования, лицом, не наделенным полномочиями по распоряжению этими денежными средствами.

Уголовная ответственность за совершение вышеуказанных действий наступает в том случае, если размер находящихся на банковском счете субъекта хозяйствования денежных средств является крупным.

Согласно примечанию к ст. 234-1 УК крупным размером признается сумма перечисленных денежных средств, в 1000 и более раз превышающая размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Таким образом, действиями по распоряжению денежными средствами в крупном размере являются действия по перечислению с текущего (расчетного) банковского счета юридического лица или индивидуального предпринимателя денежных средств в сумме, в 1000 и более раз превышающей размер базовой величины, установленной на день такого перечисления.

Состав указанного преступления является формальным. Преступление считается оконченным с момента перечисления денежных средств с текущего (расчетного) банковского счета юридического лица или индивидуального предпринимателя на любой другой счет.

Частью первой подпункта 2.3 пункта 2 Декрета Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» (далее – Декрет № 1) установлен исчерпывающий перечень документов, представляемых юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями для открытия текущих (расчетных) банковских счетов в банк, небанковскую кредитно-финансовую организацию.

Частью четвертой подпункта 2.3 пункта 2 Декрета № 1 установлено, что банком, небанковской кредитно-финансовой организацией осуществляется свидетельствование подлинности подписей должностных лиц юридического лица, индивидуального предпринимателя, включаемых в карточку с образцами подписей, предусмотренную законодательством, для подтверждения полномочий на проведение расчетов с денежными средствами, находящимися на текущих (расчетных) банковских счетах юридических лиц, индивидуальных предпринимателей.

Порядок распоряжения денежными средствами, находящимися на текущем (расчетном) банковском счете, регулируется ст. 200 Банковского кодекса Республики Беларусь.

Владелец текущего (расчетного) банковского счета имеет право распоряжаться денежными средствами, находящимися на его счете, лично либо через уполномоченных им лиц.

Права владельца текущего (расчетного) банковского счета, а также уполномоченных им лиц подтверждаются представлением банку или небанковской кредитно-финансовой организации документов, определенных частью первой подпункта 2.3 пункта 2 Декрета № 1.

Для проведения банком, небанковской кредитно-финансовой организацией расчетов с денежными средствами, находящимися на текущем (расчетном) банковском счете юридического лица, индивидуального предпринимателя, оформляется карточка с образцами подписей. В карточку с образцами подписей включаются подписи должностных лиц юридического лица, индивидуального предпринимателя, имеющих право подписи документов для проведения расчетов. Подлинность подписей должностных лиц юридического лица, индивидуального предпринимателя, включаемых в карточку с образцами подписей, свидетельствуется в порядке, установленном частью четвертой подпункта 2.3 пункта 2 Декрета № 1.

При изменении сведений, подлежащих включению в карточку с образцами подписей, владелец счета обязан незамедлительно уведомить банк, небанковскую кредитно-финансовую организацию и в месячный срок со дня изменения указанных сведений оформить новую карточку с образцами подписей. В случае, если требующая замены карточка с образцами подписей в указанный срок не оформлена, банк или небанковская кредитно-финансовая организация отказывают в исполнении документов владельца счета по проведению расчетов до оформления новой карточки с образцами подписей.

При временном предоставлении права подписи документов для проведения расчетов, а также при временной замене одного из лиц, имеющих право подписи

документов для проведения расчетов, на срок не более двух месяцев новая карточка с образцами подписей может не оформляться. В таком случае владельцем счета представляется в банк или небанковскую кредитно-финансовую организацию носящая временный характер карточка с образцами подписей лиц, временно имеющих право подписи документов для проведения расчетов, подлинность которых свидетельствована владельцем счета.

В соответствии с договором текущего (расчетного) банковского счета распоряжение находящимися на нем денежными средствами юридического лица или индивидуального предпринимателя может осуществляться посредством расчетных документов или систем дистанционного банковского обслуживания, в том числе путем использования электронных документов.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 234-1 УК, является лицо, не наделенное полномочиями по распоряжению денежными средствами, находящимися на текущем (расчетном) банковском счете юридического лица или индивидуального предпринимателя, и на которое наложено административное взыскание по ст. 11.81 КоАП Республики Беларусь.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 234-1 УК, характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла: лицо сознает противоправность совершаемых действий, известной ему ввиду уведомления такого лица о наложении на него административного взыскания за такое же нарушение, и желает совершить указанные действия.

Список цитированных источников

1. Лукашов, А. И. Об уголовной ответственности фактических (теневых) руководителей организаций [Электронный ресурс] / А. И. Лукашов, Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

РОЛЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ЭРУ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Грудите Э., Шибковас О.

Широкое распространение искусственного интеллекта «изменило отношение к разуму, который долгое время был особенностью, принадлежащей исключительно человеческим умам» [1, с. 376]. В разделе об ответственности доклада Европейского парламента Комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике одним из возможных решений является предложение придать «особый юридический статус для роботов в долгосрочной перспективе, с тем, чтобы, по крайней мере, самые сложные автономные роботы могли бы быть определены как имеющие статус электронных лиц, ответственных за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, и, возможно, применимость электронной личности к случаям, когда роботы принимают самостоятельные решения или иным образом независимо взаимодействуют с третьими лицами» [2].

Специалисты по робототехнике и искусственному интеллекту (далее – ИИ), заявляющие о необходимости установления европейского правового регулирования в области робототехники и ИИ, высказывают критическое мнение

относительно создания электронной личности (далее – ЭЛ), используя следующие аргументы:

- ЭЛ не может рассматриваться как физическое лицо, поскольку это противоречит конвенциям о правах человека;
- статус ЭЛ не аналогичен юридическому лицу, поскольку последнее основано на модели человека, стоящего за юридическим лицом [3].

Развитие ИИ будет оказывать влияние также на существующее уголовное право, поскольку оно изменит понимание причинности, авторства преступлений и вопросов ответственности [4, с. 142], т.к. главная особенность ИИ – его способность накапливать опыт, от него же обучаясь, способность действовать самостоятельно и принимать личные решения [5, с. 387].

Основная проблема с точки зрения уголовного права заключается в следующем: подходит ли традиционная концепция уголовного права для защиты общества от растущих технологических угроз и была бы гражданская ответственность более приемлемым решением в таких случаях, если в этом есть потребность? Учитывая тот факт, что «чем больше роботы являются автономными, тем меньше их можно считать простыми инструментами в руках других деятелей (таких как производитель, оператор, владелец, пользователь и т.д.)» [6, с. 3], и поскольку новое поколение роботов будет иметь «определенную степень непредсказуемости, т.к. эти роботы будут автономно учиться на собственном разнообразном опыте и взаимодействовать с окружающей средой уникальным и непредсказуемым образом» [6, с. 3], то вопросы юридической ответственности должны оцениваться в новом свете.

Принимая во внимание степень и сложность вопроса, авторами будет оценено, может ли концепция уголовной ответственности юридического лица в уголовном праве в какой-то мере использоваться для установления ответственности искусственного интеллекта: будут предоставлены аргументы за и против.

Список цитированных источников

1. Čerka, P. Liability for damages caused by artificial intelligence / P.Čerka, J.Grigenė, G.Sirbikytė // The international journal of technology law and practice. – 2015. – Vol. 31. – P. 376.
2. European Parliament. Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2013 (INL), AB-0005/2017, 59 (f).
3. Open letter to the European Commission [Electronic resource]. - Mode of access: // <http://www.robotics-openletter.eu/>. - Date of access: 03.09.2018.
4. Beck, S. Intelligent agents and criminal law- Negligence, diffusion of liability and electronic personhood / S. Beck // Robotics and autonomous systems. - 86 (2016). - P. 142.
5. Čerka, P. Liability for damages caused by artificial intelligence / P.Čerka, J.Grigenė, G.Sirbikytė // The international journal of technology law and practice. – 2015. – Vol. 31. – P. 387.
6. Motion for a European Resolution with recommendations to the Commission on Civil Rules on Robotics. – 2015/2013 (INL) . – P.3.

ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Давидовская В.А.

В уголовной политике государства одна из ключевых ролей отводится уголовному наказанию. Наказание выступает основным средством в борьбе с преступностью, представляющей угрозу национальной безопасности и социально-экономическому развитию государства. При помощи наказания защищаются свободы человека, а также поддерживается стабильность в обществе и обеспечивается правопорядок. В рамках данной публикации продолжается исследование [1], посвященное поиску оптимальной модели законодательного установления наказания и его видов с учетом опыта зарубежных государств. В этом исследовании рассмотрено уголовное законодательство некоторых государств – участников СНГ: Украины [2], Российской Федерации (далее – РФ) [3], Кыргызстана [2], Туркменистана [2], а также бывших стран СНГ (Грузия) [4]). Аспектами исследования, представляющими научный интерес, являются система и виды наказаний.

В системе наказаний наиболее ярко проявляется характер и направленность уголовной политики государства, которая, в свою очередь, зависит от социально-экономического и политического устройства государства, состояния преступности, уровня общественного правосознания и т.д. [5, с. 16].

Исследование системы наказаний (или видов наказаний) в обозначенных странах позволило установить некоторые особенности. Во-первых, в уголовном законодательстве рассматриваемых государств, как и в Республике Беларусь, закреплён перечень наказаний, предусмотренных за совершение преступления.

Во-вторых, в отдельных уголовных законах можно встретить нормы в отношении различных объектов уголовно-правового воздействия: физическое лицо и юридическое лицо. Так, в 2006 г. в Грузии была введена уголовная ответственность юридического лица. В связи с этим в уголовном законе появился раздел шестой¹ «Уголовная ответственность юридического лица», в котором зафиксированы положения, касающиеся оснований уголовной ответственности юридического лица, перечня видов наказаний и порядка их назначения. Согласно ст. 107³ «видами наказаний, назначаемых юридическим лицам, являются: ликвидация; лишение права заниматься деятельностью; штраф; лишение имущества. Ликвидация и лишение права заниматься деятельностью может быть назначено только в качестве основного наказания. Штраф может быть назначен как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания. Лишение имущества может быть назначено только в качестве дополнительного наказания».

В соответствии с УК Украины в отношении юридических лиц применяются меры уголовно-правового характера. Данные меры были включены в уголовный закон в связи с принятием Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины касательно ответственности юридических лиц» от 23.05.2013 № 314-VII. Согласно данному закону в УК был включен новый раздел «XIV-1. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», регламентирующий основания как для применения, так и для освобождения юридического лица от мер уголовно-

правового характера, перечень юридических лиц, к которым могут применяться данные меры, перечень видов мер, положения о порядке и условиях применения отдельных видов мер, а также общие правила применения. В соответствии со ст. 96-6 УК «к юридическим лицам судом могут быть применены следующие меры уголовно-правового характера: штраф; конфискация имущества; ликвидация. К юридическим лицам штраф и ликвидация могут применяться только как основные меры уголовно-правового характера, а конфискация имущества – только в качестве дополнительного».

Для уголовного закона Кыргызстана характерно наличие отдельной главы (глава 20), посвященной принудительным мерам уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц. Данная глава регламентирует основания применения к юридическому лицу мер уголовно-правового воздействия, перечень видов принудительных мер, положения о порядке и условиях применения отдельных видов принудительных мер, а также сроки давности. Согласно ст. 124 УК Кыргызстана к юридическому лицу могут применяться такие виды принудительных мер уголовно-правового воздействия как: штраф; ограничение прав; ликвидация юридического лица. Штраф и ограничение прав, а также штраф и ликвидация юридического лица могут применяться одновременно. Конфискация имущества юридического лица может применяться как дополнительная мера уголовно-правового воздействия.

Согласно уголовному закону Республики Беларусь юридическое лицо не является объектом уголовно-правового воздействия.

В-третьих, для уголовного законодательства обозначенных государств, в том числе и Республики Беларусь, характерно деление наказаний на основные и дополнительные виды. В таких странах, как РФ (ст. 45 УК), Туркменистан (ст. 45 УК), Грузия (ст. 41 УК), Украина (ст. 52 УК), содержатся отдельные правовые нормы, регулирующие подсистемы основных и дополнительных наказаний. В основном данные нормы отражают вопрос, связанный с перечнем видов наказаний, которые могут применяться только в качестве основных, только в качестве дополнительных, а также в качестве как основных, так и дополнительных наказаний («смешанные» виды наказаний). В УК Республики Беларусь и УК Кыргызстана таких норм не предусмотрено, а нормативные положения в отношении основных и дополнительных видов наказания содержатся в общих статьях о видах наказаний.

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие виды наказаний, представляют собой исчерпывающий перечень наказаний, не подлежащий расширительному толкованию. Самое большое количество наказаний предусмотрено в УК РФ – 13, в УК Украины содержится 12 наказаний (ст. 51), в УК Туркменистана – 11 (ст. 44), в УК Грузии – 10 (ст. 40), в УК Республики Беларусь – 10 (ст. 48), а в УК Кыргызстана – 9 наказаний (ст. 64). Каждый вид наказания регламентирован в отдельных статьях.

Наказания располагаются соответственно степени их тяжести «от менее строгого – к более строгому». Некоторое исключение представляет уголовный закон Грузии, в котором предусмотрен такой вид наказания как изъятие имущества, расположенный в конце перечня видов наказаний, т.е. после бессрочного лишения свободы (ч. 1 ст. 40 УК).

Самым мягким видом наказания по уголовным законам РФ, Украины и Грузии является «штраф», в УК Туркменистана – «возложение обязанности

загладить причиненный вред», а в Республике Беларусь и Кыргызстане – «общественные работы». Наиболее строгими видами наказаний, связанными с изоляцией от общества, в Украине, Грузии и Кыргызстане выступает «пожизненное лишение свободы» (или «бессрочное лишение свободы»), в Туркменистане – «лишение свободы», а в РФ и Республике Беларусь – «смертная казнь». В связи с изменениями, произошедшими в уголовном законодательстве Туркменистана и Грузии, была исключена такая исключительная мера наказания как «смертная казнь». Преобразования в отношении исключения наказаний коснулись по УК Грузии и таких видов как «арест» (ст. 48) и «помещение в дисциплинарную воинскую часть» (ст. 49). В Республике Беларусь в 2011 г. исключено «направление в дисциплинарную воинскую часть» (ст. 56).

Перемены, связанные с уголовными наказаниями, касаются не только их исключения из общего перечня, но и добавления в этот перечень новых видов наказаний. Так, в уголовный закон Туркменистана было введено такое наказание как «возложение обязанности проживания в определенной местности» (ст. ст. 44 и 51-1 УК) и в 2013 г. «ограничение свободы» (ст. ст. 44 и 52-1 УК), а в УК РФ с 2011 г. – «принудительные работы» (ст. ст. 44 и 53.1). В УК Грузии в 2005 г. появилось «изъятие имущества» (ст. ст. 40 и 52) и с 2016 г. на законодательном уровне существует «домашний арест» (ст. ст. 40 и 47¹), который вводится в действие с 1 января 2018 г. Рассматривая уголовное законодательство Украины, следует отметить, что в данном государстве с момента вступления уголовного закона с 1 сентября 2001 г. изменения в отношении системы наказаний не осуществлялись. Основной пакет изменений произошел в связи с отменой УК Украинской ССР 1960 г. и принятием УК Украины 2001 г. В новый уголовный закон Украины были включены виды наказаний, ранее не существовавшие в уголовном законодательстве, среди которых общественные работы, служебные ограничения для военнослужащих, арест, ограничение свободы, пожизненное лишение свободы.

Следует особо выделить новый уголовный закон Кыргызстана от 2 февраля 2017 г., претерпевший существенную трансформацию, в связи с которой 13 видов наказаний (ст. 42 УК от 1 октября 1997 г.) преобразовались в 9 видов наказаний (ст. 64 УК от 2 февраля 2017 г.). Так, были исключены три основных вида наказания (тройной айып; публичное извинение с возмещением ущерба; ограничение свободы) и два дополнительных вида наказания (конфискация имущества; лишение права управлять транспортным средством).

Таким образом, в уголовных законах рассматриваемых государств наказания представляют собой исчерпывающий перечень, не подлежащий расширительному толкованию, и построены в системе по принципу возрастания объема правоограничений. Следует заметить, что для уголовных законов характерно появление новых видов наказаний и исключение ранее существовавших. В целом в уголовном законодательстве зарубежных стран наблюдаются отличия в количестве видов уголовных наказаний, их перечне и содержании. Схожесть прослеживается в структурном делении наказаний на основные, дополнительные и наказания, которые могут назначаться как в качестве основных, так и дополнительных (или «смешанные» наказания). В отношении «смешанных» наказаний отсутствует особый порядок их назначения.

Для национального уголовного права проведенное исследование является полезным в направлении переосмысления и дальнейшего развития наказания как

основной меры уголовно-правового воздействия. Представляется целесообразным пересмотреть систему наказаний, закрепленную в уголовном законе Республики Беларусь, по признаку их сравнительной тяжести. Обусловлено это тем, что наиболее мягкими наказаниями в обозначенных странах являются те, которые связаны с имущественными ограничениями или лишениями.

Стоит обратить внимание и перенять опыт тех государств, в уголовных законах которых содержатся отдельные нормы, посвященные основным и дополнительным видам наказания, что говорит о нормативно-правовой самостоятельности структурно обособленных подсистем (основные и дополнительные наказания) от системы наказаний в целом.

Список цитированных источников

1. Давидовская, В. А. Закрепление института наказания в уголовном законодательстве стран СНГ: сравнительно-правовой анализ / В. А. Давидовская // Право.by. – 2018. – № 4. – С. 126–131.
2. Центр документов БДИПЧ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 23.08.2018.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 23.04.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.
4. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : принят 22 июля 1999 г. , № 2287-вс : введен в действие 01 июня 2000 г. : с изм. От 01 июня 2017 г., № 944. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/181/ru/pdf>. – Дата доступа: 20.06.2018.
5. Курганов, С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты / С. И. Курганов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 192 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Демидова Л.Н.

1. Функции уголовного закона – это ключевые направления его воздействия на общественные отношения, которые охраняются и/или регулируются. Вопросы определения социальных функций уголовного права и их реализации приобретают все большую значимость в условиях современной глобализации общественных процессов. Угрожающим для общественного спокойствия является рост количественных показателей преступности с её качественным обновлением, «усовершенствованием» форм и способов преступной деятельности для достижения преступных целей. Масштабы производства и распространения наркотических средств, психотропных веществ, фальсифицированных лекарств, неопознанные наукой угрозы модифицированной продукции, террористические проявления, скрытая и явная колонизация территорий и многие другие общественно опасные деяния стали уже реальной угрозой спокойствию многих народов и всего мирового сообщества. При этом, если современная цивилизация заинтересована в сохранении жизни на Земле, укреплении

правопорядка, затребованным представляется дальнейшая социализация уголовного права с синхронным решением проблемных вопросов на национальном и международном уровнях.

2. Социализация уголовного права заключается в ее функциональной направленности на создание условий в обществе (мировом сообществе), которые бы были достаточными для гармоничного развития каждого человека и всего общества (мирового сообщества) в целом. С одной стороны, такие функции нуждаются в чётком определении, например, в доктрине социального государства. В Украине такая доктрина находит свое отражение в ст. 3 Конституции Украины. Именно в ней права и свободы человека признаны «наивысшей социальной ценностью», а правовое обеспечение их охраны от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений обозначены как ключевые составляющие задач Уголовного кодекса Украины (ч. 1 ст. 1 УК).

Вместе с тем, в науке уголовного права социальные функции уголовного закона (уголовного права) определяются по-разному. Одни исследователи определяют социальной только воспитательную и политическую функции уголовного права. Представители другой группы учёных иным образом отграничивают социальные и несоциальные функции уголовного права. Третья группа социальными признаёт фактически все функции такого права, в том числе регулятивную, охранительную, предупредительную (превентивную).

Поиск ответа на вопрос о предназначении уголовного закона приводит к выводу о том, что в любом случае его предназначенность связана с человеком, его жизнедеятельностью, и, прежде всего, с его правами и свободами. Поэтому выводить какие-либо функции уголовного закона за пределы человеческого бытия не корректно и даже общественно опасно. Отступление от социального функционального предназначения уголовного закона создает условия для скрытого или открытого перехода от охраны прав и свобод каждого человека до охраны интересов корпораций и/или отдельных лиц (так называемая ограниченная социализация). Законные права и свободы любого человека должны ставиться в основу функций уголовного закона с приоритетом перед законными интересами различных объединений и государства. Государственные интересы при этом понимаются как форма реализации общественных интересов с обеспечением законных прав и свобод каждого человека.

С другой стороны, социальные функции уголовного права в сфере борьбы с преступностью, угрожающей международному правопорядку, следует уточнить на уровне международного договора. При этом необходимо достижение консенсуса между государствами, расположенными на разных континентах, по проблеме построения иерархии личных, общественных, государственных, международных интересов для сохранения жизни на Земле и прекращения диктата, а в некоторых случаях и фактической колонизации одними государствами других, более «слабых» в экономическом и военном развитии. Например, Организация Объединённых Наций неоднократно подтверждала преданность международной обществу идее обеспечения верховенства права и предупреждения, противодействия преступности во всех её формах и проявлениях на национальном и международном уровнях, а также приверженность идее обеспечения принципа уважения достоинства человека.

Кроме того, на протяжении многих лет мы предлагаем и обосновываем целесообразность принятия Международного уголовного кодекса, который бы был

правовой основой, правовым обеспечением регулирования международных отношений и модельным вариантом для усовершенствования национальных уголовных законов. У нас достаточно широкий диапазон общих проблем в борьбе с преступностью и во многом схожие способы и методы регулирования общественных отношений. Как констатируют исследователи, наблюдается даже сближение различных правовых систем. Совместная работа не только бы укрепила наши научные связи, но содействовала бы объединению усилий многих стран в борьбе с новейшими угрозами правопорядку на различных уровнях.

3. Социализация уголовного законодательства Украины неразрывно связана с гуманизацией уголовной ответственности и введением института проступка. Вопрос о введении института уголовного проступка в законодательство Украины неоднократно поднимался в научной литературе, было предметом широкого обсуждения юридической общественности. На современном этапе этот вопрос является особенно актуальным, поскольку действующий Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины) нормативно закрепит положение об уголовных проступках. Так, в п. 7 ч. 1 ст. 3 УПК Украины указано, что закон Украины об уголовной ответственности включает в себя «законодательные акты Украины, которые устанавливают уголовную ответственность», то есть «Уголовный кодекс Украины и Закон Украины об уголовных проступках». В нормах главы 25 УПК Украины определены особенности досудебного расследования уголовных проступков; ст.ст. 299-302 предполагает упрощенное производство в суде первой инстанции, а Заключительные положения УПК указывают на необходимость принятия Закона Украины об уголовных проступках. Вместе с тем, до сих пор проблема внедрения уголовного проступка в национальную правовую систему в нашей стране не решена и, более того, на государственном уровне еще не подтверждено в достаточной степени единство взглядов относительно концептуальных основ принятия соответствующего законодательного решения.

В соответствии с УПК Украины уголовный проступок, наравне с преступлением, является разновидностью уголовного правонарушения, хотя (и это вполне оправданно) самого определения понятия «уголовный проступок» этот нормативно-правовой акт не содержит.

Понятие «уголовное правонарушение» относится к понятийному аппарату международного права и широко используется в практике Европейского Суда по правам человека. Да, такой термин предусмотрен в ст. 6, 7 Конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г. и в целях унификации практики применения положений настоящей Конвенции в отношении уголовных правонарушений Европейский Суд по правам человека осуществляет автономное толкование указанного понятия. Им определены критерии, учитываемые при решении вопроса о трактовке правонарушений, рассматриваемых как уголовных. Конкретное содержание критериев можно установить только путем анализа соответствующих решений, принятых этой судебной институцией.

Кроме того, понятие «уголовное правонарушение» уже содержится в украинском уголовном законодательстве в ч. 2 ст. 374 УК «Нарушение права на защиту». Однако его содержание законодателем не определено, как не предусмотрены и дефиниции уголовного проступка.

Как известно, введение в законодательство Украины института уголовного проступка является одним из направлений реформирования уголовного

законодательства, определенного в Концепции реформирования уголовного юстиции, утвержденной Указом Президента Украины от 8 апреля 2008 года № 311/2008. Согласно этой концепции, к категории уголовных (подсудных) проступков предлагается отнести:

а) отдельные деяния, которые по действующему УК относятся к преступлениям небольшой тяжести, и которые в соответствии с политикой гуманизации уголовного законодательства будут признаны законодателем не имеющими значительной степени общественной опасности;

б) предусмотренные действующим Кодексом Украины об административных правонарушениях деяния, которые имеют «судебную юрисдикцию» и не являются управленческими (административными) по своей сути (мелкое хулиганство, мелкое хищение чужого имущества).

В науке уголовного права дискуссии вокруг уголовного проступка и его места в правовой системе продолжают в течение последних десятилетий, но до сих пор не предложено однозначного и общепризнанного решения, которое положительно было бы воспринято обществом и научными кругами. Высказывания по различным аспектам уголовного проступка содержатся в научных работах ученых советского периода развития уголовного законодательства, но к этому вопросу снова и снова возвращаются ученые, освещающие старые и новые проблемы, связанные с этим правовым понятием.

Анализ позиций исследователей подтверждает существование противоположных точек зрения: одни высказываются против выделения уголовных проступков в уголовном законодательстве, другие – за. Причем последние различно понимают пути выделения такого понятия в уголовном праве. Например, приверженцы положительного разрешения проблемы внедрения уголовного проступка: (а) подчеркивают его особую природу и выступают с предложением об исключении из круга преступлений, считая их менее общественно опасными, чем преступления; (б) доказывают необходимость введения института уголовного проступка с определением социальной природы уголовного проступка как преступления, в частности, с более точной классификацией существующего круга преступлений по их тяжести с выделением уголовного проступка как незначительного преступления или умышленных или неосторожных преступлений, за совершение которых предусмотрено максимальное наказание до 3-х лет лишения свободы.

Что касается позиции признания уголовным проступком преступлений незначительной степени тяжести, то предлагается и такой путь – выделить преступления небольшой тяжести, которые целесообразно трансформировать в уголовные проступки, воплощая принципы гуманизации уголовной ответственности и экономии репрессий. При этом по своей социальной и правовой природе уголовный проступок остается преступным деянием, посягающим на наиболее важные объекты уголовно-правовой охраны с причинением не менее чем существенного вреда физическим, юридическим лицам, обществу или государству либо направленным на такое причинение (не являющееся малозначительным). За совершение уголовного проступка виновный привлекается к уголовной ответственности, а не любой другой. За такой проступок предусматривается наказание, не связанное с лишением свободы или штраф (в качестве основного наказания) в размере, не превышающим одной тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан.

Анализ различных позиций ученых о путях введения уголовного проступка показывает, что многие из них являются сторонниками института проступка в виде промежуточного варианта объединения не только отдельных преступлений небольшой тяжести, но и административных (неуправленческих) правонарушений, рассматриваемых судами. Причем таким предложениям характерны отличия как в вопросе юридической природы такого правонарушения, так и его места в национальной правовой системе [1, с. 129–142].

Анализ проектов Законов Украины («О внесении изменений в Уголовный и Уголовный процессуальный кодексы Украины относительно введения института уголовного проступка» № 3438 от 17 октября 2013 г., «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по реализации положений Уголовно-процессуального кодекса Украины» № 4712 от 16 апреля 2014 г., «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно внедрения уголовных проступков» № 2897 от 19 мая 2015 г. и др.) свидетельствует о социальной и правовой нецелесообразности их принятия. Научно необоснованным представляется введение уголовного проступка путем предложенных изменений в Уголовный кодекс Украины с отнесением одновременно к таким проступкам также и административных (неуправленческих) правонарушений с так называемой судебной юрисдикцией. В частности, введение института уголовного проступка путем расширения границ криминализации, как это следует из приведенных законопроектов, будет иметь негативный социально-политический резонанс. Такой путь введения института уголовного проступка приведет к необоснованному расширению сферы действия уголовного закона, что будет противоречить главной идее введения уголовных проступков в законодательство Украины – идеи гуманизации уголовной ответственности.

Поддерживая необходимость трансформации определенной части преступлений небольшой тяжести в проступки как логическое проявление политики дальнейшей гуманизации уголовной ответственности за деликты, не содержащие угрозы причинения значительного вреда интересам общества и государства, считаем, что выходом из этой ситуации может стать разработка концепции внедрения в отечественное законодательство института антиобщественных проступков (или проступков небольшой тяжести). К категории таких проступков следует отнести наряду с отдельными преступлениями, которые по действующему УК Украины признаются преступлениями небольшой тяжести, а также определенные административные правонарушения, совершаемые физическими лицами и имеющими судебную юрисдикцию. При этом институт антиобщественных проступков мог бы закрепляться в отдельном законодательном акте (например, Кодексе об антиобщественных проступках или Законе Украины «Об антиобщественных проступках» или законе (Кодексе) Украины о проступках).

Разработка указанного нормативного акта была бы основанием для формирования самостоятельного вида юридической ответственности, который бы был отличным как от административной, так и от уголовной ответственности. Кроме того, принятие такого отдельного (самостоятельного) нормативного акта привело бы к гармонизации законодательства Украины с законодательством стран Европы, приближение к европейским правовым стандартам и к более четкому разграничению между сферами административной и уголовной ответственности. Именно таким путем решена эта проблема в целом ряде зарубежных стран (Республике Сербия, Республике Словения, Хорватской Республике и др.).

Однако, понимая, что такой подход к введению института проступка нуждается в существенном реформировании национальной правовой системы, усовершенствовании Конституции Украины и многих других нормативно-правовых актов, и это будет связано с длительной подготовкой, предложено пойти более рациональным путем. Сущность такого предложения заключается во внесении изменений в Уголовный кодекс Украины без расширения, в целом, границ криминализации, то есть без отнесения к уголовным проступкам административных правонарушений. При этом, обосновано внедрение разработанных научных концептуальных основ [2, с. 578, 580, 668–672].

Так, введение уголовного проступка в законодательство Украины должно соответствовать следующим принципам:

- верховенство права;
- неотвратимость ответственности и наказания за уголовные правонарушения;
- ограничение репрессивной составляющей уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших уголовные правонарушения незначительной степени общественной опасности (уголовные проступки);
- отказ от такого последствия совершения уголовного проступка как судимость.

Предложенная нами концепция введения уголовного проступка в национальное законодательство Украины охватывает и задачи, которые она выполняет. Это научно обоснованная методологическая основа определения содержания уголовного проступка и направлений его введения в законодательство Украины, а именно:

- гуманизация и оптимизация уголовного законодательства;
- совершенствование уголовно-процессуального законодательства путем введения упрощенной процедуры досудебного расследования и судебного рассмотрения материалов уголовного производства в отношении уголовных проступков;
- смягчение уголовных наказаний за счет совершенствования санкций за совершение уголовных проступков;
- внедрение в законодательство Украины рекомендаций Европейского Суда по правам человека и международных стандартов в сфере борьбы с преступностью.

Основными направлениями и содержанием введения уголовного проступка в законодательство Украины признаются такие. Во-первых, с целью гуманизации законодательства Украины об уголовной ответственности, внедрения рекомендаций Европейского Суда по правам человека и международных стандартов предлагается реформирование УК Украины по следующим направлениям:

- в уголовное законодательство вводится понятие «уголовное правонарушение», которое будет делиться на криминальные проступки и преступления менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. При этом отграничение уголовных проступков от преступлений следует осуществить в зависимости от степени их тяжести, положив в основу такого разделения пределы их наказуемости, которые должны быть установлены в статье УК о классификации уголовных правонарушений;
- уголовными проступками признаются подавляющее большинство преступлений небольшой тяжести и некоторые преступления средней тяжести и за

их совершение предусматриваются только виды наказаний, не связанные с лишением свободы;

- предусматривается правило, что приготовление к уголовному проступку и, возможно, и покушение на него не влекут за собой уголовной ответственности;
- расширяются возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовные проступки, на основании более широкого использования процедур примирения и возмещения причиненного вреда;
- устанавливается, что повторное совершение уголовного проступка будет признаваться только как обстоятельство, отягчающее уголовное наказание;
- сохраняется такое последствие совершения уголовного преступления, как судимость, только в отношении преступлений.

Во-вторых, это вопросы совершенствования уголовного процессуального законодательства Украины в связи с введением уголовного проступка. В связи с этим предлагается исключить из п. 7 ч. 1 ст. 3 УПК положения относительно Закона Украины об уголовных проступках, указав, что источником уголовного законодательства является только УК Украины.

Наши предложения вошли в основу нового законопроекта относительно уголовных проступков, уже принятого в первом чтении законодательным органом Украины. И хотя мы высказали немало к нему замечаний, которые, надеемся, будут рассмотрены и учтены, этот вариант внедрения уголовного проступка представляется наименее «болезненным» для дальнейшей социализации украинского уголовного законодательства.

Список цитированных источников

1. Борисов, В. І. Кримінальний проступок: концептуальні засади запровадження до національного законодавства [Електронний ресурс] / В. І. Борисов, В. І. Тютюгін, Л. М. Демидова // Вісник Асоціації кримінального права України. – 2016. – № 2 (7). – С. 129–142. – Режим доступу: http://nauka.nlu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/12/06_Borisov.pdf. – Заголовок з екрана.
2. Демидова, Л. М. Проблеми кримінально-правової відповідальності за заподіяння майнової шкоди в Україні (майнова шкода як злочинний наслідок): теорія, закон, практика / Л. М. Демидова. – Харків: Право, 2013. – 752 с.

МОРАЛЬ, ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ, УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И СОВРЕМЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Денисов С.Ф., Денисова Т.А.

Принимая во внимание значительное усиление преступности в масштабах страны, а также в транснациональном измерении, необходимо констатировать, что в XXI веке создание надежной системы предупреждения преступлений должно стать одним из приоритетных направлений государственной политики по обеспечению безопасности общества.

Следует отметить, что криминальный мир, с его набором ценностей и мировоззренческих установок, дает много возможностей для совершения не только традиционных общеуголовных преступлений, но и таких как терроризм, торговля людьми, оружием, наркотиками, отмывание денег, коррупция и т.п.

Граждане вынуждены постоянно сталкиваться с преступлениями, которые не только вызывают возмущение и осуждение, но и отличаются агрессией, жестокостью, несут с собой неблагоприятные последствия. Например, в Украине в целях безопасности, защиты своих близких, своего дома и бизнеса, граждане начали активно использовать оружие и спланировать в формировании, носящие зачастую криминальный оттенок. В современном украинском обществе назрела угрожающая ситуация, когда граждане самостоятельно формируют механизм реагирования на преступность (действительную или мнимую), что приводит к жестокой мести, самосуду, злостному неповиновению или иным акциям сопротивления, включая вооруженные столкновения. В последнее время наблюдается распространение религиозного экстремизма, что создает угрозу духовному единению нации.

Перечень неблагоприятных вызовов современности можно продолжать, поскольку их немало. Обычно указывается, что сложная криминогенная обстановка в обществе обусловлена рядом политических, экономических, организационно-управленческих, социальных факторов. Следовательно, каждое государство является свободным в выборе уголовно-правовых средств предупреждения преступлений.

Профилактика преступлений, безусловно, занимает особое место в системе мер борьбы с преступностью. На современном этапе она призвана активизировать работу не только соответствующих государственных органов, профильных общественных организаций (народных дружин, наблюдательных комиссий и т.п.), но и политических партий, религиозных сообществ, различных ассоциаций, фондов и др. Тем самым создается более сложный механизм противодействия преступности с минимальным применением государственного принуждения в виде уголовного наказания.

Поскольку преступность всегда носит общественно опасный характер, противодействие ей чаще всего формулируется в усилении норм уголовного закона. Однако, несмотря на кажущуюся непобедимость преступности, особенно закрепленную в общественном сознании образами и сюжетами через СМИ, необходимо налаживать другие, по нашему мнению, основные звенья и рычаги, в частности, вернуться к восстановлению, а точнее, возрождению морали и правовой идеологии, которые должны господствовать в государстве, а также определению основных функций уголовного закона как гаранта стабильности в противодействии преступности. Ведь не случайно Д. Локк подчеркивал: «Там, где нет законов, там нет свободы» [1, с. 34].

Нет нужды усиливать мнение о том, что общество должно применять всевозможные средства и силы, чтобы не допустить нарушений уголовного закона, удерживать своих членов от совершения противоправных деяний и стимулировать их правомерное поведение. В первую очередь, стремясь к обеспечению европейских ценностей и стандартов, государство и общество должны заботиться о своих гражданах. Уважение, расширение в стране прав и свобод человека, наполнение их новым содержанием и создание гарантий их полноценной реализации и защиты – это обязанность государства. Ведь человек, его жизнь и здоровье, права и свободы, неприкосновенность и безопасность, должны, наконец, стать наивысшей социальной ценностью.

Наиболее интересным с нашей точки зрения является понимание свободы и ограничения насилия, представленные европейскими учеными. Сохраняя

традиции Д. Локка о понимании закона как правовой основы всякой свободы, они указывают: «Для того, чтобы свобода не была сопряжена с ущемлением прав других лиц, человек несет определенные обязанности, которые ограждают его от произвола и своеволия других индивидов и государства» [2, с. 183].

Как нами подчеркнуто, обесценивание, а порой и уничтожение нравственных и правовых ценностей – это печальные реалии сегодняшнего дня. Анализ специальных литературных источников советского времени, современной украинской и зарубежной уголовно-правовой и криминологической науки подтверждает бесспорность тезиса о том, что преступная деятельность отражается на нравственности и идеологии общества. В конце концов она может деформировать общественное, групповое и индивидуальное сознание, а духовные потребности под ее влиянием могут быть нивелированы и искажены.

Известно, что именно от того, какие моральные ценности исповедуются в семье, зависит дальнейшее развитие ребенка, усвоение ценностных ориентиров, восприятие мира, общепринятая системы ценностей, отношение к праву и тому подобное. Все это играет важную роль при формировании модели поведения человека в обществе.

Сегодня постепенно утрачивается вера в силу морали, права и закона. Все больше мораль становится более терпимой и снисходительной к противоправным действиям, а нигилизм воспринимается как неизбежность настоящего. Вот поэтому стоит уделить внимание познанию общественного института семейных отношений, в частности, изучению подлжит то, что представляет собой современная семья. По определению Д. А. Шестакова необходимо так называемое преломление под тем или иным углом зрения семейных отношений в связи с их особенностями и ролью каждого члена семьи: супругов, родителей, детей, внуков и т.д. [3, с. 94-95]. И, наконец, важным для нас является познание воспитательной функции семьи, ведь общество заинтересовано в здоровой морально, активно функционирующей семье, которая способна не только реализовать собственную жизненную стратегию, но и достойно воспитать молодое поколение, создать тем самым условия для укрепления нравственных основ общества и государства.

С течением времени и развитием цивилизации, даже при наиболее благоприятных условиях, существовали и будут существовать деструктивные силы, способные противостоять положительным социальным институтам, в частности семьи и ее ценностным составляющим. Как справедливо отмечает В. А. Бачинин, речь должна идти не только о преступности, но и об общей безопасности существования человечества в условиях, когда привычные нравственно-правовые регуляторы перестают справляться с тяжестью проблем и постепенно начинают выходить из строя. Общество, чтоб не погибнуть от деструктивности и хаоса, вынуждено искать и быть готовыми к компромиссам, ответственности, принимать соответствующие решения [4, с. 109-111]. Научные разработки в этом направлении должны быть методологически ориентированными на современные прогрессивные идеи о том, что цивилизованное развитие любого государства возможно лишь при условии развития и поддержки молодого поколения. Молодежь, как справедливо замечали в свое время Ф. А. Вольтер, Д. А. Дриль, Ж. Ж. Руссо, И. Х. Фенелон – это цвет каждой нации, при умелом обращении с которым в будущем можно будет собирать плоды: «поливай молодой росток и его плоды когда-нибудь станут тебе утешением» [5, с. 327]. Семья должна не только воспитывать собственного ребенка, но и формировать его личность,

развивать положительные способности. Именно семья выступает посредником между ребенком и обществом. Через внутренний мир, семейные отношения ребенку передается социальный опыт, усваиваются приемлемые позитивные в данном обществе нормы и формы правомерного поведения, моральные ценности.

Таким образом, совершенно ясно, что только соблюдение норм морали и права, начиная с семьи и развиваясь в обществе, может свидетельствовать о праве называть себя государством демократическим и правовым. Нами поддерживается мнение, что семейные ценности являются тем важнейшим человеческим капиталом, который играет решающую роль в возрождении и поддержании норм морали и права, а также способствуют предотвращению преступлений.

Общепризнанно, что мораль – это форма общественного сознания, которая отражает социальную реальность в виде представлений о добре и зле, принципы, нормы, идеалы, которые должны регулировать поведение людей. Определяя понятие морали и характеризуя ее основные признаки, П. М. Рабинович справедливо подчеркивает, что ценность морали заключается в ее взаимодействии с правом [6, с. 620]. В свою очередь прочность правовой платформы зависит от сложившегося общественного правосознания и устоявшихся моральных ценностей, которые укореняются столетиями и являются неизменными. Именно этим отличаются европейские дух, мораль и право. Таким образом, право и мораль играют роль ключевых социальных регуляторов поведения человека в обществе. Например, распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению – это не только моральное право человека. Это не всегда означает возможность человека жить хорошо или быть устойчивым в своих выборах способов жизни. Распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению – это значит требовать от себя определенного человеческого ресурса по соблюдению правовых норм: умения подчиняться требованиям большинства, справляться с болью, совершать поступки в соответствии с волей других людей и существующего закона. Такой подход считается последовательным в развитии общества и именно он формирует правовую идеологию.

Большинство ученых указывают, что правовая идеология – это высший уровень правосознания, представляющий собой систематизированную, выраженную в правовых категориях (законности, справедливости, равенстве и т.д.), правовых и научных документах и воплощенную в объективном праве научно обоснованную и утверждаемую государством концепцию о роли права и способах использования его возможностей в интересах развития общества как демократического и правового, обеспечения прав граждан и развития правового государства.

Как известно, значительную роль в воспитании человека играет законодатель. Очень важно, чтобы его предписаний придерживалось как можно большее количество людей, чтобы за постоянным скоротечным общественным развитием успевало его законодательное обеспечение. Такая ситуация желательна, однако не всегда возможна ее реализация, поскольку желание догнать и вплотную современные представления общества о преступности и наказуемости деяния часто приводит к общественным потрясениям.

Исторически сложилось, что увеличение уровня преступности, как правило связывают с экономическими факторами. Но мы глубоко убеждены в том, что отрицание нравственных и правовых ценностей, проповедование насилия, права

сильного, приводит лишь к усложнению криминогенной ситуации. В свое время это подчеркивал и выдающийся ученый Л. Е. Владимиров, определяя, что уголовный закон не только обеспечивает общественную безопасность, но и должен выступать воспитателем как для преступников, так и для всего народа, осуществлять воспитательное воздействие наряду с нормами морали [7]. Кроме этого, Л. Е. Владимиров под воспитанием, осуществляемым уголовным правом, предлагал понимать целенаправленное воздействие на духовную сферу человека с целью непрерывного развития в ней чувства ответственности, сострадания и способности уважать других.

Считаем, что законодатель может стать достойным воспитателем народа, однако главной причиной здесь должен быть системный подход к правовому и нравственному воспитанию гражданина. Способы его реализации могут быть разными, но они обязаны иметь постоянную поддержку на самом высоком государственном уровне. Таким образом, уголовный закон сможет выполнять в полном объеме свои регулятивные, защитные и воспитательные функции.

Государственная политика противодействия преступности должна базироваться на цивилизованных методах, положительном опыте отечественной и зарубежной науки и практики. Но зададимся вопросом: как часто работники суда, правоохранительных органов, могут поставить себя на место того, к кому будут применены меры уголовно-правового воздействия, в частности, наиболее сурового наказания в виде лишения свободы? Учитывая тенденцию к усилению уголовной репрессии и склонности к ужесточению наказаний, ответ очевиден.

Отказаться от уголовных наказаний общество не может, хотя и существуют мнение об их целесообразности в третьем тысячелетии. Именно в наказании содержится кара, которая отражает идею справедливого возмездия за причиненное зло. Но наказание – это тоже насилие, зло, которое общество вынуждено применять, чтобы остановить преступника, в первую очередь, а также иных лиц.

Уголовное наказание выполняет и функцию предупреждения преступлений, то есть проводится реальная борьба с преступностью путем привлечения к ответственности, назначения наказания и исполнения мер государственного принуждения к лицам, которые совершили преступление.

Однако, общепредупредительное воздействие должно основываться не на жестокости наказания, а обуславливаться его неотвратимостью, что является общеизвестным. Невозможно забывать о том, что наказание, хотя и важный, но не основной способ предупреждения преступности. И как бы сегодня не хотелось быстрее сократить количество преступлений, элементами угроз, усилением наказания, даже применением пожизненного лишения свободы либо смертной казни, достичь этого невозможно. Таким образом, нельзя допускать применения жестоких мер наказания, хотя уголовное наказание и должно служить противодействием преступности. Как представляется, в механизме обеспечения законности важным является поиск оптимального баланса в использовании методов убеждения, поощрения и принуждения.

Подчеркивая необходимость сбалансированности морали, правовой идеологии и уголовного закона в противодействии преступности, целесообразно вспомнить поучительную историю, которая аллегорически показывает отношение общества в целом и отдельных граждан к морали, праву и закону, которая дает возможность размышлять, какое же общество нами построено. Когда у строителей собора во французском городе Шартре спросили, что они делают, один ответил,

что переносит кирпичи. Другой сказал, что зарабатывает на хлеб. И только третий с гордостью заявил: «Я строю Собор» [8]. Следует согласиться с Н. В. Щедриным, что иногда деятельность по «переносу кирпича» закрывает конечные цели, переключая активность на ведомственные, карьерные и другие интересы, из-за чего все меньше и меньше наших соотечественников испытывают причастность к «строительству собора».

Стоит добавить к этому меры, указывающие на необходимость объединения усилий практики и науки в этом направлении. Ведь, как констатирует В. В. Голина, сегодня «возник опасный феномен отчуждения между наукой и практикой: практики не желали воспринимать выводы науки, а некоторые криминологи отказались от ориентации на поиски эффективных мер воздействия на преступность» [9, с. 5]. Мы убеждены, что возможности криминологической науки и практики в противодействии преступности неисчерпаемы, что позволяет активно противостоять негативным вызовам современности.

Список цитированных источников

1. Локк, Д. Избранные философские произведения / Д. Локк: в 2 т. – М.: Изд-во соц.-экономич. лит., 1960. – Т.2. – 532 с.
2. Право и культура / В. С. Нерсесянц. [и др.]. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 423 с.
3. Шестаков, Д. А. Семейная криминология. Криминофамилистика / Д. А. Шестаков. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 389 с.
4. Бачинин, В. А. Морально-правовая философия / В. А. Бачинин. – Харьков : Консум, 2000. – 208 с.
5. Руссо, Ж.-Ж. Избранные сочинения : пер. с фр. / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Гослитиздат, 1961. – 831 с.
6. Рабинович, П. М. Право і мораль. Велика українська юридична енциклопедія : у 20 т. Том 2: Філософія права / редкол.: С. І. Максимов (голова) та ін.: НАПрН України; Ін-т держави і права імені В. М. Корецького НАН України; Нац. юрид. ун-т імені Ярослава Мудрого. – Харьков: Право, 2017. – С. 619-624.
7. Владиміров, Л. Е. Уголовный законодатель, как воспитатель народа / Л. Е. Владиміров. – М.: Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ, 1903. – 244 с.
8. Щедрин, Н. В. Уголовное управление / Н. В. Щедрин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. № 40. – С. 319-331.
9. Голина, В. В. Сучасна кримінологія : досягнення, проблеми, перспективи / Голина В. В.: матер. міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. 50-річчю каф. кримінології та кримінально-виконавчого права, 9 груд. 2016 р. / за ред. В. Я. Тація, Б. М. Головкина. Харків : Право, 2016. – С. 5-6.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭТОС: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СКРЫТОЙ КОРРУПЦИОННОЙ СРЕДЫ

Дмитренко Д.И.

Индивидуальность мышления является основой развития личности и в то же время площадкой для продуцирования ряда проблем персонализированного понимания действительности и формирования отношения к ней. При этом с одной стороны, на личность влияют обычаи и нравы окружающих как повседневные практики поведения, мораль и право как специфически очерченные нормативные системы [1, с. 330], с другой стороны, субъективизм индивида адаптирует такое

внешнее воздействие в той или иной степени, отрицая либо соглашаясь с внешней средой. Подобный феномен получил название «этнос» (греч. *ethos* – нрав, обычай, характер) – система норм, ценностей и поведенческих моделей определенной общности людей. В зависимости от характера внешней среды принято выделять различные виды этноса, включая этнос в сфере науки и образования.

В условиях современного развития государства многие области жизнедеятельности общества (строительство, здравоохранение, закупки, образование, наука и др.) подвержены коррупционным рискам, что ежегодно находит отражение в совершении деликтов коррупционной направленности. Сегодня список коррупционных преступлений [2] включает всего десять составов, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь. Это – верхушка правовой регламентации ответственности. В целом же все законодательно закреплённые деликты коррупционного характера делятся на правонарушения, создающие условия для коррупции, и непосредственно коррупционные правонарушения (соответственно ст. 25 и ст. 37 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией»). Однако «далеко не все виды деструктивного поведения по службе, в основе которых лежит личный или групповой интерес, идентифицируются в качестве коррупционных правонарушений» [3, с. 14–15]. Многие из них, законодательно сведённые в перечень правонарушений, создающих условия для коррупции, практически не предполагают наступления уголовной либо административной ответственности, оставляя место лишь для использования дисциплинарного императива, который в свою очередь на практике применяется достаточно редко.

Коррупция представляет собой явление либо латентного характера, выраженного в сумме совершенных преступлений, которые с переменным успехом выявляются органами уголовного преследования, либо скрытого характера, выраженного в количестве типичных ситуационных рисков, остающихся вообще вне поля зрения правоохранительных органов. Открытые формы, которые можно достаточно быстро идентифицировать, коррупция принимает значительно реже. Поэтому, «к сожалению, ...борьба с коррупцией ведётся пока на уровне пресечения явных форм коррупционного поведения, однозначно фиксируемых в качестве коррупционных правонарушений...» [3, с. 14].

Следует помнить, что коррупционная преступность – это особое состояние (прежде всего функциональное) различного рода социальных систем (экономической, образовательной, научной, культурной, управленческой, кадровой и т.д.), способное из года в год порождать большее или меньшее количество деяний коррупционного характера [4, с. 28]. Именно поэтому анализ качественных, а не только количественных характеристик, представляет собой действенный инструмент измерения уровня коррупции в государстве.

Сегодня в основе скрытой коррупции в сфере науки и образования наблюдаются деструктивно-ориентированные управленческие подходы к местечковой самоорганизации процесса управления вопреки общественной целесообразности, государственной необходимости и общепризнанному приоритету прав человека и гражданина. Избыточность псевдоуправленческой (адаптированной под себя) сверхтребовательной методологии на местах – в научных организациях и учреждениях образования – является следствием властно-потребительской идеологии локальных бюрократических сообществ и в то же время порождает побочный эффект в виде жестко сформированного

научно-образовательного этоса, в котором преобладают взгляды неправовой, прокоррупционной природы. Подобное состояние научно-образовательного этоса проявляется в следующих пограничных и нарушающих закон ситуациях:

- создание непрекращаемых преимуществ для себя лично и третьих лиц;
- непрозрачность и запутанность принимаемых управленческих решений;
- перегруженность излишними управленческими требованиями, скрывающими подлинную суть механизма продвижения личных интересов под видом заботы о благе государства или учреждения;
- получение личных имущественных выгод вне установленных процедур;
- формализация порядка служебных взаимоотношений с нивелированием содержательного компонента в рамках условной схемы «сказано – сделано» без конструктивного обсуждения на предмет легальности;
- замалчивание весомых результатов добросовестных сотрудников в целях получения выгод неимущественного характера, в т.ч. для третьих лиц;
- протекционизм т.н. «элитных» лиц по дифференцированным личным мотивам;
- продвижение по должности (при приеме на работу) лиц с заранее установленной «лояльной» мотивацией;
- лоббирование развития внутри- и внеслужебных коммуникативных связей для завуалированного присваивания результатов интеллектуального труда;
- покровительство в присуждении ученых степеней, присвоении ученых иных званий;
- паразитирование на отвержении этических аспектов должностных полномочий под прикрытием жесткой линейной субординации;
- распределение бюджетных (внебюджетных) ресурсов учреждения, в т.ч. премиального фонда, в зависимости от степени приближенности к отдельным представителям организационной верхушки должностной номенклатуры, а не от объема проделанной работы, результатов труда и ценности опыта;
- отсутствие обеспечения равного доступа к служебной информации при наличии соответствующего допуска;
- устоявшееся положительное восприятие участниками управленческих отношений неправовых (прокоррупционных) форм служебного поведения.

Указанные ситуационные риски часто ретушируются при помощи поручений, решений, распоряжений и т.п., являющихся по своей организационно-правовой структуре легальными, но неправовыми по своей сути. Такой уже ставший тривиальным изощренный подход к решению любых управленческих вопросов в сфере науки и образования в сочетании с интеллектуально-волевыми, эмоциональными, идеологическими, возрастными, служебными, статусными и пр. манипуляциями формирует искаженное представление о происходящем и часто понимается подчиненными должностными лицами как сам собой разумеющийся и якобы безальтернативный. 5 февраля 2016 года Советом Министров Республики Беларусь было принято постановление № 101 «О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции», однако до сего времени не зафиксировано ни одного (!) заявительного случая.

Таким образом, современное состояние научно-образовательного этоса разносторонне характеризует выявленная криминологическая, правовая и нравственная проблематика. Проанализированные криминогенные ситуации в совокупности представляют собой комплекс особых криминологических

моделей, являющихся квинтэссенцией реальных процессов формирования коррупционной среды в сфере науки и образования. Поэтому уже сегодня необходимо осуществить дальнейшее исследование каждой из них, что позволит на эмпирической основе провести их конкретизацию и выработать систему действенных мер, препятствующих их возникновению.

Список цитированных источников

1. Философский словарь студента / Под общ. ред. В. Ф. Беркова, Ю. А. Харина. – Минск: ТетраСистемс, 2003. – 352 с.
2. Об утверждении Перечня коррупционных преступлений и Порядка формирования сведений о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь, Комитета государственного контроля Респ. Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Респ. Беларусь, Министерства внутренних дел Респ. Беларусь и Комитета государственной безопасности Респ. Беларусь от 27 дек. 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Хомич, В. М. Комментарий к ст. 1 гл. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З / В. М. Хомич, К. В. Хомич // Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / НППЦ Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск: Амалфея, 2017. – 608 с.
4. Хомич, В. М. Коррупция как антисоциальное явление: ее правовая идентификация и оценка / В. М. Хомич // Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Дубко М.А.

Законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за компьютерные преступления, в зарубежных странах имеет свои отличительные особенности. Подходы государств при установлении уголовной ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией также разнятся, о чем ярко свидетельствуют отличия в определении объекта таких преступлений. В большинстве стран наименование структурных элементов или специальных законов содержит указание на компьютерный (информационный) характер данных преступлений. Например, в УК Эстонской Республики включена глава 14 «Преступления в сфере компьютерной информации и обработки данных» [1], в УК Республики Польши – «Преступления против охраны информации» [2], в УК Бельгии – «Правонарушения против конфиденциальности, неприкосновенности и доступности информационных систем и данных, которые накапливаются, обрабатываются и передаются этими системами» [3]. В то же время во Франции глава уголовного закона «О посягательствах на системы автоматизированной обработки данных» включена в систему преступлений против собственности [4], в УК Швейцарии норма об ответственности за противоправное приобретение

сведений содержится в разделе имущественных преступлений [5], в УК Германии изменение данных (ст. 303a) и компьютерный саботаж (ст. 303b) расположены в разделе 27 «Повреждение имущества», а «Разведывание сведений» (ст. 202a) – в разделе 15 «Нарушение неприкосновенности и тайны частной жизни» [6].

Существенные различия в законодательстве рассмотренных государств имеются относительно признаков предмета таких преступлений. Так, в США установлена ответственность за завладение не любыми компьютерными данными, а только теми, которые связаны с государственной безопасностью, международными отношениями, атомной энергетикой либо содержат сведения финансового характера. УК Германии предусматривает уголовную ответственность за незаконное получение компьютерных данных, находящихся под специальной защитой от неправомерного доступа, по УК Австралии запрещено копирование закрытых (защищенных) данных [7], а по УК Швейцарии – особо защищенных данных [5]. Также отмечаем, что в статьях о компьютерных преступлениях в качестве предмета выступает как компьютерная информация, так и компьютерные программы (Великобритания, Эстонская Республика), сообщения (Франция), записи на электромагнитном носителе (Япония), телекоммуникации (Испания), данные (Австралия, Бельгия, Германия, Голландия, Канада, Швейцария) [8, с. 63].

Признаки деяния как элемента состава неправомерного завладения компьютерной информацией в зарубежных странах сформулированы по-разному. По УК Республики Польша таким деянием является «неправомерное получение информации» [2], по УК Швейцарии – «приобретение данных», по УК Бельгии – «изъятие, независимо от способа, данных» [5], по УК Голландии – «копирование и запись данных» [9], по УК Франции – «перехват, хищение сообщений» [4], по УК Литовской Республики – «присвоение компьютерной информации» [10]. Несколько иной подход заложен в Великобритании в Законе о злоупотреблении компьютерами (Computer Misuse Act, 1990 г.), которым установлена уголовная ответственность за незаконную модификацию компьютерных материалов. При этом под модификацией понимается совершение любых действий, направленных на блокирование, копирование, изменение, уничтожение или дополнение информации, хранящейся в компьютере [11]. По УК Австралии преступлением является несанкционированный доступ, однако указанное понятие включает копирование и перемещение данных на любое другое место в компьютере или на устройство хранения данных [7]. Необходимо также отметить, что в целом ряде государств завладение компьютерной информацией является преступлением только при условии, если ему предшествовал несанкционированный доступ (Бельгия, Голландия, Республика Польша, Эстонская Республика), а в большинстве из рассмотренных государств неправомерное завладение компьютерной информацией относится к делам частно-публичного обвинения, то есть возбуждаются только по заявлению пострадавшего лица (Австрия, Германия, Швейцария, Республика Польша).

В большинстве из рассмотренных государств состав противоправного завладения компьютерной информацией является формальным (США, Германия, Франция, Нидерланды, Канада). Например, ст. 226-15 УК Франции ответственность установлена «за перехват, хищение ... сообщений, отправленных, переданных, полученных с помощью средств телекоммуникации» [4]. По УК Литовской Республики преступным является присвоение охраняемой законами

компьютерной информации о юридическом или физическом лице [10]. В то же время требующий обязательного наступления последствий состав преступления предусмотрен, например, ст. 145 УК Эстонской Республики, согласно которой приобретение информации или программного обеспечения, которые хранятся или передаются электронными или другими техническими средствами, будет влечь ответственность при условии причинения ущерба [1].

В ряде государств в состав неправомерного завладения компьютерной информацией включен признак корыстной заинтересованности (Австрия, Швейцария), цель последующего совершения иного преступления (Австралия, Эстонская Республика). Так, по УК Австрии преследуется «использование перехвата данных в корыстных целях» (ст. 119а) [13], а в соответствии с УК Швейцарии подлежит уголовной ответственности лицо, которое «... с целью незаконного обогащения себя или другого лица приобретает данные...» (ст. 143) [5]. В Австралии копирование или перемещение данных на любое другое место в компьютере или на устройство хранения данных повлечет ответственность при условии совершения указанных действий «с умыслом совершить серьезное преступление» [7].

Таким образом, в законодательстве большинства рассмотренных государств имеются специальные нормы о компьютерных преступлениях, включая неправомерное завладение компьютерной информацией. Однако даже с учетом принятия большинством государств Конвенции Совета Европы о киберпреступности 2001 года единые подходы в криминализации компьютерных преступлений отсутствуют, что не способствует гармонизации национальных законодательств в данной части. Поэтому проблемы создания безопасных условий оборота компьютерной информации, в том числе уголовно-правовыми средствами, сохраняют свою актуальность, особенно для постсоветских государств, имеющих относительно небольшой опыт борьбы с компьютерными преступлениями.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Эстонской Республики / Науч. ред. и перевод с эстонского В. В. Запавалова ; вступ. статья Н. И. Мацнева. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 262 с.
2. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова; перевод с польского Д. А. Барилевич. – СПб.:Юридический центр Пресс, 2001. – 234 с.
3. Уголовный кодекс Бельгии / Науч. ред. и предисловие Н. И. Мацнева; перевод с фр. Г. И. Мачковского. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 561 с.
4. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой; перевод с фр. и предисловие Н. Е. Крыловой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 650 с.
5. Уголовный кодекс Швейцарии / вступ. статья Ю. Н. Волкова; перевод с немецкого А. В. Серебренниковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 366 с.
6. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / Науч. ред. и вступ. статья Д. А. Шестакова; перевод с немецкого Н. С. Рачковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 524 с.
7. Уголовный кодекс Австралии / Науч. ред. и предисловие И. Д. Козочкина, Е. Н. Трикоз; перевод с англ. Е. Н. Трикоз. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 388 с.
8. Ястребов, Д. А. Объект и предмет неправомерного доступа к компьютерной информации / Д. А. Ястребов, С. А. Чернышов // Закон и право. – 2007. – № 8. – С. 62-63.

9. Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. Б. В. Волженкин; пер. с англ. И. В. Мироновой. 2-е изд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 510 с.

10. Уголовный кодекс Литовской Республики / Науч. ред. и вступ. статья В. Павилониса; перевод с лит. В. П. Казанскене. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 470 с.

11. Кузнецов, А. П. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации по зарубежному законодательству / А. П. Кузнецов // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 3. – С. 12–23.

12. Ястребов, Д. А. Институт уголовной ответственности в сфере компьютерной информации (опыт международно-правового сравнительного анализа) / Д. А. Ястребов // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 53–63.

13. Уголовный кодекс Австрии / Науч. ред. и вступ. статья С. В. Милокова; перевод с нем. Л. С. Вихровой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 352 с.

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОКОНЧАНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА

Захилько К. С.

Составы, предусмотренные в ч. 2 ст. 238 УК, ст. 239–241 УК, по своей конструкции являются материальными. Соответственные посяательства признаются юридически оконченными с момента наступления предусмотренных в законодательстве последствий, которые в УК определены как ущерб в крупном (для ч. 2 ст. 238 УК – особо крупном) размере. Несмотря на имеющуюся на первый взгляд теоретическую определенность, в научной литературе существует дискуссия о моменте юридического окончания криминального банкротства.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что согласно действующему законодательству под моментом юридического окончания криминального банкротства следует понимать момент неисполнения обязательств перед кредиторами в результате совершения действий, описанных в нормах о криминальном банкротстве, когда они должны были бы быть исполнены в соответствии с законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве) [1, с. 38–42; 2, с. 77–78]. В качестве частного случая данного подхода под моментом юридического окончания криминального банкротства предлагают понимать момент констатации экономическим судом невыплаченных и признанных погашенными требований при прекращении производства по делу о банкротстве [3, с. 17].

Вместе с тем, некоторые исследователи момент окончания криминального банкротства предлагают относить на более раннюю стадию развития преступного деяния, а именно – на момент уменьшения собственных активов должника в результате действий, описанных в нормах о криминальном банкротстве [4, с. 161–162; 5, с. 17], как уже непосредственно влекущих неизбежные негативные последствия для кредиторов. При осуществлении даже неглубокого анализа видно, что использование такого подхода не согласуется с законодательством и доктринальными представлениями о моменте окончания преступления, предполагающего ущерб в качестве обязательного признака.

Так, после совершения умышленных действий, описанных в ст.ст. 239–241 УК и повлекших уменьшение собственных активов должника, в дальнейшем объективные негативные изменения в имущественном положении кредиторов

должника могут не наступить. Так, например, в процессе процедур банкротства управляющий может возвратить часть утраченного в связи с умышленными действиями должника имущества (например, оспаривая незаконные сделки должника в соответствии со ст. 109–110 Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»), что повлечет наращивание конкурсной массы и устранение невозможности удовлетворения требований кредиторов. Видно, что в такой ситуации оценка подобных действий как оконченного криминального банкротства с точки зрения действующего уголовного законодательства является недопустимым по той причине, что уменьшение активов должника лишь создает угрозу объективных негативных изменений в имущественном положении кредиторов, тогда как причинение ущерба предполагает их реальное наличие.

Несмотря на то обстоятельство, что приведенный подход противоречит действующему законодательству, следует обратить внимание на причины устойчивого существования подобных взглядов на момент юридического окончания криминального банкротства среди ряда специалистов.

Во-первых, при экономической несостоятельности (банкротстве) речь идет о невозможности удовлетворения требований кредиторов за счет всего имущества должника, установление реального размера которого может быть неочевидным, связанным с длительной процедурой [6, с. 105]. Учитывая особенности законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) (например, о процедурах оспаривания сделок для наращивания конкурсной массы; об очередности удовлетворения требований кредиторов; об антикризисном управлении и т.д.), для правоохранительных органов по долгое время может быть неясно – возможно ли исполнение обязательств должника перед кредиторами и причинен ли в результате совершения деяния, описанного в ст.ст. 239–241 УК, реальный ущерб, каков его размер. Зачастую такую оценку можно произвести лишь после окончания процедур экономической несостоятельности (банкротства), либо на окончательных их стадиях. Вместе с тем, несмотря на отсутствие юридической констатации невозможности исполнения обязательств должника на определенном этапе производства по делу об экономической несостоятельности (банкротства), кредиторы несут негативные последствия от умышленных злоупотреблений должника, описанных в ст. 239–241 УК, которые не связаны с ущербом от окончательной невозможности исполнения обязательств перед кредиторами. Так, производство по делу об экономической несостоятельности может длиться до 1,5 года, тогда как все это время кредиторы оказываются лишены возможности использования своего имущества по причине совершения явных и умышленных злоупотреблений, описанных в ст. 239–241 УК.

Во-вторых, существующий подход к формулировке юридического окончания криминального банкротства создает возможности для уклонения от уголовной ответственности. *Так, например, лицо осуществившее сокрытие имущества неплатежеспособного должника, может ссылаться на наличие у должника каких-либо активов, за счет которых якобы возможно покрытие обязательств перед кредиторами вплоть до признания должника экономическим судом банкротом. Одновременно, стоимость таких активов существенно завуалирована или завышена в результате переоценки или иными методами. Отмечается, что такие ситуации весьма распространены [7].* При совершении криминального банкротства подобная позиция подозреваемого вовсе является

типичной, особенно в связи с увеличением медианного уровня профессионализма должностных лиц субъектов хозяйствования в частной сфере.

В-третьих, следует признать, что интересам кредиторов и связанным с ними охраняемым уголовным законом интересам причиняется существенный вред уже в той ситуации, когда лицо уменьшает активы должника на значительную сумму, что, фактически, влечет лишение кредиторов правомерной возможности использования этой части своего имущества (перераспределенного в адрес должника под определенное обязательство) в течении длительного времени. Кроме того, в такой ситуации осуществляется косвенное воздействие на интересы государства (расходы на обслуживание судебной системы) и общества («откат» полезной для общества динамики собственности, вовлеченной хозяйственный оборот и, впоследствии, изъятой неправомерными действиями злоумышленников; разрушение социальной инфраструктуры, создаваемой субъектом хозяйствования и т.д.).

Исходя из указанного, следует прийти к выводу, что подход, согласно которому момент окончания криминального банкротства предлагается относить на момент уменьшения собственных активов должника в результате действий, описанных в нормах о криминальном банкротстве, как уже непосредственно влекущих неизбежные негативные последствия для кредиторов, направлен на доктринальное нивелирование существующих проблем, вызванных некоторой неудачностью существующего законодательного определения криминального банкротства, на сегодняшний день не учитывающего ряд особенностей общественных отношений в которых распространяются криминальные банкротства. Являясь противоречащим действующему законодательству, он не подлежит применению, но иллюстрирует то обстоятельство, что существующие в ст.ст. 239–241 УК формулировки момента юридического окончания криминального банкротства не отвечают некоторым требованиям социальной реальности, в которых функционируют нормы о криминальном банкротстве.

В этой связи предпочтительным выглядит подход иностранного законодателя (например, в УК ФРГ, Франции, США, Грузии и многих других; частично формальных, частично материальных – в УК Эстонии, Латвии и Литвы), который чаще всего приходит к необходимости законодательного описания криминальных банкротств с использованием конструкций, соответствующих в отечественной доктрине конструкции формального состава преступления. Это позволяет переместить момент окончания криминального банкротства на момент уменьшения собственных активов должника в результате действий, описанных в нормах о криминальном банкротстве (или, даже, на более ранние стадии), что видится необходимостью, обусловленной реальными особенностям совершения криминального банкротства и развитием хозяйственного оборота, а не жесткой мерой, противоречащей тенденции гуманизации уголовного законодательства. Стоит отметить, что такой подход имел место и в отечественном УК, вплоть до внесения в него изменений Законом Республики Беларусь от 20.07.2007 № 274-З, когда формальный состав, предусмотренный в ст. 241 УК, стал материальным в рамках гуманизации уголовного законодательства.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. В рамках действующего законодательства под моментом юридического окончания криминального банкротства следует понимать момент неисполнения обязательств перед кредиторами в результате совершения действий, описанных

в нормах о криминальном банкротстве, когда они должны были бы быть исполнены в соответствии с законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве). Предлагаемый исследователями подход, согласно которому момент окончания криминального банкротства предлагается относить на момент уменьшения собственных активов должника, не соответствует действующему законодательству, но иллюстрирует то обстоятельство, что существующие в ст.ст. 239–241 УК формулировки момента юридического окончания криминального банкротства не отвечают некоторым требованиям социальной реальности, в которых функционируют нормы о криминальном банкротстве.

2. Интересам кредиторов и связанным с ними охраняемым уголовным законом интересам причиняется существенный вред уже в той ситуации, когда лицо умышленно уменьшает активы должника на значительную сумму, что влечет лишение кредиторов правомерной возможности использования значительной части своего имущества (перераспределенного в адрес должника под определенное обязательство) в течении длительного времени.

3. В нормах о криминальном банкротстве предпочтительным выглядит подход с использованием конструкций формального состава преступления. Это позволит переместить окончания криминального банкротства на момент уменьшения собственных активов должника, что видится необходимостью, обусловленной реальными особенностям совершения криминального банкротства и развитием хозяйственного оборота, а не жесткой мерой, противоречащей тенденции гуманизации уголовного законодательства.

Список цитированных источников

1. Яни, П. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства / П. С. Яни // Законность. – 2014. – № 1. – С. 38–42.
2. Яни П. С. Сложности квалификации преступлений, связанных с банкротством / П. С. Яни // Законодательство. – 2007. – № 8. – С. 77–78.
3. Колб, Б. И. Ответственность за криминальные банкротства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – С. 17.
4. Михалев, И. Ю. Банкротство и уголовный закон : дисс. канд. юрид. наук. – Владивосток, 2000. – С. 161–162.
5. Гулый, А. А. Вопросы квалификации криминального банкротства по объективной стороне / А. А. Гулый // Российский следователь. – 2005. – № 1. – С. 17.
6. Смольский, А. Анализ платежеспособности, выявление признаков ложного и преднамеренного банкротства при ликвидации юридического лица / А. Смольский // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2004. – № 17. – С. 105.
7. Смольский, А. П. Искажение отчетности с целью избежать открытия конкурсного производства / А. П. Смольский // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: Беларусь» [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Послед. обновление 01.09.2018.

УГОЛОВНЫЙ ЗАПРЕТ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Идрисов Н.Т.

На современном этапе развития российской государственности крайне актуальным является вопрос о защите жизни и здоровья граждан при оказании медицинских услуг. Отсутствие доступности, несвоевременность и низкое качество медицинских услуг все чаще вызывают недовольство населения. Следует согласиться с мнением ректора Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова С. Багненко, который утверждает: «Медицина как комета, у которой голова уже по некоторым направлениям в XXII веке, а хвост, если мы отъедем 100 километров от любого областного центра, окажемся в лучшем случае в середине XX века. И мне кажется, что огромная проблема у нас – это взаимоотношения пациента и врача. Если на врача слишком много пациентов, то уходит душа».

В рамках проведения настоящего исследования нами проведен опрос, причем в качестве респондентов выступили медицинские работники, студенты медицинских вузов, следователи Следственного комитета РФ, студенты Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ. В общей сложности в опросе приняли участие более 60 человек.

Мы задали вопрос респондентам: «Является ли для Вас актуальной проблема качества оказания медицинских услуг?» 82,6 % респондентов ответили положительно, указав, что данная проблема является крайне актуальной в регионе их проживания.

Наше исследование подтверждает неудовлетворительное состояние дел в медицинской сфере. На вопрос: «Как вы оцениваете современное состояние отрасли здравоохранения?» 93,5 % опрошенных ответили удовлетворительно и неудовлетворительно и лишь 6,5 % респондентов оценило высоко.

Указанное положение дел в медицине не могло не отразиться на показателях работы правоохранительных органов, прежде всего Следственного комитета России. Согласно данным следственного органа, в 2017 году в ведомство поступило 6050 заявлений по преступлениям в медицинской сфере, возбуждено 1791 уголовное дело по факту ненадлежащего оказания медицинских услуг, при этом в 2016 году поступило 2 516 сообщений, возбуждено 878 уголовных дел.

Профессиональное медицинское и юридическое сообщество, безусловно, волнует содержание уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение разного рода дефектов оказания медицинской помощи.

Последнее время в юридической науке и практике активно обсуждается предложения Следственного комитета РФ о внесении в действующий уголовный закон ряда изменений. В апреле текущего года Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин совместно с руководителем Национальной медицинской палаты Леонидом Рашалем предложили предусмотреть в уголовном законе самостоятельные составы преступлений, предусматривающие юридические признаки специального субъекта и объективной стороны врачебных преступлений. В частности, предложено внести в уголовный закон статьи 124.1 (ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)) и 124.2 (сокрытие

нарушения оказания медицинской услуги), а также изложить в новой редакции ст. 235 УК РФ (незаконное осуществление медицинской и (или) фармацевтической деятельности).

В настоящее время уголовным законом предусмотрен ряд статей, которые устанавливают ответственность за так называемые ятрогенные преступления (ст.ст. 109, 118, 238 УК РФ и другие).

Однако и медицинское, и юридическое сообщество сходятся во мнении о том, что современное уголовно-правовое регулирование данных деликтов не учитывает всю специфику врачебной деятельности и нуждается в реформировании. Данное обстоятельство отражается и на судебной практике, которая не может характеризоваться единообразием и внятыми правилами квалификации ятрогенных преступлений.

Соглашаясь с необходимостью систематизации действующего уголовного законодательства, на наш взгляд, следует согласиться с мнением врачебного сообщества, что в предложенной редакции использование термина «плод» нарушает принцип системности законодательства. Под плодом человека предлагается понимать «внутриутробно развивающийся человеческий организм с девяти недель до рождения».

Необходимо отметить, что согласно Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. N 194н "Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека" установлено, что прерывание беременности на любой ее стадии является причинением тяжкого вреда здоровью женщине. Так, согласно п.6.7. Приказа прерывание беременности – прекращение течения беременности независимо от срока, вызванное причиненным вредом здоровью, с развитием выкидыша, внутриутробной гибелью плода, преждевременными родами либо обусловившее необходимость медицинского вмешательства.

Иными словами, представляется, что указания в проекте статей на совершение врачом преступных деяний, которые повлекли причинения тяжкого вреда здоровью либо смерть плода, по сути, идентичны и законодательно данная коллизия решена. Считаем необходимым исключить смерть плода из проекта закона о внесении изменений в действующий Уголовный Кодекс РФ.

Более того, проведенное нами исследование подтверждает, что и врачебное сообщество, и правоохранительные органы заинтересованы в ясности и четкости границ преступного и непроступного поведения врачей при оказании медицинской помощи. На вопрос: «Необходимо ли наличие в уголовном законе отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение правил оказания медицинских услуг, повлекшее причинение вреда здоровью и жизни пациента?» 73% респондентов (в том числе врачи) ответили положительно.

Существенным является вопрос о виде, размере и сроках уголовного наказания для медицинских работников в случае причинения вреда при оказании медицинской помощи.

В рамках настоящего исследования нами изучено 62 уголовных дела и проанализированы приговоры судов первой инстанции по так называемым «ятрогенным преступлениям» (изучались уголовные дела по ст. 109, 118, 293 УК как наиболее распространенные в практике квалификации правоохранительными органами и характеризующиеся повышенной общественной опасностью (в качестве последствий могут влечь смерть пациента).

По результатам изучения уголовных дел установлено, что основным видом наказания, применяемым судами в Российской Федерации к медицинским работникам, является ограничение свободы (34 приговора). Следует отметить, что ограничение свободы является видом наказания, при котором суд определяет ряд правоограничений, не связанных с лишением свободы. Изучение уголовных дел показало, что в качестве ограничений суды устанавливают запрет на смену места жительства, пересечения границы муниципального образования, обязанности являться в уполномоченные органы.

Представляется, что назначение данного вида наказания за преступления, последствием которых явилась смерть пациента, не соответствует принципу справедливости и не достигает таких целей наказания как предупреждение совершения преступлений и исправление осужденного.

Вызвавшее общественный резонанс уголовное дело в отношении гематолога Елены Мисюриной, которую в январе 2018 года приговорили к двум годам реального лишения свободы, потому и привлекло такое внимание общественности, поскольку это единичный случай назначения врачу наказания в виде реального лишения свободы.

Проведенное нами изучение уголовных дел показало, что в 62 случаях наказание в виде реального лишения свободы не назначалось вообще, в 7 случаях лишение свободы устанавливалось условно (во всех случаях осуждения к лишению свободы), в 3 случаях назначена иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (максимальный штраф составил 100 000 рублей); 5 медиков, в том числе допустившие смерть пациента, освобождены от уголовной ответственности на основании акта амнистии. Производство по уголовному делу в связи с истечением сроков давности и примирением сторон прекращено в 11 случаях. Еще 2 дела прекращены в связи с отказом прокурора от обвинения.

Рассматривая вопрос о справедливом уголовном наказании, следует отметить, что в 15 приговорах судами назначалось дополнительное наказание в виде запрета заниматься врачебной деятельностью или занимать должности в медицинских учреждениях. Максимальный срок соответствующего запрета составил 3 года. Представляется, что данный вид наказания соответствует духу уголовного запрета и отражает принцип справедливости в уголовном праве. Данный вывод подтверждается проведенным нами социологическим исследованием.

Безусловно, необходим индивидуальный подход к квалификации ятрогенных преступлений и назначению наказания за их совершение. Каждая сфера медицинской деятельности имеет свою специфику, однако можно выделить ряд причин, которые, по нашему мнению, влекут криминогенность медицинской сферы.

Таким образом, проблемы правового регулирования медицинской деятельности лежат отнюдь не в уголовно-правовых институтах; современная медицинская отрасль поражена хроническими болезнями, основными причинами которых являются ошибки государственного регулирования сферы. В данном контексте верным является утверждение, что врач болеет болезнями пациентов. Так и медицина поражена болезнями общества и государства.

Уголовный закон же должен иметь дело лишь с теми проявлениями медицинского непрофессионализма, которые характеризуются повышенной

общественной опасностью. Исключительно уголовно-правовыми средствами проблему ненадлежащего оказания медицинских услуг не решить.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЯНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Карабельникова А.С.

Вопросы установления ответственности юридических лиц за совершение коррупционных преступлений находятся в центре внимания научного сообщества и законодательных органов многих государств. Страны стремятся повысить эффективность борьбы с коррупцией и имплементировать международные антикоррупционные стандарты в национальное законодательство.

Конвенция ООН против коррупции (ст. 26), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 18, 19) рекомендуют установить ответственность юридических лиц за участие в совершении коррупционных преступлений. При этом ответственность может быть как уголовной, так и гражданско-правовой или административной. К юридическим лицам должны применяться эффективные, соразмерные, оказывающие сдерживающее воздействие уголовные или неуголовные санкции, в том числе финансового характера (денежные санкции).

Анализ уголовных кодексов стран СНГ показывает, что нормы об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных преступлений содержатся в УК Азербайджана, УК Кыргызстана (вводится в действие с 1 января 2019 г.), УК Молдовы, УК Украины [1, 2, 3, 4]. При этом уголовная ответственность юридических лиц, когда юридическое лицо наравне с физическим лицом признается субъектом преступления, предусмотрена только в УК Молдовы (ч. 4 ст. 21 УК Молдовы). В Азербайджане, Кыргызстане, Украине в отношении юридических лиц установлена так называемая «квазиуголовная» ответственность, когда юридические лица не признаются субъектами преступлений, но в отношении их могут применяться уголовно-правовые меры, принудительные меры уголовно-правового воздействия, меры уголовно-правового характера.

Основания ответственности юридических лиц наиболее полно раскрыты в УК Молдовы. Юридическое лицо, согласно ч. 3 и ч. 3-1 ст. 21 УК, привлекается к уголовной ответственности, если оно виновно в невыполнении или ненадлежащем выполнении прямых предписаний закона, устанавливающих обязанности или запреты на осуществление определенной деятельности, при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств: деяние совершено в его интересах физическим лицом, наделенным руководящими функциями, которое действовало самостоятельно или как член органа юридического лица; деяние допущено, разрешено, утверждено или использовано лицом, наделенным руководящими функциями; деяние совершено вследствие отсутствия надзора и контроля со стороны лица, наделенного руководящими функциями. Руководящие функции включают одну или несколько из следующих функций: представление юридического лица, принятие решений от имени юридического лица, осуществление контроля в рамках юридического лица.

В ст. 99-4.1 УК Azerbaijan предусмотрены схожие основания применения уголовно-правовых мер к юридическому лицу: коррупционное преступление должно быть совершено в пользу этого юридического лица или в защиту его интересов должностным лицом, уполномоченным представлять юридическое лицо; принимать решения от имени юридического лица; контролировать деятельность юридического лица; либо работником юридического лица в результате неосуществления контроля со стороны вышеуказанных должностных лиц.

Основанием ответственности юридического лица, согласно ч. 2 ст. 123 УК Кыргызстана, является совершение деяния от имени или посредством юридического лица физическим лицом в интересах данного юридического лица. Схожее основание предусмотрено в п. 1 ч. 1 ст. 96-3 УК Украины, однако коррупционное деяние должно быть совершено не любым физическим лицом, а уполномоченным лицом (т.е. должностным лицом юридического лица или другим лицом, которое в соответствии с законом, учредительными документами юридического лица или договора вправе действовать от имени юридического лица). В ч. 2 ст. 96-3 УК Украины раскрыто понятие «совершение преступления в интересах юридического лица»: преступление привело к получению юридическим лицом неправомерной выгоды или создало условия для получения такой выгоды, или было направлено на уклонение от предусмотренной законом ответственности. Еще одним основанием ответственности юридических лиц по УК Украины является необеспечение выполнения возложенных на уполномоченное лицо законом или учредительными документами юридического лица обязанностей по принятию мер по предотвращению коррупции, что привело к совершению коррупционного преступления (ч. 2 ст. 96-3 УК Украины).

Ответственность юридического лица не исключает ответственности физического лица за совершенное преступление (ч. 5 ст. 21 УК Молдовы, ст. 99-4.2 УК Azerbaijan, ч. 3 ст. 123 УК Кыргызстана). Статья 99-4.4 УК Azerbaijan и ч. 2 ст. 123 УК Кыргызстана позволяют применять уголовно-правовые меры к юридическим лицам независимо от привлечения к ответственности физических лиц. На основании ст. 99-4.7 УК Azerbaijan при реорганизации юридического лица до вынесения решения суда по делу уголовно-правовые меры назначаются правопреемнику реорганизованного юридического лица.

В целях обеспечения интересов государства в УК стран СНГ существуют ограничения по применению мер ответственности к некоторым юридическим лицам (ч. 4 ст. 21 УК Молдовы, ст. 99-4.5 УК Azerbaijan, ч. 1 ст. 123 УК Кыргызстана, ч. 1 ст. 96-4 УК Украины). Например, в Молдове к уголовной ответственности не могут быть привлечены органы публичной власти; в Azerbaijanе уголовно-правовые меры не могут быть применены в отношении государства, муниципалитетов, а также международных организаций, кроме этого такая мера как ликвидация не применяется к ряду юридических лиц, перечисленных в ст. 99-8.4 УК Azerbaijan.

Статьей 63 УК Молдовы предусмотрены три вида наказания для юридических лиц: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, ликвидация. В ст. 99-5 УК Azerbaijan закреплены аналогичные уголовно-правовые меры, а также специальная конфискация, которая в ряде государств не относится к наказаниям и применяется независимо от наказаний и иных мер уголовной ответственности. В ч. 1 ст. 124 УК Кыргызстана названы три вида

принудительных мер уголовно-правового воздействия: штраф, ограничение прав и ликвидация юридического лица. В названных странах ликвидация юридических лиц является исключительной мерой и назначается судом при наличии обстоятельств, закрепленных в ст. 74 УК Молдовы, ст. 99-8 УК Азербайджана, ст. 127 УК Кыргызстана.

Анализ ст. 96-6 и ст. 96-9 УК Украины показывает, что из трех мер уголовно-правового характера, применяемых в отношении юридических лиц (штраф, конфискация имущества, ликвидация), за совершение коррупционных преступлений к юридическому лицу может быть применен только штраф.

В анализируемых УК стран СНГ названы коррупционные преступления, за совершение которых юридические лица могут привлекаться к ответственности. В Молдове юридические лица являются субъектами таких коррупционных преступлений в публичной сфере как активное корруммирование и извлечение выгоды из влияния (ст. 325, 326 УК Молдовы), в частном секторе – дача взятки и подлог бухгалтерских документов (ст. 334, 335¹ УК Молдовы).

Согласно ст. 99-4.6 УК Азербайджана, к юридическим лицам применяются уголовно-правовые меры за совершение следующих коррупционных преступлений: злоупотребление должностными полномочиями; получение взятки (пассивное взяточничество); дача взятки (активное взяточничество); незаконное воздействие на решение должностного лица (торговля авторитетом); служебный подлог (ст. 308, 311, 312, 312-1, 313 УК Азербайджана).

В соответствии ч. 5 ст. 123 УК Кыргызстана принудительные меры уголовно-правового воздействия применяются к юридическим лицам за совершение следующих коррупционных преступлений: незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности, посредничество во взяточничестве, дача взятки (ст. 324, 327, 328 УК Кыргызстана).

На основании ст. 96-3 УК Украины меры уголовно-правового характера могут применяться к юридическим лицам за следующие коррупционные преступления: подкуп должностного лица юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы; подкуп лица, которое предоставляет публичные услуги; предложение, обещание или предоставление неправомерной выгоды должностному лицу; злоупотребление влиянием (ст. 368-3, 368-4, 369, 369-2 УК Украины).

Таким образом, только в УК четырех стран СНГ предусмотрена ответственность юридических лиц за совершение коррупционных преступлений: в Молдове установлена уголовная ответственность юридических лиц, в Азербайджане, Кыргызстане, Украине – так называемая «квазиуголовная» ответственность. Основными мерами ответственности являются штраф и лишение права заниматься определенной деятельностью (ограничение прав). Такая мера ответственности как ликвидация юридического лица применяется в исключительных случаях, закрепленных в УК государства. Основными коррупционными преступлениями, за совершение которых предусмотрена ответственность юридических лиц в УК стран СНГ, являются различные разновидности активного подкупа в публичном и частном секторе, а также злоупотребление влиянием.

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: 30 декабря 1999 г., № 787-IQ // ИС «ПАРАГРАФ». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=3;-34. – Дата доступа: 10.09.2018.
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: 2 февраля 2017 г., № 19 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527>. – Дата доступа: 10.09.2018.
3. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]: 18 апреля 2002 г., № 985-XV // ИС «ПАРАГРАФ». – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923. – Дата доступа: 10.09.2018.
4. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс]: 5 апреля 2001 г., № 2341-III // ИС «ПАРАГРАФ». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109. – Дата доступа: 10.09.2018.

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Карташова Ю.Н.

Преступления против собственности упоминались в источниках римского частного права, а нормы об «имущественных преступлениях», наряду с нормами о посягательствах на жизнь и здоровье, составляли основу уголовного законодательства на любом этапе его развития и кодификации. Традиционно уголовно-правовые запреты были направлены на охрану вещей, а круг «преступлений против собственности» в узком смысле этого слова ограничивался похищением чужого имущества, его присвоением, повреждением и уничтожением, а также его незаконным использованием. По мере усиления роли государства в установлении карательных запретов начинает пересматриваться подход к понятию собственности. С развитием экономического оборота, составляющего основную движимую силу гражданского общества, значительно усложнились отношения по поводу имущества. Появились новые виды деяний, которые наносили имущественный вред, но не попадали под понятие «похищение».

Советская наука уголовного права последовательно разрабатывала два смежных понятия: «хищение» и «похищение». Первое охватывало ряд преступлений против социалистической собственности, второе – преступления против личной собственности, такие как кража, грабеж, разбой [1, с. 6]. Основным непосредственным объектом изучаемых составов преступлений являются отношения, охраняющие собственность конкретного физического или юридического лица, которой причиняется ущерб в результате совершения преступления. Имущество, хотя и тесно связано с понятием собственности, является не объектом, а предметом имущественного посягательства. Противоправные деяния в имущественной сфере могут совершаться различным образом и с различными предметами, как материальными, так и нематериальными, причинять прямой или косвенный имущественный ущерб собственнику. Они могут быть связаны с завладением чужим имуществом или незаконным использованием объектами гражданских прав, лицо может извлекать имущественную выгоду посредством уклонения от исполнения обязательств или приобретения

имущественных прав или другим образом нарушать отношения собственности. Поэтому необходима охрана не только собственности как таковой, но и возникающих в этой связи отношений, иных объектов гражданских прав в имущественном обороте от преступных посягательств в комплексе.

В настоящее время может быть выделена глава уголовного закона, в которой содержались бы нормы о преступлениях против отношений собственности (хищении, уничтожении или повреждении имущества, присвоения найденного имущества) и оборота объектов гражданских прав. Представляется возможным назвать главу об имущественных преступлениях «Преступления против *отношений* собственности и оборота объектов гражданских прав». Объектом преступлений против собственности (отношений собственности) и оборота объектов гражданских прав должны выступать имущественные отношения, т.е. отношения, связанные с принадлежностью имущества определенному лицу, а равно связанные с оборотом имущественных благ. Таким образом, уголовно-правовой охране должны подлежать не только вещные, но и обязательственные отношения, т.к. преступные посягательства направлены не только на саму вещь (как на материальный субстрат), но и на многочисленные права, которые в большинстве случаев не являются вещными [2].

Право на защиту является субъективным гражданским правом, и представляет собой юридически закрепленную возможность управомоченного лица использовать специальные меры правоохранительного характера. Речь идет об использовании любых средств для охраны гражданином объективного права частной собственности в случаях насильственного, грубого посягательства на нее со стороны других лиц. Под использованием любых средств для защиты частной собственности понимается применение всех мер и средств, имеющихся в законном распоряжении, вплоть до оружия. В законодательстве и научных разработках применительно к изложенному такие нормы отсутствуют.

В настоящее время на защиту государственной собственности направлено гораздо больше нормативных правовых актов, чем, например, на защиту частной собственности. В этой связи следует ввести норму, согласно которой при злом нарушении прав собственника допускается применение всех видов и средств защиты. В качестве юридической гарантии возмещение ущерба при посягательстве на частную собственность (например, при хищении имущества) может взять на себя государство с последующим истребованием с виновной стороны причиненного вреда. С дальнейшим развитием рыночных отношений и цифровой экономики возникают новые проблемы, вопросы относительно защиты собственности, поэтому возникает необходимость разработки не только соответствующего законодательства по защите собственности, но и его воплощения в жизнь. Отношения собственности будут защищены, если наряду с объективным будет существовать и субъективное право ее защиты. Следует лишь разработать правовой механизм защиты этого права.

Гражданско-правовая защита права собственности и других вещных прав – это совокупность предусмотренных гражданским законодательством способов (мер), направленных на защиту имущественных интересов собственника в случае их незаконного нарушения. Способы защиты предоставлены субъекту гражданского права законодательством. Основная задача каждого участника гражданского оборота заключается в оптимальном выборе, оперативном и эффективном использовании и применении предусмотренных законодательством способов защиты.

Способом защиты права собственности называется сама закрепленная или санкционированная законом правоохранительная мера, посредством которой производится устранение нарушения права собственности и воздействие на правонарушителя. Содержание каждого из способов защиты и порядок его применения конкретизируются в нормах общей части гражданского законодательства. Порядок и пределы применения конкретного способа защиты гражданского права зависят от содержания права и характера его нарушения; нередко выбор способа защиты оставляется на усмотрение стороны правоотношения; возможно и одновременное использование нескольких способов защиты. Защита права собственности осуществляется посредством применения надлежащей формы (юрисдикционной и неюрисдикционной).

Гражданское законодательство при защите права собственности предусматривает несколько способов или исков, которые подразделяются на вещно-правовые и обязательственно-правовые. К вещно-правовым относятся: иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикационный иск), иск об устранении нарушений прав собственника (негаторный иск), иск о признании права собственности, иск о признании недействительными актов государственных органов, касающихся нарушений права собственности. При вещно-правовых исках защищается само субъективное право собственности, а не имущественная сфера. Обязательственно-правовые иски вытекают из договоров, а также внедоговорных обязательств. Допускается возможность применения внесудебного урегулирования споров, используется институт посредников. В случаях, требующих незамедлительного обращения к средствам защиты, допускаются следующие действия потерпевшего: обращение в компетентные государственные органы (государственные инспекции, антимонопольные органы, органы прокуратуры).

Список цитированных источников

1. Ермакова, О. В. Преступления против собственности: научно-практический комментарий / О. В. Ермакова. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. – 96 с.
2. Хилjuta, В. В. Преступления против собственности или имущественные преступления? / В. В. Хилjuta // Вестник ТГПУ. – 2008. – Выпуск 3 (77) – С. 108–112.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Катушонok О.В.

В системе предупреждения насилия в семье ведущая роль принадлежит органам внутренних дел. Это связано с тем, что, во-первых, ОВД имеют полные сведения о состоянии, динамике и структуре правонарушений, совершенных в семейно-бытовой сфере, а также основных их криминогенных детерминантах. Во-вторых, в соответствии с Законом «Об органах внутренних дел» предупреждение преступлений является непосредственной обязанностью данных органов.

В этой связи остро стоит вопрос о доверии граждан сотрудникам милиции в разрешении семейных проблем, заканчивающихся насилием.

Проведенные в последние годы Информационно-аналитическим центром при администрации Президента Республики Беларусь социологические исследования показали, что респонденты довольно часто высказывали недоверие в адрес органов внутренних дел (2015 год – 21 %; 2016 год – 22,5 %). Опрос также показал, что 38,5 % опрошенных дали положительную оценку работе своего участкового инспектора милиции, но для 53,5 % оказалось проблематичным охарактеризовать работу участкового, так как респонденты о ней ничего не знают [1, с. 81].

В настоящее время к сотрудникам ОВД предъявляются высокие требования, следование которым и предопределяет общественное мнение об их деятельности. В этой связи, в целях повышения доверия граждан к сотрудникам органов внутренних дел следует, чтобы высокий уровень нравственной культуры и честность, неукоснительное соблюдение требований законодательства и личная ответственность, добросовестное исполнение служебных обязанностей стали обязательными качества каждого сотрудника милиции.

Проведенное центром исследование подтвердило вывод о значительном влиянии средств массовой информации на общественное мнение. Так, большинство респондентов (63%) уверено, что основным источником, формирующим мнение населения об уровне преступности в обществе, является информация, которую дают СМИ. Поэтому органам внутренних дел следует шире использовать возможности средств массовой информации. Следует, чтобы проблема насилия в семье становилось темой дискуссий в различных теле- и радиопрограммах, пользующихся у населения повышенным интересом. Заслуживает внимание и предложение о возможности привлечения журналистов «к участию в рейдах по проверке неблагополучных семей и других мероприятиях, проводимых органами внутренних дел для последующего их освещения в СМИ» [2, с. 22] на уровне местного телевидения.

Принятие своевременных и целенаправленных мер воздействия за совершенные правонарушения в быту также являются действенной мерой предупреждения насильственных преступлений в данной сфере.

Однако, оценить масштабы примененного семейного насилия сложно, так как в официальную статистику попадают сведения только о правонарушениях, по которым вынесены постановления о наложении административного взыскания. Большинство же фактов насильственных правонарушений в быту остается вне статистики.

В соответствии со ст. 4.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания (ст. 9.1 КоАП) относятся к деяниям, влекущим административную ответственность по требованию потерпевшего. При этом согласно ст. 9.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) административный процесс по данной категории дел подлежит прекращению в случае примирения с лицом, в отношении которого ведется административный процесс. Следовательно, данные о фактах насилия, закончившихся примирением сторон, в статистику не попадают.

Вместе с тем, ст. 9.4 ПИКоАП предусмотрено, что в случае совершения деяний, предусмотренных ст. 9.1 КоАП, административный процесс может быть начат прокурором либо по его письменному поручению должностным лицом

органа внутренних дел при отсутствии указанного требования и не подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего ... с лицом, в отношении которого ведется административный процесс. На основании изложенного полагаем целесообразным в отдельных случаях в зависимости от обстоятельств совершенного правонарушения, предшествующей обстановки, личности виновного и потерпевшего обращаться к применению данной нормы в целях привлечения виновного в насилии лица к ответственности.

Одной из действенных мер воздействия на лиц, применяющих насилие в отношении родных, является защитное предписание. Вместе с тем, такие лица не всегда соблюдают ограничения, установленные в отношении них защитным предписанием, которые выражаются в нарушении запрета посещать места нахождения пострадавшего от насилия в семье гражданина, общаться с ним по телефону, с использованием сети Интернет и т.д.

До недавнего времени привлечение виновных лиц к ответственности за подобные нарушения вызывало затруднения, так как в КоАП не была предусмотрена специальная норма, устанавливающая ответственность за нарушение и (или) неисполнение запретов защитного предписания. Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 95-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» были внесены изменения, направленные на восполнение данного пробела. Так, ч. 2 ст. 9.1 КоАП была дополнена словами «либо нарушение защитного предписания». Таким образом, установлена административная ответственность за нарушение защитного предписания.

Однако, подобные изменения, на наш взгляд, рассматриваемую проблему разрешают не в полной мере. Так, за первый квартал 2018 года за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 9.1 КоАП, было вынесено 21864 постановлений о наложении административного взыскания, что на 16,9 % выше уровня аналогичного периода 2017 года (18710 правонарушений). При этом в некоторых областях страны наблюдается значительный прирост данных правонарушений. Так, в Минской области количество рассматриваемых правонарушений выросло более чем в два раза (2332 правонарушения в 2017 году и 4767 – в 2018 году). В Гомельской области темп прироста – 38 % (1335 – в 2017 году; 1842 – в 2018 году), в Витебской – 26 % (1537 и 1940 соответственно).

Вместе с тем, из приведенных статистических данных нельзя определить, сколько лиц привлечено к ответственности за нарушения защитного предписания, а сколько за иные правонарушения, предусмотренные данной нормой.

В этой связи, считаем обоснованным ответственность за нарушение защитного предписания в ст. 9.1 КоАП выделить в отдельную норму либо дополнить КоАП самостоятельной статьей, предусматривающей ответственность за нарушение требований защитного предписания, следующего содержания:

«Нарушение требований, установленных защитным предписанием, гражданином, в отношении которого оно вынесено, – влечет административный арест на срок до пятнадцати суток».

Благодаря выделению нормы об ответственности за нарушение защитного предписания, можно будет официально вести статистику таких правонарушений и, соответственно, более эффективно проводить профилактическую работу с лицами, допускающими насилие в семье, в целях недопущения подобных нарушений.

Одной из проблем противодействия внутрисемейному насилию для органов внутренних дел является и то, что предусмотренные законодательством меры реагирования в отношении семейных агрессоров действуют не во всех случаях.

В соответствии с Законом Республики Беларусь № 122-З от 4 января 2014 года «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее Закон № 122-З) такие меры индивидуальной профилактики, как официальное предупреждение, профилактический учет и защитное предписание, применяются только в случае совершения правонарушения, предусмотренного ст.ст. 9.1, 9.3, 17.1 КоАП, по отношению к члену семьи. При этом, в соответствии со ст. 1.4 ПИКоАП членами семьи признаются близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные физические лица, проживающие совместно с участником административного процесса и ведущие с ним общее хозяйство. Таким образом, если лицо совершает насильственные действия в отношении родных, с которыми совместно не проживает и не ведет совместного хозяйства, то оснований для применения к нему мер индивидуальной профилактики нет. Без защиты остаются престарелые родители, братья и сестры, проживающие отдельно. Действие Закона также не распространяется и на бывших супругов, продолжающих проживать в одной квартире и ежедневно попадающих в конфликтные ситуации на бытовой почве.

На основании изложенного полагаем, что в целях защиты потенциальных жертв насилия в семье, при применении мер индивидуальной профилактики понятие «члены семьи» необходимо рассматривать шире. К данным лицам следует относить не только родных и близких, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство, но также и лиц, отношения с которыми возникают из брака, близкого родства, усыновления вне зависимости от факта их совместного проживания и ведения общего хозяйства. Также под защитой должны находиться и бывшие супруги, проживающие на одной территории.

Только своевременное реагирование на факты правонарушений в семье и применение действенных мер к правонарушителям будут в большей степени способствовать предупреждению насильственной преступности в семье.

Список цитированных источников

1. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. матер. социол. исследований за 2016 год / Информ.-аналитич. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – 208 с.

2. Тляумбетов, Р. Г. Преступления против семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р. Г. Тляумбетов; Уфимский юрид. ин-т М-ва внутренних дел России. – Челябинск, 2006. – 24 с.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗА ДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

Ключко Р.Н.

Общественно опасное деяние, обладающее всеми необходимыми признаками, указанными в уголовном законе, образует обязательный элемент

фактического основания уголовной ответственности. С точки зрения физических характеристик деяния выделяют две внешних формы его проявления – действие и бездействие, посредством которых объективируется поведение человека в конкретных поведенческих актах. В свою очередь действия традиционно подразделяют на физические и информационные.

Информационное воздействие представляет собой разновидность манипуляции, под которой в психологии понимают вид психологического воздействия, искусное исполнение которого вызывает в объекте манипуляции намерения, не совпадающие с его актуальными желаниями [1, с. 61–67].

В социальной психологии выделяют четыре механизма воздействия на сознание и поведение людей: убеждение, внушение, эмоциональное заражение, подражание [2, с. 21]. Все указанные механизмы информационного воздействия могут иметь место при совершении преступных посягательств на охраняемые уголовным законом объекты.

Преступления информационного характера – это преступления, при совершении которых общественно опасное деяние выражается в информационном воздействии на охраняемый уголовным законом объект. Преступления информационного характера нельзя отождествлять с преступлениями против информационной безопасности, хотя такая их трактовка встречается в правовых исследованиях [3, с. 108].

Информационный характер может иметь воздействие со стороны соучастников преступления: организатора, подстрекателя или пособника. Однако не любое воздействие информационного характера может являться исполнением преступления либо соучастием в его совершении.

При описании в диспозициях статей Особенной части УК признаков преступлений, совершаемых посредством действий информационного характера, белорусский уголовный закон оперирует следующими категориями: «отдание приказа», «склонение», «вовлечение», «вербовка», «разглашение сведений», «отказ», «требование», «угроза», «принуждение», «призывы», «пропаганда» и др. Назрела необходимость установления уголовно-правового запрета и на новые формы информационного воздействия, что реализовано в зарубежных уголовных кодексах. Так, в частности, в УК Российской Федерации Федеральным Законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ введена ст. 354.1 «Реабилитация нацизма», под которым, как гласит диспозиция ч. 1 данной статьи, понимается *«отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично»* (курсив мой – Р.К.).

Статья 205.2. УК РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма. В примечании к данной статье указывается, что «в настоящей статье под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам

о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указано, что публичное оправдание терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания.

Уголовная ответственность за публичные действия одобряющего характера установлена и в УК Республики Польша: публичное одобрение инициирования и ведения агрессивной войны (ст. 117), публичное одобрение преступлений, предусмотренных статьями 118, 118а, 119 §1, 120-125 (ст. 126а), публичное одобрение поведения педофильной направленности (ст. 200b), публичное одобрение совершения преступления (ст. 255 §3).

Указанные примеры лишь иллюстративно отражают признание новых форм информационного воздействия как представляющих высокую степень общественной опасности в современных условиях. При публичном одобрении чего-либо имеет место механизм эмоционального заражения, который, как было указано выше, может являться одним из используемых механизмов воздействия на сознание и поведение людей, представляющий серьезную угрозу в условиях современных возможностей использования информационных технологий. Причем, как видно из анализа вышеприведенных норм, именно признак публичности такого рода действий является конструктивным и предопределяющим высокую степень их общественной опасности.

Единообразное толкование используемых в уголовном законе категорий с учетом современных возможностей и способов информационного воздействия на сознание другого лица, в отдельных случаях становящегося еще и потерпевшим, выявление новых потенциальных угроз информационного воздействия является сегодня насущной необходимостью.

В практике деятельности правоохранительных органов возникают сложности при уголовно-правовой оценке действий информационного характера, выразившихся в даче советов, указаний, предоставлении сведений, в одобрении преступного по своей сути поведения другого лица. Определенные затруднения связаны с оценкой таких действий, как «вовлечение», «угроза», «принуждение», «склонение» и др. Установление признака общественной опасности совершенного действия информационного характера в таких случаях является необходимым для решения вопроса о наличии признаков преступного посяательства. Как отмечал В.Н. Кудрявцев, «опасность действия заключается в том, что оно может вызвать определенные вредные последствия. Однако эти последствия наступают не во всех случаях. Естественно, что действия будут тем опаснее, чем выше степень вероятности наступления вредных последствий» [4, с. 102]. Наступление общественно опасных последствий вследствие информационного воздействия зачастую может иметь место лишь в отдаленном будущем, они могут не иметь количественных характеристик, однако угрозы правоохраняемым объектам могут быть значимыми до такой степени, что предопределяют необходимость включения механизма уголовно-правового регулирования.

Уголовно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности на макро- и микроуровнях предполагает выявление потенциальных угроз и их предупреждение посредством закрепления уголовно-правовых запретов с учетом анализа реальной социальной действительности. Российский

исследователь Д.В. Шибаев, анализируя методы противодействия лишь одному из разновидностей информационного воздействия – информационной войне, в качестве одной из основных технологий информационного противоборства называет «отсутствие четких юридических, закрепленных в международных актах и национальных правовых нормах, определений информационно-психологической агрессии и информационно-психологической войны в целях развязывания вооруженной агрессии и нанесения ущерба национальным интересам противников в мирных условиях». Автор отмечает среди прочих мер необходимость внесения изменений в уголовное законодательство в части ответственности за осуществление, посредничество или организацию информационной агрессии [5, с. 65].

Использование «информационного оружия» в широком смысле слова для воздействия на индивидуальное или коллективное сознание способно воспроизводить преступность. Д.А. Шестаков считает, что «преступление – это проявленное вонне деяние, в то время как преступность – внутренняя предрасположенность индивида к совершению преступлений, сформировавшееся у него свойство поступать в определенных ситуациях преступно», отмечая далее, что «под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов» [6, с. 25–35]. Общественная опасность преступлений, совершаемых путем информационного воздействия, может проявляться не только в причинении или угрозе причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам, но и в направленности такого воздействия на воспроизведение преступности.

Информация является тем ресурсом, который может быть использован не только во благо, но и во вред. Возможности совершения преступления посредством информационного воздействия сегодня практически не ограничены, что обусловлено, в первую очередь, повышением степени значимости использования информационных ресурсов в современной жизни любого человека, во-вторых, снижением психологических барьеров для совершения преступлений такого рода, когда могут иметь место субъективные ощущения стирания границ между общественно нейтральным и общественно опасным поведением в виде информационного воздействия, в-третьих, ощущением обезличенности при бесконтактных способах взаимодействия между лицом, совершающим преступное деяние информационного характера, и адресатом воздействия.

Для решения вопросов криминализации, пенализации, квалификации преступлений информационного характера имеет значение классификация такого рода деяний и выявление типовых характеристик различных их подвидов для создания единой теории оснований уголовно-правового воздействия за преступления информационного характера в широком их понимании.

Список цитированных источников

1. Доценко, Е. Л. Механизмы межличностной манипуляции / Е. Л. Доценко // Вестник Московского университета. Сер.: 14. Психология. – 1993. – № 4. – С. 61–67.
2. Евгеньева, Т. В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им / Т. В. Евгеньева. – СПб.: Питер-Пресс, 2007. – 112 с.

3. Гребеньков, А. А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава / А. А. Гребеньков // *Lex Russia*. – 2018. – № 4. – С. 108-120.
4. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М., 1960. – 244 с.
5. Шибаев, Д. В. Методы противодействия информационной войне / Д. В. Шибаев // *Российский журнал правовых исследований*. – 2016. – № 4 (9). – С. 60-68.
6. Шестаков, Д. А. Предупреждение преступности / Д. А. Шестаков // *Юридический журнал. Казахстан*. – 2014. – № 4 (52). – С. 25–35.

ЭКОНОМИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ПРИНЦИП И СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Ковальчук А.В.

С момента вступления в силу Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УК) в него были внесены изменения и дополнения 69 Законами, а также Заключением Конституционного Суда Республики Беларусь от 11.03.2004 г. № 3–171/2004. Указанными новеллами в УК осуществлены существенные корректировки, введены 33 новые статьи, а также исключены 13 статей из данного нормативного правового акта. Анализ указанных внесенных изменений и дополнений позволяет выявить две основные тенденции развития уголовного закона: усиление и смягчение уголовной ответственности. Это объясняется тем, что в настоящее время, с одной стороны, отчетливо прослеживается стремление законодателя ввести либо усилить уголовную ответственность за отдельные виды общественно опасных проявлений (установить преступность деяния, усилить наказание или иным образом ухудшить положение лица, совершившего это деяние), а с другой – уменьшить карательный потенциал уголовного закона за счет экономии мер уголовно-правового воздействия (устранить преступность деяния, смягчить наказание или иным образом улучшить положение лица, совершившего преступление).

Перед законодателем и научным сообществом всегда стоял вопрос установления оптимального баланса между необходимой карой и излишней строгостью уголовного закона. Как представляется, данный вопрос и сегодня не утратил своей актуальности.

В основе упомянутых мер экономии уголовно-правового воздействия лежит курс либерального направления уголовно-правовой политики, которое в последнее время активно критикуется научным сообществом. Термин «либерализм» (от лат. *liberalis* – касающийся свободы, присущий свободному человеку) употребляется в двух значениях. Во-первых, как образ мышления и деятельности, умонастроение, для которого характерна независимость по отношению к традициям, привычкам, стремление и способность к активному самоопределению в мире. Во-вторых, как совокупность идейно-политических учений, политических и экономических программ, ставящих целью ликвидацию или смягчение различных форм государственного и общественного принуждения по отношению к индивиду [1, с. 495]. Указанный термин применительно к заявленной теме следует рассматривать во втором из приведенных значений.

По мнению В.В. Лунеева, либерализм, отвергающий эффективный социально-правовой контроль, беспомощен в борьбе с преступностью на современном этапе: «Диктатура преступности при либеральной борьбе с ней становится не менее опасной, чем диктатура тоталитаризма» [2, с. 860–861]. В этой связи российские ученые стали вести речь о кризисе уголовной политики, выраженной в дисбалансе реальной криминальной ситуации и принятых недостаточно научно обоснованных, социально необусловленных, несоответствующих логике и противоречащих интересам общественной безопасности решений по «либеральной» корректировке уголовного законодательства [3, с. 10–11].

Вместе с тем отдельные доводы ученых, утверждающих о кризисе уголовной политики, отрицать было бы неуместным, поскольку «радикальный» либерализм уголовно-правовой сферы без дифференцированного личностного законодательного подхода вовсе неприемлем. Безусловно, излишняя экономия репрессии снижает предупреждающий эффект уголовной ответственности, что не соответствует реализации принципа неотвратимости ответственности, порождает безнаказанность лица за содеянное, провоцирует совершение им и иными лицами новых преступлений. С другой стороны, излишняя строгость норм уголовного закона, заключающаяся в несоответствии мер ответственности характеру и степени общественной опасности деяния, не способствует реализации принципов справедливости, гуманизма, снижает авторитет уголовного закона и правоохранительных органов, вызывает озлобленность осужденного лица и как следствие – отсутствие перспективы в его исправлении и ресоциализации.

Как представляется, взвешенный либеральный подход при проведении новеллизации уголовного законодательства не противоречит интересам общественной безопасности и не нарушает закрепленный в ч. 4 ст. 3 УК принцип неотвратимости ответственности. Это объясняется тем, что лицо, совершившее преступление, все же претерпевает в той или иной форме, пусть минимальное, но необходимое и достаточное, отвечающее требованиям справедливости, уголовно-правовое воздействие. Более того, либерализация уголовного законодательства способствует наиболее полной реализации принципа гуманизма, предполагающего, что наказание и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 7 ст. 3 УК), и является оптимальным средством разрешения уголовно-правового конфликта. Как верно по данному поводу было отмечено Ч. Беккариа: «Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступления... Неизбежность наказания, даже умеренного, всегда производит более сильное впечатление, чем страх подвергнуться самому суровому наказанию, если при этом существует надежда на безнаказанность» [4, с. 117].

Минимизация уголовно-правовых средств, призванных воздействовать на лицо, совершившее преступление, не является новой. Так, еще дореволюционные юристы отмечали, что «Карательная деятельность должна вносить в общество как можно меньше страданий, не более того, сколько необходимо для предупреждения преступлений. Нравственно допустимо только необходимое наказание» [5, с. 78–79].

Обращаясь к ретроспективному анализу уголовного законодательства, действовавшего на территории современной Беларуси, следует отметить, что

нормативная экономия страданий прослеживалась в древнерусском сборнике «Русская Правда», как источнике обычного права, построенного по казуальному принципу, в нормах которого виновные лица подвергались наказанию в зависимости от причиненного ими тяжкого или слабого ущерба [6, с. 34]. Судебник Великого князя Казимира Ягайловича (1468 г.), используемый на территории современной Беларуси, упоминал о наказании за кражу, совершенную впервые, в соответствии с ее размерами [7, с. 109–110]. Однако более мягкого наказания, чем штраф либо освобождения от такового Судебник не предусматривал. Нормы Статутов Великого Княжества Литовского 1529 г., 1566 г и 1588 г., представленные в виде Свода законов, в части экономии кары в основном повторяли положения Судебника Казимира [8, с. 196; 9; 10].

Одним из законодательных актов, распространявших свое действие на территории современной Беларуси, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором различались понятия «преступление» и «проступок», основные различия между которыми, как отмечается в юридической литературе, лежали в сфере объекта посягательства [11, с. 22]. За совершение проступка лицо, его совершившее, подвергалось денежному взысканию, а наказание могло вовсе отменяться вследствие примирения виновного с обиженным (ст. 155) [12, с. 174–175, 196–198].

С введением первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. [13], применявшегося на территории Беларуси, началась разработка вопроса о возможности прекращения дел по незначительным проступкам до судебного разбирательства по мотивам целесообразности. В этой связи в марте 1924 г. рассмотрение отдельных статей данного УК об ответственности за рыбную ловлю, недозволенную охоту, лесные порубки и др. передавались на рассмотрение административных органов [14, с. 35]. В данном случае речь шла о проступках, носивших маловажный характер, совершенных в первый раз и не причинивших значительного вреда государству [15, с. 12]. Позднее вышеуказанные идеи были воплощены в УК РСФСР 1926 г., принятом на базе Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. [16].

На экономию страданий указывалось в УК БССР 1928 и 1960 г. Так, в ч. 2 ст. 62 УК БССР 1928 г. закреплялось, что «Наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при условии, что цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты применением более мягкого наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» [17, с. 128]. Отражение экономии мер уголовной репрессии имело место и в абз. 2 ст. 20 УК БССР 1960 г., согласно которой «Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [18].

Таким образом, ретроспективный анализ белорусского уголовного законодательства свидетельствует об исторической социальной обусловленности и необходимости дифференциации уголовно-правовых мер, направленных на экономию репрессивного потенциала уголовного закона. Считаем проводимое либеральное направление уголовно-правовой политики Республики Беларусь оправданным, поскольку в условиях социально-экономических преобразований, противодействие преступности не должно основываться только на бескомпромиссных и силовых методах.

Однако считаем, что подход законодателя к экономии уголовно-правовых средств должен быть взвешенным, научно, социально и экономически

обоснованным, основанным на дифференциации принятых мер и не противоречить самой главной задаче уголовно-правовой политики – эффективной борьбе с преступностью. Сокращение сферы уголовно-правового принуждения не должно обернуться игнорированием интересов безопасности личности, общества и государства.

Поэтому нами отмечалось, что в настоящее время актуализируется потребность в разработке научно обоснованной доктринальной Концепции, призванной, во-первых, устранить излишнюю строгость уголовного закона, а во-вторых, излишнюю экономию мер его уголовно-правового воздействия [19, с. 67–69]. В рамках указанной Концепции экономии (минимизации) уголовно-правового воздействия необходимо отыскать разумный баланс, учитывающий в равной степени интересы участников уголовно-правового отношения: потерпевшего, государства и лица, совершившего общественно-опасное деяние.

Наличие взвешенной Концепции экономии (минимизации) уголовно-правового воздействия позволит:

- повысить авторитет уголовного закона и уровень социальной справедливости при реализации его уголовно-правовых норм;
- эффективнее решать задачи предупреждения преступных посягательств;
- наиболее полно реализовать идеи гуманизации уголовной политики, направленной на наиболее четкую дифференциацию уголовной ответственности лиц, совершивших различные по характеру и степени общественной опасности деяния;
- осуществить назревшую необходимость ревизии УК с целью выявления уголовно-правовых норм, утративших в современных реалиях социальную обусловленность, в том числе не отвечающих критериям криминализации, для последующего их исключения;
- способствовать широкому применению наказаний имущественного характера, не связанных с лишением свободы, иных уголовно-правовых мер, а также снизить численность осужденных к лишению свободы на короткие сроки;
- снизить уровень судимости населения и уровень рецидива;
- повысить уровень исправления осужденного и его ресоциализацию;
- оптимизировать бюджетные расходы государства на предварительное расследование, судопроизводство и исполнение наказаний, связанных с лишением свободы;
- экономить государственные средства и их последующее эффективное применение для противодействия преступности.

Как представляется, основой данной концепции должно стать закрепление в ст. 3 УК принципа экономии уголовно-правового воздействия, содержательно находящего свое выражение в положениях названного нормативного правового акта.

Список цитированных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Лунеев, В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – 2-е изд. – М., 2005. – 912 с.
3. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М.: Норма, 2006. – 144 с.

4. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа / пер. с ит. Ю. М. Юмашева. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 240 с.
5. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С. В. Познышев. – М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. – 668 с.
6. Калачов, Н. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций / Н. Калачов. – М.: Изд. Н. Калачова, 1846. – 55 с.
7. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён): вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо; пад агул. рэд. А. Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мінск: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 320 с.
8. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года / под ред. академика АН Литовской ССР К. И. Яблонского. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – 253 с.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / [Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкал. Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 350 с.
10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года: тэксты, даведнік. Каментарыі / рэдкал.: У. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. сав. энцыкл., 1989. – 576 с.
11. Костин, Ю. В. Особенности развития уголовного права Российской империи в XIX в. / Ю. В. Костин // История госуд. и права. – 2010. – № 7. – С. 22–25.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – СПб.: Тип. Второго отд. собст. Е. И. В. Канцелярии, 1845. – 592 с.
13. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: в ред. 1922 г. [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК, 01 июня 1922 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.
14. Якименко, Н. М. Малозначительность деяния в истории советского уголовного права / Н. М. Якименко // Изв. вузов. Правоведение. – 1983. – № 1. – С. 34–44.
15. Ковальчук, А. В. Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и законодательного закрепления / А. В. Ковальчук; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Академия МВД, 2016. – 118 с.
16. История советского уголовного права / А. А. Герцензон [и др.]. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 466 с.
17. Уголовное законодательство СССР и союзных республик: основные законодательные акты / сост. Е. М. Ворожейкин [и др.]; под ред. Д. С. Карева. – М.: Госюриздат, 1957. – 531 с.
18. Уголовный кодекс БССР: закон Респ. Беларусь, 29 дек. 1960 г.: введ. в действие 1 апр. 1961 г.: с изм. и доп. по состоянию на 25 окт. 1998 г. – Минск: Амалфея, 1998. – 208 с.
19. Ковальчук, А. В. О необходимости разработки концептуальной модели экономии (минимизации) уголовно-правового воздействия / А. В. Ковальчук // Борьба с преступностью: теория и практика [Электронный ресурс]: тез. докл. VI междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилевского института МВД, Могилев, 2-3 апреля 2018 г. / Могилев. Ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: Ю. А. Матвейчев (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2018. – С. 67–69.

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ОХРАНА ПРАВ ПАЦИЕНТА: ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ

Коротич Е.А.

Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью и целью общества и государства, получившее конституционное закрепление (ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь), находит конкретизированное отражение и в нормах

Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), а именно: в иерархии объектов уголовно-правовой охраны, в системе которых одно из первых мест занимает человек, его права и свободы, а также в перечне уголовно-правовых запретов, призванных обеспечивать безопасность человека в различных сферах жизнедеятельности. Одной из таких сфер, вовлечение в которую человека сопряжено с угрозой нарушения состояния его защищенности, к сожалению, является сфера здравоохранения. Необходимость защиты человека, его прав и свобод в данной сфере особенно актуализировалась с развитием современных медицинских (прежде всего биомедицинских) технологий.

Основным источником правового регулирования отношений в данной области является Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» [1]. Согласно ст. 1 данного Закона физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, находящееся под медицинским наблюдением либо получающее медицинскую помощь, является пациентом и на него распространяются (наряду с общим правовым статусом) специальные права и свободы, предусмотренные указанным Законом и гарантированные в том числе нормами УК.

Система уголовно-правовых норм, призванных обеспечивать состояние защищенности пациента, в каждом государстве, как правило, включает в себя две группы норм: 1) общие нормы, предусматривающие ответственность за нарушение прав и свобод человека (личных, социально-экономических); 2) специальные уголовно-правовые запреты, закрепляющие противоправность тех посягательств, которые являются характерными именно для сферы оказания медицинской помощи и предоставления медицинских услуг. При этом характерно, что в части уголовно-правовой охраны основных прав и свобод человека (т. е. круга общих норм) уголовное законодательство различных государств демонстрирует достаточно высокую степень унифицированности, причем как с точки зрения структурного закрепления соответствующих норм (по общему правилу, такие нормы рассредоточены в общем массиве преступлений против жизни и здоровья человека), так и построения их перечня.

Что касается вопроса закрепления специальных норм в сфере охраны прав человека при обращении его за медицинской помощью (оказанием медицинских услуг), то в данном случае, действительно, наблюдается значительная вариативность законодательных подходов: от формулирования признаков общего состава нарушения прав пациента (например, ст. 141 УК Украины) до введения в уголовный закон самостоятельной, структурно обособленной рубрики (раздела, главы), объединяющей соответствующие преступления (например, глава 12 УК Республики Казахстан «Медицинские уголовные правонарушения»).

УК Республики Беларусь, следуя общей практике обеспечения прав и свобод человека в сфере оказания медицинской помощи (предоставления медицинских услуг), предусматривает в своей структуре обе названные группы норм. Это и общие нормы, которые позволяют привлекать виновных лиц к ответственности за нарушение права человека на охрану его здоровья, обеспечения неприкосновенности частной жизни и т. д.; это и специальные уголовно-правовые запреты в данной области, в частности, неоказание медицинской помощи больному лицу (ст. 161 УК), ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником (ст. 162 УК), принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163 УК), нарушение порядка проведения трансплантации (ст. 164 УК), разглашение врачебной тайны (ст. 178 УК) и т. д.

Признавая в целом рациональность принятого в УК Республики Беларусь подхода к охране прав пациента, следует, тем не менее, обратить внимание на некоторые наиболее перспективные в аспекте *de lege ferenda* направления дальнейшего развития отечественного уголовного закона, предопределяемые, в том числе, и результатами исследования зарубежного опыта в данной сфере. Как верно подчеркивал Марк Ансель, именно сравнение «способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [2, с. 38]. Очевидно, что в данном случае речь идет не о слепом заимствовании зарубежного опыта, а о его изучении с целью понимания своих проблем, своих возможностей и подлежащих принятию на этой основе собственных правотворческих решений. И если опыт выделения отдельной структурно обособленной рубрики уголовного закона, систематизирующей посягательства на права пациента и (или) иные близкие по своей природе деяния, требует дальнейшего тщательного изучения (прежде всего, с точки зрения критерия систематизации соответствующих преступлений), то опыт конструирования специального состава, предусматривающего ответственность за нарушение прав пациента, характерный, в частности, для уголовного закона Украины (ст. 141 УК), действительно, заслуживает внимания со стороны белорусского законодателя. При этом содержание противоправности соответствующего посягательства, как представляется, должно формулироваться через призму ст. 41 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», определяющей основные права пациентов, с учетом уже существующих в УК уголовно-правовых запретов в данной области.

В условиях активного использования современных медицинских технологий не менее значимым видится и расширение сферы криминализации соответствующих деяний посредством дополнения УК новыми уголовно-правовыми запретами, которые позволят более последовательно выполнять охранительную и превентивную функцию уголовного закона в данной области. С этой точки зрения представляется весьма актуальным дальнейшее развитие УК Беларуси в области предупреждения и наказания таких деяний, как противоправное проведение медицинских (биомедицинских) исследований с участием человека; насильственная донация крови (ее компонентов) и некоторые иные. В действующем УК отдельные признаки соответствующих противоправных посягательств закреплены в нормах об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества (например, ст. 127 УК), нарушения законов и обычаев ведения войны (в частности, ст. 135 УК). В остальных же случаях квалификация содеянного, по-видимому, должна осуществляться в зависимости от характера причиненного вреда (например, по ст. 147 УК) и признаков субъекта преступления.

Следует отметить, что опыт криминализации указанных и иных подобных деяний известен уголовному законодательству ряда зарубежных государств (в частности, ст. 142 «Незаконное проведение опытов над человеком» и ст. 144 «Насильственное донорство» УК Украины; ст. 144 «Клонирование» и ст. 148 «Лишение жизни по желанию лица (эвтаназия)» УК Молдовы и др.), в связи с чем изучение такого рода законодательного опыта, равно как практики применения соответствующих уголовно-правовых норм может подсказать возможные направления развития и белорусского уголовного закона в данной области.

Особо следует отметить необходимость дальнейшего развития уголовного закона Республики Беларусь в области охраны репродуктивной сферы пациента, значимость которой подтверждается и на законодательном уровне. С этой точки зрения заслуживают внимания суждения некоторых зарубежных авторов о целесообразности расширения сферы действия нормы об ответственности за принуждение к даче органов или тканей для трансплантации посредством указания и на репродуктивные ткани [3, с. 10]. Учитывая тот факт, что действие Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» не распространяется на отношения, касающиеся процесса воспроизводства человека (ст. 2), указанная позиция представляет интерес и для развития уголовного закона Беларуси (ст. 163 УК). Не менее актуальным видится установление ответственности за незаконные действия, связанные с применением вспомогательных репродуктивных технологий, криминализация которых характерна уголовному законодательству ряда зарубежных государств.

Список цитируемых источников

1. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII; в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Ансель, М. Методологические проблемы сравнительного права / М. Ансель // Очерки сравнительного права : сборник / Сост., пер. и вступит. ст. В. А. Туманова. – М. : Прогресс, 1981. – С. 36–86.
3. Лозанович, Л. А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л. А. Лозанович. – Ставрополь, 2004. – 189 л.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ УКЛОНЕНИЯ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Кукитель В.А.

Современная национальная экономика рассматривает институт кредиторской задолженности как один из важнейших источников финансирования текущей деятельности многих субъектов хозяйствования как частной, так и государственной форм собственности. Данный вид задолженности зачастую рассматривается как самопроизвольно возникающий и бесплатный ресурс, способствующий увеличению как объемов продаж, так и оборотных средств предприятий. Однако рост долгов и просрочка в их погашении зачастую приводят к неплатежеспособности предприятий и увеличению риска их банкротства, что само по себе негативно сказывается на развитии финансово-хозяйственных взаимоотношений между субъектами хозяйствования и способствует снижению экономического потенциала государства.

Недостаточная изученность и разработанность теоретических и практических проблем уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности, необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и выработки единообразной правоприменительной практики определяют актуальность выбранной нами темы как в научном, так

и в практическом аспекте. В рамках данной публикации подробно остановимся на способах уклонения от погашения кредиторской задолженности в рамках ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Уклонение от погашения кредиторской задолженности».

В соответствии с уголовным законодательством, а именно п. 1 ст. 11 УК преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными уголовным законом, и запрещенное им под угрозой наказания. Следовательно, объективную сторону рассматриваемого преступления образует уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере в форме как простого бездействия, так и активных действий, препятствующих выполнению обязанности по погашению долга. Наличие такой обязанности вытекает из вступившего в законную силу судебного постановления и является одним из условий наступления ответственности. Изучив диспозицию рассматриваемой статьи, делаем вывод, что состав преступления сконструирован по формальному признаку, т.е. в его объективной стороне наступление общественно опасных последствий не предусмотрено.

В рамках изучения данного преступного деяния необходимо рассмотреть содержание понятия «уклонение». Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова значение слова «уклонение» трактуется как избегание чего-нибудь, устранение от чего-нибудь [1]. Используя данное толкование в юриспруденции, уклонение представляет собой правовое бездействие, а именно виновное лицо не исполняет своих обязанностей перед кредитором.

Способы уклонения от погашения кредиторской задолженности у субъектов хозяйствования могут быть открытыми, совершенными путем обмана или злоупотребления доверием, и заключаться в следующем:

- не перечисление денежных средств кредитору при наличии достаточных средств на расчетных счетах в банках;
- использование денежных средств от реализации имущества и иных доходов не на погашение кредиторской задолженности, а в иных целях;
- сокрытие имущества как путем перемещения его в другое место, так и путем передачи его под сохранность другим лицам либо мнимое его уничтожение;
- сокрытие дополнительных источников доходов;
- попытка скрыться от должника (смена места жительства либо не нахождение по месту постоянного жительства);
- неявка по вызовам судебного исполнителя;
- препятствование взысканию задолженности (непринятие мер по взысканию дебиторской задолженности, затягивание процесса погашения задолженности на длительное время);
- оказание незаконного воздействия на кредитора;
- сокрытие или подделка документов и т.д. [2, с. 177].

А.П. Смольский основными способами, препятствующими погашению кредиторской задолженности по вступившему в законную силу судебному постановлению, выделяет следующие:

- использование денежных средств для расчетов в добровольном порядке с другими контрагентами (которые не являются приоритетными), в том числе

в качестве предварительной оплаты за предполагаемые к поставке товары; предоставление займов другим лицам;

- открытие новых (текущих) расчетных счетов в банках во избежание взыскания денежных средств путем предъявления платежного требования кредитором через органы принудительного исполнения или иным подобным образом;

- проведение расчетов с другими контрагентами в не денежной форме с использованием цепочек расчетов через третьих лиц;

- выведение активов, передача их третьим лицам безвозмездно или по стоимости ниже учетной;

- уступка требований к своим должникам иным субъектам хозяйствования;

- списание имущества с нарушениями законодательства о бухгалтерском учете и отчетности (без проведения являющейся при выявлении фактов хищения и (или) порчи активов инвентаризации, определения виновных лиц и возмещения ущерба; без создания комиссии, указания причины выбытия с обоснованием нецелесообразности использования и невозможности восстановления, оприходования частей и материалов или вторичного сырья и т.п., в результате чего остается неизвестным куда в действительности «ушло» это имущество) [3, с. 54].

В правоприменительной практике встречаются ситуации, когда в отношении лица имеется вступившее в законную силу судебное постановление, по которому оно обязано погасить кредиторскую задолженность. При этом должник не имеет доходов и имущества, на которое может быть обращено взыскание, нигде не работает и не пытается трудоустроиться. Другими словами имеет место простое бездействие. Возникает вопрос: можно ли привлечь данное лицо к уголовной ответственности по ст. 242 УК Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности»? Ответ на данный вопрос содержится в нормах международного права, согласно которым неспособность исполнить обязательство вследствие отсутствия для этого необходимых и достаточных материальных средств нельзя квалифицировать как преступление. Данное положение закреплено в ст. 1 Протокола № 4 от 16.09.1963 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г., ст. 11 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г., ст. 8 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26.05.1995 г.

Однако, на наш взгляд, необходимо различать ситуации, когда должник не работает в силу объективных причин (по состоянию здоровья, ввиду отсутствия работы и т.п.) и когда имеет место простое тунеядство. В случае, если лицо не хочет работать по причине того, что не может найти себе работу по своей специальности, квалификации или просто ведет аморальный образ жизни и в отношении его имеется непогашенная кредиторская задолженность, то, по нашему мнению, здесь есть признаки уклонения от погашения кредиторской задолженности.

В следственной практике не получил окончательного решения вопрос о значимости для применения мер уголовной репрессии количества имущества, скрываемого неплательщиком. В случае, если имущество, имеющееся у должника, на которое может быть обращено взыскание, не может погасить задолженность в полном объеме, будет ли в наличии состав преступления?

На наш взгляд, если должник укрывает имущество, стоимость которого в 250 и более раз превышает размер базовой величины, то имеются все основания для

привлечения к уголовной ответственности по ст. 242 УК. Следует отметить, что привлечение к ответственности в таком случае не должно исключать обязанность должника исполнить постановление суда в полном объеме.

Неоднозначной является ситуация, когда должник имитирует намерение погасить задолженность либо умышленно растягивает на длительное время процесс погашения задолженности. Является ли данный случай способом уклонения от погашения кредиторской задолженности?

С нашей точки зрения, в данном случае должник применяет тактику имитации погашения задолженности путем однократного или многократного перечисления средств на счета кредиторов в незначительной сумме. Логично, что несоизмеримо малые по сравнению с общей суммой кредиторской задолженности платежи при наличии у должника средств для погашения обязательств свидетельствуют о фактическом уклонении от исполнения постановления суда о погашении кредиторской задолженности.

А.П. Гладкий отмечает, что для наступления уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности не имеет значения, каким конкретным способом уклонялось ответственное за уплату долга лицо [4, с. 85]. Однако если уклонение было сопряжено с совершением каких-либо действий, образующих состав иного преступления, ответственность должна наступать по совокупности преступлений, например за уклонение от погашения кредиторской задолженности и служебный подлог (ст. 427) [5, с. 545].

Таким образом, проанализировав способы преступного бездействия, выделяемые белорусскими правоведами, делаем вывод, что в рамках ст. 242 УК под уклонением следует понимать умышленное неисполнение обязанности уплаты долга после вступления в законную силу судебного постановления, совершаемое путем бездействия (невозврата кредита при наличии возможности) и путем укрытия имущества, которое может служить предметом удовлетворения имущественного требования.

Список цитированных источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/alfabet/u8.shtml>. – Дата доступа: 15.07.2017.
2. Гладкий, А. П. Квалификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности: методич. пособие / А. П. Гладкий; под ред. В. М. Хомича. – Минск. – 2011. – 284 с.
3. Смольский, А. П. Уклонение от погашения кредиторской задолженности как преступление / А.П. Смольский // Юрист. – 2014. – № 7 (158). – С. 52–55.
4. Гладкий, А.П. Об ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности / А.П. Гладкий // Налоги Беларуси: научно-практический журнал Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь. – 2010. – № 3. – С. 83–85.
5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Архаменко [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1007 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ландина А.В.

Информационная безопасность является неотъемлемой составляющей каждой из сфер национальной безопасности. В то же время информационная безопасность является важной самостоятельной сферой обеспечения национальной безопасности. Именно поэтому дальнейшее развитие любого современного государства как суверенного, демократического, правового и экономически стабильного, развитие его в рамках международного законодательства возможно только при условии обеспечения надлежащего уровня информационной безопасности. Обеспечение информационной безопасности, вместе с тем, является неотъемлемым аспектом социально-экономической стабильности государства.

Перед органами уголовной юстиции остро встал вопрос выработки и применения эффективных средств борьбы с негативными явлениями в сфере информационной безопасности как составляющей национальной безопасности и обеспечения защиты национального информационного пространства от противоправных действий, следствием которых могут быть общественно опасные последствия, причем нередко не только для внутренней политики государства, но и для других стран. Одним из основных средств борьбы с общественно опасными проявлениями в области информационной безопасности является установление уголовной ответственности за преступления, которые совершаются в указанной сфере.

Тема уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере информационной безопасности в науке уголовного права относительно новая, поэтому, на наш взгляд, еще не получила должного развития.

Понятие информационной безопасности в юридической науке не является новым. Существует отдельная отрасль права – информационное право, в рамках которой исследуются проблемные вопросы, связанные с указанной сферой праворегулирования [1; 2]. Кроме того, достаточно большое количество исследований в части обеспечения информационной безопасности проводится в области административного права [3].

В теории уголовного права информационная безопасность определяется как система общественных отношений, обеспечивающих реализацию информационной потребности физических и юридических лиц, общества и государства [4, с. 270]. Это определение требует уточнения в том плане, что информационная безопасность – это не столько система, сколько порядок определенных общественных отношений, и такой порядок реализации информационной потребности регламентируется нормами действующего национального законодательства.

Информационная безопасность – это урегулированный нормами права порядок общественных отношений, обеспечивающий реализацию информационной потребности физических и юридических лиц, общества, государства.

Уголовное законодательство большинства стран содержит большое количество норм, в которых уголовная ответственность предусмотрена

за преступления, посягающие на информационную безопасность (как основных, так и квалифицированных), среди которых такие наиболее общественно опасные деяния, как преступления против государства, мира и безопасности человечества, против нравственности и тому подобное. Но установив уголовную ответственность за преступные посягательства на информационную безопасность, законодатель некоторых государств не определяет информационную безопасность как один из объектов правовой охраны. Поэтому считаем необходимым добавить в уголовное законодательство соответствующих стран еще одну сферу общественных отношений, обеспечивающуюся охраной со стороны уголовного законодательства, а именно – информационную безопасность. Считаем, что такое дополнение соответствует современному состоянию развития и законодательства, и деятельности органов уголовной юстиции государств, а также указывает на исключительное значение информационной безопасности как для отдельных государств, так и для международных отношений.

Совершенствования требуют и некоторые теоретические вопросы относительно норм, устанавливающих ответственность за преступления против информационной безопасности. Так, в частности, в рамках определения понятия информационной безопасности как объекта преступления, нужно определить объект каждого из преступлений, посягающих на информационную безопасность. Кроме того, важным вопросом является определение информации как предмета преступлений.

Более глубокого анализа требует проблема определения того, кто может быть субъектом преступных посягательств на информационную безопасность. В частности, необходимы исследования вопроса возможности привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере информационной безопасности юридических лиц. Также нужно установить, какие преступления в этой сфере могут быть совершены общим субъектом, а какие только специальным в зависимости от сферы оборота соответствующей информации (например, преступления против правосудия, связанные с неправомерным разглашением определенных сведений, разглашение информации, которая имеет государственное значение и т.д.).

В связи с этим тщательного пересмотра требуют санкции за преступления, посягающие на порядок обеспечения реализации информационной потребности физических и юридических лиц, общества, государства.

Также одним из актуальных вопросов на современном этапе совершенствования уголовного законодательства является выделение в отдельную категорию уголовных проступков, которые характеризуются меньшей общественной опасностью по сравнению с преступлениями, но и большей опасностью по сравнению с административными правонарушениями. Поэтому нужно в контексте декриминализации (депенализации) как одного из направлений уголовно-правовой политики, отдельным вопросом изучать эти процессы по преступлениям в сфере информационной безопасности.

Таким образом, важность совершенствования обеспечения информационной безопасности в государстве, в том числе уголовно-правовыми средствами, очевидна, и проблемы, о которых речь шла выше, требуют скорейшего решения.

1. Колодюк, А. В. Інформаційне суспільство: сучасний стан та перспективи розвитку в Україні: дис. ... канд. політ. наук: 23.00.03 / А. В. Колодюк; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка; Ін-т журналістики. – К., 2004. – 234 с.
2. Марущак, А. І. Інформаційне право: доступ до інформації : навч. посіб. для студ. ВНЗ / А. І. Марущак. – К. : КНТ, 2007. – 531 с.
3. Ліпкан, В. А. Адміністративно-правові основи забезпечення національної безпеки України: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.07 / Володимир Анатолійович Ліпкан; Київ. нац. ун-т внутр. справ. – К., 2008. – 34 с.
4. Карчевський, М. В. До питання визначення інформаційної безпеки як об'єкта кримінально-правової охорони / М. В. Карчевський // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). – 2012. – № 1 (27). – С. 267-272.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ ПЛАТЕЖЕЙ

Лихолая В.А.

1. Введение

Желание не платить налоги и приравненные к ним платежи (в дальнейшем – налоги) или платить по возможности меньше как социальное явление основывается на столкновении имущественных интересов государства и индивида, так как в интересах государства – увеличить объем взимаемых налогов, а желание налогоплательщиков – уменьшить налоговое бремя как легальными, так и нелегальными способами [1, с. 5-6].

В результате отрицательных последствий уклонения от уплаты налогов в экономической, социальной и политической сфере ухудшается и криминогенная ситуация не только в границах одного отдельно взятого государства, так как данное явление имеет транснациональный характер.

Среди причин уклонения от уплаты налогов выделяется группа правовых причин [2, с.79-80] или юридически-административных причин [3, с.152-153], к которым относится объем и сложность нормативного регулирования, постоянные изменения нормативных актов, неточности и неясность в изложении методики их применения, что порождает трудности добросовестным налогоплательщикам, а недобросовестные получают возможность уклониться от уплаты, используя пробелы и коллизии нормативного регулирования.

Например, в течение трех лет базовый Закон Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» изменялся и дополнялся десять раз, а в течение четырех лет трижды менялись стандартные ставки налога на добавленную стоимость. Такая нестабильность возбуждает у населения чувство неудовлетворенности, недоверие к налоговой политике, правовой нигилизм, что вредит взиманию налогов в полном объеме.

Вопрос об уклонении от уплаты налогов актуален и для Латвийской Республики. Законодатель защищает фискальные интересы государства, предусматривая ответственность за уклонение от уплаты налогов, однако количество преступных деяний и причиненный государству ущерб не уменьшается. По данным Государственной службы доходов в 2017 году начаты

204 уголовные процессы, причинен ущерб государству в размере 44 722 765,13 евро [4].

2. Ответственность за уклонение от уплаты налогов

Ответственность за уклонение от уплаты налогов в Латвийской Республике предусмотрена на трех уровнях – 1) в налоговых законах; 2) административная ответственность; 3) уголовная ответственность.

В первоначальной редакции Уголовного закона (в дальнейшем – также УЗ) от 17 июня 1998 года, который вступил в силу 1 апреля 1999 года, в ч. 1 ст. 218 была предусмотрена ответственность за уклонение от уплаты налогов и приравненных к ним платежей или за сокрытие либо уменьшение доходов, прибыли или других облагаемых налогом объектов, если это совершено повторно в течение года, а в ч. 2 данной статьи указано на квалифицирующий признак – причинение ущерба в крупном размере государству или самоуправлению.

В течение действия УЗ ст. 218 изменялась четыре раза, содержание диспозиций менялось три раза. Так, Законом от 13 декабря 2007 года статья дополнена ч. 3, в которой указано на совершение предусмотренных ч. 2 действий в организованной группе; Законом от 13 декабря 2012 года исключена ч. 1 статьи, а законом от 8 июня 2017 года в ч. 3 изменена диспозиция указанием на то, что ответственность наступает за предусмотренное ч. 2 преступное деяние, если оно совершено организованной группой.

Суть изменений в ст. 218 УЗ заключается, во-первых, в том, что исключением ч. 1 законодатель, как и во всем УЗ, отказался от такого условия уголовной ответственности как совершение деяния повторно в течение года, проведя четкую грань между административным проступком, ответственность за который предусмотрена ст. 159 Кодекса об административных правонарушениях Латвии, и преступным деянием, ответственность за которое науступает при причинении ущерба в крупном размере.

Во-вторых, изменениями в ч. 3 настоящей статьи обоснованно установлено, что квалифицирующий признак – совершение организованной группой – может быть вменен только при условии, что виновное лицо совершило вредное деяние и в результате наступили вредные последствия – ущерб в крупном размере. Данное изменение соответствует указанию Верховного Суда республики, что вопрос о квалификации преступного деяния с квалифицирующим признаком – совершение организованной группой – решается в общей связи со ст. 21 УЗ, в которой даны признаки организованной группы [5].

В ч. 1 ст. 21 УЗ указано, что организованной группой является объединение, образованное более чем двумя лицами, которое создано для совершения одного или нескольких преступлений, и участники которого в соответствии с предварительным сговором распределили обязанности.

Принимая во внимание, что указанные в ч. 2 ст. 218 УЗ действия, если они не вызвали наступления указанных в данной норме вредных последствий, являются административным проступком, то квалификация их по признаку совершения организованной группой противоречит ст. 21 УЗ.

Что же касается включения признака «крупный размер» в качестве условия уголовной ответственности, то такое решение противоречит традиционному формированию диспозиций статей Особенной части УЗ, так как указание на вредные последствия в виде ущерба в крупном размере используется для

формирования квалифицированных и особо квалифицированных составов с учетом того, что крупный размер составляет весьма внушительную сумму.

Согласно ст. 20 Закона «О порядке вступления в силу и применения Уголовного закона», ответственность за преступление, которое совершено в крупном размере, наступает, если общая стоимость предмета преступления на момент совершения деяния была не менее пятидесяти установленных в то время в Латвийской Республике минимальных месячных заработных плат. Таким образом, при минимальной месячной заработной плате, которая установлена с 1 января 2018 года, крупный размер составит 21 500 евро (430 евро x 50). Учиывая, что в ряде статей Особенной части, где также было исключено указание на совершение деяния повторно в течение года, в качестве условия уголовной ответственности указано на значительный ущерб при общей стоимости предмета преступления не менее десяти минимальных месячных заработных плат, решение законодателя в отношении уклонения от уплаты налогов по меньшей мере вызывает недоумение.

Как отмечалось выше, ответственность за уклонение от уплаты налогов предусмотрена в налоговых законах, Кодексе об административных правонарушениях и в УЗ. В такой ситуации особо важно обеспечить соблюдение принципа *ne bis in idem*, ибо по заключению Европейского суда по правам человека, которое закреплено и в юдикатуре Верховного Суда республики, штрафу, налагаемому в соответствии с налоговыми законами, также присущ характер наказания и он может быть приравнен к уголовному наказанию в ракурсе ст. 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека [6]. В связи с этим применение меры административно-правового воздействия и административного или уголовного наказания, а равно привлечение к административной и уголовной ответственности за одно и то же деяние, соответствующее признакам уклонения от уплаты налогов, следует рассматривать как нарушение принципа *ne bis in idem*.

В контексте принципа справедливости неоднозначно следует расценивать то, что администрирование налогов в Латвии четко не разграничивает административный и уголовный процесс, так как нормативное регламентирование, с одной стороны, возлагает обязанность сотрудничать с налоговой администрацией, а, с другой стороны, может привести к свидетельствованию против себя и фактическому самообвинению, что противоречит Европейскому и национальному правовому регулированию [7, с. 22-40]. Закрепленная в налоговом праве обязанность сотрудничать с налоговой инспекцией в рамках административного процесса и вытекающее из уголовного процесса право не обвинять себя приходят в оппозицию в случае, когда материалы административного процесса передаются для иницирования уголовного процесса и в дальнейшем используются в качестве доказательств. В целях устранения нарушения законности при этом, Верховный Суд республики указал на необходимость проверки судом, соблюден ли порядок сбора доказательств в административном процессе и не было ли затребовано представление таких сведений, которые фактически указывали бы на самообвинение [8].

3. Проблемы при квалификации уклонения от уплаты налогов

Обобщением судебной практики по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов [9], проведенным по инициативе Верховного Суда республики в 2013 году автором данной статьи, а также анализом приговоров за последующий

период выявлен ряд проблемных моментов при квалификации преступных деяний. На некоторых из них следует остановиться подробнее.

3.1. Несмотря на то, что законодатель в ст. 23 УЗ четко обозначил признаки отдельного (единого) преступного деяния, а также продолжаемого и длящегося преступного деяния, на практике при определении вида преступного деяния нет единообразия [10]. В целях обеспечения единого понимания продолжаемого уклонения от уплаты налогов Верховный Суд в резюме упомянутого обобщения судебной практики разъяснил, что если содеянное лицом деяние состоит из нескольких взаимно связанных таких же действий или актов бездействия, которые направлены на конечную цель – уклониться от уплаты налогов, что охватывалось единым умыслом виновного лица, деяние признается продолжаемым преступным деянием и только в этом случае допускается суммирование причиненного ущерба. Если же лицо имело отдельный умысел совершить два или более уклонений от уплаты налогов, каждый случай уклонения квалифицируется самостоятельно.

3.2. Спорным на практике является вопрос об отнесении предусмотренного в ст. 218 УЗ преступного деяния к категории длящихся. Следует согласиться с мнением И.Э.Звечаровского, что уклонение от уплаты налогов не является длящимся преступлением, так как после наступления предусмотренных законом последствий состав преступного деяния не реализуется, ибо он уже окончен, сохраняется только не являющаяся уголовно-правовой обязанностью уплатить обязательные платежи [11, с. 41-42]. Обоснованно также пояснение В.И.Тюнина, что в случаях, когда уголовный или иной закон устанавливает срок выполнения обязанности, преступление следует квалифицировать как простое отдельное преступление, которое окончено с наступлением срока выполнения обязанности [12, с.89]. Необходимо отметить, что именно такое решение содержит постановление Верховного Суда Латвийской Республики от 16 января 2018 года по делу SKK-4/2018, из которого следует, что уклонение от уплаты налогов в целом считается оконченным с момента фактической неуплаты налога, то есть, с наступлением срока уплаты налога за конкретный период таксации, когда налог не уплачен вообще или уплачен частично, и государству или самоуправлению причинен ущерб в крупном размере.

3.3. Что касается момента окончания предусмотренного ст. 218 УЗ преступного деяния, то из общего правила есть исключение в случае, когда представлены ложные сведения о праве на возврат предоплаты налога на добавленную стоимость. В данном случае деяние считается оконченным с момента, когда якобы переплаченный налог реально использован для покрытия налога на добавленную стоимость в следующих периодах таксации, других налогов или для погашения долгов по налогам. До тех пор, пока реальное использование «переплаты» не констатировано, содеянное квалифицируется как покушение на уклонение от уплаты налогов.

3.4. На практике нередки сложности при определении прямого исполнителя преступного деяния. В целях обеспечения привлечения к уголовной ответственности фактических виновных, в юдикатуре закреплено правило, что прямым исполнителем уклонения от уплаты налогов является и привлекается к уголовной ответственности не то лицо, которое является формальным руководителем юридического лица или которое зарегистрировано в Государственном регистре предприятий, а реальный руководитель юридического лица, который

осуществляет финансово-хозяйственную деятельность. Фиктивный же руководитель может быть привлечен к ответственности как пособник.

3.5. Одним из проблемных вопросов при квалификации уклонения от уплаты налогов является его отграничение от мошенничества (ст. 177 УЗ), поскольку оба состава содержат признаки обмана, что особенно характерно при уклонении от уплаты налога на добавленную стоимость, когда в декларации указываются несостоявшиеся (фиктивные) сделки с целью увеличить сумму предоплаты налога на добавленную стоимость, соответственно, уменьшая сумму, подлежащую уплате в государственный бюджет.

С учетом того, что в судебной практике было констатировано различие при разграничении преступных деяний, предусмотренных ст.ст. 218 и 177 УЗ, Верховный Суд Латвии в постановлениях от 26 марта 2013 года по делу –SKK-3/2013 и от 30 марта 2013 года по делу SKK-11/2013 разъяснил, что: 1) в случае, когда лицо не занимается хозяйственной деятельностью, а заключены только фиктивные сделки, деяние не посягает на интересы народного хозяйства в сфере взимания налогов, то содеянное квалифицируется как мошенничество; 2) если предприятие, зарегистрированное как плательщик налога на добавленную стоимость, не только заключает фиктивные сделки, но и реально занимается хозяйственной деятельностью, однако в декларациях указывает на переплату в связи с фиктивными сделками, впредь возможно уклонение от уплаты налогов за счет того, что предоплата вычтена за несостоявшиеся сделки; 3) если при указанных выше обстоятельствах лицо потребовало вернуть переплату налогов, образовавшуюся в связи с фиктивными сделками, содеянное квалифицируется также как мошенничество.

3.6. С учетом того, что уклонение от уплаты налогов является единым процессом, включающим в себя манипуляции с бухгалтерскими данными, проводкой ложных сведений, затем переносом этой ложной информации в налоговые декларации и их приложения и представление их налоговой администрации, что совершается с единым умыслом и конкретной целью – уклониться от уплаты налогов, Верховным Судом ошибочной признана квалификация преступного деяния, предусмотренного ст. 218 УЗ по совокупности со ст.ст. 217 и 219 УЗ, предусматривающими ответственность соответственно за нарушение правил бухгалтерской и статистической информации и за уклонение от подачи декларации.

4. Заключение

1. Системный анализ судебной практики по делам об уклонении от уплаты налогов и приравненных к ним платежей выявил ряд проблемных вопросов при квалификации преступных деяний, предусмотренных ст. 218 УЗ, для решения которых юрисдикцией Верховного Суда Латвийской Республики предложены конкретные рекомендации, соблюдение которых способствует установлению единообразной судебной практики.

2. В целях обеспечения соблюдения принципов *ne bis in idem* и права не обвинять себя при проведении административного и уголовного процесса, представляется необходимым законодательным путем обеспечить согласованность соответствующих положений налогового и уголовно-процессуального права.

Список цитированных источников

1. Ketners K. Nodokļu optimizācijas principi. Rīga: Merkūrijs LAT, 2008. – 5.-6.lpp.

2. Ketners K. Nodokļu optimizācijas principi. Rīga: Merkūrijs LAT, 2008. – 79 - 80.lpp.
3. Ravas O.C. Comparative analysis of tax evasion between Moldova and Romania. Annals of the University of Petrosani Economics, 2015, Nr.2. – P. 152 – 153.
4. Latvijas Republikas Valsts ieņēmumu dienesta paziņojums par Finanšu policijas pārvaldes darbības rezultātiem 2017.gadā. Pieejams: <https://www.vi.ov.lv/lv/vid-finansu-policijas-parvaldes-darbibas-rezultati-no-2017-gada-1-janvara-lidz-31-decembrim>.
5. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Krimināllietu departamenta 2015.gada 26.novembra lēmums lietā SKK-32/2015.
6. См., например, Eiropas Cilvēktiesību tiesas 2009.gada 10.februāra spriedumu lietā: 14939/03 Case of Sergey Zoloukhin v. Russia. Pieejams: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-91222>; Latvijas Republikas Augstākās tiesas Administratīvo lietu departamenta 2010.gaa 22.novembra spriedums lietā SKA-428/2010.
7. Lazdiņš J., Ketners K. Tiesu nolēmumu ietekme uz Latvijas nodokļu tiesību dinamiku. Latvijas Universitātes žurnāls. Juridiskā zinātne, 2012, Nr.3. – 21. – 40.lpp.
8. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Administratīvo lietu departamenta 2011.gada 16.maija spriedums lietā SKA-123/2011.
9. Tiesu prakse lietās par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu un izvairīšanos no nodokļu maksāšanas. Pieejams: www.at.gov.lv/lv/judikatura/tiesu-prakses-apkopojumi/kriminaltiesibas/.
10. См. подробнее Коваļa Л. Криминалātbildība par izvairīšanos no nodokļu un tiem pielīdzināto maksājumu nomaksas. Promocijas darbs, 2018.
11. Вечаровский, И. Момент окончания преступлений с материальным составом. К вопросу о квалификации преступного уклонения от уплаты налогов. Российская юстиция, 1999, №9. – С. 41-42.
12. Тюнин, В. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Университет МВД России, 2001. – С. 89.

О ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВОБОД УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ И ОТ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Лопашенко Н.А.

1. Экономические свободы провозглашены и гарантируются государством

Принцип свободы экономической деятельности в России – это конституционный принцип (ст. 8 Конституции РФ). Он заключается в способности и возможности гражданина действовать в сфере экономики по собственному усмотрению, в соответствии со своими интересами и целями. Конституция гласит: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Ст. 8 Конституции РФ провозглашает: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности».

Гарантирует свободу экономической деятельности, называя это терминологически иначе, и Конституция Республики Беларусь, в ст. 13 которой

говорится: «Государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Государство способствует развитию кооперации. Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

Абсолютной свободы, разумеется, не бывает, но экономические отношения в большой степени способны к саморегулированию. Задачей государства здесь, в том числе в лице своих должностных лиц, является создание гарантий экономической свободы, поддерживающих желание человека (группы лиц) заняться предпринимательской деятельностью, которая в конечном итоге несет пользу всему обществу и государству, и дающих ему (им) реальную возможность проявления себя в бизнесе. Государственное регулирование в этой сфере должно быть сильно ограничено, чтобы свобода экономической деятельности не напоминала собой просторную золотую клетку, лишь в пределах которой человек свободен.

Попытки выстроить пределы экономической свободы есть и в Конституции России, которая позволяет вести экономическую или иную деятельность всех видов, кроме запрещенных законом; и в Конституции Республики Беларусь, которая пользуется теми же оборотами – кроме запрещенной экономической деятельности. Правда, в Конституции Беларуси есть и еще одно ограничение, и оно более существенно: «Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях» (ст. 13). У автора вызывает сомнение то положение, что экономическая деятельность координируется государством в социальных целях; представляется, что бизнес вполне может руководствоваться только своими экономическими интересами, если это не нарушает законодательных норм.

Как бы то ни было, экономические свободы – это важнейшие свободы, принадлежащие человеку. И Россия, и Республика Беларусь их гарантируют, при этом не последнее место в системе таких гарантий должно быть отведено уголовно-правовым гарантиям, а именно: нарушение отдельных экономических прав и свобод должно влечь уголовную ответственность.

2. Охраняет ли уголовный закон экономические свободы, провозглашенные Конституцией?

Можно удивиться такой постановке вопроса, с учетом того, что и УК РФ, и УК Республики Беларусь включают в свою Особенную часть раздел VIII, который в первом УК называется «Преступления в сфере экономики», во втором – «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности», и в которых преступлениям в сфере экономической деятельности (против порядка осуществления экономической деятельности) посвящены отдельные главы, соответственно, гл. 22 УК РФ и гл. 25 УК Республики Беларусь. И в одном, и в другом уголовном законе эти главы объемны, состоят из 56 и 43 статей соответственно. Поэтому, казалось бы, законодатель и в одном, и в другом УК достаточно внимания уделяет уголовно-правовой охране экономических свобод.

Однако более глубокое знакомство с составами экономических преступлений приводит совсем к другому и неутешительному выводу: и одно, и другое государство охраняет от посягательств не порядок экономической деятельности, а, прежде всего, – себя и свои интересы, практически не заботясь об экономических свободах граждан. В самом деле, и незаконное предпринимательство, например (ст. 171 УК РФ, ст. 233 УК Республики Беларусь), и налоговые преступления (ст. ст. 198 – 199.4 УК РФ, ст. 243 УК Республики Беларусь (замечу в скобках – ведь можно, оказывается, одной статьей обходиться...)), и преступления, связанные с валютными ценностями, можно продолжать, причиняют ущерб, в первую очередь, государству.

Напрямую ответственность за нарушения экономических свобод в гл. 22 УК РФ содержит всего одна статья – ст. 169 УК – «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», далеко не высокого качества законодательной техники и с другими проблемами, связанными с нарушением принципа системности уголовного права. Верно отмечал в свое время О.Ю. Якимов: «защите сферы экономической деятельности посвящена глава 22 Уголовного кодекса. При этом налицо непонятный перекося. Защите бизнеса от власти посвящена лишь одна статья – 169 УК» [1, с. 443].

Почти такая же ситуация и в Республике Беларусь, где в специальной главе Особенной части – гл. 25 УК «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» есть всего одна статья, которая направлена на охрану прав предпринимателей от государства – ст. 232 УК «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности».

И в России, и в Беларуси названные преступления представляют собой специальные случаи должностного злоупотребления и, к сожалению, оба законодателя полагают такое злоупотребление менее тяжким по сравнению с другими разновидностями должностных злоупотреблений. Так, максимум наказания в три года лишения свободы определен за воспрепятствование в обоих государствах. Однако в России ст. 169 УК состоит из двух частей, и в первой части лишение свободы вообще не предусмотрено, а в Беларуси ст. 232 УК состоит из одной части. В то же время злоупотребление должностными полномочиями в России (ст. 285 УК) уже по первой части может быть наказано лишением свободы до четырех лет, по второй части – до семи лет, по части третьей – до десяти лет; а злоупотребление властью или служебными полномочиями в Беларуси (ст. 424 УК¹) влечет по второй (первая исключена) части максимум наказания в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет, по третьей части – лишение свободы от трех до десяти лет.

Хотя ситуация в Беларуси с охраной экономических свобод, все-таки, лучше, и существенно. В ст. 232 УК Республики Беларусь есть указание на обязательный признак деяния – причинение ущерба в крупном размере, и оговорка – при отсутствии признаков более тяжкого должностного преступления. Это означает, если толковать буквально, что в случае наступления последствий в виде существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, либо если деяния, связанные

¹ Уголовный закон Республики Беларусь знает еще одну статью о должностных преступлениях, которой нет в России, однако деяние признается преступным в рамках должностного злоупотребления, – ст. 425 УК «Бездействие должностного лица». Не анализирую это здесь; ситуация и в рамках этой статьи однотипна с должностным злоупотреблением, хотя бездействие наказывается меньше.

с воспрепятствованием должностным лицом законной предпринимательской деятельности, совершены должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, либо если они повлекли тяжкие последствия, следует применять составы должностных преступлений. Таким образом, только последствие в виде причинения ущерба в крупном размере позволяет квалифицировать воспрепятствование по ст. 232 УК Республики Беларусь.

В России такой возможности нет. Статья 169 УК РФ конкурирует и является специальной нормой по отношению к общей норме, предусмотренной ст. 285 УК РФ, — злоупотреблению должностными полномочиями. Согласно правилу квалификации, изложенному в ч. 3 ст. 17 УК РФ, уголовная ответственность наступает по специальной норме (ст. 169 УК РФ) [2, с. 9; иная позиция — 3, с. 146-149].

Однако выделение специальной нормы наряду с общей целесообразно лишь в том случае, если деяние, предусмотренное специальной нормой, исходя из его общественной опасности и специфики сферы применения, требует существенно более мягкого или существенно более жесткого наказания или указания на дополнительные условия привлечения к уголовной ответственности либо на исключение в специальной норме некоторых обязательных условий привлечения к ответственности. Это положение законодательной техники не учтено при создании нормы, предусмотренной ст. 169 УК РФ.

Поскольку должностное экономическое злоупотребление причиняет ущерб не только государственной власти, интересам государственной службы и службы в органах местного самоуправления, но и — всегда — принципам осуществления экономической деятельности, а именно, конституционно провозглашенному принципу ее свободы, постольку очевидно, что выделение подобной нормы продиктовано необходимостью усиления возможной уголовной ответственности за него. Однако на деле этого не происходит. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 169 УК РФ, отнесено законодателем к категории преступлений небольшой тяжести, в то время как неквалифицированное злоупотребление должностными полномочиями — преступление средней тяжести. Не меняет оценки и тот факт, что в числе обязательных признаков воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности не указаны корыстная или иная личная заинтересованность (последний мотив сформулирован очень широко и, по сути, охватывает все виды преступной мотивации, что возможно и по ст. 169 УК РФ) и последствие в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности всегда влечет за собой существенное нарушение конституционного права на свободу экономической деятельности или других прав и свобод — в случае воспрепятствования иной законной деятельности).

Сопоставление санкций ч. 2 ст. 169 и ч. 3 ст. 285 УК РФ (в ч. 2 ст. 285 УК РФ выделен квалифицированный состав по признакам специального субъекта) показывает еще большую несогласованность уголовного законодательства. При наличии, без сомнения, одинаково тяжких последствий, законодатель относит квалифицированное экономическое должностное злоупотребление к категории преступлений небольшой тяжести, а особо квалифицированное общее должностное

злоупотребление – к категории тяжких преступлений. Послабление уголовной ответственности в первом случае ничем не объяснимо; санкции ст. 169 УК РФ должны быть изменены в сторону их ужесточения [4, с. 156-158; 5, с. 21].

Разумеется, в уголовных кодексах есть достаточное количество статей, предусматривающих уголовную ответственность за посяательства на экономические права и свободы других лиц и организаций (например, ограничение конкуренции – ст. 178 УК РФ, ст. 247 УК Республики Беларусь; принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения – ст. 179 УК РФ, ст. 246 УК Республики Беларусь; коммерческий шпионаж – ст. 183 УК РФ, ст. 254 УК Республики Беларусь; можно продолжать). Эти нормы нужны, важны, направлены на охрану свободы экономической деятельности.

Однако перекося в уголовно-правовой защите экономических интересов государства и экономических прав и свобод других лиц, все-таки, налицо.

Но и с этим, наверное, можно было бы смириться, если бы не законодательный произвол, постоянно ограничивающий свободу экономической деятельности

3. Уголовный закон как «творитель» преступного экономического поведения.

У правильной максимы («*коль предусмотрено в уголовном законе, – преступление*») есть другая сторона, по сути, – законная, по факту искажающая, а то и уничтожающая закон, и ее последствия часто гораздо более вредоносны, нежели последствия самих экономических преступлений. Название этой стороне – псевдо- или квази- преступления.

Суть *квазипреступлений*: преступлением признаются деяния, которые вовсе лишены общественной опасности, являются социально нейтральными, а то и должны быть расценены как общественно полезные; или же они обладают некоторой степенью социальной вредности, но явно недостаточной для отнесения их к преступлениям, они – по характеру – административно-правовые правонарушения, на самом деле.

Поскольку преступления, в определенной мере, создает законодатель (преступным может быть только то, что таковым объявлено уголовным кодексом; в этом смысле, соглашусь с Нильсом Кристи и с Я.И. Гилинским, – любое преступление есть искусственный абстракт, и любое преступление, по сути, рождено волею законодателя), постольку квазипреступления – это полностью его детище. С точки зрения оценки такого законотворческого процесса – это абсолютно чистое творчество, без кавычек чистое. Правда, термин «чистое» означает здесь не получившийся результат, а – в связке с термином «творчество» — процесс создания нормы, посвященной уголовной ответственности за новое преступление. Каждый сам себе избирает творческую стезю: кто-то делает машины, кто-то – мороженое, кто-то – картины, музыку, театр, кто-то, и вовсе – детей. Законодатель – наш, российский (да и белорусский, хотя – много меньше нашего) – творит, изобретая новые «преступления».

Самое большое количество таких «преступлений» находится в главах преступлений в сфере экономической деятельности. К числу таких псевдопреступлений в России относятся, например, незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), место которого – в рамках административного или гражданского права; незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ); незаконная розничная продажа

алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ); воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ); уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ) и т.п.

Не беря на себя смелость квалифицированно судить о псевдопреступлениях в экономической сфере в Беларуси, замечу, тем не менее, что вижу признаки многих экономических псевдопреступлений и здесь (например, нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь (ст. 224 УК), невозвращение из-за границы валюты (ст. 225 УК), выманивание кредита или субсидии (ст. 237 УК), срыв публичных торгов (ст. 251 УК), и т.д. – почти все такие же деяния есть и в России).

Для чего создаются псевдопреступления? Причин масса. И среди них и такие, как лоббирование интересов определенных групп населения (власти, или бизнеса, или даже преступных авторитетов), и стремление депутатского корпуса продемонстрировать высокую деловую активность (во исполнение наказов избирателей), и желание угодить руководителям государства, сделавшим акцент в своих выступлениях на негативной оценке того или иного явления. А вообще у автора есть стойкое ощущение того, что уголовный закон – это некая понятная депутатам таблетка от всего – прописали, и все наладилось...

Терри Пратчетт когда-то говорил: «Анк-Морпорк не зря назывался городом больших возможностей. К примеру, в нем имелась возможность не быть повешенным, насаженным на кол или четвертованным за преступления, совершенные где-то в горах». Перефразируя, можно сказать, что наш уголовный кодекс – тоже кодекс больших возможностей: преступлением можно объявить любое действие или бездействие, была бы законодательная воля. А она неизменно в последние годы в России присутствует. И свобода экономической деятельности практически исчезает; почти любое «инакомыслие» в экономической деятельности уже преступно или будет объявлено таковым завтра.

А предприниматель – все менее свободен в своей деятельности, которая должна бы была приносить ему прибыль и пользу, но часто влечет экономические убытки и невозможность не совершать экономические преступления – столь узким остается поле для законной экономической деятельности...

Если эта ситуация не изменится, рыночная экономика перестанет существовать.

Кажется, в России это стали понимать даже на властных высотах; грядет проект закона о значительной декриминализации в области экономических преступлений. Время покажет...

Список цитированных источников

1. Якимов, О. Ю. Общество, бизнес и власть: взаимная ответственность. – В сб.: Современные разновидности российской и мировой преступности: тенденции, возможности и перспективы противодействия / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2005.

2. Ворожко, К. А. Незаконное вмешательство должностных лиц в предпринимательскую деятельность: уголовно-правовые аспекты. – Автореф. канд. дисс. – Ростов-на-Дону, 2011.

3. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. – СПб., 2002.

4. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

5. Валеев, А. М. Ответственность должностных лиц за преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России (ст. 169, 170 УК РФ). – Автореф. канд. дисс. – Казань, 2005.

КВАЛИФИКАЦИЯ СКЛОНЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕМ ПОДЧИНЕННОГО К ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ

Лосев В.В.

Проблемы соучастия в преступлении, несмотря на давнюю историю разработки этого института уголовного права, остаются одними из наиболее спорных в теории и практике правоприменения. Среди них особо выделяются вопросы квалификации различных вариантов стечения должностных и иных лиц при совершении преступлений, в частности, оценки склонения должностными лицами подчиненных к совершению преступлений, в т.ч. к взяточничеству.

В связи с этим предлагается проанализировать разъяснение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащееся в п. 7 постановления от 23 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве»: «Как взяткодатели несут ответственность должностные лица, предложившие своим подчиненным добиваться путем дачи взятки другому должностному лицу желаемого действия или бездействия. Лица, вступившие по указанию своих руководителей в сговор с должностными лицами о выполнении за взятку определенных действий и вручившие взятку, являются соучастниками этого преступления. Если же они лишь передали взятку, зная о характере поручения, их действия следует расценивать как посредничество во взяточничестве».

Похожее разъяснение содержится в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «Должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, поручившее подчиненному по службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации передать взятку должностному лицу, несет ответственность по статье 291 УК РФ за дачу взятки, а работник, выполнивший его поручение, – при наличии оснований, по ст. 291.1 УК РФ за посредничество во взяточничестве».

Вместе с тем в этих разъяснениях имеется существенное различие. Как представляется, приведенное в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь не совсем однозначно. Среди белорусских ученых к этой проблематике обращался только Н.А. Бабий, проанализировав в т.ч. критические замечания российских ученых [1, с. 512–518].

По нашему мнению, варианты квалификации должны быть различными в зависимости от следующего:

во-первых, руководитель поручил (приказал) подчиненному дать взятку (как об этом говорится в приведенном постановлении Пленума Верховного Суда

Российской Федерации) или только предложил это сделать (о предложении, а не о поручении, сказано в разъяснении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь);

во-вторых, руководитель вручил предмет взятки подчиненному для передачи взяткополучателю или же предмет взятки был из собственных средств подчиненного либо средств представляемой организации (последнее может образовывать хищение, но это отдельная тема для обсуждения).

1. Приведенное разъяснение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в первом предложении п. 7 «как взяткодатели несут ответственность должностные лица, предложившие своим подчиненным добиваться путем дачи взятки другому должностному лицу желаемого действия или бездействия» верно только для ситуации, когда руководитель не просто предложил, а поручил (приказал) подчиненному дать взятку и передал ему предмет взятки для вручения конкретному взяткополучателю. Тогда руководитель действительно является взяткодателем – исполнителем дачи взятки, а подчиненный в зависимости от того, выполнял ли он какие-либо действия кроме собственно непосредственной передачи предмета взятки, должен нести ответственность за пособничество руководителю в даче взятки либо за посредничество во взяточничестве.

2. В том же случае, когда руководитель поручил (приказал) подчиненному дать взятку за счет своих средств и не передавал ему предмет взятки для вручения взяткополучателю, действия руководителя следует признать организацией дачи взятки подчиненным или подстрекательством к этому, а действия подчиненного соответственно исполнением дачи взятки, но никак не пособничеством даче взятки руководителем. Подчиненный, передавший взятку по поручению своего начальника, как общий субъект может и должен нести уголовную ответственность за дачу взятки в качестве исполнителя этого преступления. В такой ситуации склонение руководителем подчиненного к даче взятки нельзя рассматривать по правилам посредственного исполнения и признавать руководителям взяткодателям, т.е. исполнителем дачи взятки. Здесь нет состояния крайней необходимости либо заблуждения и поэтому ответственность подчиненного за дачу взятки не исключается. Кроме того, отметим, что в приведенном разъяснении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в одной ситуации смешиваются взаимоисключающие друг друга посредственное исполнение со стороны руководителя и соучастие подчиненного в преступлении руководителя, что противоречит этим институтам уголовного права.

Кроме того, по нашему мнению, и в первом, и во втором случаях действия руководителя должны быть квалифицированы дополнительно еще и как превышение власти или служебных полномочий, поскольку к преступному использованию своих полномочий для совершения иного преступления относится, в частности, склонение должностным лицом подчиненного с использованием его служебной зависимости к преступлению. По нашему мнению, такое соучастие должностного лица в совершении преступления подчиненным необходимо квалифицировать не как злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК Республики Беларусь), а как их превышение (ст. 426 УК Республики Беларусь). Эта позиция основана в том числе на разъяснении, содержащемся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)»: «превышение власти или служебных полномочий

(ст. 426 УК) может выражаться в умышленном совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его прав и полномочий, предоставленных ему по службе, в том числе ... действий, которые никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать». Очевидно, что вовлечение подчиненного в преступление именно такими недопустимым действием и является. Здесь мы видим идеальную совокупность преступлений, когда одним действием руководителя совершаются одновременно и превышение власти или служебных полномочий, и соучастие в преступлении подчиненного либо привлечение его в качестве пособника (посредника).

Подобное решение не противоречит разъяснению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащемуся в п. 9 постановления от 23 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве»: «Если действия (бездействие) должностного лица содержат состав преступления против интересов службы, содеянное квалифицируется по совокупности ст.ст. 430, 431 УК и соответствующей статье, предусматривающей ответственность за преступление против интересов службы. Ответственность за дачу и получение взятки не исключает одновременного привлечения к уголовной ответственности за действия, хотя и связанные со взяточничеством, но образующие самостоятельное преступление. В таких случаях содеянное также надлежит квалифицировать по совокупности преступлений».

3. В корне другая ситуация складывается тогда, когда руководитель лишь предложил (именно такое слово употребляется в разъяснении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь) подчиненному самому «решать вопросы» в пользу представляемой им организации, в т.ч. путем передачи взятки (взяток), и решать, давать или не давать взятку, при этом руководитель не передавал подчиненному предмет взятки, не склонял его к совершению конкретного преступления (предложение вообще называть склонением не видим оснований), не отдавал ему заведомо преступных распоряжений и тем самым не использовал его служебную зависимость. В таком случае действия руководителя, не знавшего, кому, за что именно и на какую сумму будет передана взятка подчиненным, нельзя признавать ни соучастием в преступлении последнего – организацией дачи взятки или подстрекательством к даче взятки, ни превышением власти или служебных полномочий. Подчиненный же, сам принявший решение о даче взятки, должен нести ответственность за исполнение этого преступления.

В заключение предлагаем учесть приведенные соображения при возможной корректировке разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащегося в п. 7 постановления от 23 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве».

Список цитированных источников

1. Бабий, Н. А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России: моногр. / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 720 с.

НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТА НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРАВОНАРУШЕНИЕ

Лукашов А.И.

1. Законодательное определение предпринимательской деятельности дано в ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК. Предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

Предпринимательская деятельность, составляющая основу экономики государства, благосостояния его населения, в ряде случаев может быть ограничена, в том числе запрещена.

2. Согласно ст. 23 Конституции ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных **законом**, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. При этом понятие «закон» в этой и других статьях Основного Закона используется в тесном смысле этого слова, как вида нормативного правового акта, принимаемого Парламентом.

В ч. 1 ст. 13 Конституции предусматривается, что государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме **запрещенной законом**.

В ч. 3 этой же статьи Конституции данное принципиальное положение о допустимости запрещения деятельности только законом вновь воспроизведено: «Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

Устанавливая ограничение (запрет) на ту или иную деятельность, государство обязывает гражданина соблюдать это ограничение (запрет). При этом принципиальным, основополагающим является конституционное положение о том, что никто не может быть понужден к исполнению обязанностей, не предусмотренных **Конституцией Республики Беларусь и ее законами** (ст. 58 Конституции).

Таким образом, введение государством запрета на осуществление предпринимательской деятельности является в то же установлением для лица, которому адресован запрет, обязанности не нарушать этот запрет. При этом гражданин является ответственным перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией (ч. 2 ст. 2 Конституции) и законами, принятыми на ее основе.

3. Запрет на осуществление той или иной деятельности, включая предпринимательскую, если он не подкреплён мерами ответственности (санкциями) за его нарушение, будет носить декларативный характер. За редким исключением такие запреты сопровождаются установлением государством санкций за их нарушение.

Разновидностью таких санкций являются меры ответственности, предусмотренные законами об административной и уголовной ответственности, являющихся единственными законами (соответственно КоАП и УК), действующими на территории Республики Беларусь (ч. 2 ст. 1.1 КоАП, ч. 2 ст. 1 УК).

В ч. 3 ст. 12.7 КоАП установлена административная ответственность за осуществление предпринимательской деятельности, когда в соответствии с **законодательными актами** такая деятельность является незаконной и (или) запрещается.

В ст. 233 УК предусмотрена уголовная ответственность за предпринимательскую деятельность, которая в соответствии с **законодательными актами** является запрещенной, если такая деятельность сопряжена с получением дохода как минимум в крупном размере (превышающем 1000 базовых величин), который исчисляется в соответствии с базовой величиной, действовавшей на день получения такого незаконного дохода.

Установление административной и уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности, которая является запрещенной в соответствии с законодательными актами, противоречит приведенным предписаниям ст.ст. 13, 23 и 58 Конституции, взятыми в системном единстве, не согласуется с предусмотренной ст. 59 Конституции обязанностью государства принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией.

Согласно ч. 2 ст. 137 Основного Закона в случае расхождения закона и иного законодательного акта с Конституцией действует Конституция.

Не подлежат применению противоречащие Конституции нормы ч. 3 ст. 12.7 КоАП и ст. 233 УК.

По материалам проверок об осуществлении предпринимательской деятельности, запрещенной не законом, а иными законодательными актами, осуществляемым до начала административного процесса или до возбуждения уголовного дела, должны приниматься соответственно процессуальные решения об отказе в начале административного процесса или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Если административный или уголовный процесс по таким материалам был начат, то надлежит выносить соответственно постановление о прекращении дела об административном правонарушении или постановление о прекращении уголовного дела.

В качестве процессуального основания для принятия таких решений будут нормы п. 2 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП, п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК, указывающие на такое обстоятельство, исключающее производство по материалу (делу) как отсутствие в деянии соответственно состава административного правонарушения или состава преступления.

4. Установление административной и уголовной ответственности за предпринимательскую деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной, не сопровождалось введением в КоАП и УК норм, в которых бы определялось это понятие.

Отсутствие такого определения указывает на нереализацию в ст. 12.7 КоАП и ст. 233 УК закрепленного в ст. 7 Конституции принципа верховенства права,

включающего в себя требование правовой определенности правовых норм, предполагающего их ясность и точность.

Запрещенность предпринимательской деятельности в ч. 2 ст. 12.7 КоАП и ст. 233 УК подразумевает как установление запрета на осуществление предпринимательской деятельности вне зависимости от ее вида, так и запрещение осуществлять тот или иной вид предпринимательской деятельности.

Такая запрещенность может быть прямо предусмотрена в законе (например, запрет, установленный ст. 11 Закона от 27.08.2008 № 429-З «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта» на осуществление различных видов производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта).

В то же время тот или иной вид предпринимательской деятельности может быть запрещен не явно в случае, когда в законе определяется только перечень субъектов, которые могут его осуществлять. Следовательно, те, кто отсутствует в этом исчерпывающем перечне, не могут осуществлять этот вид предпринимательской деятельности, он для них запрещен. Запрет выявляется, если законодатель определяет круг лиц, которым разрешается предпринимательская деятельность, для всех остальных субъектов, не входящих в этот круг, предпринимательская деятельность запрещена. Однако этот вывод (запрещено осуществлять предпринимательскую деятельность тому, кто не указан в перечне) не является очевидным для всех.

Такое законодательное решение истолковывается по-разному в правоприменительной практике, и соответственно приводит к противоположным правовым оценкам. При согласии с приведенным толкованием лицо привлекается к ответственности, коль скоро признается, что оно нарушило неявный запрет. При несогласии с таким толкованием признается, что в содеянном лице отсутствует признаки правонарушения, отсутствует основание для привлечения его к ответственности.

Нельзя не учитывать и неявную запрещенность предпринимательской деятельности в целом ряде норм Особенной части КоАП и УК, в которых предусмотрен административно-правовой или уголовно-правовой запрет на совершение тех или иных деяний, а не на осуществление деятельности.

Например, предпринимательская деятельность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, будет влечь уголовную ответственность по ст. 328 УК вне зависимости от размера полученного дохода от такой предпринимательской деятельности и не требует в зависимости от такого размера дополнительной квалификации содеянного по ст. 12.7 КоАП или статье 233 УК.

К сожалению, данное положение, являющееся по существу правилом квалификации правонарушения, предусмотренного конкурирующими между собой нормами как одного (УК), так и двух (КоАП и УК) кодексов, не сформулировано в этих статьях КоАП и УК. Это правило квалификации нашло отражение в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда от 28.06.2001 № 6 «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности» при толковании им нормы статьи 233 УК.

Будучи правильным по существу, это положение должно найти отражение в уголовном законе, а не в подзаконном акте Верховного Суда, поскольку оно

определяет уголовную противоправность деяния и относится к исключительной компетенции законодателя (ст. 10 УК). В подобных ситуациях Верховному Суду, осуществляющему надзор за судебной деятельностью судов общей юрисдикции, изучающему и обобщающему судебную практику, во избежание обвинений в принятии на себя функций законодателя, нарушения принципа разделения властей (ст. 6 Конституции) следует принимать предусмотренные законом меры по корректировке КоАП и УК, разработке и внесению соответствующих предложений о совершенствовании этих кодексов.

5. В отличие от предпринимательской деятельности, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной, где запрет на ее осуществление не зависит от того, кто ее осуществляет, либо выявляется путем установления тех, кто не включен в круг субъектов, которым предпринимательская деятельность разрешена, незаконная предпринимательская деятельность, предусмотренная ч. 3 ст. 12.7 КоАП, имеет конкретного адресата. Административная ответственность по ч. 3 ст. 12.7 КоАП установлена только для определенного круга лиц, которым она запрещена. Эти категории лиц указаны в законе как субъекты права, отличающиеся определенными признаками. Запрет на осуществление предпринимательской деятельности адресован только этим категориям лиц, их круг очерчен законодателем.

В ч. 3 ст. 12.7 КоАП административным правонарушением признано «занятие предпринимательской деятельностью лицом, для которого установлен запрет на осуществление такой деятельности законодательными актами». Такой запрет связывается с определенным правовым статусом этих лиц.

К их числу относятся лица, для которых указанный запрет установлен:

- на все время пребывания их в статусе лица, для которого установлен запрет на осуществление любого вида предпринимательской деятельности, кроме преподавательской, научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики (государственные служащие (ст. 22 Закона от 14.06.2003 № 204-3 «О государственной службе в Республике Беларусь»), судьи (ст. 88 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей) и др.);

- на иной срок и (или) при наличии определенных обстоятельств (должники – индивидуальные предприниматели со дня открытия в отношении их конкурсного производства и до дня завершения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) в соответствии с определением экономического суда об открытии в отношении этих лиц конкурсного производства (ст. 227 Закона от 13.07.2012 № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», граждане, проходящие альтернативную службу на время прохождения этой службы (ст. 23 Закона от 04.06.2015 № 276-3 «Об альтернативной службе) и др.).

Обе указанные категории лиц, которым законодательными актами установлен запрет на занятие предпринимательской деятельностью, не подлежат уголовной ответственности по ст. 233.

В ст. 233 УК среди признаков незаконной предпринимательской деятельности как преступления отсутствует такой признак как совершение его «лицом, для которого установлен запрет на осуществление такой деятельности законодательными актами».

За нарушение этого запрета названное лицо может быть подвергнуто лишь административной ответственности по ч. 3 ст. 12.7 КоАП. При этом размер дохода

от такой незаконной предпринимательской деятельности будет учитываться лишь при определении меры административной ответственности.

6. По основаниям, указанным выше, ч. 3 ст. 12.7 КоАП не может применяться к указанным категориям физических лиц в случаях, когда запрет на осуществление предпринимательской деятельности установлен не законом, а иным законодательным актом.

7. Наличие только административной ответственности за занятие предпринимательской деятельностью лицом, для которого установлен запрет на ее осуществление законом, не может быть оценено иначе, как установление льготных условий ответственности за нарушение запрета на осуществление предпринимательской деятельности для большого круга субъектов. При этом льготные условия ответственности устанавливаются для субъектов, к которым в отличие от иных физических лиц, предъявляются повышенные требования к соблюдению законодательства. По сути, для таких лиц устанавливается привилегия в виде ограждения их от уголовной ответственности за нарушение этого запрета.

Напротив, для лиц, не являющихся государственными служащими, судьями, прокурорами и иными лицами, которым запрещено осуществление предпринимательской деятельности, нарушение этого запрета влечет не только административную ответственность по ч. 3 ст. 12.7 КоАП, но и уголовную ответственность по ст. 233 УК при обстоятельствах, указанных в уголовном законе.

Такое законодательное решение находится в противоречии с принципом равенства граждан перед законом и запретом на пользование привилегиями, противоречащими Основному Закону (ст.ст. 22, 23 Конституции).

Приведенные соображения – свидетельство несовершенства КоАП и УК, проявляющегося, в том числе и в несоответствии Конституции проанализированных норм. Без приведения ст. 12.7 КоАП и ст. 233 УК в соответствие с предписаниями Основного Закона практика их применения будет продолжать характеризоваться отступлением от принципов законности, справедливости и равенства перед законом.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬНОСТИ

Мартыненко И.Э.

Особенности уголовно–правовой охраны археологического наследия Беларуси заключаются в том, что в случае выявления признаков преступного посягательства для их правильной квалификации необходимо обращаться к положениям Кодекса Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс о культуре), вступившего в силу 3 февраля 2017 г.

Согласно ст. 123 Кодекса о культуре археологическое наследие представляет собой совокупность археологических объектов и археологических артефактов, в том числе памятников археологии. Наибольшую сложность на практике вызывает проблема точного определения предмета преступного посягательства, разграничения таких понятий как «памятник археологии», «объект археологического наследия», «археологический объект», «археологический артефакт» [1, с. 73 – 75].

В этом случае необходимо обращать к специальному законодательству Археологические объекты – это недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным слоем, возникшие в результате жизни и деятельности человека *более чем сто двадцать лет тому назад*, которые сохранились в земле или на дне природных и искусственных водоемов, имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение, могут соответствовать критериям для придания им статуса историко-культурной ценности, определенным в ст. 92 упомянутого выше Кодекса.

В сравнении с другими категориями объектов историко-культурного наследия археологическое наследие обладает меньшей степенью защищенности от воздействий естественного (природного и временного факторов) и антропогенного (градостроительная деятельность, земляные работы, распашка земель для нужд сельского хозяйства) характера. Ведь если утраченный памятник архитектуры еще можно восстановить по сохранившимся чертежам и фотографиям (и такие примеры есть), то разрушение памятника археологии сравнимо с потерей важнейшего исторического документа.

Кроме того, археологическое наследие уничтожается (повреждается) в результате нелегальных раскопок, проводимых в целях извлечения из мест залегания артефактов, которые по своей природе являются культурными ценностями. Ответственность за совершение данных действий установлена в ст.ст.344-345 Уголовного Республики Беларусь (далее – УК).

Предметом преступления, предусмотренного ст.ст. 344-345 УК Республики Беларусь, являются:

1. **Историко-культурные ценности.** Таковыми выступают принятые на государственный учет посредством включения в Государственный список историко-культурных ценностей *памятники археологии* как материальные историко-культурные ценности (ч.1. ст. 344 УК); по состоянию на 1 июня 2018 г. на государственный учет приняты **2350** памятников археологии, которые находятся на территории всех областей Республики Беларусь.

2. **Материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности,** т.е. выявленные объекты, которые в установленном порядке могут получить статус памятника археологии.

В соответствии со ст. 83 Кодекса о культуре памятники археологии – археологические объекты и археологические артефакты. Таковыми являются *археологические объекты*, т.е. недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным слоем, возникшие в результате жизни и деятельности человека *более чем сто двадцать лет тому назад*, сохранились в земле или на дне природных и искусственных водоемов (например, затопленные мосты или причалы), имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение, могут соответствовать критериям для придания им статуса историко-культурной ценности, в предусмотренном ст. 92 Кодекса о культуре порядке.

Археологические артефакты – это движимые материальные объекты, возникшие в результате жизни и деятельности человека *более чем сто двадцать*

лет тому назад, которые сохранились в культурном слое или на дне природных и искусственных водоемов, имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение, могут соответствовать критериям для придания им статуса историко-культурной ценности, и на момент их обнаружения не имеют собственника. В данном случае речь идет о движимых предметах, например, затонувшие суда, оружие или предметы быта.

По функциональному назначению памятники археологии подразделяются на: 1) укрепленные древние поселения (городища, города, замки); 2) неукрепленные древние поселения (стоянки, селища); 3) погребения-могильники (курганные и грунтовые), отдельные захоронения; 4) остатки древних укреплений и производственных комплексов (шахты, мастерские, металлургические печи); 5) транспортные пути; 6) культовые объекты (святые места, святыни, каменные кресты и камни с изображениями и надписями); 7) наскальные изображения (петроглифы); 8) вещные и монетные клады; 9) отдельные древние вещи и предметы; 10) культурный слой исторической части населенных пунктов и сакральных объектов (культурный слой (слои) – это согласно ст. 123 Кодекса о культуре, слой в земле или под водой, который образовался в результате жизни и деятельности человека и содержит следы существования человека.

Критерии отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности, о которых говорится в ч.1 ст. 344 УК, определены в ст. 92 Кодекса о культуре.

3. Особо ценные материальные историко-культурные ценности (ч.2 ст.344 УК; ч.2 ст. 345 УК). Под особо ценными материальными историко-культурными ценностями понимаются памятники археологии (как материальные историко-культурные ценности), которые включены или предложены для включения в *Список всемирного культурного и природного наследия* либо в *Список всемирного наследия, находящегося под угрозой* (эти списки формируется во исполнение требований конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия»), а также памятники археологии, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, которые имеют международное или национальное значение. В ст.96 Кодекса о культуре установлено, что историко-культурные ценности подразделяются на *категории* в соответствии с их отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и в зависимости от их значимости (всемирная, международная, национальная, для отдельного региона Республики Беларусь). Памятникам археологии, которые имеют всемирное или международное значение, присваивается категории соответственно «0» и «1».

4. Особо ценные материальные объекты (ч.2 ст.344 УК; ч.2 ст. 345 УК), т.е. материальные объекты, обладающие отличительными достоинствами и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов (в данном случае- археологических) для присвоения им статуса историко-культурной ценности, которые могут быть включены или предложены для включения в *Список всемирного культурного и природного наследия* либо в *Список всемирного наследия, находящегося под угрозой*. По логике законодателя к данной категории относятся также те материальные объекты, которым может быть присвоена категории культурной ценности соответственно «0» и «1».

Уничтожение, повреждение памятников археологии или выявленных материальных объектов, обладающих отличительными достоинствами

и соответствующих одному из критериев для присвоения им статуса историко-культурной ценности (памятника археологии), могут совершаться *по неосторожности*. В этом случае ответственность наступает по ст.345 УК.

Предметом преступления по делам данной категории выступают особо ценных материальных историко-культурных ценностей; особо ценные материальные объектов, характеристику которым мы привели выше.

Клебанов Л.Р. считает, что так называемые грабительские, «черные» раскопки являются ничем иным, как хищением чужого (государственного) имущества. По его мнению, незаконные археологические раскопки, направленные на поиск, завладение такими ценностями, или увенчавшиеся таким завладением, должны квалифицироваться как хищение культурных ценностей (при установлении всех признаков хищения), и, при наличии к тому оснований, как уничтожение или повреждение памятников археологии (по законодательству Беларуси – историко-культурной ценности (прим. автора – И. М.)). Такой вывод позволяет в полной мере использовать весь потенциал действующего уголовного законодательства в деле сохранения археологического наследия страны [1, с.35].

Объективную сторону преступлений, где в качестве предмета прямо упомянуты предметы археологического наследия (ст.ст. 344,345 УК), характеризует как действием (распашка поля, раскоп), так и бездействием (примером служит неисполнение владельцами памятников археологии требований охранных обязательств (ст. 121 Кодекса о культуре), что влечет их разрушение или повреждение.

Уголовные дела данной категории (ст.ст. 344, 345 УК), предметом посягательства в которых являются объекты археологического наследия, в Беларуси судами не рассматривались. Судебно-следственная практика не сложилась.

В заключение, исходя из произведенного анализа, сформулируем следующие предложения по совершенствованию действующего законодательства.

1. Целесообразно установить уголовную ответственность в виде самостоятельного состава преступления за:

поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения, повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя;

уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения, от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих культурную ценность.

В результате появится еще один запрет, направленный на предотвращение посягательств на историко-культурное наследие, частью которого является археологическое наследие Беларуси.

Список цитированных источников

1. Клебанов, Л. Р. Преступления против археологического наследия : понятие, признаки, виды, особенности квалификации (окончание) / Л. Р. Клебанов //Бизнес в законе. –2013. – № 4. – С. 34–37.

2. Панфилов, А. Н. Правовое понятие «объект археологического наследия» в российском законодательстве и проблема его правовой определенности / А. Н. Панфилов //Государство и право. –2018. – № 1. – С. 72 – 81.

О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Марчук В.В.

1. Известно, что социальная обусловленность уголовно-правового запрета, в целом должна предопределять и объяснять наличие общественной потребности в охране соответствующего блага уголовно-правовыми средствами. Это требует оценки и выявления тех общественных отношений, которые нуждаются в охране нормами уголовного права. Ученые выделяют целую совокупность факторов, которые оказывают влияние на необходимость принятия решения о введении или изменении уголовно-правового запрета: нравственные, экономические, психологические, идеологические и др. В последних научных исследованиях перечень этих факторов значительно расширяется [1, с. 183–190].

Однако в литературе ставится под сомнение вопрос о необходимости выяснения социальной обусловленности уголовно-правового запрета. Так Ю.Е. Пудовочкин отмечает, что если рассматривать уголовно-правовой запрет только как «санкционированное или установленное государством правило», то нет никакой необходимости выяснять вопросы социальной и прочей обусловленности уголовно-правового запрета. Достаточно будет указать, что любой запрет, исходя от государства, обусловлен легитимным характером этого государства [2, с. 137].

Такой подход вызывает возражения. История криминализации показывает, что содержание уголовно-правового запрета в определенных случаях было обусловлено и детерминировано соответствующими политическими решениями, которые вступали в противоречие не только с социальными потребностями общества, но и с элементарными представлениями людей о нравственности. Уголовному законодательству советского периода известны нормы, запрещавшие под страхом применения уголовного наказания опоздание на работу, прогул, прерывание беременности, добровольный гомосексуализм, бродяжничество и попрошайничество, незаконное скармливание хлеба скоту, посев масличного мака при отсутствии цели сбыта или изготовления наркотических средств и др. Д. А. Шестаков такие явления назвал «мнимыми преступлениями» (т.е. приписывание законодателем качества преступного поведению, которое реально таковым не является) [3, с. 10].

2. В аспекте криминализации из всех вариантов девиантного поведения законодатель должен вычленять только те деяния, которые представляют собой существенную общественную опасность. При этом создаваемые уголовно-правовые нормы, как впрочем, и нормы иных отраслей права, должны всегда соответствовать объективной реальности. Д.А. Керимов по этому поводу совершенно справедливо отметил: «Правовая возможность реальна в том случае, если она соответствует социальной действительности. Отрыв от факторов действительности, пренебрежение ее развитием, непонимание взаимосвязей и отношений правовой жизни превращает правовую возможность в фикцию,

лишенную объективного содержания. Такая формальная правовая возможность по существу есть невозможность, поскольку она, как правило, не осуществляется» [4, с. 15].

3. Особое значение социальная обусловленность приобретает применительно к установлению уголовно-правовых запретов в экономической сфере. Радикальные изменения, которые в настоящее время происходят в экономической политике Республики Беларусь (реализация задач, поставленных Главой государства по улучшению условий ведения бизнеса, упрощению административных процедур, либерализации валютных отношений и др.), требуют и корректировки в системе запретов, предусмотренных в главе 25 УК. Например, установление в УК Республики Беларусь ответственности за нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и (или) камнями (ст. 223), нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь (ст. 224), невозвращение из-за границы валюты (ст. 225) содержат в себе потенциальные криминогенные факторы, поскольку вынуждают субъекты хозяйствования или граждан уходить в теневую сферу. По оценкам Национальной академии наук Беларуси и Белорусского государственного экономического университета наблюдается динамика увеличения теневого сектора экономики в Республике Беларусь. Так в 2002 г. этот показатель составил 28 %, в 2012 г. – 35 %; в 2017 г. – 37 %, а к 2020 г. он прогнозируется на уровне 40 % [5, с. 37].

Есть основания говорить о том, что подобные нормы УК содержат в себе провокативный эффект. В научной литературе обращено внимание на результаты правотворчества, которые могут порождать явление, называемое криминостимулированием. М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин в этом смысле отмечают, что криминостимулирующие возможности могут содержаться в самом законе, на уровне дефекта нормы, который хотя и не участвует в детерминации преступления, тем не менее, существенно искажает социальное предназначение уголовного закона, снижает его эффективность, ослабляет профилактические возможности, что в конечном итоге выступает относительно самостоятельным, объективным фактором стимулирования преступной деятельности [6, с. 232].

4. В контексте принятых недавно законодательных изменений в УК не совсем понятно, чем было обусловлено упразднение некоторых уголовно-правовых запретов, которые изначально были направлены на защиту предпринимательской деятельности. Так Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 131-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» из УК были исключены ст. 247 (ограничение конкуренции) и ст. 248 (незаконное использование деловой репутации конкурента). А в принятом в первом чтении проекте закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» предусмотрена декриминализация нарушений антимонопольного законодательства (ст. 244 УК) и дискредитации деловой репутации конкурента (ст. 249 УК). Указанные статьи следует относить к центральным в системе уголовно-правовых норм законодательства любой страны, экономика которой допускает использование рыночных механизмов. Вызовет ли одобрение, а тем более, уважение, у предпринимателей и иных инициативных граждан, окрыленных положениями декретов Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» и от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», исключение из УК Республики Беларусь данных норм в условиях

начавшейся в Республике Беларусь широкомасштабной либерализации экономики и интенсификации элементов рыночных отношений?

5. Социальная обусловленность уголовно-правового запрета должна основываться на научных методах. Этот вопрос должен быть предметом исследования социологии уголовного закона (права). Руководствуясь этой наукой законодатель в рамках законотворческого процесса должен квалифицировать проявившиеся в объективной действительности поступки как объективно опасные для общества и соответственно определять и закреплять их в качестве уголовно-правового запрета.

Отсутствие социальной обусловленности содержащегося в уголовно-правовой норме запрета может вызывать у органов, ведущих уголовный процесс, трудности в правоприменении. Это порождает необходимость систематического проведения правового мониторинга по выявлению норм, не соответствующих объективной социальной действительности, и принятия соответствующих законодательных решений на предмет приведения к логическому соответствию системы уголовно-правовых норм. Среди опрошенных в Республике Беларусь юристов его проведение поддерживает 82,7 % респондентов. При этом среди адвокатов эта цифра составила 88,4 %, а председателей районных судов – 88,8 % [7, с. 233]. Есть надежда, что начало этому процессу даст инструкция о порядке проведения правового мониторинга, которая должна быть утверждена Советом Министров Республики Беларусь в шестимесячный срок с даты официального опубликования Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах».

6. Обеспечение социальной и экономической стабильности в обществе является одной из важнейших функций любого государства. Реализовать данную функцию – достаточно сложная задача. Об этом свидетельствует законодательный опыт некоторых государств, которые относят традиционно к странам развитой демократии. Например, в 2010 г. бельгийский законодатель возвел на уровень уголовно-правового запрета ношение паранджи (никаба) в общественных местах. Будет ли соответствовать социальной стабильности в обществе позиция бельгийской властей, закреплённая по этому вопросу в уголовном законе? В.П. Казимирчук и В.Н. Кудрявцев в этом контексте верно отмечали, что работа над проектом нормативного акта должна быть направлена «на выявление меры согласия с основными положениями законопроекта той части общества, интересы которой он затрагивает. Момент согласия, поиска консенсуса в обществе имеет принципиальное значение для законотворчества» [8, с. 60]. Поэтому введение уголовно-правового запрета должно быть подкреплёно определёнными гарантиями о том, что ограничение силой государственного принуждения свободы одних граждан не должно нарушать права и свободы других граждан.

Если в рамках правотворческого процесса и существующих способов оценки регулирующего воздействия предотвратить при отсутствии социальной обусловленности появление уголовно-правовых норм полностью невозможно, то, следовательно, должна существовать процедура легального установления (доказывания) нелегитимности этого запрета. В частности, большое значение здесь приобретает общественное мнение, полученное на основе проведенного и научно-обоснованного социологического опроса.

7. В контексте повышения эффективности правоохранительной функции, на обеспечение которой должны быть направлены и уголовно-правовые нормы,

их содержание и предназначение предполагает доверие и адекватное понимание этих норм общественным сознанием. Граждане воспринимают и одобряют установленный уголовно-правовой запрет, исходя из исторически сформировавшихся в обществе моральных представлений о добре и зле и, в целом справедливости. Одобрение населением запрета в таком случае логично предполагает и его неукоснительное соблюдение. При таком подходе государственное принуждение, которое будет применено к отдельному члену (членам) общества, осознанно выбравшему путь на нарушение соответствующего уголовно-правового запрета, следует признавать оправданным.

Список цитированных источников

1. Маркунцов, С. А. Теория уголовно-правового запрета: монография / С. А. Маркунцов. – М. : Юриспруденция, 2015. – 560 с.
2. Пудовочкин, Ю. Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 240 с.
3. Шестаков, Д. А. Введение в криминологию закона / Д. А. Шестаков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. – 75 с.
4. Керимов, Д. А. Категории действительности и возможности в праве / Д. А. Керимов – Сов. гос. и право. – 1968. – № 8. – С. 13–21.
5. Рудый, К. Поведенческая экономика: основные характеристики Беларуси / К. Рудый // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 6. – С. 36–44.
6. Бабаев, М. М. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовичкин. – М. : Проспект, 2017. – 296 с.
7. Марчук, В. В. Методологические основы квалификации преступления / В. В. Марчук. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 440 с.
8. Казимирчук, В. П. Современная социология права: учебник для вузов / В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрист, 1995. 297 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УКРАИНЕ

Навроцкий В.А.

В обыденном сознании уголовное право ассоциируется с репрессиями, принуждением, тюрьмой. Вместе с тем выдающиеся умы человечества выдвинули и обосновали тезис о том, что уголовный кодекс – это кодекс свободы. Современный криминалист должен поддерживать такую позицию, если не хочет выглядеть (и быть!) ретроградом, закомплексованным и односторонне мыслящим и действующим человеком. Разумеется, никто не отрицает карательной составляющей уголовного закона и практики его применения. Но не видеть в современном уголовном праве его роли как средства, содействующего защите прав, свобод и интересов человека, гражданина, личности, не рассматривать его как инструмент развития, невозможно.

Такая позиция имеет обоснование, по крайней мере, в нескольких моментах. Во-первых, уголовный закон определяет объем запрещенного. Это означает, что он, одновременно, устанавливает и объем не-уголовно наказуемого, разрешенного с позиций уголовного права, является мерилом свободы. Во-вторых, уголовный закон сам предусматривает многочисленные основания для признания

непреступными деяний, которые являются формально протиправными и уголовно наказуемыми. Следовательно, он позволяет действовать в условиях правомерности, дает свободу действия при определенных обстоятельствах. В-третьих, уголовный закон устанавливает ответственность за преступные посягательства на права, свободы, интересы личности, общества, государства. Тем самым он является гарантом их реализации – инструментом охраны свободы.

Среди ценностей (благ, интересов, общественных отношений и пр.), защищаемых уголовным законом, особое место занимают права человека. Возникнув как средство защиты личности от произвола государства (так называемый «вертикальный эффект»), этот феномен приобрёл со временем еще одно направление – защита прав человека в отношениях между людьми («горизонтальный эффект»). Не вызывает сомнения, что уголовно-правовой охране подлежат обе эти сферы существования и функционирования прав человека. Однако, в уголовных законах права человека, как правило, прямо не называются в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Концепция прав человека, будучи явлением высокого уровня обобщения, одновременно выступает и как явление без четких границ, с изменчивым содержанием (которое все больше и больше «развивается» под влиянием практики ЕСПЧ). Трудно, а, может, и невозможно назвать права, свободы, охраняемые законом интересы личности, посягательства на которые одновременно не выступало бы и как нарушение прав человека. Так или иначе, права человека «перекрывают» (охватывают, распространяются) чуть ли не все объекты, охраняемые уголовным законом. Соответственно, охрана прав человека прямо или опосредствованно является одним из заданий уголовного закона.

Вместе с тем, охрана прав человека далеко не идентична уголовно-правовой охране соответствующих благ. Ведь в охране прав человека на первом месте стоит их восстановление, компенсация причиненного вреда, создание государством условий, при которых будут устранены условия нарушения прав других людей в аналогичных ситуациях. Уголовно-правовое реагирование адресовано к личности нарушителя, главным образом направлено на возмездие и отпущение за уже причиненный вред, даже общая превенция- это, грубо говоря, запугивание всех наказанием одного, а не изменение общественных условий, при которых произошло преступление.

Это часто не учитывается населением. В Украине распространено мнение, что ЕСПЧ – это своего рода «четвертая» судебная инстанция, к которой можно обращаться в случае, когда решения национальных судов не удовлетворяют заявителя. Очевидно, такие же подходы к правам человека и средствам их охраны распространены и в других европейских государствах, граждане которых слишком уж часто, по поводу и без особого повода, обращаются в Страсбургский суд. Не это ли является причиной перегруженности ЕСПЧ заявлениями и того, что добиться даже признания жалобы приемлемой и открытия производства весьма трудно?

В профессиональных юридических кругах также нет четких критериев для определения того, в каких случаях имеет место нарушение прав человека, а когда имеет место преступление или иное правонарушение, когда налицо их сочетание. Поэтому, в последние годы появилась прямо таки напасть, когда в заявлениях и жалобах граждан, процессуальных документах к месту и не к месту апеллируют к тому, что произошло нарушение тех или иных прав человека и ссылаются на решения ЕСПЧ. В известной мере этому способствует практика этого суда,

согласно которой жалобы на нарушение прав человека признаются приемлемыми и принимаются к рассмотрению при условии, что на это указывалось во время рассмотрения дела в национальных юрисдикционных органах. Суды же ссылаются на материалы ЕСПЧ в расчёте усилить этим свои решения, сделать их более стойкими в последующих инстанциях. Естественно, часто это делается неуместно, без учета того, при каких обстоятельствах ЕСПЧ обосновал ту или иную правовую позицию. Один из последних ярких примеров – это постановление Объединенной палаты Кассационного уголовного суда (в составе украинского Верховного Суда) от 6 июня 2018 г. по делу №180/746/16-к и акт под названием «Совпадающее отдельное мнение судьи М.М.Мазура». Суть дела, по которому судебная инстанция сформулировала свою позицию, а один из судей решил дополнительно ее обосновать, касается действия во времени так называемого «Закона Савченко», который действовал в период от 24 декабря 2015 г. по 20 июня 2017 г. и предусматривал правило «1 за 2» (зачет одного дня пребывания в предварительном заключении в качестве двух дней срока лишения свободы). После отмены указанного закона и корреспондирующих ему изменений в ч. 5 ст.72 УК Украины (и возвращения к зачету по правилу «1 за 1»), возник вопрос о том, определяет ли этот закон уголовно-правовые последствия деяния и имеет ли он обратную силу, как закон, иным образом улучшающий положение лица? В указанном судебном решении (вопреки единодушному мнению членов Научно-консультативного совета при Верховном Суде) был дан негативный ответ на поставленные вопросы. В его обоснование приводились многочисленные решения ЕСПЧ, касающиеся применения предварительного заключения на досудебном следствии и в ходе судебного разбирательства. Но какое отношение они имеют к решению этого вопроса материального уголовного права так и не указывалось. А все ссылки на указанные решения в конце концов были нивелированы признанием того, что ЕСПЧ ранее не рассматривал дел, обстоятельства которых были бы аналогичны тем, которые рассматривала Объединенная палата. Не случайно, Большая Палата Верховного Суда, принимая 29 августа 2018 г. по делу № 663/537/17 окончательное решение о действии во времени «Закона Савченко», заняла иную позицию – признала, что предусмотренная УК статья, в которой установлены правила исчисления окончательного размера наказания за преступление, является законом, определяющим иные уголовно-правовые последствия деяния, а в этом случае он имеет обратную силу.

Следует признать, что при современном состоянии уголовного закона и практики его применения, охрана прав человека – это производное от уголовно-правовой охраны ценностей, признаваемых традиционными объектами преступных посягательств. Причем, права человека могут быть подданы охране средствами уголовного права преимущественно в той их части, которая касается взаимоотношений личности и государства (т.н. «вертикальный эффект»). Права человека, нарушение которых происходит в процессе взаимоотношений между равноправными субъектами – отдельными гражданами, – вовлекаются в уголовно-правовую сферу лишь постольку, поскольку отсутствует надлежащее реагирование государства, не принимаются предусмотренные законом меры к нарушителю. К примеру, при совершении кражи право на мирное владение имуществом нарушает не вор, а государство, не принимающее достаточных и возможных мер

к изобличению нарушителя и возвращению собственнику имущества, которое должно быть изъято и передано потерпевшему.

Лицо, потерпевшее от преступления, и которое считает, что одновременно нарушены его права человека, вольно само определять способы и средства охраны и восстановления его прав. Они могут взаимно дополняться и перекрещиваться. По одному из конкретных дел, которое не находит своего разрешения уже больше десяти лет, существуют следующие фактические обстоятельства. В результате ненадлежащего выполнения гражданско-правового обязательства по договору подряда на строительство жилого дома, потерпевшему был причинен имущественный ущерб. Поскольку подрядчик самостоятельно возмещать его отказывался, был подан гражданский иск, рассмотрение дела закончилось заключением между сторонами мирового соглашения, утвержденного решением суда. Подрядчик свои обязательства, принятые в мировом соглашении, не выполнил. Результатом стало обращение в исполнительную службу по поводу принудительного исполнения судебного решения. На момент обращения в исполнительную службу должник, по его собственным заверениям, имел имущество, стоимость которого в десятки и сотни раз превышала размер обязательств. Однако, государственный исполнитель четыре раза выносил постановления об отказе в возбуждении исполнительного производства. Эти постановления были признаны незаконными и отменялись и вышестоящими органами исполнительной службы, и судами; на исполнителя налагались взыскания, в конце-концов он был уволен со службы. Но за время, в течении которого происходил обмен заявлениями, жалобами, ответами, выносились административные и судебные решения, должник успел раздарить и продать все имущество, за счет которого могло быть произведено возмещение по исполнительному листу. Следовательно, возможность возмещения вреда в гражданско-правовом порядке была утрачена, причем в результате противоправных действия работников государственного органа. Поскольку такие действия предусмотрены ч. 3 ст.382 УК Украины и составляют умышленное неисполнение судебного решения, совершенные должностным лицом и повлекшие существенный вред охраняемым законом правам граждан, потерпевшим было подано заявление о возбуждении уголовного дела. Уголовное производство длится уже более десяти лет. За это время были попытки отказа в предоставлении статуса потерпевшего, безосновательного прекращения уголовного преследования бывшего исполнителя, вынесение незаконных приговоров и других судебных решений, отменяемых вышестоящими инстанциями. Поэтому потерпевший вполне основательно считает себя потерпевшим от действий не столько бывшего подрядчика, не сотрудника исполнительной службы и его непосредственных руководителей (срок давности уголовного преследования которых уже истек), а от следователей, прокуроров и судей, которые не в состоянии принять окончательное законное и обоснованное решение. К тому же, отсутствие обвинительного приговора в отношении сотрудника исполнительной службы не дает возможности подать иск к самой исполнительной службе в связи с причинением вреда преступлением, совершенным работником в связи с исполнением служебных обязанностей. Зато появилось другое основание и открылась новая процедура для возмещения вреда – обращение в ЕСПЧ в связи с нарушением права на мирное владение имуществом (ст. 1 Первого протокола), права на справедливый суд в течении разумного срока (ч.1 ст.6 ЕКПЧ), права на

эффективные средства защиты в соответствующем национальном органе, независимо от того, что нарушение было совершено лицами, действующими как официальные лица (ст.13 ЕКПЧ).

Таким образом, этот пример показывает, что нарушению прав человека сопутствовали многочисленные нарушения, образующие гражданские и дисциплинарные деликты. Средствами же защиты прав были избраны: обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства, жалобы на дисциплинарные правонарушения, заявление о привлечении к уголовной ответственности. Впереди, очевидно, обращение в ЕСПЧ. Вне всякого сомнения, правильное по закону и удовлетворяющие чувство справедливости потерпевшего разрешение дела в любой из процедур, предусмотренной национальной правовой системой Украины, сделало бы излишним взывание к правам человека. Ведь они были бы защищены попутно с решением дела по существу.

Наличие широкого круга средств, с помощью которых возможна правовая защита прав человека, порождает проблему их выбора. Уголовно-правовые средства имеют как очевидные преимущества, так и не менее явные недостатки. Причем, pro и contra каждого из видов используемых средств может по-разному оцениваться в зависимости от того, кто оценивает приемлемость, эффективность, в конечном итоге предпочтительность того или иного средства. Представляется, что приоритет следует отдать оценке с позиций потрепавшего.

Преимущества уголовно-правовых средств защиты прав человека немногочисленны, но весомы. К ним относятся:

- бесплатность. В отличие от подачи искового заявления в гражданском судопроизводстве, все заявления, жалобы, иные обращения потерпевшего или иных участников уголовного производства рассматриваются без уплаты пошлин;
- возможность обращаться без участия профессионального адвоката. С просьбой о возбуждении уголовного производства, признании потерпевшим, разнообразными заявлениями, ходатайствами, жалобами по уголовным делам гражданин может обращаться непосредственно, в том числе и в суд. В то же время, согласно недавним законодательным новеллам, в Украине во всех иных юрисдикциях обращение в суд и представительство права и интересов лица возможно лишь через посредство лица, осуществляющего профессиональную юридическую деятельность – по существу установлена адвокатская монополия;
- осуществление защиты прав силами и ресурсами государства, его компетентных органов. В идеале человек, права которого нарушены, не должен делать вообще ничего либо, в определенных случаях, только написать заявление или подать устное сообщение о совершенном в отношении него преступлении. Все иное должно сделать государство руками и интеллектом полицейских, следователей, прокуроров, судей;
- исключительность и обязательность использования уголовно-правовых средств охраны прав человека по ряду категорий дел.

Однако, как любил повторять известный украинский криминалист, ныне покойный, харьковский профессор М.И.Бажанов: «Жизнь всегда богаче закона!». Указанные преимущества могут быть реализованы только при надлежащем уровне работы органов досудебного следствия и суда. Реальность же такая, что, рассчитывая на использование уголовно-правовых средств, обыватель (и не только) стыкается с такими их недостатками, как:

- медлительность. О том, что сроки досудебного следствия и судебного рассмотрения в Украине сейчас являются «разумными», как этого требует УПК, не приходится и говорить;

- избирательность правоприменения. Аналогичные ситуации получают совершенно разную правовую оценку от безнаказанности до весьма изощренной уголовно-правовой квалификации;

- явно выраженный уклон на защиту прав интересов правонарушителя, а не потерпевшего, общества, государства. Особенно ярко это проявляется по ходу следствия и судебного рассмотрения, когда налаживаются коррупционные связи между подозреваемым, обвиняемым и «стороной обвинения»;

- низкая квалификация, как на уровне досудебного следствия, так и в судах первой инстанции. Доходит до незнания элементарных положений закона;

- игнорирование даже безукоризненно обоснованных ходатайств и заявлений. В то же время бездумное исполнение указаний непосредственных руководителей, в том числе, не имеющих ничего общего с требованиями закона, часто и здравого смысла;

- неумение хоть как-то аргументировать занимаемую правовую позицию. Естественно, что в сомнительных случаях, при нарушении закона тем более никаких обоснований в процессуальных документах найти не удастся;

- незнание теории (комментарий к УК часто выступает единственным источником, на который опирается следователь и прокурор) и правоприменительной практики (за которую выдают собственные решения). Невежественность, как правило, приобретает агрессивные формы, выражается в стремлении во что бы то ни стало настоять на своём;

- отсутствие инициативы в принятии процессуальных решений.

Перечень факторов, обуславливающих плачевное состояние системы уголовной юстиции, можно продолжать, а отмеченные недостатки – конкретизировать. Со стороны тех, кому адресуются замечания, можно услышать возражения и оправдания. Однако главное, видимо, не в том, чтобы констатировать недостатки, а в формулировании предложений о том, что надо делать, чтобы система юстиции выполняла свои задачи, обеспечивала соблюдение прав человека, в том числе и средствами уголовного права.

Разумеется, сложную и многоаспектную проблему не решить простыми мерами, с наскока. Не существует и «золотого звена», за которое можно вытащить всю цепь проблем. Предложений много, они разносторонние, каждое из них требует конкретизации и обоснований. Не вдаваясь сейчас в детали, акцентирую внимание на отдельных направлениях.

Потерпевшим не следует уповать только на уголовно-правовые средства защиты их прав. А тем более не пытаться видеть в следователе или прокуроре союзника. Они будут выглядеть такими только на самых первых этапах расследования. А далее, в лучшем случае – безразличие, в худшем – предательство и деятельность в пользу подозреваемого. Поэтому надлежит использовать и иные правовые (и неправовые) средства.

Государству надлежит позаботиться о создании условий для правовой охраны прав человека. В первую очередь о том, чтобы законодательство перестало быть неохватным, громоздким, сложным, противоречивым. Единственный путь для этого давно известен – кодификация и систематизация правовых норм, создание свода законов вместо около миллиона существующих и действующих сейчас

в Украине нормативно-правовых актов. При существовании цифровых технологий решение этой задачи выглядит куда более простым, чем в позапрошлом веке, когда она уже решалась. Одним из шагов к созданию свода законов Украины может быть создание Кодекса публичных правонарушений, концепция которого уже предлагалась и обсуждалась.

Что же касается материальных ресурсов, на нехватку которых постоянно жалуются руководители правоохранительных органов, то что мешает им посмотреть хотя бы на количество правонарушений, за которые предусмотрены денежные штрафы и остающихся их и их подчиненных вине безнаказанными.

Общество в лице организованных сообществ и форм непосредственной демократии может и должно осуществлять общественный контроль и влияние на правоохранительные органы. Зачастую это принуждает их сотрудников хоть как то выполнять свои обязанности. Разумеется, формы такого контроля не должны выходить за пределы норм поведения в цивилизованном обществе.

Наконец, правовой науке необходимо не только констатировать имеющиеся недочеты, но и быть наступательной в их преодолении, выполнять прогностическую функцию. В аспекте помощи правоохранительной и судебной деятельности весьма важным видится расширение практики составления научных заключений по конкретным уголовным делам. Не будучи обязательными для следователей, прокуроров, суда, такие заключения раскрывают все многообразие вариантов правовых решений, подсказывают аргументы в пользу отдельных из них. В конечном итоге они помогают выбрать оптимальные пути защиты прав человека.

Взгляд на вопросы, касающиеся защиты прав человека в Украине изнутри, даёт основание для оптимизма. При всей сложности и глубине накопившихся и вновь возникающих проблем, в обществе существует непримиримость к недостаткам, имеются интеллектуальные ресурсы для их преодоления.

УГОЛОВНАЯ НАКАЗУЕМОСТЬ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

Новикова Е.В.

Как известно, процесс формирования уголовной наказуемости именуется пенализацией и относится к ключевым методам уголовной политики.

Являясь частью криминализации, пенализация должна основываться на системном научно обоснованном подходе с учетом влияющих на нее факторов. Произвольная пенализация недопустима. Ее негативные последствия очевидны, так как бессистемный процесс формирования наказуемости общественно опасных деяний вызывает обоснованное недоверие людей к соблюдению принципа справедливости уголовной ответственности. Следует помнить, что пенализация основывается на определенных принципах, среди которых справедливость, на наш взгляд, должна доминировать, служа арбитром в разрешении спорных ситуаций как при конструировании норм Общей части и санкций Особенной части Уголовного кодекса (далее – УК), так и при реализации уголовной наказуемости в приговорах суда.

Несомненно, что санкции статей Особенной части УК должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного; позволять в зависимости от этого дифференцировать и индивидуализировать наказания в каждом конкретном случае. Нельзя забывать и о принципе экономии репрессии, направленном на достижение целей уголовной ответственности минимальными по строгости наказаниями.

Основываясь на обозначенных базовых подходах к построению уголовно-правовых санкций, обратимся к одной из актуальнейших на сегодняшний день статей Особенной части УК, предусматривающей ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотики). К предмету нашего внимания отнесем ч.ч. 2 – 5 данной статьи. Напомним содержание санкций данных норм. Преступления, предусмотренные ч.ч. 2 – 5 ст. 328 УК, относятся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, санкции которых являются безальтернативными, включающими в качестве основного наказания лишения свободы (срок по ч. 2 – от пяти до восьми лет; по ч. 3 – от восьми до пятнадцати лет; по ч. 4 – от десяти до двадцати лет; по ч. 5 – от двенадцати до двадцати пяти лет) с необязательной конфискацией имущества.

Поверхностный взгляд на указанные санкции позволяет констатировать следующие факты. Безальтернативность лишения свободы указывает на общественную опасность деяний. Обращает на себя внимание достаточно большой разрыв между нижним и верхним пределами, составляющий по ч.ч. 3 – 7 лет, по ч. 4 – 10 лет, а по ч. 5 – 13 лет. Переводя на язык цифр, срок наказания может отличаться более чем в 2 раза. В литературе по этому поводу справедливо указывалось: «Относительно определенные санкции с чрезмерно широкими рамками... имеют серьезные изъяны, хотя, казалось бы, и дают простор для индивидуализации наказания. Слишком широкие рамки приводили к большому разному в назначении наказаний за примерно одинаковые по характеру и тяжести преступления» [1, с. 157].

Предлагаем посмотреть на указанные санкции с точки зрения соблюдения разработанных наукой уголовного права принципов пенализации. Для понимания предлагаемой нами позиции необходимо кратко определить понятие «сбыта» применительно к незаконному обороту наркотиков. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда под сбытом понимается передача предмета другому лицу. Столь широкий подход к трактовки данного понятия считаем обоснованным. При этом уточним, что речь идет о нелегальном распространении предмета, в том числе и нелегальной торговле. То есть, корысть не является обязательным мотивом или целью такого распространения. Следует иметь в виду, что распространение наркотиков без корыстной составляющей (мотива или цели) может быть не менее, иногда и более опасной. Например, «угощение» наркотиками молодых людей с целью приобщения их к употреблению психоактивных веществ. В бытовом или общеупотребительном значении сбыт часто трактуется исключительно как продажа определенных предметов (товара). А в нашем случае в сознании граждан рисуется ситуация, связанная с деятельностью наркодиллеров, распространяющих наркотики с целью получения прибыли (сверхприбыли). Однако, данная модель преступного поведения является вариативной в рамках понимания термина «сбыт» предусмотренного ч.ч. 2 – 5 ст. 328 УК. Конечно, это один из опаснейших вариантов преступного оборота наркотиков. Но не следует забывать о том, что это лишь один из вариантов.

Правильному толкованию понятия «сбыт» соответствуют и ряд других менее опасных вариантов преступного поведения виновного. Возможна безвозмездная передача небольшого количества наркотика несовершеннолетним своему приятелю с целью, например, ложно понимаемого (тут следует учитывать возрастные психологические особенности субъекта) повышения своей значимости или авторитета в среде сверстников, демонстрации «взрослости», «смелости», позаимствованного из определенного кинематографического продукта образа «крутого» парня и т. п. Возникает вопрос о том, должен ли законодатель при конструировании санкций учитывать многовариантность девиантного поведения? Ответ очевиден. Санкция должна быть сконструирована таким образом, чтобы не нарушались принципы ее построения, в том числе принцип дифференциации наказаний.

Наглядным примером упречности построения уголовно-правовой санкции может служить санкция ч. 5 ст. 328 УК. При формулировании санкции ч. 5 ст. 328 УК законодательство пришлось вносить изменения в ст. 57 Общей части УК, корректируя установленные в ней сроки лишения свободы. Если ранее срок лишения свободы не свыше двадцати пяти лет предусматривался лишь за особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным посягательством на жизнь человека, то после внесения изменений в один ряд с такими преступлениями были поставлены и особо тяжкие преступления, сопряженные с незаконным оборотом наркотиков. Проявил ли законодатель последовательность при такой пенализации? Достаточно вспомнить санкцию ч. 1 ст. 139 УК (убийство), в которой предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет. При всей своей опасности незаконные действия в сфере оборота наркотиков, даже приведшие по неосторожности к смерти потребителя, вряд ли соразмерны с умышленным противоправным лишением жизни другого человека.

На наш взгляд, реформирование УК должно быть связано в первую очередь с процессом депенализации. Смягчение санкций ст. 328 УК (изменение пределов наказания в виде лишения свободы, а также введение альтернативных лишению свободы наказаний) создаст предпосылки для соблюдения принципа справедливости при назначении наказания с учетом всех обстоятельств конкретного дела, в том числе и объема используемых психоактивных веществ. При этом не следует забывать, что одним из средств дифференциации ответственности является категоризация преступлений. А это значит, что наибольшее внимание должно быть обращено на корректировку именно верхних пределов санкций статей УК. Изменение категории преступления позволит применить и иные формы реализации уголовной ответственности, в первую очередь, к несовершеннолетним преступникам, виновным в незаконном обороте небольшого количества наркотиков.

К процессу пенализации следует подходить весьма осторожно. Представляется верной высказанная в доктрине позиция о том, что поиск оптимальной наказуемости усложнен возможностью «перегиба» в обе стороны [2, с. 65]. С одной стороны, нельзя ослабевать пределы необходимого минимума устраниения для эффективной реализации цели превенции уголовной ответственности. С другой стороны, необоснованно строгая санкция имманентно влечет ряд негативных последствий, таких как, например, деформация личности в период отбывания длительных сроков лишения свободы, невозможность последующей ресоциализации осужденного, восприятие наказания

как несправедливого и др. Выработка и закрепление в уголовном законе такого баланса является непростой, но необходимой задачей уголовной политики.

Считаем необходимым обозначить еще один важный момент. Пенализация иногда рассматривается и с правоприменительной точки зрения, то есть как процесс назначения наказания. С указанной стороны в последние годы наблюдается ужесточение уголовной политики в отношении лиц, совершивших рассматриваемые преступления, в частности снижение случаев минимальных и увеличения применения максимальных пределов сроков лишения свободы. Такой подход оправдан лишь в случаях назначения наказания за наиболее опасные проявления незаконных действий в отношении наркотиков.

Список цитированных источников

1. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.

2. Агапов, П. В. Проблемы пенализации организованной преступной деятельности // П. В. Агапов, М. В. Арзамасцев, А. Г. Хлебушкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 1 (49). – С. 64-70.

ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДОВ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОСРЕДСТВОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СЕМЕЙНОЙ ТАЙНЫ

Павлова Л.В.

Право на неприкосновенность частной жизни принадлежит каждому человеку от рождения, позволяя сохранять в тайне сведения, составляющие его личную или семейную тайну. Данное право предусматривается и обеспечивается Конституцией Республики Беларусь и отраслевым законодательством. Например, в ст. 179 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) установлен запрет на незаконные соби́рание либо распространение информации о частной жизни. Вместе с тем, легальные определения частной жизни, личной, семейной тайны в национальной правовой системе отсутствуют. Сконструировать их весьма сложно, поскольку они касаются различных сторон жизнедеятельности человека; в тоже время это негативно сказывается на защите нарушенных прав и законных интересов, многие преступления остаются латентными. Данный вывод подтверждается анализом статистических данных, свидетельствующих о единичности уголовных дел, возбуждаемых по ст. 179 УК. По иному складывается практика защиты неприкосновенности частной жизни в некоторых зарубежных странах [1, с. 55–75]. В связи с чем, изучение международного и зарубежного опыта по рассматриваемому вопросу представляет особый интерес для исследователей. Например, появляются работы с предложениями по противодействию в сфере частной жизни угрозам, возникающим в связи с развитием информационных технологий [2, с. 176–184]. В то же время, исследований, касающихся именно семейной тайны, немного.

Сужение сферы частной жизни до указания на семейную тайну, лишь условно определяет некоторые границы охраняемой информации, так как семейная тайна также может касаться и живых, и умерших членов семьи, может быть связана

с вопросами политики, религии, межличностных отношений, бытовых условий, устоев и взглядов, передаваемых из поколения в поколение и т.д. В уголовно-правовой сфере это затрудняет решение вопроса о том, кто может быть признан носителем семейной тайны; кого рассматривать в качестве потерпевшего, если распространена информация о жизни (смерти) умершего члена семьи, касающаяся иных членов семьи; что рассматривать в качестве общественно опасных последствий незаконного распространения информации о частной жизни, составляющей семейную тайну и др.

В качестве отправной точки решения некоторых поставленных проблем обратимся к работам, в которых предприняты попытки определения понятия семейной тайны. Исследователи практически единодушны в понимании того, что семейная тайна – это групповая тайна, носителями которой являются члены одной семьи [3, с. 45; 4, с. 49–51; 5, с. 73]. Данная тайна представляет собой определенную информацию о семье, которую члены семьи согласованно договариваются не распространять.

При этом полагаем, что в качестве носителей семейной тайны следует рассматривать членов семьи в ее расширенном составе (ст. 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье), которым известна информация, согласованно сохраняемая в тайне. Ознакомление с информацией, представляющей семейную тайну, лиц, которым такая информация стала известна в связи с осуществляемой ими профессиональной деятельностью, не должно рассматриваться как доступность информации неопределенному кругу лиц. Такие лица должны придерживаться норм профессиональной этики и нести повышенную ответственность в случае незаконного распространения известной им информации. В тоже время следует согласиться, что не должно рассматриваться в качестве незаконного распространения семейной тайны раскрытие информации, которая носит противоправный характер [3, с. 44].

В некоторых случаях взрослыми членами семьи информация может сохраняться в тайне не только от посторонних, но и от несовершеннолетних членов данной семьи. Подобная информация может быть как негативного, так и положительного или нейтрального содержания. Главное, что, по мнению семьи, преждевременное ознакомление с такой информацией может вызвать у ребенка сильные эмоциональные переживания, повлиять на физическое и психическое развитие, принадлежность конкретному семейству и т.д. Такую информацию можно определить как особую (внутреннюю) семейную тайну.

Например, в качестве предмета семейной тайны, охраняемой взрослыми членами семьи от распространения несовершеннолетним членам семьи, возможно рассматривать информацию об уходе из жизни одного из членов семьи посредством суицида или о совершенных им попытках суицида. В данном случае взрослые члены семьи будут носителями семейной тайны и в случае нарушения принадлежащего им права на сохранение определенных сведений, существенных для развития внутрисемейных отношений, их следует признавать потерпевшими. Остановимся на более подробном рассмотрении значимости указанной информации.

В научной литературе по психологии отсутствует единство мнений о влиянии поведения суицидента на дальнейший образ жизни остальных членов семьи. Одни исследователи говорят об этом как о мифе, который поддерживается самими психологами, другие рассматривают это как обстоятельство, значимо

влияющее на семейный (родительский) сценарий, восприятие собственного «Я», выстраивание жизненной позиции, подхода к преодолению трудностей и т.д. Кроме того, в обществе все еще сохраняется представление о суициде как о чем-то позорном, требующем осуждения, а вина за произошедшее так или иначе возлагается на семью [6, с. 113–124].

Само по себе незаконное раскрытие несовершеннолетнему информации о суициде или попытках суицида, совершенных членом его семьи, не влечет для лица, раскрывшего такую информацию, ответственность по ст.ст. 145, 146 УК, если им не предпринимались иные действия непосредственно направленные на доведение или склонение несовершеннолетнего к самоубийству. Но несовершеннолетним присуща эмоциональная нестабильность, прямое безоговорочное принятие произошедшего, некоторая иррациональность суждений, в связи с чем информация о суициденте в семье может негативно сказаться на их дальнейшем поведении и образе жизни.

В подтверждение приведем некоторые примеры, в том числе деструктивного поведения, изложенные в специальной литературе.

- поиск виновного в произошедшем может привести к конфликтам в семье, обострению детско-родительских отношений;

- возможно амбивалентное отношение к покончившему жизнь самоубийством (с одной стороны может быть жалость, с другой стороны – страх самоидентификации с данным близким лицом);

- отказ от родовой идентичности (соответственно и ранее усвоенного образа жизни);

- непринятие в себе психологических сходств с членом семьи, совершившим самоубийство, может способствовать жесткой самодеструкции, без поддержки лицо может оказаться в замкнутом круге, прийти к выводу о безвыходности ситуации;

- вина при переживании осложненного горя нередко представляет собой аутоагрессивный акт, который выражается в символических самонаказаниях и самоограничениях горящего человека [6, с. 119–123].

Кроме того, при возникновении жизненных трудностей, несовершеннолетний (а равно другой член семьи, либо повзрослевший «несовершеннолетний») могут повторить содеянный акт как принятый в семье, а соответственно, как «естественный поступок».

В связи с чем, при выяснении обстоятельств суицида или попыток суицида, совершенных несовершеннолетним, помимо поведения и характеристик несовершеннолетнего, его физического и психического развития, отношений с родственниками, сверстниками и др., полагаем необходимым устанавливать совершались ли в семье суициды или попытки суицида, и не являлось ли это семейной тайной, которая была незаконно распространена несовершеннолетнему третьим лицом. А равно в иных случаях внезапного нарушения нормального физического и психического развития ребенка следует выяснять не была ли незаконно распространена несовершеннолетнему иная значимая информация, составляющая семейную или личную тайну члена его семьи (например, донорство органов между членами семьи, развод, наследственные заболевания, смена пола одним из членов семьи, личные наклонности и привычки близких и др.).

Ввиду тяжести последствий (причинение вреда здоровью несовершеннолетнего или иные тяжкие последствия), которые могут наступить,

когда семейная или личная тайна одного из членов семьи умышленно незаконно распространена несовершеннолетнему, полагаем целесообразным предусмотреть норму, устанавливающую повышенную ответственность лица, распространившего такую информацию. Соответствующие дополнения могут быть внесены в ст. 179 УК.

Введение в уголовный закон указанных дополнений позволит обеспечить уголовно-правовую охрану прав и законных интересов не только лица, чья личная или семейная тайна незаконно распространена, но и несовершеннолетнего члена его семьи, для которого, в виду особой морально-психологической связи, такая информация оказывается травмирующей, приводящей к тяжким последствиям.

Представляется, что предлагаемый подход также повлияет на повышение правовой культуры граждан, проявляющих неоправданный интерес к жизни иных лиц, и будет способствовать осознанию и принятию ими ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни.

Список цитированных источников

1. Кадников, Б. Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: Научно-практическое пособие / под ред. Н. Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2011. – 136 с.
2. Полещук, Д. Г. К вопросу об уголовной ответственности за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных / Д. Г. Полещук // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Э. А. Саркисова [и др.]; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск: Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э. А. Саркисовой. – С. 176–184.
3. Новиков, В. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности / В. Новиков // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 43–49.
4. Баркалая, В. Р. Охрана частной жизни после смерти гражданина / В. Р. Баркалая // Закон и право. – 2016. – № 10. – С. 49–51.
5. Елисеева, А. А. Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны / А. А. Елисеева // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4 (89). – С. 71–76
6. Пархомович, В. Б. Агрессия при переживании горя взрослыми детьми суицидентов / В. Б. Пархомович // Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях: монография / И. А. Фурманов [и др.]; под науч. ред. И. А. Фурманова; Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; Белорус. гос. ун-т. – Брест: БрГУ, 2014. – С. 113–124.

ЦЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Плетенева Д.А.

Как общеизвестно, под целью преступления понимается будущий результат, к которому стремится лицо при совершении преступления. Цель объединяет в себе представление о желаемом будущем и активную устремленность к нему. Этот признак субъективной стороны преступления, совершаемого с прямым умыслом, законодатель чаще использует при конструировании основного состава преступления.

Если цель не является признаком субъективной стороны основного состава преступления, ее установление способствует выявлению степени социальной

запущенности личности виновного, что учитывается при индивидуализации ответственности и наказания.

В примерном перечне обстоятельств, смягчающих ответственность (ст. 63 УК), мы не находим указаний на цель общественно опасного поведения как основание для снисхождения в отношении виновного. Однако суд в конкретном случае может счесть цель, преследуемую виновным, фактором, снижающим степень общественной опасности личности обвиняемого.

Как обстоятельство, отягчающее ответственность, цель общественно опасного поведения упоминается лишь в п. 10 ст. 64 УК: «совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». В силу тесной связи мотива и цели общественно опасного поведения в отдельных случаях цель, как отягчающее обстоятельство, косвенно учитывается судом при констатации совершения преступления из корыстных или иных низменных побуждений (п.8 ст.64 УК) и совершения преступления по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы (п. 9 ст. 64 УК).

Законодатель редко называет цель общественно опасного поведения в качестве квалифицирующего признака преступления. Назовем эти нормы.

К убийству при квалифицирующих обстоятельствах отнесены: убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. 8 ч. 2 ст. 139 УК) и с целью получения трансплантата либо использования частей трупа (п. 9 ч. 2 ст. 139 УК). Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения с целью получения трансплантата влечет ответственность по п. 4 ч. 2 ст. 147 УК. Строже карается похищение человека, совершенное в целях эксплуатации или с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации (п. 3 или 4 ч. 2 ст. 182 УК).

При разбое ответственность ужесточается, если деяние совершалось с целью завладения имуществом в крупном размере или особо крупном размере (ч. 2 и 3 ст. 207 УК), а при вымогательстве – с целью получения имущественной выгоды в крупном размере или особо крупном размере. По ч. 2 ст. 237 УК наказывается выманивание кредита, совершенное с целью получения государственного целевого кредита.

Повышенная ответственность наступает при совершении хищения огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ с целью сбыта (ч. 3 ст. 294 УК) и при незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов с целью сбыта (ч. 2 ст. 328 УК).

Законом Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» [1] в семь статей УК внесены изменения, придающие цели статус особо квалифицирующего обстоятельства.

Хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ в целях совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК, наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 4 ст. 294 УК);

незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, в целях совершения преступлений, предусмотренных

ст.ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК, наказываются лишением свободы на срок от 4 до 12 лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 4 ст. 295 УК);

умышленное приведение в негодность транспортного средства или путей сообщения в целях совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 124, 126, 289, 359 и 360 УК, наказывается лишением свободы на срок от 7 до 15 лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 4 ст. 309 УК);

угон либо захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна в целях совершения преступлений, предусмотренных статьями 124, 126, 289, 359 и 360 УК, наказываются лишением свободы на срок от 5 до 15 лет (ч. 3 ст. 311 УК);

незаконные приобретение, хранение, использование, сбыт либо разрушение радиоактивных материалов совершенные в целях совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК, наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 3 ст. 322 УК);

хищение радиоактивных материалов с целью совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК, наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 3 ст. 323 УК);

незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК, наказывается лишением свободы на срок от 2 до 10 лет с конфискацией имущества или без конфискации (ч. 2 ст. 333 УК).

Появился не характерный для отечественного уголовного права квалифицирующий признак – «совершение преступления с целью совершения другого преступления».

Такое сочетание обстоятельств образует идеальную совокупность, при которой одно преступление является оконченным, а другое представляет собой приготовление к преступлению (создание условий для последующего преступления). До внесения в УК Законом Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З анализируемых изменений, ответственность наступала, например, за незаконное приобретение взрывчатого вещества (ч. 1 ст. 295 УК – наказывается исправительными работами на срок до 2 лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до 5 лет, или лишением свободы на срок до 7 лет с конфискацией имущества или без конфискации) и за приготовление к акту терроризма (ч. 1 ст. 13, ч. 1 ст. 289 УК – наказывается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет).

В действующей редакции ст. 295 ответственность будет наступать по ч. 4 этой статьи (лишение свободы на срок от 4 до 12 лет с конфискацией имущества или без конфискации), а также, как и прежде, по ч. 1 ст. 13, ч. 1 ст. 289 УК.

То есть лицу должны дважды вменяться приготовительные действия: 1) как квалифицирующий признак незаконного приобретения взрывчатого вещества и 2) как самостоятельную стадию другого преступления – приготовление к акту терроризма. Под сомнение ставится фундаментальный принцип уголовного права «*non bis in idem*», закрепленный в ч. 6 ст. 3 УК: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

А. И. Гончаренко видит два выхода из подобных ситуаций: «следует признать квалификацию либо по совокупности частей первых указанных статей,

либо на базе именно одного наиболее полного квалифицированного состава, который бы охватывал все обстоятельства содеянного» [2, с. 234].

Нам представляется, что обоим вариантам правовой оценки уязвимы. Если содеянное квалифицировать только по части первой каждой статьи, то при этом будет соблюдаться принцип «non bis in idem», но игнорироваться норма действующего уголовного закона. Если преступление оценивать только по статье с квалифицирующим обстоятельством, то будет игнорироваться действительная сущность общественно опасного поведения – приготовление к более опасному преступлению.

Выход из положения один: в УК не должно быть квалифицирующих обстоятельств по признаку «совершение преступления с целью совершения другого преступления».

Список цитированных источников

1. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 30 июня 2014 г., № 165-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.06.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Гончаренко, А. И. Принцип non bis in idem в уголовном праве / А. И. Гончаренко // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 5. – С. 232–234.

ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Португал М.Л.

Статья 13 Конституции Республики Беларусь гласит, что государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Свобода экономической деятельности и ее конституционные гарантии сами по себе являются столь ценным благом, что один лишь факт их нарушения, по мнению отечественного законодателя, заслуживает ответственности

Согласно ст. 22 Гражданского кодекса Республики Беларусь гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Однако право заниматься данной деятельностью возникает только с момента регистрации, на отдельные виды деятельности необходимо получить специальное разрешение – лицензию.

В процессе осуществления государственной регистрации возникают отношения с должностными лицами. Тем не менее, последние могут препятствовать государственной регистрации индивидуальных предпринимателей

или юридических лиц, необоснованно отказывать им в получении лицензии или иным образом ограничивать их деятельность. В данном случае возникает угроза того, что предприниматель вообще не сможет заниматься избранным видом деятельности, хотя и соблюдал все требования законодательства.

Таким образом, преступление, признаки которого предусмотрены ст. 232 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», является посягательством на свободу экономической деятельности, грубым нарушением установленных Конституцией Республики Беларусь и гражданским законодательством гарантий предпринимательской деятельности.

Согласно ст. 232 УК Республики Беларусь преступлением признается неправомерный отказ в регистрации или уклонение от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица, либо неправомерный отказ в выдаче или уклонение от выдачи им специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности, либо противозаконное ограничение их прав и интересов или иное противозаконное вмешательство в предпринимательскую деятельность, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий и повлекшие причинение ущерба в крупном размере, при отсутствии признаков более тяжкого должностного преступления.

По мнению законодателя, данная норма призвана защитить конституционное право каждого на ведение предпринимательской деятельности, а также в какой-то степени стать гарантией защиты от произвола должностных лиц, которые по различным причинам могли препятствовать в реализации вышеупомянутого права.

Согласно ст. 232 УК Республики Беларусь ответственность устанавливается для должностного лица, которое с использованием своих полномочий:

а) неправомерно отказывает в регистрации или уклонении от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица;

б) неправомерно отказывает в выдаче или уклоняется от выдачи индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу специального разрешения или лицензии на осуществление определенной деятельности;

в) противозаконно ограничивает права или интересы индивидуального предпринимателя либо юридического лица;

г) противозаконно вмешивается в предпринимательскую деятельность [4, с. 27].

В ст. 232 УК Республики Беларусь предусмотрена ответственность за преступление, связанное с наступлением последствия: причинения ущерба в крупном размере. Но в большинстве случаев при воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности вред носит не имущественный, а социальный и психологический характер: лицо не может реализовать своего права на занятие предпринимательской деятельностью (например, при неправомерном отказе в регистрации).

При таком подходе в законодательной конструкции объективной стороны преступления уголовный закон не обеспечивает защиту права граждан на занятие предпринимательской деятельностью.

Однако теоретико-правовой анализ практики правоприменения данной нормы (а вернее – отсутствие такой практики привлечения виновных лиц

к ответственности) заставляет прийти к выводу о том, что рассматриваемая норма вряд ли нужна как элемент уголовно-правового регулирования отношений в сфере предпринимательства. Помещение законодателем ст. 232 УК Республики Беларусь в главу о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности говорит о том, что родовым объектом является порядок осуществления предпринимательской и иной экономической, а не какой-либо иной деятельности (например, политической, образовательной и т.д.), что приводит к необходимости ограничительного толкования ст. 232 УК Республики Беларусь [5, с. 76].

По своей сути воспрепятствование законной предпринимательской деятельности должностным лицом является частным случаем злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК Республики Беларусь). По крайней мере об этом явно свидетельствует используемая законодателем в ст. 232 УК Республики Беларусь формулировка: «...при отсутствии признаков более тяжкого должностного преступления».

Получается, что, если, например, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности совершено из корыстной или иной личной заинтересованности либо повлекло тяжкие последствия или совершено должностным лицом, занимающим ответственное положение, и т.д., ответственность должна наступать по ч. 2 или ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь.

Создается впечатление, что степень общественной опасности содеянного зависит не от важности содеянного или охраняемого объекта, а от того, какой нормативный правовой акт нарушило должностное лицо, каковы мотив совершенного преступления, причиненный ущерб, ранг должностного лица, сфера его деятельности и т.п. Оказывается, что законодатель выделил из общего привилегированный состав должностного преступления в сфере экономики, что вряд ли имеет какое-либо обоснование. Конечно, можно было бы видеть социально позитивный смысл выделения специального состава воспрепятствования законной предпринимательской деятельности в стремлении законодателя подчеркнуть особую важность такого правоохраняемого объекта, как свобода и конституционные гарантии предпринимательской деятельности,

Однако можно прийти к выводу, что место такой статьи должно быть в главе о преступлениях против интересов службы (гл. 35 УК Республики Беларусь), а не в главе о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности (гл. 25 УК Республики Беларусь), ибо основной критерий здесь не сфера экономики, а порядок осуществления экономической деятельности хозяйствующим субъектом. Определенного рода вопросы возникают и относительно причинения ущерба в крупном размере, потому как должны быть подсчитан размер ущерба (в виде реального ущерба или упущенной выгоды) и доказана причинная связь между незаконной деятельностью должностного лица и причиненным ущербом. Каков в данном случае критерий подсчета упущенной выгоды и как, например, его определить в случае неправомерного отказа в регистрации или уклонении от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица (тем более что по своему содержанию понятие «крупный ущерб» может полностью или частично входить в понятие тяжких последствий, предусмотренных в ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь)? В юридической литературе также отмечается, что если в результате воспрепятствования предпринимательской деятельности причинен ущерб не в крупном размере, то

должностное лицо будет нести дисциплинарную, административную или уголовную ответственность (за преступления против интересов службы) [6, с. 84].

Однако получается весьма интересная ситуация: при отсутствии признаков ст. 232 УК Республики Беларусь ответственность может наступить по ст. 424 УК Республики Беларусь, причем наказание по ст. 424 УК Республики Беларусь лицо может понести адекватное тому, если бы в его действиях присутствовали все признаки ст. 232 УК Республики Беларусь. Выходит, что какое бы противоправное деяние в данной области лицо не совершило, ответственность оно все равно будет нести одинаковую.

Нельзя не согласиться с тем, что в данном случае законодатель попросту пренебрег системным принципом построения уголовного закона в угоду казуистическому изложению уголовно-правовых запретов. «Перенасыщение» закона специальными нормами и приводит к тому, что эти нормы игнорируются правоприменителем. Более эффективным было бы не уголовно-правовыми средствами регулировать отношения в сфере экономической деятельности, а ликвидировать в самой экономике те полномочия чиновников, которые и позволяют препятствовать осуществлению законной предпринимательской деятельности. В этом отношении разрешение данной проблемы может быть достигнуто путем исключения ст. 232 из УК Республики Беларусь. Сегодня вовсе нет никакой необходимости для установления более привилегированной ответственности для должностных лиц, которые, злоупотребляя своими полномочиями, без должной мотивации препятствуют законной деятельности предпринимателей [5, с. 77].

Как раз, наоборот, при всей очевидности положения вещей такая ответственность должна быть более жесткой, потому как нарушается основной принцип свободы осуществления экономической деятельности, гарантированный Конституцией.

Таким образом, предупреждать вышеуказанные ситуации следует путем совершенствования качества нормотворческой деятельности. В рассматриваемом аспекте большое значение имеет качество проводимых обязательных юридических экспертиз законопроектов.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Хилота, В. В. Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности как неужное преступление / В. В. Хилота // Юрисконсульт. – 2016. – № 2. – С. 26-29.

5. Марчук, В. В. Бездействующие статьи в действующем УК Республики Беларусь / В. В. Марчук // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов

противодействия преступности в современном обществе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – С. 74–77.

6. Лукашов, А. И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / А. И. Лукашов. – Минск: Тесей, 2002. – 256 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Прудникова Т.А.

В законодательстве Республики Беларусь, частности, в Гражданском кодексе (далее – ГК), определение интеллектуальной собственности отсутствует. Его характеристика дается в доктрине права интеллектуальной собственности учеными-цивилистами.

Так, В.И. Кудашов предлагает «под интеллектуальной собственностью понимать совокупность личных неимущественных и имущественных прав на результаты творческой деятельности их создателей, принадлежащих авторам, правообладателям либо их наследникам в силу закона или договора» [1, с. 15]. Данный автор к сфере интеллектуальной собственности относит также и права на средства индивидуализации участников гражданско-правовых отношений.

Более лаконичное определение дает С.С. Лосев: «под интеллектуальной собственностью следует понимать регламентированные законом права на результаты интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной и художественной сферах» [2, с. 10].

В законодательстве Республики Беларусь используются два термина – «интеллектуальная собственность» и «исключительные права». Указанные термины закреплены в разделе 5 ГК Республики Беларусь, который так и называется «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)». Согласно нормам, закрепленным в исследуемой разделе ГК, интеллектуальную собственность можно определить как совокупность прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации субъектов гражданского оборота, товаров, работ или услуг.

Неоднозначная интерпретация термина «интеллектуальная собственность» повлекла за собой широкую дискуссию среди ученых-цивилистов. Одни правоведы применяют понятие интеллектуальной собственности к правам, другие – к объектам, как результатам интеллектуальной деятельности. Ряд цивилистов рассматривают интеллектуальную собственность в объективном и субъективном смыслах.

В объективном смысле интеллектуальная собственность рассматривается как совокупность норм, регулирующих общественные отношения, связанные с созданием и использованием конкретных результатов интеллектуальной творческой деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ, услуг.

В субъективном смысле интеллектуальная собственность – это совокупность правомочий как личного, так и имущественного характера, принадлежащих

авторам правообладателям или иным лицам, осуществившим регистрацию средств индивидуализации, их наследникам и иным правопреемникам [3, с. 13].

Следует отметить, что права на результаты интеллектуальной деятельности регулируются специальным законодательством, закрепляющим особенности интеллектуальной собственности.

Однако в целом состояние правовой охраны и управления белорусскими субъектами интеллектуальной собственности характеризуется определенными упущениями, в основе которых лежат недостаточное внимание и формальный подход на местах к торговым аспектам интеллектуальной собственности. В таких условиях управление интеллектуальной собственностью становится важнейшей комплексной задачей.

Таким образом, интеллектуальная собственность служит чертой, определяющей права авторов и правообладателей, существование которой вызвано необходимостью установления их гарантированной защиты от посягательств других субъектов. Интеллектуальная собственность представляет собой юридическое благо, определяющее правовой статус авторов и правообладателей. Следовательно, в законодательстве должны присутствовать современные механизмы ее охраны и защиты от посягательств, направленные на регулирование отношений авторов и правообладателей с другими субъектами этих правоотношений.

Современное законодательство предусматривает широкий арсенал средств защиты нарушенных интеллектуальных прав. По отраслевому признаку меры защиты классифицируются на: гражданско-правовые меры защиты и меры ответственности в интеллектуальном праве; меры защиты, предусмотренные административным законодательством; меры защиты, предусмотренные уголовным законодательством.

В зависимости от вида охраняемых благ меры защиты и меры ответственности подразделяются на: меры защиты и меры ответственности, применяемые для защиты личных немущественных интеллектуальных прав; меры защиты и меры ответственности, применяемые для защиты исключительных (имущественных) прав.

Особой законодательной регламентации требуют уголовно-правовые способы охраны интеллектуальной собственности от преступных посягательств.

В качестве общих признаков преступлений в сфере интеллектуальной собственности можно выделить следующие: 1) деяние посягает на правоотношения по поводу законного осуществления прав на результаты интеллектуальной деятельности; 2) деяние нарушает интеллектуальные права либо ставит их под угрозу нарушения; 3) преступность деяния определяется исходя из причинения крупного ущерба автору или иному правообладателю. Помимо указанных общих признаков преступлений против интеллектуальной собственности необходимо отметить, что нарушаются так же права государства, которое не получает налоговые отчисления от правомерного использования результатов интеллектуального труда, что может свидетельствовать об экономической направленности этих преступлений.

Анализ материалов правоприменительной практики позволил выделить следующие основные черты преступного нарушения интеллектуальных прав:

- высокая латентность этих преступлений;
- организованный характер;

- совершение преступления всегда только умышленно;
- совершение преступления по совокупности с другими преступлениями;
- нанесение крупного ущерба как авторам, так и иным правообладателям.

Вместе с тем, специалистами отмечается, что совершенствование борьбы с преступлениями против интеллектуальных прав неизбежно приводит к совершенствованию способов и средств их совершения.

Основные объекты преступлений при нарушении авторских, смежных прав и права промышленной собственности имущественного характера и личных неимущественных прав автора различны, в связи с чем, следует внести соответствующие изменения в уголовный закон, предусмотрев соответствующие составы преступлений в различных гл. УК.

По нашему мнению, необходимо рассматриваемые преступления выделить в гл. 25-1 УК «Преступления против прав интеллектуальной собственности», в которой будет предусматриваться отдельная ст. 262-1 по защите неимущественных прав авторов. Диспозиции ч.ч. 2 и 3 ст. 201 УК, охраняющие имущественные права (которые реализуются в сфере экономической деятельности), считаем целесообразным выделить в отдельную статью «Нарушение имущественных прав на результаты интеллектуального труда» и поместить ее в гл. 25 УК «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» и изложить в следующей редакции:

«Статья 262-2. Нарушение имущественных прав на результаты интеллектуального труда

1. Незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности произведения, изобретения, полезной модели или промышленного образца до их официальной публикации или публикации сведений о них, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта или сопряженные с извлечением дохода в крупном размере,

– наказываются общественными работами, или штрафом, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они совершены: а) группой лиц по предварительному сговору; б) сопряжены с извлечением дохода в особо крупном размере; в) лицом с использованием своего служебного положения,

– наказываются штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

Примечание. Крупным размером дохода (ущерба) в настоящей статье признается размер дохода (ущерба) на сумму, в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Особо крупным размером дохода (ущерба) в настоящей статье признается размер дохода (ущерба) на сумму, в две тысячи и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления».

Реализация указанных предложений на практике позволит повысить эффективность уголовно-правового регулирования борьбы с преступлениями в сфере интеллектуальной собственности в Республике Беларусь.

1. Кудашов, В. И. Основы управления интеллектуальной собственностью: учебник / В. И. Кудашов. – Минск: ИВЦ Минфина, 2013. – 408 с.
2. Лосев, С. С. Основы управления интеллектуальной собственностью: учеб.-метод. пособие / С. С. Лосев. – Минск: БГЭУ, 2007. – 154 с.
3. Станишевская, Л. П. Основы управления интеллектуальной собственностью / Л. П. Станишевская. – Минск : БГЭУ, 2016. – 137 с.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

Русецкий О.В.

Важной задачей государства и общества в современный период является комплексное совершенствование профилактики правонарушений, направленное на придание ей системного, предметно-целевого, дифференцированного и персонализированного (в необходимых) случаях характера. Инновационным направлением модернизации превентивной деятельности, способствующим решению данной задачи, выступает внедрение механизмов превентивного воздействия на систему действующих в государстве правовых установлений посредством проведения криминологической экспертизы принимаемого и действующего законодательства.

Практика применения данного института показала эффективность такого воздействия в целях предупреждения противоправного поведения участников регулируемых отношений, повышения антикриминального потенциала законодательства. Более чем за десятилетний период своего существования институт криминологической экспертизы органически вписался в процесс нормотворческой деятельности Республики Беларусь. Он служит действенным инструментом, позволяющим одновременно влиять на детерминанты преступности и формировать эффективное правовое регулирование, обеспечивает развитие позитивного права во взаимосвязи с устоявшимися и прогрессивными научными методами и подходами.

В рамках методологии экспертно-криминологических исследований законодательства в отношении вводимых правил поведения применяется моделирование криминогенных последствий правоприменения, которое по сути можно считать ядром исследовательского этапа криминологической экспертизы. При этом предмет исследования эксперта не ограничивается схемами (механизмом и последствиями) потенциальных правонарушений, а объективно включает поиск компромиссных решений, связанных с формированием эффективного и безопасного в криминологическом плане регулирующего воздействия права. В этом контексте криминологическую экспертизу можно охарактеризовать как аналитико-прогностическое экспертное исследование правового акта, результатами которого являются обоснованное заключение о наличии либо отсутствии рисков криминогенного характера, а также рекомендации по устранению дефектов правовых норм и конструкций [1].

В теории права правоохранительная деятельность рассматривается как форма осуществления функций государства посредством властной оперативной

работы государственных органов по охране норм права от нарушений, защите предоставленных участникам правоотношений субъективных прав и обеспечению выполнения возложенных на них юридических обязанностей [2]. Прокуратуре присуще особое положение в системе правоохранительных органов, что предопределяется особенностями ее правового статуса. На органы прокуратуры возложен надзор за исполнением законодательства, при этом прокурорские работники наделены правом (используя средства прокурорского реагирования) принимать действенные меры к устранению выявленных нарушений. Прокуратура Республики Беларусь является одним из субъектов профилактики правонарушений, ее координатором, а также государственным инструментом обеспечения точного и единообразного исполнения законодательства в данной сфере.

Технологически в ходе осуществления надзорной деятельности правовые акты оцениваются прокурором во взаимосвязи с выявленными нарушениями, признаются их причиной, которая впоследствии устраняется применением средств прокурорского реагирования. В таких случаях прокурор или его заместитель приносят протест – акт прокурорского надзора, который приостанавливает исполнение опротестованных правового акта или решения (действия), подлежит обязательному рассмотрению соответствующим субъектом (ст. 39 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» [3]). В данном контексте применение института криминологической экспертизы следует рассматривать как способ совершенствования надзорной деятельности, позволяющий использовать криминологические методы оценки нормативных установлений, обосновывать взаимосвязь норм и правонарушений, а также прогнозировать еще не совершенные противоправные деяния, обусловленные недостатками оцениваемых правовых актов. Последнее представляется наиболее важным с точки зрения совершенствования деятельности по профилактике правонарушений.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Сущность, направленность и содержание криминологической экспертизы позволяет ассоциировать ее с деятельностью по надзору за исполнением законодательства, результаты которой имеют существенное значение в сфере профилактики правонарушений. Реализация задач криминологической экспертизы в ходе практической правоохранительной работы органов прокуратуры позволит качественное ее совершенствование, в дальнейшем повысит уровень законности и правопорядка в стране.

2. Методология применения рассматриваемого института в правоохранительной деятельности предполагает расширение объектного содержания надзорной деятельности за счет применения методов экспертно-криминологического исследования законодательства для выявления рисков криминогенного характера в определенном спектре правовых актов, имеющих существенный криминогенный потенциал. К таким актам целесообразно относить акты локального действия, принимаемые представительными, исполнительными и распорядительными органами, другими организациями на местном уровне. В ракурсе надзора за исполнением законодательства должны попадать не только нормы, вызвавшие правонарушения и противоречащие действующему законодательству, но и недостатки правового регулирования общественных отношений, способные их вызвать в процессе правоприменения, формирующие причины и условия противоправного поведения.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь как синтез методологического контекста практичности фундаментальной юридической науки и научности правоохранительной деятельности / В. М. Хомич, О.В. Русецкий // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр.: в 2 т. / Науч. практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В.М. Хомич [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, т. 1: спец. юбилейн. изд. – С. 14–46.
2. Гавриленко, В. Г. Юридический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / В. Г. Гавриленко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

ПРИЗНАНИЕ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ ПРЕДМЕТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТ. 282-1 УК КАК ПРИМЕР РАСШИРИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Сахарчук А.И.

Законом Республики Беларусь от 24 октября 2014 г. № 197-З Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) дополнен ст. 282-1 «Незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных», вступившей в силу с 17 ноября 2014 г.

Природу появления указанной статьи в УК инициаторы соответствующего законопроекта озвучивали прямо. Доказать факт незаконной охоты в ситуациях, когда, например, лицо, перемещающее тушу дикого животного, заявляет, что нашло ее в лесу, затруднительно. Поэтому создан уголовно-правовой запрет, при котором для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно незаконных перемещения или разделки дикого животного.

Идея формулирования составов преступлений, предназначенных для привлечения к ответственности за деяния, реально содержащие признаки более тяжких преступлений, но на практике трудно доказуемых, не нова. История развития отечественного уголовного законодательства знает немало таких случаев. Так, в УК 1960 г. с 1988 г. по 1994 г. преступлением признавалась организация азартных игр (ст. 203-1) [1; 2]. Игры в карты, рулетку, «наперсток» и др. часто сопровождалась завладением деньгами и иными ценностями наивных граждан обманным способом, что должно было квалифицироваться как мошенничество. Однако доказывание завладения имуществом именно посредством обмана в подобных ситуациях осложнено, гораздо проще доказать сам факт организации игры. Есть такая норма и в действующем УК, ст. 317-1 которого устанавливает одинаковую ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения и за отказ от прохождения проверки (освидетельствования) на предмет установления состояния опьянения, подобной презумпцией нахождения лица

в состоянии опьянения также существенно облегчая практически работникам процесс доказывания.

Не касаясь правильности подобного подхода, обратим внимание на проблему уголовно-правовой оценки деяния, относящуюся к широкому толкованию предмета преступления, предусмотренного ст. 282-1 УК.

По ч. 1 ст. 282-1 УК преступными являются «незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных, относящихся в соответствии с законодательными актами к объектам охоты, в том числе погибших, или их частей, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения». Повышенная ответственность по ч. 2 ст. 282-1 УК наступает за незаконные перемещение (транспортировку) или разделку диких животных, относящихся в соответствии с законодательными актами к объектам охоты, в том числе погибших, или их частей в крупном размере, либо на территории заповедника, национального парка, заказника, на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, где установлен контрольно-пропускной режим, либо диких животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь, либо совершенные лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные ст. 282-1 или ст. 282 УК. По ч. 3 караются действия, предусмотренные ч.ч. 1 или 2 ст. 282-1 УК, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных, в том числе погибших, или их частей в особо крупном размере.

В ч. 1 примечаний к ст. 282-1 УК определено, что под незаконными перемещением (транспортировкой) или разделкой диких животных, в том числе погибших, или их частей в ст. 282-1 УК понимаются их перемещение (транспортировка) или разделка в случаях, запрещенных законодательными актами об охране и использовании животного мира. В ч. 2 примечаний к ст. 282-1 УК, раскрывая признаки крупного и особо крупного размера, порядок определения стоимости, законодатель также ведет речь о диких животных.

Таким образом, исходя из текста диспозиций ст. 282-1 УК предмет указанного преступления охватывает только диких животных, относящихся к объектам охоты.

Вместе с тем практика нескольких лет применения ст. 282-1 УК показала, что по ней массово осуждаются лица, совершившие незаконные перемещение (транспортировку) или разделку рыбы или иных водных животных [3]. Основано ли это на уголовном законе?

Безусловно, в широком смысле природа подразделяется на животный и растительный мир. При таком подходе дикими животными равно можно признавать и зубра, и карася, и комара и т.д.

Одним из основополагающих принципов УК и уголовной ответственности является принцип законности, проявлением которого выступают требования строгого толкования норм УК и запрета применения УК по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК).

В действующем УК заложен дифференцированный подход, по которому законодатель разграничивает такие преступления как незаконная добыча рыбы или других водных животных (ст. 281 УК), нарушение правил охраны рыбы и других водных животных (ст. 283 УК) от незаконной охоты (ст. 282 УК) и незаконного перемещения (транспортировки) или разделки диких животных (ст. 282-1 УК)

по предмету преступления. Законодатель описал предмет преступления в ст.ст. 282 и 282-1 УК как «дикие животные, относящиеся к объектам охоты», в ст.ст. 281 и 283 УК – «рыба или другие водные животные».

Кроме того, согласно п. 2 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 21 марта 2018 г. № 112, охотничьими животными (объектами охоты) признаются дикие животные, указанные в приложении 1 к указанным Правилам, среди которых названы копытные и пушные животные, птицы, но не рыбы или водные животные.

Обоснование возможности признания рыбы в качестве дикого животного, указанного в ст. 282-1 УК, на основании того, что в соответствии с п. 2 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 580, дикие животные, относящиеся к объектам рыболовства, – все виды рыбы, миног, обитающих в состоянии естественной свободы в рыболовных угодьях, за исключением рыбы, миног, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, означает очевидное игнорирование логики построения УК. При этом важно принимать во внимание, что уголовно-правовой запрет в ст. 282-1 УК появился в 2014 г. – задолго до утверждения указанных Правил и поэтому с учетом их.

Подытоживая сказанное, на наш взгляд, следует обобщить практику применения ст. 282-1 УК и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. №13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды» разъяснить судам, что рыба и другие водные животные не относятся к предмету преступления, предусмотренного ст. 282-1 УК.

Список цитированных источников

1. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь: Указ Президиума Верховного Совета БССР, 2 сент. 1988 г., № 2406-XI // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2018.

2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь и некоторые другие законодательные акты Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 1 мар. 1994 г., № 2827-XII // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2018.

3. За мешок щуки житель Солигорского района лишился автомобиля // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.abw.by/novosti/rb/200845/>. – Дата доступа: 08.08.2018.

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Сащeko П.И.

В последнее время совершенствование уголовного законодательства Республики Беларусь в сфере противодействия коррупции предполагает активное использование зарубежного опыта. Законодательство Великобритании является одним из наиболее интересных, поскольку Великобритания принимает активное

участие в выработке международных стандартов в области противодействия коррупции и имплементирует международные договоры в этой сфере в свое внутригосударственное право.

В Великобритании ответственность за коррупционные преступления установлена различными нормативными правовыми актами. В частности, Законом «О подкупе» 2010 г. предусмотрена ответственность за активный подкуп, пассивный подкуп, подкуп иностранного должностного лица, неспособность коммерческой организации предупредить подкуп. Ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями и злоупотребление служебными полномочиями установлена Законом «О мошенничестве» 2006 г. и Законом «О краже» 1968 г., кроме того, в общем праве существует преступление нарушения должностным лицом своих обязанностей или пренебрежения ими. [1]

Вместе с тем, основу коррупционных преступлений составляют различные виды подкупа, предусмотренные Законом «О подкупе». В названном Законе выделяются следующие виды подкупа, совершаемого физическими лицами, активный подкуп; пассивный подкуп; активный подкуп иностранного должностного лица. Активный подкуп согласно Закону может совершаться в трех формах: подкуп-побуждение; подкуп-благодарность; подкуп-предоставление ненадлежащего преимущества (в этом случае подкупающее лицо должно осознавать, что принятие подкупаемым лицом преимущества само по себе составляет ненадлежащее осуществление публичной функции). Способы совершения активного подкупа являются предложение, обещание или предоставление преимущества другому лицу.

Пассивный подкуп, который предполагает принятие преимущества, может выражаться в трех формах – это принятие преимущества за последующее ненадлежащее исполнение публичной функции; принятие преимущества в качестве вознаграждения за ненадлежащее осуществление публичной функции; принятие преимущества, которое само по себе образует ненадлежащее осуществление публичной функции. Способы совершения пассивного подкупа являются испрашивание, согласие принять или принятие преимущества.

Закон выделяет четвертую форму пассивного подкупа – это ситуация, когда ненадлежащее осуществление функции со стороны подкупаемого или иного лица (с одобрения или согласия подкупаемого) совершены либо в ожидании преимущества подкупаемым лицом, либо связаны с просьбой подкупаемого лица передать ему преимущество, его согласием принять преимущество или в результате принятия им преимущества. Очевидно некоторое сходство четвертой формы подкупа с выделяемым в белорусском уголовном праве составом преступления, предусмотренным статьей 424 УК (злоупотребление властью или служебными полномочиями), поскольку сущность деяния состоит в ненадлежащем осуществлении публичной функции, обусловленном принятием подкупа, а не в самом принятии подкупа.

Предметом подкупа является финансовое или иное преимущество, содержание которого законодательно не определено, а устанавливается судом. Криминализован подкуп посредством третьих лиц и в пользу третьих лиц.

Применительно к подкупу иностранного должностного лица Закон содержит детальные правила, позволяющие относить то или иное лицо к числу иностранных должностных лиц.

Кроме того, указанный Закон установил уголовную ответственность юридического лица – коммерческой организации за неспособность предупредить активный подкуп, совершенный лицом, ассоциированным с этой коммерческой организацией. Обращает на себя внимание тот факт, что из числа юридических лиц в качестве субъекта данного преступления выделены лишь коммерческие организации.

Отдельные положения Закона могут быть использованы в процессе совершенствования законодательства Республики Беларусь. В частности, целесообразным является выделение общего состава подкупа, который содержал бы общие признаки, характерные для всех преступлений, которые в настоящее время в той или иной степени связаны с подкупом. Это позволило бы выработать единообразный подход к толкованию признаков таких преступлений.

Кроме того, различные формы подкупа, такие как вознаграждение за деяние и благодарность за деяние, испрашивание преимущества отличаются по степени общественной опасности. В этой связи по примеру британского законодателя можно было бы дифференцировать в уголовном законе в виде отдельных составов преступлений разные формы подкупа. Это позволило бы законодательно учесть различную степень общественной опасности таких преступных деяний и применять за их совершение соразмерные меры уголовной ответственности.

Список цитированных источников

1. Резюме обзора хода осуществления Конвенции ООН против коррупции: Великобритания и Северная Ирландия [Электронный ресурс] // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. – Режим доступа: <http://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/WorkingGroups/ImplementationReviewGroup/ExecutiveSummaries/V1382017r.pdf>. – Дата доступа: 09.09.2018.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Срето Ного

Для каждого этапа развития человеческого общества характерны определенные отношения человека к данному историческому моменту, в котором он может выжить и развивать свою личность только в сообществе с другими людьми. Способ развития человеческой личности, а тем самым и мирового сообщества, зависит от способа развития мира, от способа становления межчеловеческих и общественных отношений. В данный момент в обществе заметна все более суровая глобализация мира, и поэтому такое общество своим членам предоставляет лишь многочисленные демонические варианты т.н. современного общества. Человек, как единичная личность, теряет смысл и значение, так как в эпоху глобализации, более чем раньше, создатели современного мира пытаются навязать всем какую-то ложную идентичность, виртуальные ценности, выдуманные права и ложное будущее, и лишь одно государство представить мнимым создателем более счастливого мира для всего человечества. В этом «лучшем», выдуманном, глобализованном мире человек, а тем самым и целые народы, теряют свою подлинную и истинную идентичность. Цель процессов современной глобализации: уничтожение не только национальной

идентичности и целостности народов и государств, но также становление новых моральных ценностей, абсолютно противоположных исторической идентичности человека.

Такие общественные отношения представляют собой насилие над человеком, над его природой и вечным стремлением к ее улучшению и совершенствованию по мере развития человека. Уже античные философы писали, что человек стремится к совместной жизни с другими людьми в свободном сообществе личностей, которое проявляется в помощи другим членам сообщества, что каждому человеку обеспечивает необходимую жизненную энергию.

Процессы глобализации, наоборот, стремятся к созданию духовно обедненного и отчужденного человека, лишенного вековых человеческих ценностей, личной идентичности. Глобализированный человек теряет дух и чувство свободы, перестает хранить богатство межчеловеческих различий и превращается в обезличенного подданного. Соответственно, некоторые центры силы пытаются создать новый мировой порядок, который не учитывает национальные интересы отдельных государств, поддерживает тьму и тиранию, лицемерие, насилие и отсутствие любой морали. Мир, который отвергает богатство межчеловеческих различий, превращается в мир, стремящийся к насильственному нивелированию национальных особенностей и характеристик, а это значит – к тирании.

Тираны, якобы поддерживая свободу слова, на самом деле поддерживают свободу бомбардировок под видом «милосердного ангела», помогают исчезновению целых народов и их культур в целях какой-то мультиконфессиональности, оправдываясь защитой прав и свобод человека убивают миллионы людей. Нет свободы выбора, а Европейский Союз навязывается как единственная альтернатива всего человечества.

Создатели такой концепции развития мира забывают, что человек, как общественное существо, стремится к созданию и сохранению личной и общественной идентичности, для которых характерно различие межчеловеческих отношений. В эпоху глобализации, которая отвергает национальные границы и создает универсальные трансграничные уголовные преступления, очень важно постоянно находить новые формы борьбы с ними.

Высокотехнологичный криминал сегодня наблюдается во всех современных государствах. Для этого типа криминала характерна совокупность уголовных преступлений, в которых объектом и средством уголовного преступления является компьютер, компьютерная сеть и данные в материальной и электронной формах. Можно сказать, что компьютер – одно из самых важных человеческих открытий. С появления компьютера до наших дней, он стал почти неотъемлемой частью человеческой жизни и деятельности. Однако, массовое использование компьютера создало благоприятную почву для разнообразных злоупотреблений.

Совершение уголовных преступлений в рамках т.н. компьютерного криминала облегчено посредством доступа к Интернет-сети (online), но для них доступ к Интернету не всегда нужен (offline). Значит, компьютерная сеть не всегда является главным объектом и средством уголовного преступления. На практике, когда компьютерная сеть выступает средством, целью или доказательством уголовного преступления, можно говорить о кибер-криминале, хотя это понятие теоретически еще недостаточно точно определено...

Термин «кибер» («сайбер») употребляется в случаях, когда необходимо использовать новые термины для объяснения уголовных преступлений в рамках информационных и компьютерных технологий [1]. Термин «кибер», от древнегреческого слова «кибернетикос» (κυβερνητικός), которое означает управлять, руководить, править. В англосаксонских языках произносится как «сайбер», а в славянских и германских как «кибер».

Чаще всего, кибер-пространство определяется как «метафора, применяемая для описания физического пространства, созданного связыванием компьютеров через коммуникационную сеть в целях коммуникации» [2]. Кибер-пространство – неосоздаемое место между несколькими компьютерами, при чем информация передается через глобальную сеть. Это своего рода этерическая реальность, бесконечное число электронов, которые с быстротой света движутся через провода или оптическое волокно [3].

Кибер-пространство еще можно определить как вид «сообщества» созданного из компьютерных сетей, в котором элементы традиционного общества существуют в форме байтов и битов, или как «пространство, которое создают компьютерные сети». В повседневной речи «кибер-пространство» чаще всего употребляется как синоним для Интернета.

Интернет представляет собой межсоединение миллионов компьютеров в мире, которыми независимо правят отдельные люди или организации, присоединившиеся к общим протоколам коммуникации, в первую очередь к протоколам, известным как TCP/IP (Transmission Control Protocol/Internet Protocol).

Протоколы TCP/IP обеспечивают существование Интернета, а их основная характеристика – определение сети, созданной путем обмена пакетами данных, при чем данные, до отправления через сеть, разделяются, а потом отправляются. Определение пути данных (routing) происходит через многочисленные посреднические диспозитивы (router). Когда один из этих посредников получит пакет данных, которые нужно отправить не в компьютер в локальной сети, эти данные отправляются к другому посреднику оптимальным путем. Компьютер-отправитель и компьютер-получатель могут не иметь никакой информации о пути передачи данных, а часто происходит, что разные части информации передаются по разным путям. Еще важнее, что компьютеры в сети могут, с технической точки зрения, совсем не знать технологии сетевой коммуникации, с помощью которой осуществляется передача данных.

Применение стандартизированных протоколов TCP/IP у пользователей Интернета создает иллюзию, что он является частью большой и единой сети, хотя Интернет на самом деле представляет собой совокупность независимых сетей. Иными словами, отдельные пользователи, государства и институты, являются владельцами частей коммуникационных каналов или компьютерного и коммуникационного оборудования, которое используется в Интернете. Владелец компьютера сам выбирает способ подключения к Интернету, количество и тип получаемой информации, а также контент тех источников, которые он сделает доступными для других пользователей сети.

О кибер-криминале можно говорить в случаях, когда уголовное преступление «совершено при использовании информационных технологий в кибер-пространстве». Остальные преступления, которые совершаются с помощью информационных технологий, но вне кибер-пространства, более точно

определять как уголовные преступления, связанные с компьютерной технологией (Cyber related crimes). Такие уголовные преступления можно уточнить и определить в рамках положений о компьютерном криминале.

Можно выделить различные виды кибер-криминала:

– **кибер-шпионаж** (сбор информации с помощью информационно-коммуникационной технологии, например, система для контроля коммуникаций «Eshelon» (пять государств, в которых официальный язык – английский: США, Великобритания, Австралия, Канада и Новая Зеландия));

– **«хакинг»** (противозаконный доступ к компьютерным ресурсам, например, противозаконный доступ или взлом компьютерной системы различных правительственных организаций ради достижения определенных политических целей);

– **кибер-саботаж** (нарушение или уничтожение данных, программ, компьютеров или компьютерных сетей);

– **кибер-обман или кибер-мошенничество** (подразумевает неопубликование или ложное опубликование данных, с целью извлечения противоправной имущественной выгоды и нанесения ущерба другому лицу);

– **криминал, связанный с электронными материалами и контентом** (подразумевает производство и распространение противозаконного и вредного контента в Интернете, например, распространение материалов с детской порнографией, расистских, нацистских и подобных идей и др.).

– **криминал, связанный с продукцией и вещами** (компьютерная сеть используется для манипуляций с различными запрещенными веществами и продукцией, например, торговля наркотиками, человеческими органами или оружием через Интернет).

– **нарушение тайны данных о личности** (подразумевает доступ к данным о личности, например, контроль за электронной почтой или подслушивание).

Совет Европы в 2014 году в отчете об организованном криминале под названием «Угроза кибер-криминала» под кибер-криминалом подразумевает следующие виды уголовных преступлений:

1. Преступления против целостности и доступности локальных компьютерных данных (Computer data) и компьютерных систем (Computer systems) – к этой категории можно отнести нападения (противозаконный доступ к какой-нибудь системе, нападения типа DOS, нападения с помощью вредных компьютерных программ и т.п.);

2. Традиционные преступления, совершенные с помощью компьютера (Computer related traditional crimes), такие как: обман, подделка, злоупотребление банковскими данными по кредитным карточкам и т.п.;

3. Преступления, связанные с различными контентом (Content related offences) – наличие в личной собственности, распространение, трансляция и хранение противозаконных контентов (порнографических, расистских и т.п.);

4. Преступления, связанные с нарушением авторских и смежных прав (противозаконное копирование и распространение без разрешения автора экземпляров аудио/видео-программ, данных, цифровых (диджитальных) книг и, вообще, различных авторских произведений в электронном формате);

5. Преступления, связанные с нарушением персональных данных (противозаконный доступ к системам, содержащим персональные данные, сбор и распространение персональных данных и т.п.).

Некоторые учёные считают, что самый защищенный тот компьютер, который отключен или тот, который не подключен к сети. Однако, даже компьютер, который в данный момент отключен и никто на нем не работает, может послужить для совершения преступления (имеется в виду, что каждый может подключить его к сети). Эта разновидность криминала подразумевает, в первую очередь, специфические нападения – кибер-нападения, в то время как физические нападения уходят на второй план [4].

Физическое нападение подразумевает применение конвенционального оружия против инфраструктуры, в которой находятся информационные системы или против систем передачи информации. Такие нападения в компьютерном криминале направлены на обеспечение доступа к определенной системе. Наоборот, кибер-нападения направлены против компьютеров в сети, против самой сети, через которую обеспечен доступ к системам, являющимися целью нападения.

В рамках кибер-нападений можно выделить следующие:

- кибер-нападения технического типа (то есть, нападения с помощью вредных компьютерных программ или нападения, направленные на нарушение услуг) и

- нападения в кибер-пространстве, которые основываются на обмане других пользователей кибер-пространства и на злоупотреблении их доверием (кибер-обман).

Нападения с помощью вредных программ охватывают: употребление вредных (malware) компьютерных программ, задача которых – «заразить» информационную систему соперников, с целью ее нарушения или кражи различной, особенно секретной, информации (например, пароли – password[s], номера кредитных карточек и т.п.).

При нападениях, направленных на нарушение услуг используются протоколы (например, TCP/IP) и их недостатки (ошибки или «слабые места» софтвера, неправильная конфигурация хардвера и софтвера системы или ошибки в самих проектах), и таким образом обеспечивается доступ к информационной системе.

Кроме кибер-нападений технического типа, существуют и нападения, основывающиеся на «ранимости человеческого фактора», когда преступники так влияют на других пользователей сети, что они неосознанно раскрывают именно ту информацию, которая нужна преступникам.

Термин «социальный инженеринг» (social engineering) обозначает такой тип нападений, при которых преступники пользуются не компьютерной техникой, а пытаются через коммуникации подействовать на жертвы так, чтобы они нарушили нормы безопасности, причем жертвы чаще всего совсем не замечают подобных манипуляций. Таким образом, собирается полезная информация, облегчающая доступ к системе жертвы, что труднодоступно при кибер-нападениях технического типа.

Такая модель нападений широко применяется в случаях, если компьютерная сеть (или система) жертвы хорошо защищена и обеспечена. Главным фактором успеха здесь выступает степень участия самой жертвы в деятельности, в которой требуется ее «сотрудничество».

Личная персуазия (переубеждение) жертвы необходима для удачного нападения посредством социального инженеринга. Преступники стараются, чтобы жертвы не почувствовали никакого принуждения или резкого требования

осуществить их директивы, а наоборот, у жертв создают впечатление полного контроля ситуации. Очень важно, чтобы жертва была полностью уверена, что самостоятельно приняла решение пожертвовать своим временем и энергией в альтруистических целях и (или) в целях каких-то конкретных бенефитов.

В зависимости от вида кибер-криминала, нанесенный ущерб можно подразделить на:

- **финансовый** – в случае, когда преступление совершается с целью извлечения противоправной имущественной выгоды для себя или для другого лица, что наносит определенный ущерб, или в случае, когда преступник наносит объективный финансовый ущерб без желания извлечь имущественную выгоду для себя или другого лица;

- **нематериальный** – противозаконное раскрытие чужой тайны и другие индискретные действия;

- **комбинированный** – раскрытие какой-нибудь тайны или нарушение авторских прав через злоупотребление компьютером или компьютерной сетью, при чем подрывается чья-то репутация или нарушается моральное право с одновременным нанесением финансового ущерба.

Экспансию кибер-криминала подтверждают данные компании «Symantec», занимающейся компьютерной безопасностью, и производителя противовирусного софтвера «Norton»: в 2011 году жертвами кибер-криминала стали 431 миллион людей в мире, что нанесло финансовый ущерб в 14 миллиард долларов (в США было более 74 миллиона жертв кибер-криминала, при непосредственных финансовых ущербах в 32 миллиарда долларов). Согласно данным отчета компании «Symantec», в мире более две трети взрослых, пользующихся Интернетом (или, точнее, 69 % из них), хоть раз в жизни были жертвами кибер-криминала. Иными словами, миллион людей в сутки во всем мире становится жертвами таких противозаконных действий.

Кибер-обман (кибер-мошенничество) довольно трудно точно определить, так как речь идет о сравнительно новом виде криминального поведения, причем его формы, с феноменологической точки зрения, очень разнообразны. Кибер-обман стал одной из самых частых угроз для пользователей в Интернете, из-за быстрого изменения способа совершения таких противозаконных действий и легкого приспособления к инновациям в области коммуникационных технологий.

Кибер-обман – сокрытие данных или их неточное (ложное) сообщение, с целью извлечения для себя или другого лица противоправной имущественной выгоды, причем другому лицу наносится ущерб. Компьютер или компьютерная сеть здесь выступают как средства, цель или доказательство совершения этого вида мошенничества.

Кибер-обман – разновидность кибер-криминала, то есть криминального поведения, при котором компьютерные технологии и коммуникационные системы используются для совершения уголовного преступления и (или) компьютер становится средством или целью совершения такого преступления, причем возникают, в уголовно-правовом смысле, значительные последствия (кражи, неплатежи, сбор данных и их использование для извлечения противоправной выгоды).

Кибер-мошенничество, если оно не слишком очевидно, очень трудно раскрыть и доказать. Многие жертвы кибер-обмана боятся сообщить об этом государственным органам, думая, что их обвинят в сотрудничестве

с преступниками, или им просто становится стыдно за свою излишнюю доверчивость и наивность.

Компьютерный обман охватывает совершение преступления на самом компьютере, при помощи материалов, содержащихся в нем (софтвар и данные), причем компьютер является средством или целью совершения уголовного преступления, и выражен в хранении неточных данных или отказе сообщить точные данные, сокрытии или ложном сообщении данных, что вредит их электронной обработке и передаче.

Данная разновидность высокотехнологичного обмана происходит не в виртуальном мире (в кибер-пространстве), а в реальном.

Для совершения уголовного преступления кибер-обмана мошенники используют поддельные документы, чтобы перевести на свой счет деньги, которые жертва обмана им заплатила, технические средства, обеспечивающие им анонимную коммуникацию, web-базирующую электронную почту, электронные реквизиты, которые обманом достались от их законных владельцев, услуги телекоммуникационных сервисов для непосредственной коммуникации с жертвой обмана (с жертвами уголовных преступлений преступники осуществляют коммуникацию и с помощью мобильного телефона), создают ложные страницы в интернете, чтобы у жертв создать впечатление, будто они сотрудничают с каким-то легальным институтом или организацией, используют поддельные документы с ложной печатью, ложной подписью, ложным содержанием, а также и фотографии других лиц, собранные в интернете для ложного знакомства с жертвами, договариваются с жертвами о деловых встречах (обещая разные выгодные сделки, как, например, приезд в Нигерию без визы, а если жертва на самом деле приедет, ее нередко захватывают в плен и требуют денег) [5, p.32].

Социальные сети как Facebook или Twitter предоставляют ценную информацию о различных видах кибер-мошенничества. Люди ведут себя более свободно в виртуальной, чем в реальной жизни, и своим мнимым виртуальным друзьям легко раскрывают подробности, которыми преступники могут злоупотребить.

Нередко преступники отправляют т.н. спам-сообщения. В таком сообщении обычно от пользователя требуют подтвердить или сообщить конфиденциальные данные. Когда пользователь заполнит электронный бланк, конфиденциальная информация отправляется к создателю ложной интернет-страницы, которая почти такая же, как и легальная страница в Интернете, только электронный адрес иной. Полученную информацию преступники используют в различных противозаконных целях, но чаще всего речь идет о краже денежных средств с банковского счета жертв или о взломе их электронной почты.

Во многих случаях мошенничества жертв привлекают обещанием огромных денежных сумм («лотерейный» и «нигерийский обман»). Чтобы получить деньги, жертва должна платить лишь за открытие текущего счета в определенном банке или каким-нибудь иным образом участвовать в расходах. Преступники требуют сумму от нескольких до десяти тысяч долларов, евро или другой валюты. Преступники уверяют жертв, что, якобы, нет никакой возможности, чтобы они покрыли эти расходы, так как деньги должны быть перечислены с банковского счета «счастливчика», который получит миллионную сумму. Существует несколько вариантов этого мошенничества: иногда от жертв требуется несколько раз

выплатить небольшие денежные суммы, а расходы оправдываются «официальными» документами.

Крупным источником кибер-мошенничества является онлайн-продажи и промоции. Чаще всего пользователям Интернета предоставляется «невероятно качественная» продукция. В мире каждые 44 секунды кто-нибудь становится жертвой онлайн-торговли в результате покупки продукции, с «чудотворными свойствами» которой ознакомился через Интернет. Согласно некоторым источникам, существует около 1400 сомнительных сайтов, предоставляющих продукцию, связанную со здоровьем, в результате чего поданы иски против 18 компаний и проведено тщательное расследование. Посредством подобных уголовных дел проверена работа около 200 предприятий в 19 странах мира.

Подводя итог, следует отметить, что процессы глобализации во многом помогут расширению различных деструктивных идей, которые создают благоприятную почву для развития новых видов уголовных преступлений, не знающих национальных границ. Общественная обстановка в глобализованном мире в первую очередь будет зависеть от зрелости и мудрости ведущих мировых политиков, от их умения узнать и запретить интернет-порталы, поддерживающие и расширяющие деструктивные явления: сектантство, терроризм, торговлю наркотиками и людьми, насилие, ненависть, криминал и т.п. Развитие новых технологий стирает национальные границы, создавая широкое «незащищенное пространство», выгодное для криминальной деятельности. Кроме этого, люди все больше отчуждаются друг от друга, сидя у компьютера, в виртуальном мире, теряя постепенно свою национальную идентичность.

Создатели нового мирового порядка добиваются именно этого: создать безидейную мировую массу, которой легко можно злоупотреблять, потому что любая личная идентичность удачно уничтожена. Цель новых социальных сетей – создание «новых» общественных ценностей, якобы наднациональных, которые отчуждают людей друг от друга, а сам человек постепенно теряет характеристики жизни в обществе. Он становится ациональным, без личной идентичности и самосознания, становится выгодным для любых злоупотреблений. Такого «нового человека» создают процессы глобализации при усердной помощи кибер-пространства.

Список цитированных источников

1. Гибсон, Вилиям. Неуромант, IPS Media. – Београд, 2008.
2. <http://www.webopedia.com>.
3. Schwartau, W. Information Warfare. Chaos on the electronic superhighway. Thunder's Mouth Press. – New York, 1994.
4. Lisbon Summit Declaration, Press Release. – 2010. www.nato.int.
5. Howard, Rick. Cyber fraud: tactics, techniques and procedures. Auerbach Publications. – 2009. – 32 p.
6. International Strategy for Cyberspace. The White House, May 2011, <http://www.whitehouse.gov>.
7. Report of the Group Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of international Security, United National Publications, 2011.
8. <http://www.nitimes.com>.
9. <http://www.computerworld.com>.
10. <http://www.un.org>.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Топорикова О.О.

Уголовный (Пенитенциарный) кодекс Эстонии - (Karistusseadustik¹) был принят в 2001 году. До этого момента действовали нормы Уголовного кодекса Эстонской ССР 1961 г., в который в 1992 году были внесены изменения. Наказательное право Эстонии развивалось под влиянием немецкой уголовно-правовой концепции. Нормы кодекса предусматривают наказание как за преступление, так и проступок. За преступление, совершенное физическим лицом, предусматривается наказание в виде денежного взыскания или тюремного заключения, а за совершенное юридическим лицом – денежное взыскание или принудительное прекращение (ч. 3 ст. 3 УК Эстонии). Лицо, виновное в совершении проступка, подлежит наказанию в виде штрафа или ареста (ч.4 ст. 3 УК Эстонии). Кроме того, преступления различаются по степени тяжести: преступление первой степени наказывается срочным тюремным заключением на срок свыше 5 лет или тюремным заключением, а преступление второй степени – тюремным заключением на срок до 5 лет или денежным взысканием.

Виновные деяния против несовершеннолетних (раздел 11) и их сексуального самоопределения (раздел 7) относятся к категории преступлений. Под несовершеннолетним в уголовном праве Эстонии понимается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, а лицо, не достигшее возраста четырнадцати лет – малолетним. При этом лицо, не достигшее десятилетнего возраста, считается неспособным осознавать характер и значение виновных деяний.

К числу преступлений, посягающих на сексуальное самоопределение несовершеннолетних, по УК Эстонии относятся: изнасилование (ч. 2 ст. 141); понуждение к половому сношению или иному деянию сексуального характера (ст. 143); половое сношение или иное деяние сексуального характера с использованием своего влияния (143-2); половое сношение с родственником по нисходящей линии (ст. 144); половое сношение и иное деяние сексуального характера с малолетним (ст. 145); покупка сексуальных услуг у несовершеннолетнего (ст.145-1); торговля людьми с целью использования несовершеннолетнего (ст. 175); стремление к получению доступа к детской порнографии и ее просмотр (ст.175-1);изготовление и предоставление возможности изготовления детской порнографии (ст. 178); соглашение с малолетним о встрече в сексуальных целях (ст. 178-1); сексуальное совращение малолетнего (ст. 179).

Проведенный анализ санкций указанных составов позволяет сделать вывод о том, что в уголовном законе Эстонии по рассматриваемым категориям преступлений повышенная ответственность установлена при совершении посягательств в отношении несовершеннолетнего или малолетнего, а также при совершении перечисленных деяний специальным субъектом. К специальным

¹ Следует отметить, что эстонские ученые указывают, что более правильным является перевод «Уложение о наказаниях», а отрасль уголовного право в целом представляет собой наказательное право

субъектам относятся: родственники по нисходящей линии, лицо, в отношении к которому потерпевший несовершеннолетний находится в зависимости или злоупотребившее силой влияния или доверием, а также лицо, ранее совершившее преступление против сексуального самоопределения и (или) против несовершеннолетних. При наличии указанных обстоятельств деяния относятся к категории преступлений первой степени тяжести и предусматривают достаточно высокие сроки тюремного заключения (от 6 до 16 лет за изнасилование несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 141) и до 8 лет за половое сношение или иное деяние сексуального характера с использованием своего влияния, половое сношение с родственником по нисходящей линии – ст. 143-2, ст. 144). Специальный рецидив преступлений также отнесен к обстоятельствам, влекущим повышенную ответственность. Так, согласно ч. 2 ст. 145 и ч. 2 ст. 145-1 УК Эстонии, совершение преступных деяний, лицом, ранее совершившим преступления, указанные в разделе 7, влечет наказание в виде тюремного заключения на срок до 8 лет.

Подобный подход по определению размеров санкций в целом идентичен практике Республики Беларусь. Например, за совершение изнасилования, насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего и малолетнего УК Беларуси предусматривает наказание от 5 до 13 лет и от 8 до 16 лет (ч. 2 и ч. 3 ст. 166, ч. 2 и ч. 3 ст. 167).

Вместе с тем, специфика подхода эстонского законодателя в части обеспечения уголовно-правовой защиты от преступлений против половой неприкосновенности и нравственности состоит в следующем:

1) понимание изнасилования как вступления в половое сношение или иное деяние сексуального характера с человеком против его воли с применением насилия либо с использованием его состояния, в котором он не способен оказывать сопротивление или понимать происходящее. Подобный подход с определенной точки зрения является обоснованным, поскольку рассматривает половое сношение и иное деяние сексуального характера как одноуровневый акт насилия над половой неприкосновенностью и половой свободой человека¹, и формирует единые правила квалификации таких деяний.

2) определение потерпевшего от изнасилования и других преступлений, связанных с посягательством на половую неприкосновенность и свободу, как человека, вне зависимости от его пола.

3) совершение виновного деяния в отношении несовершеннолетнего путем злоупотребления влиянием или доверием рассматривается как обстоятельство, отягчающее наказание (12 ст. 58 УК Эстонии) и выступает в качестве обязательных признаков квалифицированных составов рассматриваемой категории преступлений.

4) преступления связанные, с совершением посягательств на нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних в половой сфере, традиционно относимые белорусским уголовным законом к категории преступлений против половой неприкосновенности, в УК Эстонии находятся в разделе 11 «Преступления против несовершеннолетних». К числу данных

¹ В Республике Беларусь изнасилование и насильственные действия сексуального характера являются самостоятельными составами (ст.ст. 166, 167 УК), имеют различные признаки объективной стороны. Так, в ч. 1 ст. 166 УК в качестве обязательного признака изнасилования указывается применение насилия или угроза применения в отношении близких потерпевшей, а в ч. 1 ст. 167 УК указано насилие в отношении потерпевшего (потерпевшей).

преступлений относятся: торговля детьми с целью использования несовершеннолетнего (ст. 175 УК Эстонии); стремление к получению детской порнографии и ее просмотр (ст. 175-1 УК Эстонии); изготовление и предоставление возможности изготовления детской порнографии (ст. 178 УК Эстонии); соглашение с малолетним о встрече в сексуальных целях (ст. 178-1 УК Эстонии); сексуальное совращение малолетнего (ст. 179 УК Эстонии).

Статья 175 УК Эстонии (торговля детьми) является специальной по отношению к ст. 133 (торговля людьми) и устанавливает ответственность за воздействие на несовершеннолетнего с целью склонения его к совершению или продолжению преступления, к занятию попрошайничеством, проституцией, либо к выполнению работы в нетипичных условиях или к насильственному браку, или выступлению в качестве модели или актера в порнографическом представлении или произведении. Данное деяние единственное в рассматриваемом блоке относится к преступлениям первой степени тяжести и предусматривает наказание в виде тюремного заключения на срок от двух до десяти лет.

Для сравнения в Республике Беларусь такие деяния дифференцированы в рамках различных статей и предусматривают разные меры ответственности. Так, ст. 172 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» и ст. 173 «Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение» и предусматривают в том числе наказание в виде лишения свободы до 5 лет (ст. 172) и до 3 лет (ст. 173). При этом Законом Республики Беларусь от 4 мая 2005 года № 15-З деяние в виде вовлечения несовершеннолетнего в проституцию или принуждение к занятию проституцией из ст. 173 выделены в качестве самостоятельного состава (ст. 171-1 «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией») и предусматривают наказание только в виде лишения свободы от 3 до 5 лет (ч. 2 ст. 171-1 УК) и от 7 до 10 лет (ч. 3 ст. 171-1 УК). Кроме того, из объективной стороны ст. 173 УК Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 451-З были исключены действия, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в изготовление материалов и предметов порнографического характера. Одновременно в УК была введена ст. 343-1, устанавливающая ответственность в виде лишения свободы от 3 до 8 лет (ч. 2 ст. 343-1 УК) и от 5 до 13 лет (ч. 3 ст. 343-1 УК) за использование несовершеннолетнего (малолетнего) для изготовления порнографических материалов с его изображением.

При этом указанные составы в белорусском уголовном законе находятся в различных главах, что соответственно указывает, что под объектом посягательства понимаются различные правоотношения, а нормальное физическое и психическое здоровье несовершеннолетнего выступает в качестве дополнительного объекта.

Статьи 177-1 и 178 УК Эстонии обеспечивают уголовно-правовую защиту от такой формы сексуальной эксплуатации как «детская порнография». Уголовно-наказуемым является умышленный просмотр детской порнографии и ее получение (ст. 175-1), а также изготовление, приобретение, хранение, передача другому лицу, демонстрация либо обеспечение иным способом общедоступности материала, изображающего несовершеннолетнего в порнографической ситуации, а малолетнего в порнографической или эротической ситуации. Данные преступления имеют вторую степень тяжести и предусматривают наказание в виде денежного взыскания или тюремного заключения сроком до трех лет. Как уже

указывалось выше в Республике Беларусь за использование несовершеннолетнего для изготовления порнографии установлено наказание в виде лишения свободы и относится категории тяжких и особо тяжких. Ответственности за просмотр и хранение детской порнографии в Республике Беларусь не установлено.

Следующим блоком преступлений, оказывающих негативное воздействие на физическое и нравственное развитие, в УК Эстонии являются ст. 178-1 и 179, устанавливающие ответственность за соглашение с малолетним о встрече в сексуальных целях и за сексуальное совращение малолетнего. Данные преступления так же, как и предыдущая группа, имеют вторую степень тяжести и предусматривают наказание в виде денежного взыскания или тюремного заключения сроком до трех лет. Статья 178-1 УК Эстонии соответствует ст. 23 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года, которой рекомендовано установить ответственность за домогательство детей с сексуальными целями. Статья 179 устанавливает ответственность за передачу или демонстрация малолетнему, либо сознательное обеспечение ему иным образом доступности порнографического произведения или его репродукции, или демонстрация такому лицу сексуального злоупотребления, либо вступление в половое сношение на глазах такого лица, или его сознательное сексуальное совращение иным образом. По сути можно говорить, о том, что данный состав близок к ст. 169 УК Беларуси, устанавливающей ответственность за развратные действия. Вместе с тем, в рассматриваемой норме эстонского закона закреплён закрытый перечень деяний, составляющих интеллектуальные развратные действия, что исключает двоякое толкование развратных действий и иных действий сексуального характера, что в свою очередь позволяет более эффективно обеспечивать уголовно-правовую защиту прав несовершеннолетних.

В заключение следует отметить, что реализованный в уголовном законе Эстонии подход в части дифференциации деяний и определении объекта преступления заслуживает внимания и может рассматриваться при совершенствовании норм УК Беларуси.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ

Хамкова Д.Е.

Функции и задачи уголовного права вытекают из социальных и экономических потребностей существующего общества. Одна из фундаментальных потребностей общества на сегодняшний день – это экономическая стабильность государства.

Одним из преступных деяний, которое наносит угрозу экономическим интересам, безусловно является легализация («отмывание») преступных средств. Борьба с легализацией преступных средств или иного имущества, является одним из приоритетных направлений противодействия преступности, как в Латвии, так и в других государствах. Легализация создает основу теневой экономики, причиняет вред как экономической безопасности, так и финансовой стабильности государства, а также затрудняет раскрытие преступных деяний. Следует отметить,

что «отмывание» денег особенно опасно для стран со слабой экономикой, какой к сожалению на сегодняшний день является и Латвия.

В своей сущности легализация выступает в качестве негативного социального явления, нарушающего сложившиеся экономические отношения [1]. Несмотря на то, что экономические преступления численно образуют сравнительно незначительную часть от общей преступности (к примеру, согласно статистическим данным в Латвии за легализацию от 2010 до 2017 года в среднем осуждено 7-8 лиц в год), их влияние на народное хозяйство и общее благосостояние жителей весьма существенно [2].

Уголовный закон (в дальнейшем также УЗ) как единственный кодифицированный акт в Латвии был принят 17 июня 1998 года и вступил в действие с 1 апреля 1999 года. Ответственность за легализацию средств и другого имущества, приобретенных преступным путем, была предусмотрена уже в основной редакции УЗ.

Основанием для введения состава легализации в УЗ в первую очередь были международно-правовые акты – Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» от 20 декабря 1988 года, заключенная в Вене (Венская конвенция), Конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 года (Страсбургская конвенция), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года (Палермская конвенция), Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма», от 16 мая 2005 года (Варшавская конвенция).

Ответственность за легализацию установлена в статье 195 УЗ, которая включена в главу XIX «Преступные деяния в народном хозяйстве».

Часть 1 данной статьи предусматривает ответственность за легализацию финансовых средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Уголовная ответственность усилена, если легализация совершена группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 195 УЗ), организованной группой (ч. 3 ст. 195 УЗ) или легализация совершена в крупном размере (ч. 3 ст. 195 УЗ).

Согласно ст. 20 Закона «О порядке введения в действие и применения Уголовного закона» ответственность за предусмотренное Уголовным законом преступление, совершенное в крупном размере, наступает, если общая стоимость предмета преступления в момент совершения деяния была не менее размера пятидесяти установленных в то время в Латвийской Республике минимальных месячных заработных плат.

Статья 195 УЗ является бланкетной нормой, так как ее диспозиция содержит указание исключительно на само преступное действие, в свою очередь проявления легализации установлены другим нормативным актом. Содержание понятия легализации дано в ст. 5 Закона «Устранение легализации средств, приобретенных преступным путем, и финансирования терроризма» (в дальнейшем также закон об устранении легализации), принятого Сеймом Латвийской Республики 17 июля 2008 года.

Часть 1 ст. 5 закона об устранении легализации гласит, что легализацией являются следующие действия:

- 1) превращение средств, добытых преступным путем, в иные ценности, изменение их местоположения или принадлежности, осознавая, что эти средства

получены преступным путем, и если эти действия совершены с намерением прятать или маскировать преступное происхождение средств или помочь уклониться от юридической ответственности другому лицу, которое участвовало в совершении преступного деяния;

2) сокрытие или маскировка подлинного характера, источника, местонахождения, расположения, движения, принадлежности средств, добытых преступным путем, осознавая, что эти средства получены преступным путем;

3) приобретение в собственность, владение или пользование или реализация средств, которые преступным путем добыло другое лицо, осознавая, что эти средства получены преступным путем.

В ч. 1¹ ст. 5 говорится, что легализацией также являются указанные в пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 5 действия, когда лицо осознанно допускало, что средства добыты преступным путем.

Как следует из содержания ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации, субъектом легализации может быть, во-первых, лицо, которое само совершило предикативное деяние и затем совершило какое либо из действий, указанных в п.п. 1 или 2 ч. 1 ст. 5, во-вторых, это может быть лицо, которое само не совершало предикативного деяния, но согласно п. 3 ч. 1 ст. 5 приобрело в собственность, владение или пользование или реализовало средства, которые преступным путем добыло другое лицо, осознавая, что эти средства получены преступным путем.

Далее хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, исходящих из пояснения легализации в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации.

Так, в п. 1 ч. 1 ст. 5 законодатель, перечисляя ряд действий, образующих объективную сторону легализации, указывает и на субъективный критерий – действия совершены с намерением прятать или маскировать преступное происхождение средств или помочь уклониться от юридической ответственности другому лицу. По мнению автора, в этом и заключается суть легализации, что лицо, совершившее предикативное деяние, в результате которого получены средства преступного характера, принимает конкретные меры с целью придать этим средствам легальный характер.

В свою очередь в п. 2 ч. 1 ст. 5, перечисляя конкретные действия, являющиеся легализацией, законодатель *expressis verbis* не указывает намерения лица. Таким образом актуализируется вопрос: связаны ли указанные действия – сокрытие или маскировка подлинного характера, источника, местонахождения, расположения, движения, принадлежности средств, приобретенных преступным путем, с конкретным намерением лица, которое совершило предикативное деяние.

Следует признать, что формулировка пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации, содержащих отличительное соединение объективных признаков легализации с субъективными признаками, то есть намерением, создает неоднозначное понимание данных положений. В теории уголовного права Латвии намерение трактуется как цель лица, совершившего преступное деяние. Намерение – это желаемый результат лица, совершившего преступное деяние [3, с. 60].

У. Крастиньш обоснованно пишет, что действия, сформулированные в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации являются фактическим содержанием объективной стороны легализации, указывающим на легализацию доходов и в тоже время объективно свидетельствующим об одном и том же намерении – скрыть или маскировать преступное происхождение средств, приобретенных преступным путем [4, с. 5].

Таким образом, намерение как проявление психического действия лица исходит от фактических его действий. Сама суть действий свидетельствует о намерениях лица – придать этим средствам легальный характер.

Следует также отметить, что Обобщением судебной практики по уголовным делам о легализации средств, полученных преступным путем, проведенным по инициативе Верховного Суда республики в 2013 году, установлено, что такие действия как перечисление средств, добытых преступным путем, на свой счет, приобретение каких-либо вещей, используя при этом средства, добытые преступным путем, трата таких средств на свои надобности, приобретая услуги, товары, оплачивая кредиты и т. д., еще не означает их легализацию, и деяния квалифицируются согласно ст. 195 УЗ только тогда, если будет установлено, что лицо перечисленные действия осуществило с намерением скрыть или маскировать преступное происхождение этих средств [5].

Относительно случаев, когда субъектом легализации является лицо, которое само совершило предикативное деяние, следует обратить внимание на еще один практический момент.

Верховный Суд Латвийской Республики в постановлении от 20 декабря 2012 года по делу SKK-446/2012 установил, что предикативное деяние всегда совершено перед легализацией, так как легализовать можно только такие средства, которые уже получены в результате предикативного деяния [6].

В свою очередь Обобщением судебной практики по уголовным делам о легализации средств, полученных преступным путем, обоснованно сделан вывод, что как предикативное деяние, так и последующая легализация характеризуется своими, конкретными объективными и субъективными признаками и их объективную сторону не могут образовать одни и те же действия [7].

Как уже отмечалось, субъектом легализации также может быть лицо, которое само не совершало предикативного деяния, а согласно п. 3 ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации приобрело в собственность, владение или пользование или реализовало средства, которые преступным путем **получило другое лицо**, осознавая, что эти средства добыты преступным путем.

В уголовном праве Латвии имеется такой институт, который представляет собой деятельность, связанную с каким либо преступлением, но не являющуюся соучастием в нем.

Таким образом, следует остановиться на преступных деяниях, предусмотренных в ст.ст. 313 и 314 УЗ, которые необходимо отграничить от легализации, ответственность за которую содержит ст. 195 УЗ.

Перед тем, как обратиться к актуальной редакции ст. 314 УЗ, следует отметить, что в данной статье, а также в законе об устранении легализации от 22 июня 2017 года были внесены существенные изменения, касающиеся применения ст. 195 УЗ.

До внесения поправок в ст. 314 УЗ «Приобретение и реализация имущества, приобретенного преступным путем», была предусмотрена ответственность за приобретение или реализацию имущества, осознавая, что оно добыто преступным путем. Уголовная ответственность была усилена, если такие действия совершены в крупном размере (ч. 2 ст. 314 УЗ) или организованной группой (ч. 3 ст. 314 УЗ).

Как уже было отмечено, понятие легализация законодателем дано в ст. 5 закона об устранении легализации. До вышеуказанных изменений п. 3 ч. 1 ст. 5 предусматривал, что легализацией также является приобретение средств, добытых

преступным путем, в собственность, владение или пользование, если в момент образования перечисленных прав известно, что эти средства добыты преступным путем.

Из исторической редакции ст. 314 УЗ и п. 3 ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации следует два момента: во-первых, преступное деяние, предусмотренное ст. 314 УЗ, фактически дублировалось с легализацией, ответственность за которую установлена в ст. 195 УЗ. Во-вторых, в п. 3 ч. 1 ст. 5 перечисленные действия – приобретение в собственность, владение или пользование или реализация средств – законодатель относил также и к лицу, которое само преступным путем получило средства.

В результате поправок в ст. 314 УЗ установлена ответственность за приобретение, хранение или реализацию имущества, **стоимость которого не превышает значительный размер**, осознавая, что оно получено преступным путем. В ст. 231 Закона «О порядке введения в действие и применения Уголовного закона» указано, что ответственность за предусмотренное Уголовным законом преступное деяние, совершенное в значительном размере, наступает, если общая стоимость предмета преступного деяния в момент совершения деяния была в размере не менее десяти установленных в то время в Латвийской Республике минимальных месячных заработных плат.

А в п. 3 ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации установлено, что легализацией является приобретение в собственность, владение или пользование или реализация средств, которые преступным путем добыло другое лицо, осознавая, что средства получены преступным путем.

Несмотря на упомянутые поправки, вопрос отграничения деяний, предусмотренных в ст.ст. 195 и 314 УЗ, все же не так уж однозначен, так как совпадения имеются не только относительно содержания действий, указанных в ст. 314 УЗ и в п. 3 ч. 1 ст. 5, но и субъекта преступного деяния, то есть им является лицо, само не совершившее предикативное преступление.

Как справедливо указывает профессор У. Крастиныш, различным является объект преступных деяний, предусмотренных ст.ст. 195 и 314 УЗ, о чем неоспоримо свидетельствует местонахождение данных статей в УЗ – ст. 195 включена в главу «Преступные деяния в народном хозяйстве», а ст. 314 – в главу «Преступные деяния против правосудия» [8, с. 2]. Таким образом, главным прямым объектом «отмывания» денег являются в первую очередь интересы народного хозяйства в сфере финансов, а во втором случае – интересы правосудия в сфере раскрытия и устранения преступных деяний.

У. Крастиныш обоснованно отмечает, что разграничение данных деяний по объекту преступного деяния является в основном формальным, для решения проблемы необходимо определить степень вредности преступного деяния, которая в свою очередь определяется размером вреда как результата преступного деяния [9, с. 3].

Таким образом, основным критерием разграничения рассматриваемых преступных деяний является стоимость предмета преступного деяния. Если лицо совершило приобретение, хранение или реализацию имущества, стоимость которого не превышает значительный размер, осознавая, что оно добыто преступным путем – его деяния следует квалифицировать согласно ст. 314 УЗ, а если лицо приобрело в собственность, владение или пользование или реализовало средства, которые преступным путем получило другое лицо (осознавая, что эти

средства приобретены преступным путем) в размере, который превышает значительный размер – лицо понесет ответственность за легализацию согласно ст. 195 УЗ.

Необходимо отметить, что в процессе работы над изменениями в нормах, касающихся состава легализации, один из вариантов предусматривал отказ от ст. 314 в УЗ вообще. В результате долгих и острых дискуссий было предложено ввести в ст. 314 УЗ материальный критерий – значительный размер.

По мнению автора, такой критерий неоднозначен, так как весьма дискуссионным является вопрос о том, что размер предмета может так весомо влиять на объект преступного деяния. Также следует иметь в виду, что рассматриваемый случай проявления легализации не единственный и относительно других случаев, установленных пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации, ответственность за легализацию предусмотрена независимо от размера стоимости предмета легализации.

Несмотря на высказанную критику, все же следует признать, что введение размера как критерия разграничения было оптимальным решением, так как в результате такого подхода не будут квалифицироваться как легализация, к примеру, такие деяния как приобретение продуктов питания или цепочки, осознавая, что они добыты преступным путем.

Как уже ранее было отмечено, борьба с легализацией является одним из приоритетов противодействия преступности, в связи с чем происходит постоянный законодательный процесс по совершенствованию правовых норм.

На сегодняшний день Постоянная рабочая группа уголовного права при Министерстве юстиции проводит анализ нормативного регулирования, предусмотренного ст. 313 УЗ, и уже неоднократно упомянутой ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации.

Статья 313 УЗ «Заранее не обещанное укрывательство» предусматривает ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем. Согласно ч. 1 ст. 313 УЗ уголовная ответственность наступает при условии, что перечисленные действия совершены относительно тяжкого преступления, в ч. 2 данной статьи ответственность усилена, если действия, предусмотренные ч. 1 ст. 313 УЗ, совершены относительно особо тяжкого преступления.

Как следует из нормативного регулирования ч. 1 ст. 5 закона об устранении легализации, ст. 313 УЗ в части установленной ответственности за **укрывательство предметов, добытых преступным путем**, совпадает с деянием, ответственность за которое установлена в ст. 195 УЗ. Для решения данной проблемы Постоянная рабочая группа уголовного права выработала предложение внести поправки в ст. 313 УЗ, вычеркнув указания на укрывательство предметов, добытых преступным путем.

В заключении хотелось бы отметить, что, имея в виду сложность состава легализации, негативное ее влияние на экономику государства, ее международный характер, абсолютно понятно, что необходимым составным элементом в борьбе с легализацией является усовершенствование правовых норм. В то же время, по мнению автора, нормативно установленные границы легализации становятся все более эластичными, в результате чего изначальное понятие легализации утрачивается, а границы состава легализации расширяются.

Список цитированных источников

1. Пак, В. Д. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем [Electronic resource] Pieejams: <http://mnogovershinnyj.ru/govinfo/govinfoprosecutors/media/2017/12/25/protivodejstvie-legalizatsii-otmyvaniyu-dohodov-poluchennyih-prestupnyim-putem/>.
2. Statistikas dati. [Electronic resource] Pieejams: https://www.ta.gov.lv/LV/publikacijas_un_statistika_1509/statistikas_dati_58/notiesato_personu_skaitis_243.
3. Liholaja, V. Noziedzīgu nodarījumu kvalifikācija: Likums. Teorija. Prakse / V. Liholaja. – Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2003. – 60.l p.
4. Krastiņš, U. Novitātes Krimināllikuma 195. un 314. panta regulējumā / U. Krastiņš // Jurista vārds. – 2017. – 28 novembris. – Nr. 49. – 5.l p.
5. Tiesu prakse lietās par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu un izvairīšanos no nodokļu maksāšanas. Pieejams: www.at.gov.lv/lv/judikatura/tiesu-prakses-apkopojumi/kriminaltiesibas/
6. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Krimināllietu departamenta 2012. gada 20. decembra lēmums lietā Nr. SKK-446/2012.
7. Tiesu prakse lietās par noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu un izvairīšanos no nodokļu maksāšanas [Electronic resource] Pieejams: www.at.gov.lv/lv/judikatura/tiesu-prakses-apkopojumi/kriminaltiesibas/.
8. Krastiņš, U. Novitātes Krimināllikuma 195. un 314. panta regulējumā / U. Krastiņš // Jurista vārds. – 2017. – 28 novembris. – № 49. – 2.lpp.
9. Krastiņš U. Novitātes Krimināllikuma 195. un 314. panta regulējumā / U. Krastiņš // Jurista vārds. – 2017. – 28 novembris. – № 49. – 3.lpp.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ: ГРАНИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Хилюта В.В.

Анализируя признаки и характеристики общественной опасности нами выдвинута гипотеза о том, что ни содержательные характеристики общественной опасности, ни характер и степень общественной опасности не в состоянии предопределить качественные характеристики совершаемого деяния и на этой основе провести четкое разделение преступлений и правонарушений (административных проступков) в сфере экономической деятельности. Поиск критерия разграничения преступления и правонарушения не сводится только к его материальной структуре – общественной опасности. Доктринальный подход к разрешению настоящей проблемы указывает на то, что грани различия находятся не в области материального права, а за его пределами и могут быть объяснены лишь содержанием правовой политики, проводимой в государстве.

Как свидетельствует история, критерии разграничения преступлений и административных правонарушений не являются неизменными. На разных этапах развития экономики, общества и государства одни и те же деяния могут расцениваться как преступления и как проступки. Таким образом, нестабильность и несформированность экономических отношений порождает неадекватное представление об общественной опасности того или иного поведения в данной области, что в конечном итоге сказывается на криминализации экономических отношений. С этой точки зрения критерий общественной опасности носит весьма

условный и рамочный характер, который проявляется только через свою социально-политическую сущность. Неопределенность данного понятия для правоприменителя оставляет широкий простор для усмотрения и признания того или иного поведения в экономике как административного проступка или же как преступления. А нормы административного права все чаще используются в качестве альтернативы нормам уголовного права для охраны экономической деятельности (об этом может служить факт очередной декриминализации преступлений в сфере экономики: ограничение конкуренции (ст. 247 УК), незаконное использование деловой репутации конкурента (ст. 248 УК)). Очевидно, что при такой постановке вопроса общественная опасность перекликается с *целесообразностью*, и не более того.

Вышеприведенные выкладки заставляют нас прийти к выводу о том, что в сложившихся условиях общественная опасность выступает как весьма условный и оценочный признак. Граница между пространствами уголовных и административных запретов продолжает оставаться размытой и крайне неопределенной. Колебания законодателя только подтверждают данный тезис и об этом могут служить многочисленные факты реинтеграции преступлений и проступков (например, перевод жестокого обращения с животными из правонарушений в преступления; декриминализация мелкого хищения, подделки проездных документов и знаков почтовой оплаты, ограничения конкуренции, незаконного использования деловой репутации конкурента и т.д. и перевод данных деликтов в лоно административного права). Об этом также говорит наша история, т.к. зачастую с изменением общественно-политической ситуации некоторые преступления впоследствии относились к правонарушениям (или вовсе утрачивали свое значение), и наоборот. В этой связи общественная опасность является не столько признаком преступления, который бы позволил отграничить его от иных правонарушений и деликтов, а критерием, учитываем исключительно законодателем при криминализации или декриминализации определенных деяний. Сегодня правоприменитель практически производит отграничение преступления от иных правонарушений не по признаку общественной опасности, а на основании того, предусматривает ли уголовный закон ответственность за те или иные поступки [1, с. 144-145].

Таким образом, в настоящее время для правоприменителя общественно опасным является каждое деяние, ответственность за которое предусмотрено в уголовном законе. Вопросы о том, почему и насколько обоснованно криминализировано данное деяние, исключаются из круга его профессиональных интересов [2, с. 214]. Так, указание на «сделку с драгоценными металлами или камнями, совершенную в нарушении установленных правил» или «уклонение от погашения кредиторской задолженности», осуществление предпринимательской деятельности «без специального разрешения (лицензии)» обосновывает лишь противоправность деяния, но не отвечает на вопрос о том, почему данное деяние общественно опасно и есть ли такая опасность в указанном деликте. Это указывает лишь на то, что законодатель просто руководствуется презумпцией общественной опасности деяния в процессе применения уголовного закона, оставляя за скобками характер самого деяния.

Более того, за все время наукой уголовного права так и не выработано четких признаков (критериев) общественной опасности, которые бы могли не абстрактно и оценочно применяться на практике, а служить четким ориентиром

при формулировании определенных запретов в публичной сфере. Поэтому в настоящее время обсуждение вопроса о разграничении преступления и правонарушения при отсутствии вразумительного понимания общественной опасности и единиц измерения (критериев оценки) ее ступеней носит абстрактный и субъективный характер, а предлагаемые выводы весьма интуитивны. При такой постановке вопроса общественная опасность не может быть эффективным научным инструментом, критерием разграничения преступлений и правонарушений, а больше напоминает метод из арсенала политической (или экономической) целесообразности при принятии определенного решения в рамках общественно-политического контекста. В этой связи трудно не вспомнить то обстоятельство, что в раннем советском уголовном праве концепция общественной опасности как ключевого признака преступления во многом была связана с институтом аналогии, когда то или иное деяние могло признаваться преступным вне зависимости от его запрещенности уголовным законом. Однако такая ситуация была характерна для периода неопределенности и борьбы со всякой контрреволюционной преступностью. Но ситуация коренным образом изменилась и аналогии уже давно нет в уголовном праве. Следовательно, вопрос об общественной опасности должен быть пересмотрен.

Как указывает по этому поводу И.Я. Гонтарь, уголовно-правовая теория, восприняв категорию общественной опасности, никак не может выявить ее онтологию, показать тот объект, который является носителем общественной опасности. С этих соображений правовая доктрина должна указать на некий объективный феномен, который выражает общественную опасность, указать на конкретные научные методы, посредством которых этот феномен может быть изучен, классифицирован [3, с. 8].

Не вносит ясности в понимание сути рассматриваемого вопроса и категория общественная вредность, которая по мнению многих сегодня призвана заменить общественную опасность, ибо определить вредоносность того или иного деяния тоже проблематично. Эта такая же оценочная категория и по большому счету ничего от этого не изменится, граница между преступлением и правонарушением будет такой же размытой, как и в случае общественной опасности. Степень вредоносности деяния, как и общественной опасности будет предопределяться исторически изменчивыми, конъюнктурными соображениями, а также чьим-то внутренним убеждением.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что вряд ли общественная опасность сегодня является надежным критерием, на основании которого можно было бы провести границу между преступлением и правонарушением (проступком) в сфере экономической деятельности. Критерий большей или меньшей степени общественной опасности нельзя считать приемлемым, потому как в ряде ситуаций установить общественно опасный характер посягательства не представляется возможным. Универсальной формулы общественной опасности, ее характера и степени, которая была бы пригодна во всех без исключения случаев – нет. Развитие информационных отношений, глобальная инструментализация права, коммерциализация отраслей народного хозяйства и сферы экономической деятельности указывают на то, что категория общественной опасности всегда будет трансформироваться, зависеть от экономической системы общества, представлений о морально-нравственном поведении в социуме.

1. Головкин, Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву / Л. В. Головкин // *Lex Russica*. – 2016. – № 1. – С. 139–144.
2. Умнова, Ю. В. Общественная опасность в процессе уголовного правосудия и правоприменения / Ю. В. Умнова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2011. – № 2. – С. 208–214.
3. Гонтарь, И. Я. Категория общественной опасности в российском уголовном праве: история становления и современное понимание / И. Я. Гонтарь // *История государства и права*. – 2008. – № 2. – С. 7–9.

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Хомиц В.М.

1. В качестве заглавного тезиса, претендующего на новизну в разрешении интегративных подходов к правопониманию и правоприменению, В.В. Лазарев сделал следующее заключение: «Полнокровная интеграция права материализуется только в судебных решениях». Более того, по его мнению, следует исходить из того, что самая важная и фундаментальная функция правосудия – не правоприменительная, а *правозащитная* и если к тому же защиту прав участников общественных отношений не ограничивать обеспечением буквально выраженных на законодательном уровне запретов, то становится очевидным необходимость судебного контроля и над издаваемыми государством нормативными актами и над действиями соответствующих должностных лиц [1, с. 7-8]. Эти положения имеют самое непосредственное значение к поиску истины и интеграции права в уголовном законе.

Посредством правосудия в общественном правопорядке должна поддерживаться и проявляться коммуникативная взаимосвязь естественного права и права позитивного. Однако пока мы можем только теоретически рассматривать правосудие в качестве посредника между божественными (естественными) и человеческими (позитивными) законами, между разумом и справедливостью [2, с. 7-8]. К сожалению, правосудие еще далеко и не всегда ориентировано на поиск интегративного права. Хотя требования равенства, свободы, справедливости и существуют в нормах законов, заложены в принципах, которые сочетаются с требованиями законности, разумности, личной и общей пользы, но они лишены коммуникативной активности вследствие той же неактивности правосудия в их продвижении. В итоге мы получаем упрощенный формально-логический догматизм закона, но не права.

2. На первый план сегодня вышли вопросы пересмотра баланса публичных и частных интересов, доверия граждан к действиям государства, стабильность гражданского оборота и социально-экономических прав и свобод человека, пределы ограничения права собственности и иных прав человека вообще, в том числе и в контексте обеспечения общественной и национальной безопасности. В уголовном праве симптомы этих проблемных вопросов заключены в продолжающем кризисе наказания, в неадекватной и несбалансированной

с фундаментальными интересами человека криминализации, чрезмерной коммерциализации публичных видов правовой ответственности, абсолютизации и злоупотреблении уголовно-правовыми средствами защиты систем национальной безопасности. Ни одна из этих проблем современности не может быть разрешена сугубо легистскими подходами, тем более посредством введения на законодательном уровне уголовно-правовых запретов, точнее, – только нормативными установлениями органов, которые занимают господствующее политическое положение в системе официального правообразования и правоприменения.

3. «Вмешательством в право» посредством уголовного запрета под угрозой уголовной ответственности и наказания *должно устанавливаться* «справедливое равновесие» между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав индивидуального лица. Должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми государством уголовно-правовыми средствами для обеспечения социальной безопасности и поддержания ее стабильности и целью преследуемой применяемой мерой, которая лишает человека определенных прав. Уголовное право, как и всякое право, должно соотноситься со справедливостью и равенством, иначе оно утрачивает свое естественно-правовое предназначение. Об этом не должен забывать законодатель. Взять хотя бы не так давно последовавшие изменения в уголовном законодательстве об ответственности за незаконный оборот наркотиков или дискуссию о либерализации системы уголовной противоправности деликтов в области занятия предпринимательской деятельностью, чрезмерная криминализация форм проявления экстремистской и террористической деятельности.

4. В поиске истины уголовного права, несмотря на его специфику, следует исходить из интегративного анализа и характеристики *его правового предназначения*. При этом «правовое содержание» уголовного права в силу его функционального предназначения как радикального, но правозащитного средства от общественно опасных проявлений человека, не сводится только к общему признанию взаимосвязи трех его общих атрибутов в виде свободы, равенства и справедливости, а представляет собой воплощение требований соблюдения определенной степени *ответственной* свободы, *ответственного* равенства и *ответственной* законной справедливости. Ответственность в данном случае понимается в значении законной и справедливой *общеобязательности* соблюдения свободы, равенства и справедливости во всех формах проявления и применения права [3, с. 19], в том числе и в процессе правообразования.

5. Конечно, таким критерием измерения истины уголовного права является человеческое измерение в самом буквальном, если хотите, и в конституционном смысле. «Мы народ Республики Беларусь (Беларуси), ... стремясь утвердить права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь, желая обеспечить гражданское согласие, неизблемые устои народовластия и правового государства, принимаем настоящую Конституцию ...». Или это просто метафора, или красивые слова без определенного смысла. Не думаю, что это так. Только оно, *человеческое измерение*, цивилизационно изменяло социальную картину мира, равно как и социальное содержание позитивного уголовного права, и характер его реакции на преступность. Оно должно его формировать и контролировать, поскольку для человека имеют значение не нормы сами по себе, а те ценности, которые

посредством норм позитивного права закрепляются, реализуются и отражаются и защищаются. Другое дело, что человеческое измерение на национальных уровнях пока не функционально, не имеет системно организованных независимых институций на просторах гражданского общества и публичной власти.

Наиболее чувствительная для человеческого измерения сегодня область права связана с потребностью поиска модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. Это продиктовано продолжающейся его неэффективностью и чрезмерной репрессивностью, а также неспособностью государства методами как мягкой, так и жесткой правовой регуляции обеспечить сбалансированные интересы бизнеса, экономическую безопасность и социальное благосостояние людей. Хотя сегодня национальным интересам отвечает сохранение публично-правового режима обеспечения экономической безопасности государства, тем не менее интегративный подход в уголовной политике противодействия экономическим преступлениям все-таки должен быть сбалансирован и заключаться в том, что либерализация должна быть общей, а не избирательной, сопровождаться структурными реформами уголовно-правовой системы *на стандартах правовой демократизации экономической деятельности с ориентацией этой деятельности на общесоциальное благосостояние народа.*

6. Отход от крайне прокоммунистических (идеологических) взглядов на преступность как на сугубо классовое социальное явление позволил отечественной криминологии системно углубиться в социологию преступности, представить ее в качестве имманентного фактора (свойства) социальных систем. Были замечены и новые факторы, имеющие самое непосредственное отношение к воспроизводству современной преступности. В развитии социальных (государственных и межгосударственных) систем наблюдаются ярко выраженные тенденции дезинтеграционного характера, обусловленные разрушением прежнего, пусть и формального, равенства, обесцениванием человеческого достоинства, дефицитом политико-правовой свободы компромисса как социальных ценностей, посредством которых обеспечивается и гарантируется воспроизводство права, в том числе в официальных законоположениях. На фоне международной интеграции социальных конфликтов и преступности (пьянство, наркомания, суицид, экстремизм, терроризм, преступность средств массовой коммуникации, в киберпространстве и т.д.) имманентно повышается роль институтов публичной власти государства в обеспечении национальной безопасности, а, следовательно, и в правовой ее защите.

Самой простой и безопасной для самого государства формой социально-правового контроля за нежелательными социальными девиациями является их криминализация на уровне публичных правонарушений и установление санкций-наказаний, а также мер безопасности в целях непосредственной защиты от преступных посягательств или их пресечения. В принципе в этом нет ничего предосудительного, если это делается ради сохранения жизни и здоровья людей и общественных основ их безопасности. Но все более можно наблюдать, как государства отходят от соблюдения этих уравнивающих правовых требований.

К сожалению, современный социально-нравственный «камертон» использования позитивного права и как следствие уголовного закона, как отмечает известный российский криминолог И.Я. Козаченко, настроен не на глубинные, базовые истоки воспроизводства социальной несправедливости и преступности,

а на поверхностные экономические и социальные колебания либо напряжения политического характера. Прежде, чем устанавливать уголовную ответственность за то или иное опасное деяние, общество и государство должны отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основы равенства людей и провоцируют их на совершение недозволенного [4, с. 6-7].

7. Официально возведенное в закон **право** призвано определять правомерное поведение людей. Однако следует всегда иметь в виду, что закон, а это всегда производная от права форма его выражения и поэтому его всегда недостаточно для понимания действительного права, возможно, и выраженного в законе. Более того, право как *опредетель правомерного поведения* не требует позитивного нормативного закрепления, право здесь проявляется как таковое и непосредственно в поведении людей. Социального контроля посредством позитивного нормирования государством такого поведения, как правило, не требуется.

Мы разделяем базовую криминологическую позицию о том, что позитивное право (законы и иные нормативные регуляции, исходящие от государства), является основным правоустанавливающим (правоорганизующим) и одновременно правооправдывающим средством социального публичного контроля (самоконтроля) государства в целях недопущения, нейтрализации и предупреждения социально-нежелательных и социально-опасных конфликтов.

8. Правомерность, как и противоправность проявляются через конфликты (споры и деликты) участников общественных отношений. Именно в предупреждении и справедливом разрешении конфликтных ситуаций и состоит назначение права и создаваемых на его осмыслении нормативных регуляций (законов). Чтобы сохранить мир и спокойствие в современных обществах и обеспечивать человеческий прогресс, необходим социально-правовой контроль. И не только со стороны институтов публичной власти в отношении гражданского общества (граждан), но и в отношении институтов публичной власти. И не только в контексте предупреждения социально опасного поведения, но и в оценке того, что опасно для социальной системы, и какая санкция и мера защиты должны быть предприняты для этого (сохранения общественного спокойствия).

Поскольку право перед каждым из нас предстает как своеобразная граница свободы, формализованного равенства и требований социальной справедливости, все это было бы достаточным для исходной характеристики сути организации социально-правового контроля, по крайней мере, преступности и иных откровенно вредных (нежелательных) для общества социальных девиаций, если бы не одно обстоятельство. В нем нет указания на существеннейший принцип правового общения – на взаимную уравниваемую и сбалансированную ответственность тех, кто осуществляет этот контроль, и тех, кто ограничивается в свободе и в праве вследствие контроля. Если право есть справедливость, как отмечает В.Г. Графский, то в случае обнаружения в практическом его воплощении дефицита гарантированной ответственности оно лишается свойства и права, и справедливости [3, с. 24].

9. Социально-правовой контроль преступности является сложным социально-правовым образованием. Для сохранения глубинных свойств права в него должны быть органически вплетены естественное и позитивное право – неотъемлемые права, свободы и обязанности человека, нормативно-регулятивные средства их обеспечения и контроля. При усиливающемся монопольном праве

государства на криминализацию и формирование санкционных механизмов воздействия на преступность и преступников социальный контроль преступности (за исключением традиционно общеуголовной) становится небезопасным для человека, общества и самого государства вследствие его безграничной хаотичности и неопределенности.

Список цитированных источников

1. Лазарев, В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 5-18.
2. Исаев, И.А. Власть и закон в контексте иррационального / И.А. Исаев – М., 2006. С. 175.
3. Графский, В.Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / В.Г. Графский // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 19-24.
4. Козаченко, И.Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности: Основной доклад XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Ковалева (Екатеринбург, 16-17 февраля 2017 года). – Екатеринбург: Изд. дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – 15 с.

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Хуснутдинов Р.М.

Имущественными правами владельцев ценных бумаг следует признать права владельцев ценных бумаг требовать от обязанного лица (например, эмитента) совершения определенных действий, влекущих увеличение имущественной сферы такого владельца за счет появления у такого лица полномочий владеть, пользоваться и распоряжаться определёнными материальными благами.

Однако не только на имущественные, но и на неимущественные права владельцев ценных бумаг может быть оказано незаконное воздействие. Такие неимущественные права владельцев ценных бумаг вытекают, в основном, из факта их участия в различных юридических лицах (в первую очередь, акционерных обществах и акционерных инвестиционных фондах). Они получили название корпоративные права, поскольку юридические лица, участие в которых и предоставляет лицу эти права, являются корпорациями, то есть учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган (п. 1 ст. 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

ГК РФ только с 2013 года со вступлением в силу соответствующего федерального закона [1] закрепил корпоративные отношения в качестве элемента предмета регулирования гражданского права. Неудивительно, что вопрос корпоративных прав как предмета преступления практически не затронут в научной литературе.

Основным отличием имущественных прав от корпоративных является их назначение: первые направлены на имущественную сферу владельца ценной бумаги, которая изменяется вместе с объемом правомочий по владению, пользованию и распоряжению материальными благами; вторая же группа

преследует цель удовлетворить иные потребности участника корпорации, непосредственно не связанные с материальными благами. Но стоит заметить, что владельцы ценных бумаг, обладающие корпоративными правами, являются участниками коммерческих организаций, поэтому, в конечном счете, практически любые действия члена такой организации направлены на реализацию собственных имущественных прав. Однако их все же необходимо отличать, поскольку это может оказать влияние, как на квалификацию, так и на формулирование обвинения, а значит, и на индивидуализацию наказания.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) содержится два состава преступления, непосредственным предметом которых могут выступать имущественные или корпоративные права владельцев ценных бумаг: ст.ст. 185.4 «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг» и 185.5 «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества».

Статья 185.4 УК РФ полностью посвящена охране установленного порядка осуществления прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов. Соответственно, предметом этого преступления могут быть как имущественные, так и корпоративные права таких лиц.

Эта статья содержит две группы прав владельцев ценных бумаг: связанные с проведением общего собрания владельцев ценных бумаг (в этой группе предметом являются исключительно корпоративные права) и иные права, как имущественные, так и корпоративные.

Общий порядок проведения общего собрания регламентирован главой VII Закона об АО, а также ст.ст. 7, 18 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (далее – Закон об инвестиционных фондах). Выделим предметы преступлений, способы воздействия на которые (деяния) прямо названы в ч. 1 ст. 185.4 УК РФ, на примере акционерного общества.

Каждый акционер или группа акционеров, владеющих в совокупности более 10 % голосующих акций общества, имеют право требовать созыва внеочередного общего собрания акционеров (ст. 55 Закона об АО). Этой же статьей предусмотрен срок, в течение которого должно быть проведено такое собрание (40 дней с момента представления требования о проведении внеочередного общего собрания акционеров), а также основания для отказа советом директоров (наблюдательным советом) в созыве внеочередного общего собрания акционеров по требованию самих акционеров. В случае нарушения срока проведения собрания, а также отказа в его созыве по основаниям, не предусмотренным Законом об АО, имеет место посягательство на такое корпоративное право владельца акций, как право на созыв внеочередного общего собрания акционеров.

Одним из основных прав участника корпорации является право на участие в управлении делами корпорации, которое, в свою очередь, складывается из более специальных прав, например, право на участие в общем собрании общества, право избирать и быть избранным в органы управления общества и так далее. Часть 1 ст. 185.4 УК РФ в своей диспозиции называет в качестве уголовно-наказуемых деяний незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании, а также проведение общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии

необходимого кворума. В обоих случаях предметом посягательства выступает право владельца ценных бумаг на управление делами корпорации.

Важность процедуры регистрации подтверждает и анализ, например, Закона об АО. Так, согласно п. 1 ст. 58 Закона об АО принявшими участие в общем собрании акционеров считаются акционеры, зарегистрировавшиеся для участия в нем. Бюллетень для голосования должен быть вручен под роспись каждому лицу, указанному в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров (его представителю), зарегистрировавшемуся для участия в общем собрании акционеров (п. 2 ст. 60 Закона об АО).

Таким образом, незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании (ч. 1 ст. 185.4 УК РФ) препятствует реализации права владельца ценных бумаг на участие в общем собрании (права на управление делами корпорации).

Наличие кворума при проведении общего собрания является неотъемлемой частью действительности принятых на таком собрании решений.

Общее собрание акционеров правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности более чем половиной голосов размещенных голосующих акций общества.

При отсутствии кворума для проведения общего собрания должно быть проведено повторное общее собрание, которое правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности не менее чем 30 процентами голосов размещенных голосующих акций общества.

В случае, если виновные лица провели общее собрание владельцев ценных бумаг при отсутствии кворума, они препятствовали реализации этими лицами права на управление делами соответствующего юридического лица, что и следует признать предметом преступления части 1 статьи 185.4 УК РФ.

Под иными правами, воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение которых является уголовно наказуемым, следует понимать как имущественные, так и корпоративные права (например, обжалование решения общего собрания (п. 7 ст. 49 Закона об АО), право требовать выкупа акций в случаях, предусмотренных ст. 75 Закона об АО, право требовать конвертации привилегированных акций определенного типа в обыкновенные акции или привилегированные акции иных типов по требованию акционеров, если она предусмотрена уставом общества (п. 3 ст. 32 Закона об АО) и другие).

Среди способов совершения преступления, посягающих на корпоративные права владельца ценных бумаг, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 185.5 УК РФ, следует назвать следующие:

1. блокирование или ограничение фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию;
2. голосование от имени акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) по подложной доверенности, лица, не имеющего полномочий;
3. принуждение акционера общества к голосованию определенным образом или отказу от голосования, соединенное с шантажом, а равно с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества.

Соответственно, при совершении преступления любым из этих способов осуществляется посягательство на право владельца ценной бумаги на участие

в высшем органе управления, а также право на свободное волеизъявление своего решения по вопросу, вынесенному на повестку дня (право голоса), то есть корпоративные права, обеспечивающие участие в управлении делами корпорации.

Статья 185.4 введена в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» в 2009 г., а ст. 185.5 – в 2010 г. с принятием соответствующих федеральных законов [2;3].

Положения главы 22 УК РФ и, особенно, новации последнего десятилетия обосновано критикуются учёными [4]. При этом данные судебной статистики [6] свидетельствуют о фактически полном отсутствии практики применения ст.ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, что также вызывает сомнения в эффективности и целесообразности данных норм уголовного закона.

Кроме того, нельзя не обратить внимания на гражданско-правовые способы защиты прав владельцев ценных бумаг. Как известно, в российских арбитражных судах ежегодно рассматриваются более 10 000 дел о ценных бумагах, споров, связанных с принадлежностью акций, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав, споры, связанных с эмиссией ценных бумаг, и споров, вытекающих из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг и так далее [5].

Таким образом, российский уголовный закон содержит правовые нормы, направленные на защиту имущественных и корпоративных прав владельцев ценных бумаг. При этом правоприменительная практика свидетельствует об активном использовании владельцами ценных бумаг гражданско-правовых способов защиты своих прав при одновременном практически полном оставлении без внимания норм уголовного закона, что актуализирует поиски рациональной модели уголовно-правовой ответственности за нарушения на рынке ценных бумаг.

Список цитированных источников

1. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон, 30 дек. 2012, № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 31.12.2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7627.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон, 30 окт. 2009, № 241-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 02.11.2009. – № 44. – Ст. 517.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон, 1 июля 2010, № 147-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2010. – № 27. – Ст. 3431.
4. Козаченко, И. Я. Потенциал категоризации преступлений в сфере экономической деятельности / И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеев // Herald of the Euro-Asian law Congress. – 2018. – № 2. – С. 105-112.
5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: Данные судебной статистики. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. – Дата доступа: 10.09.2018.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шаблинская Д.В.

Преступность выступает одной из наиболее опасных и явных угроз национальным интересам государства. В этой связи уголовное законодательство призвано гарантировать защищенность страны, включая реализацию функции по обеспечению устойчивого развития экономики.

На сегодняшний день в Беларуси на самом высоком уровне активно разрабатывается, обсуждается и принимается ряд нормативно-правовых актов, которые призваны либерализовать экономику. Бизнесу предоставляются все большие свободы и льготы, в страну привлекаются инвестиции. Параллельно указанным процессам в охранительном праве осуществляется поиск баланса между свободой и вседозволенностью, позволяющего «уравновесить» регулирующее законодательство, защитить других субъектов экономической деятельности, интересы общества и государства, не являясь при этом преградой развития предпринимательской инициативы либо сугубо карательным механизмом в борьбе с экономической преступностью. В этой связи предлагается обсудить ряд направлений по оптимизации уголовной ответственности за совершение преступлений против порядка осуществления экономической деятельности.

В качестве первого направления следует обозначить декриминализацию отдельных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК). Речь о преступлениях, которые не влекут причинения реального существенного вреда общественным или государственным интересам, а также о специальных составах (при наличии общей нормы). Так, проектом Закона Республики Беларусь «Об изменении некоторых кодексов Республики Беларусь» [1], а также проектом Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [2] предусматривается исключение из УК отдельных преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Речь о ст.ст. 224, 232, 244, 247, 248, 249 УК. Декриминализация большинства указанных деяний обусловлена утратой ими общественной опасности, присущей преступлению, неэффективностью противодействия данным негативным явлениям с помощью уголовно-правовых средств (меры административно-правовой и гражданской ответственности видятся более приемлемыми), а также отсутствием, по крайней мере, за последние 5 лет случаев осуждения лиц по данным статьям.

При мониторинге уголовно-правовых норм необходимо учесть, что общественная опасность тех или иных деяний может не только отпадать, но и видоизменяться. Поясним сказанное на примере незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой без регистрации (ст. 233 УК). Данный вид незаконной предпринимательской деятельности исключается из числа уголовно-наказуемых (см. проект Закона Республики Беларусь «Об изменении некоторых кодексов Республики Беларусь» [1]). Представляется, что изначально, конструируя данную норму, законодатель руководствовался примерно следующим, определяя общественную опасность деяния: субъект преступления, не регистрируясь, преследует цель сокрыть сам факт занятия предпринимательской деятельностью;

общественно опасной является «законспирированная торговля», торговля «из-под полы», причиняющая ущерб порядку регистрации субъектов, (который, следует признать, был весьма длительным и сложным), и самому порядку осуществления экономической деятельности. На сегодняшний день в условиях элементарности и общедоступности самого процесса регистрации субъект не желает регистрировать бизнес лишь потому, что не намерен платить в установленном порядке налоги и сборы. Современный «незаконный предприниматель» работает открыто либо, наоборот, прикрывается лжепредпринимательской структурой, а общественная опасность подобной деятельности заключается в причинении ущерба финансово-экономической системе государства, а не порядку регистрации как таковому. Изложенное обязательно следует учитывать при совершенствовании норм об ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность и уклонение от уплаты налогов и практики их применения.

Особого внимания заслуживает и проблема уголовной ответственности за лжепредпринимательство (ст. 234 УК). Учеными и практиками констатируется низкая эффективность данной нормы, вносятся предложения по совершенствованию правового регулирования ответственности за обозначенное деяние [3]. По-нашему мнению, предпочтительнее рассматривать использование лжепредпринимательских структур в качестве квалифицирующего признака совершения конкретного деяния (причинения имущественного ущерба без признаков хищения, незаконной предпринимательской деятельности, легализации преступных доходов, подделки документов, криминального банкротства и т.п.). К подобному выводу пришел и В.В. Хилута: «<...> правовая оценка лжепредпринимательства связана с осуществлением лжепредпринимательской структурой иных составов преступлений. Например, довольно часто лжепредпринимательство есть форма легализации и прикрытия крупных мошеннических операций, сопряжено с получением кредитов или является способом ухода от налогов» [3, с. 49]. Полагаем, сам факт создания лжепредпринимательской структуры не является преступлением до тех пор, пока это не выступит способом или средством совершения конкретного общественно опасного деяния. Таким образом, изложенное подтверждает тезис, что именно с определения того, является ли сам факт создания такой структуры общественно опасным и следует начинать деятельность по оптимизации ответственности за лжепредпринимательство.

Важнейшим направлением совершенствования ответственности субъектов экономической деятельности видится переоценка объема государственного принуждения в отношении «экономических преступников». Речь об экономии репрессии и, в частности, об изыскании возможностей минимизации наказания в виде лишения свободы. Реализация данного направления отражена в проекте Закона Республики Беларусь «Об изменении некоторых кодексов Республики Беларусь» [1]. Также в указанном проекте реализован подход об увеличении в ряде преступлений размера (количества) базовых величин, составляющих крупный и особо крупный размер вреда (ущерба) или дохода, полученного преступным путем. Данное обстоятельство позволит дать надлежащую оценку характеру общественной опасности и степени тяжести совершенных преступлений, дифференцировать ответственность соразмерно причиненному вреду. Не используя прием декриминализации, в разряд административных правонарушений может быть переведено значительное количество совершенных

деяний, размер ущерба от совершения которых (либо размер полученного дохода) на сегодняшний день пока находится в уголовно-правовых пределах.

Представляется, что особое внимание следует уделять мерам уголовно-правового воздействия в отношении субъектов экономической деятельности, в том числе субъектов – коллективных образований (юридических лиц). Причем данный вопрос следует прорабатывать во взаимосвязи с иными актуальными направлениями совершенствования уголовного закона, в том числе с возможностью введения в уголовный закон категории «уголовный проступок». Разделение общественно опасных деяний на преступления и проступки позволило бы дифференцировать меры, применяемые за совершение общественно опасных деяний. Классическая схема: преступление → уголовная ответственность (основанная на принципах, которые заложены в настоящее время в ее содержание) – могла бы существовать в рамках наиболее опасных деяний – преступлений. Что касалось проступков, то они бы влекли иные меры уголовно-правового воздействия, в том числе и для юридических лиц.

Представляется, что предложенные нами уголовно-правовые механизмы будут способствовать реализации современных векторов свободного развития экономики и предпринимательской инициативы, оптимизации объема государственного принуждения в отношении «экономических преступников», что позволит обеспечить экономическую безопасность и устойчивое развитие общества.

Список цитированных источников

1. Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении некоторых кодексов Республики Беларусь» [Электронный ресурс]: внесен Советом Министров Респ. Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2018024001>. – Дата доступа: 25.07.2018.
2. Проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 27 июня 2018 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2016078030>. – Дата доступа: 25.07.2018.
3. Хилота, В. В. Еще раз о лжепредпринимательстве / В. В. Хилота // Законность и правопорядок. – 2016. – № 4. – С. 48–52.

О ПОДХОДАХ К ЗАКРЕПЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ «УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК» В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Швед Н.А.

В уголовных кодексах ряда зарубежных государств уголовно-правовые деяния подразделяются на две или три категории, среди которых, как правило, самые малозначительные преступления определяются как «уголовные проступки». При этом следует отметить, что в разных странах подходы к категоризации преступных деяний различаются. В целом, можно выделить две группы стран в зависимости от того, используется ли в УК двухзвенная или трехзвенная система подразделения уголовных деяний на категории.

Так, к странам с трехзвенной системой уголовных деяний следует отнести Францию и Бельгию. В УК Франции выделяют преступления, проступки и нарушения (ст.111-1), в УК Бельгии – преступления, проступки и полицейские нарушения (ст. 1).

При этом французский законодатель вводит в УК материальное основание категоризации – тяжесть деяния. Классификация преступных деяний здесь имеет значение при выборе процедуры уголовного преследования, определении уголовно-правовых последствий деяния, истечении сроков давности и т.д. Но главное – именно классификация преступных деяний предопределяет систему наказаний.

Критерием разграничения для бельгийского законодателя выступает наказуемость деяния, зависящая от общественной опасности. Соответственно, в главе 2 УК Бельгии «О наказаниях» установлена достаточно детальная регламентация различных видов наказаний, где законодатель четко прописывает виды наказаний, которые могут быть назначены за каждое деяние, и устанавливает сроки за каждую разновидность.

В УК Израиля также присутствует категория «уголовный проступок», однако он является разновидностью преступления. Так, в ст. 24 УК Израиля предусмотрена классификация преступлений по степени их тяжести на тяжкие преступления, преступления средней тяжести и проступки.

Обращает на себя внимание тот факт, что при трехзвенной категоризации преступных деяний, принятой в УК Бельгии и Франции, проступок занимает среднюю позицию, в УК Израиля – последнюю.

Ко второй группе стран следует отнести те, где законодатели установили в УК двухзвенную классификацию уголовно-наказуемых деяний «преступление–проступок». Такое положение характерно для уголовного законодательства многих европейских стран, среди которых Германия, Австрия, Голландия, Испания, Турция, Швейцария, страны Балтии.

Следует отметить, что в одних странах категория «проступок» выделяется в пределах уголовного права (законодательства), а в других – в отдельных нормативных актах. В некоторых государствах приняты специальные законодательные акты о проступках. Это, например, законы: Республики Сербия «О проступках» (2007), Республики Словения «О проступках» (2002), Хорватской Республики «О проступках против публичного порядка и спокойствия» (1990), Чешской Республики «О проступках» (1990). В УК Эстонии преступление и проступок отличаются видами основных наказаний, применяемых за их совершение, а также нормативными актами, которым предусматривается ответственность. Ответственность за преступления устанавливается только в УК Эстонии, ответственность за проступки может быть закреплена в иных законах.

В УК практически большинства стран, уголовное законодательство которых подвергалось анализу, уголовные проступки не выделены в отдельные группы. Многие главы УК зарубежных стран носят названия «преступления и проступки в сфере...» и т.п. Их познание происходит путем анализа конкретных деяний, предусмотренных законодателями разных стран в УК. Так, в УК Литвы проступков включено 41 или 16% от общего числа. В УК Казахстана всего предусматривается 171 уголовный проступок. В эту категорию было переведено 104 состава преступлений небольшой тяжести, что свидетельствует о значительной гуманизации уголовного закона. Исключение составляет УК Турции, где

преступления предусмотрены отдельно во Второй, а проступки – в Третьей книге УК.

В целом же можно констатировать увеличение на современном этапе количества стран, которые ввели в своем законодательстве категорию «проступок».

Что же касается сущности уголовного проступка, то в уголовном законодательстве зарубежных стран можно выделить два подхода – путем определения в УК понятия «уголовный проступок» и путем описания его признаков. При этом следует отметить, что некоторые законодатели не делают разницы при определении в УК преступлений и проступков, давая им одно определение, и наделяя рядом общих признаков, таких как виновность, наказуемость и т.п. Особенности же их разграничения устанавливаются далее по тексту УК.

Однако самым распространенным является определение проступка через призму того наказания, которое может быть назначено за его совершение.

Так, согласно ст. 1 УК Бельгии правонарушение, караемое по закону исправительным наказанием, является проступком. В соответствии со ст. 13 УК Испании проступками признаются правонарушения, за которые законом предусмотрена мягкая мера наказания. В УК ФРГ к проступкам отнесены противоправные деяния, за совершение которых минимальным наказанием является лишение свободы на срок менее года или денежный штраф (§ 12).

В уголовном законодательстве Австрии в основу классификации преступных деяний также положен размер наказания. Преступлением признаются умышленные деяния, наказываемые пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок до трех лет; а остальные деяния считаются проступками (§ 17 УК Австрии). Уголовное законодательство Италии не содержит общего определения преступного деяния, но закрепляет их классификацию на преступления и проступки в зависимости от различных видов наказания, назначаемых за их совершение в соответствии с уголовным кодексом (ст. 39 УК Италии).

В УК Израиля проступком является преступление, наказание за которое не превышает трех месяцев тюремного заключения.

В УК Литвы установлено, что уголовным проступком является опасное и запрещенное УК деяние (действие или бездействие), за совершение которого предусмотрено наказание, не связанное с лишением свободы, за исключением ареста (ст. 12).

В ПК Эстонии проступком является виновное деяние, предусмотренное ПК или иным законом, за совершение которого в качестве основного наказания предусмотрены штраф, арест или лишение права управления транспортными средствами.

В УК Швейцарии установлено, что преступлением является преступное деяние, подлежащее наказанию каторжной тюрьмой. Проступком же является преступное деяние, подлежащее наказанию тюрьмой в качестве наиболее тяжкого.

Поскольку главным критерием разграничения уголовного проступка и преступления выступает вид и размер наказания, которое может быть назначено за его совершение, представляет интерес подходы законодателей зарубежных стран к их определению.

Достаточно детально перечень наказаний, применяемых за проступок, установлен в УК Франции и УК Бельгии.

В соответствии с УК Франции исправительные наказания, которым подвергаются физические лица за совершение проступка: тюремное заключение, штраф; штраф-дни; работа в общественных интересах; наказания, лишаящие прав или ограничивающие права, предусмотренные ст. 131-6; дополнительные наказания, предусмотренные ст. 131-10. При этом в целом тюремное заключение может быть назначено на срок до десяти лет.

В УК Бельгии также установлен достаточно широкий круг наказаний, среди которых для физических лиц предусмотрено тюремное заключение, лишение некоторых политических и гражданских прав, штраф, специальная конфискация, а для юридических лиц – штраф, специальная конфискация, ликвидация, запрет осуществления действий, относящихся к предмету деятельности юридического лица, за исключением действий по осуществлению функций публичной службы, прекращение деятельности одного или нескольких предприятий, за исключением предприятий, осуществляющих функции публичной службы, опубликование или иное обнародование решения. Однако максимальное наказание за совершение проступка – исправительное тюремное заключение, за исключением случаев, предусмотренных законом, назначается на срок не менее восьми дней и не более пяти лет.

В большинстве же из анализируемых УК зарубежных стран за уголовный проступок предусмотрено одно-три наказания, как связанных с лишением свободы, так и предусматривающими иные виды наказаний. Так, в УК ФРГ за совершение проступка минимальным наказанием является лишение свободы на срок менее года или денежный штраф (§ 12). В УК Турции наказаниями за проступки являются – легкое заключение (от 1 дня до 2 лет), легкий денежный штраф, лишение права заниматься определенной профессией и ремеслом (от 3 дней до 2 лет). В УК Латвии установлено, что за уголовный проступок предусмотрено лишение свободы на срок не более двух лет или более мягкое наказание (ст. 7 УК). В УК Израиля за совершение проступка наказание не превышает трех месяцев тюремного заключения. По УК Литвы лицу, совершившему уголовный проступок, назначаются такие же наказания, как и лицу, совершившему преступление, кроме лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы. К лицам, совершившим уголовный проступок, могут быть применены следующие меры наказаний: лишение публичных прав, лишение права на определенную работу или заниматься определенной деятельностью, публичные работы, штраф, ограничение свободы и арест на срок до 45 суток (ст.12). В ПК Эстонии за совершение проступка в качестве основного наказания предусмотрены штраф, арест или лишение права управления транспортными средствами. В УК Голландии за совершение проступка предусмотрен только штраф (ст. 77 h).

Таким образом, на основании проведенного анализа можно констатировать, что в законодательствах различных стран имеет место различный подход к проблеме определения сущности уголовного проступка, дифференциации уголовного проступка и преступления, а также, при наличии, и иных правонарушений.

Под уголовным проступком в законодательстве зарубежных стран, как правило, понимается самостоятельный вид преступного деяния, не представляющего большой общественной опасности, причинившее незначительный вред организации, обществу либо государству, характеризующееся несколько большей степенью опасности, чем административное правонарушение. Законодатели зарубежных стран

при определении проступка основной акцент делают на его наказуемость. Примечательно, что спектр наказаний за уголовный проступок может быть достаточно широк. В некоторых странах за уголовный проступок применяются наказания не связанные с лишением свободы. В других странах, напротив, за уголовный проступок может быть назначено лишение свободы либо арест, правда, сроки заключения в разных странах значительно отличаются.

О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ФОРМУЛИРОВКИ ЕГО ПОНЯТИЯ

Юльский Р.Е.

Рецидив преступлений характеризует не только пренебрежительное отношение к наличию в уголовном законе запрета на совершение преступлений. В отличие от случаев совершения преступления впервые, при рецидиве лицо проявляет сознательное и явное игнорирование фактом уже состоявшейся ранее отрицательной правовой оценки государством факта совершения умышленного преступления.

Данная особенность рецидива преступлений отражена в ч. 1 ст. 43 УК Республики Беларусь, в соответствии с которой рецидивом признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление.

Детальный анализ законодательного определения рецидива преступлений позволяет прийти к выводу о том, что ч. 1 ст. 43 УК Республики Беларусь охватываются не все случаи повторного совершения лицом, ранее совершившим умышленное преступление, нового умышленного преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 УК Республики Беларусь правовое состояние судимости создает факт осуждения лица за совершение им преступления.

Согласно ч. 2 ст. 45 УК Республики Беларусь лицо считается судимым со дня вступления в законную силу приговора суда вплоть до погашения или снятия судимости, если приговор не был отменен в установленном законом порядке.

Если в силу ч. 1 ст. 43 УК Республики Беларусь рецидивом преступлений признается совершение нового умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление, а судимым считается лицо со дня вступления в законную силу приговора, то из очерченного законодателем круга рецидивных преступлений выпадают случаи совершения действий с момента провозглашения приговора и до его вступления в законную силу.

Законодательством определен минимальный промежуток времени, в течение которого приговоры судов районного и областного звена не вступают в законную силу, – 10 суток с момента провозглашения приговора либо его вручения обвиняемому, содержащемуся под стражей (ч. 1 ст. 374 УПК Республики Беларусь).

Изучение судебной практики по уголовным делам показывает, что при обжаловании и (или) опротестовании приговора суда в апелляционном порядке с момента провозглашения и до даты вступления его в законную силу проходит значительный промежуток времени. В зависимости от конкретных обстоятельств

дела провозглашенный судом обвинительный приговор, в котором дана отрицательная уголовно-правовая оценка действиям обвиняемого, может не вступать в силу в течение нескольких месяцев. Трудно не согласиться с тем, что в случае совершения в данный период времени преступления действия лица должны быть подвергнуты более суровой оценке, в случае совершения преступления впервые.

Одновременно определение понятия рецидива преступлений, а также содержание ст. 45 УК Республики Беларусь не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о том, под какую квалификацию все же должны подпадать действия субъекта, который совершил умышленное преступление после провозглашения в отношении него обвинительного приговора за совершение умышленного преступления, но до момента вступления данного приговора в законную силу.

При существующем подходе законодателя к определению понятия рецидива, из его объема фактически исключен промежуток времени с момента провозглашения обвинительного приговора за совершение преступления и до вступления его в законную силу.

В доктрине уголовного права встречается точка зрения о том, что лицо может совершить рецидив только после вступления в законную силу обвинительного приговора суда за совершение предыдущего умышленного преступления [1, с. 44].

Вместе с тем, с момента провозглашения приговора и до его вступления в законную силу лицо, зная, что его предыдущая противоправная деятельность уже нашла отрицательную оценку в приговоре суда (поскольку обвинительный приговор вынесен и оглашен), может принять сознательное решение о совершении нового преступления. То есть обвиняемый, совершением таких действий фактически допускает рецидив, социально-правовая природа которого основана на принципе необходимости усиления ответственности за повторное игнорирование совершения нового умышленного преступления.

Следует согласиться с позицией П. Ф. Гришанина [2, с. 19, 27-29], Т. М. Кафарова [3, с. 19], В. П. Малкова [4, с. 90] в том, что лицо при рецидиве преступлений игнорирует именно факт осуждения по приговору суда, а не то обстоятельство, что приговор в отношении него вступил в законную силу. С нашей точки зрения, неоспоримым является тот факт, что лицо, в отношении которого постановлен обвинительный приговор, при повторном сознательном нарушении уголовно-правового запрета демонстрирует свое явное и заслуживающее дополнителную негативную реакцию пренебрежение к интересам общества и государства. Такое положение вещей свидетельствует о стойкости антиобщественной направленности личности виновного и заслуживает более строгой реакции со стороны общества и государства.

Как справедливо указывает В. М. Хомич, «официальное осуждение по приговору суда лица как преступника есть не что иное, как изменение его правового статуса, введение для него режима подконтрольности органам, осуществляющим реализацию мер уголовной ответственности» [5, с. 13]. Таким образом, для целей квалификации рецидива преступлений ключевым критерием выступает наличие факта осуждения субъекта по приговору суда, а не процессуальный момент вступления данного судебного постановления в законную силу.

Суть социально-правовой природы рецидива преступлений указывает на то, что ст. 43 УК Республики Беларусь должны охватываться случаи повторного совершения лицом умышленных противоправных деяний, в том числе с момента осуждения лица за совершение умышленного преступления и до вступления обвинительного приговора суда в законную силу. Одновременно необходимо отметить, что при констатации в действиях лица рецидива преступлений, совершенного с момента провозглашения приговора и до даты вступления его в законную силу, необходимо неукоснительно соблюдать провозглашенный Конституцией Республики Беларусь принцип презумпции невиновности. В частности, признание действий лица рецидивом допустимо только в том случае, если приговор, согласно которому лицо осуждено за совершение предыдущего преступления, вступил в законную силу.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Приведенное в ч. 1 ст. 43 УК Республики Беларусь понятие рецидива преступлений не в полной мере соответствует его социально-правовой природе.

2. Целесообразно уточнить приведенную в ст. 43 УК Республики Беларусь формулировку понятия «рецидив преступлений». В частности, в ч. 1 ст. 43 УК Республики Беларусь слова «лицом, имеющим судимость», следует заменить словами «лицом, осужденным согласно приговору суда». Таким образом, понятием рецидива преступлений по уголовному праву Республики Беларусь будут охватываться случаи совершения нового умышленного преступления лицом, осужденным согласно приговору суда за умышленное преступление, при условии, что судимость за это преступление не снята и не погашена в установленном законом порядке.

3. Квалификация действий лица по признаку рецидива преступлений возможна исключительно после вступления в законную силу приговора суда за совершение преступления, наличием которого пренебрег субъект, повторно совершивший преступление.

Список цитированных источников

1. Панько, К. А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве / К. А. Панько. – Воронеж: Изд-во Вор. ун-та, 1988. – 192 с.
2. Гришанин, П. Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву: учебное пособие / П. Ф. Гришанин – Москва: РИО Академии МВД СССР, 1974. – 150 с.
3. Кафаров, Т. М. Проблема рецидива в советском уголовном праве / Т. М. Кафаров. – Баку: АН АзССР. Институт философии и права, 1972. – 256 с.
4. Малков, В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву / В. П. Малков. – Казань: Издательство Казанского университета, 1982. – 172 с.
5. Хомич, В. М. Формы реализации уголовной ответственности / В. М. Хомич. – Мн.: Белгосуниверситет, 1998. – 132 с.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 333-1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Яцута И.С.

Законом Республики Беларусь от 05 января 2016 г. № 356-З установлена самостоятельная ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники (ст. 333-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь) (далее – УК).

1. Как и ст. 328-1 УК, предусматривающая ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, указанные статьи законодателем помещены в главу 29 УК «Преступления против здоровья населения». И если в случае незаконного перемещения сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, а также радиоактивных материалов в качестве основного непосредственного объекта выступает здоровье населения, то при незаконном перемещении огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств в качестве такового объекта выступает не здоровье населения, а общественная безопасность, при перемещении оружия массового поражения или средств его доставки общественная опасность преступления заключается в возможности причинения вреда международной безопасности. Таким образом, незаконное перемещение отдельных предметов, указанных в диспозиции ст. 331-1 УК не всегда посягает на те общественные отношения, которые закреплены в главе 29 УК.

Однако в любом случае дополнительным непосредственным объектом выступает установленный порядок перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь соответствующих веществ и средств. Последующий анализ предмета преступления и особенностей объективной стороны позволит выдвинуть тезис о том, что такой порядок нормативно закреплён не в полной мере.

2. Представляется, что предметы, перечисленные в ст. 333-1 УК, должны быть закреплены либо в соответствующем перечне, либо обозначены путем описания признаков (критериев), на основании которых их можно отнести к предмету преступления. Это также предполагает нормативно-правовую регламентацию порядка оборота предметов (веществ), что позволит в последующем доказать как факт незаконности перемещения, так и установить форму вины лица.

В рамках Евразийского экономического союза определены перечни, а также порядок перемещения огнестрельного оружия, боеприпасов [1, Прил. 1, п. 1.6] и ядовитых веществ [1, Прил. 2, п. 2.13].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через Государственную границу Республики Беларусь» от 23 сентября 2008 г. № 1397 [2] определен

порядок перемещения источников ионизирующего излучения, взрывчатых веществ, взрывных устройств и средств взрывания промышленного назначения.

Материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, а также иных видов вооружения и военной техники определены республиканскими органами государственного управления в рамках перемещения как через таможенную границу Евразийского экономического союза, так и Государственную границу Республики Беларусь [3].

Вопросы перемещения остальных предметов (сильнодействующих, отравляющих и др. веществ), в т.ч. через Государственную границу Республики Беларусь, нормативно не закреплены. Перечни указанных предметов, как правило, определяются экспертным путем. Это снижает эффективность применения уголовного закона с точки зрения доказывания наличия у лица умысла на совершение преступления.

3. Название ст. 333-1 УК не соответствует содержанию её диспозиции в части неопределенности отдельных предметов преступления.

В названии речь идет о незаконном перемещении «... оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники», в то время как в диспозиции речь уже идет о незаконном перемещении «... оружия массового поражения или средств его доставки, материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, а также иных видов вооружения и военной техники». О чем идет речь? О незаконном перемещении иных видов вооружения и военной техники (по названию) или о незаконном перемещении материалов и оборудовании, которые могут быть использованы при создании не только оружия массового поражения или средств его доставки, но и при создании иных видов вооружения и военной техники?

Статья 229 УК предусматривает ответственность за незаконные экспорт или передачу в целях экспорта объектов экспортного контроля, которые заведомо могут быть использованы при разработке (создании), производстве, эксплуатации, модернизации, модификации, ремонте, монтаже, техническом обслуживании вооружения и военной техники (часть первая), а также оружия массового поражения, средств его доставки (часть вторая), при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 129 («Производство, накопление либо распространение запрещенных средств ведения войны»), 228 («Контрабанда») и 356 («Измена государству») УК.

В настоящее время контрабанда объектов экспортного контроля не может быть квалифицирована по ст. 228 УК ввиду отсутствия предмета преступления. Незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь указанных объектов экспортного контроля может подпадать под признаки преступления, предусмотренного ст. 333-1 УК.

Законодательные изменения в части замены в диспозиции ст. 229 УК ссылки не на отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 228 УК, а признаков преступления, предусмотренного ст. 333-1 УК, до настоящего времени не внесены.

В диспозиции ст. 333-1 УК речь должна идти о материалах и оборудовании, которые могут быть использованы также и при создании иных видов вооружения

и военной техники, а не о самом вооружении и военной технике, как это следует из названия статьи. В этой связи диспозиция ст. 333-1 УК нуждается в уточнении.

Кроме того, в качестве предмета преступления, в диспозиции ст. 333-1 УК целесообразно указать также на материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании средств доставки оружия массового поражения, о чем прямо указано в ч. 3 ст. 229 УК.

4. Объективная сторона преступления выражается в незаконном перемещении предметов через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь.

Часть 1 примечаний к ст. 228 УК содержит исчерпывающий перечень способов незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза, в т.ч. предметов, указанных в ст. 333-1 УК. В самой диспозиции ст. 333-1 УК суть незаконности перемещения предметов через Государственную границу Республики Беларусь не раскрывается. Полагаем, что речь идет о нарушении требований законодательства, регламентирующего порядок ввоза, вывоза, транзита и пересылки (международного почтового отправления в рамках ЕАЭС) предметов, перечисленных в ст. 333-1 УК, либо отсутствие у лица законных оснований для обладания предметом.

Так, например, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь обращал внимание на то, что оборот сильнодействующих, ядовитых веществ признается незаконным, если он осуществлен в нарушение требований законодательства Республики Беларусь [4, п. 3]. Отсутствие нормативного регулирования порядка оборота указанных предметов будет свидетельствовать и об отсутствии незаконности их перемещения.

Список цитированных источников

1. О мерах нетарифного регулирования: Решение Коллегии Евразийск. экономич. комис., 21 апр. 2015 г., № 30 // Офиц. сайт Евразийск. экономич. союза. – 17.01.2017.

2. О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через Государственную границу Республики Беларусь: постановление Совета Мин-ов Респ. Беларусь, 23 сент. 2008 г., № 1397 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 13.10.2008. – № 240. – 5/28411.

3. Об установлении перечней специфических товаров (работ, услуг): постановление Гос. военно-промышл. комитета Респ. Беларусь, Гос. тамож. комитета Респ. Беларусь, 28 дек. 2007 г., № 15/137 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 22.02.2008. – № 42. – 8/17945; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 18.09.2014. – 8/29057.

5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327-334 УК): постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г, № 1 (ред. от 31 марта 2016 г., № 2) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 10.04.2003. – № 41. – 6/359; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 09.04.2016. – 6/1534.

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФУНКЦИИ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПРАВОСУДИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

**ДОСТАТОЧНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО**

Библио В.Н.

Привлечение лица в качестве обвиняемого – один из узловых этапов стадии предварительного расследования, который состоит из: а) вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого; б) предъявления обвинения; в) допроса обвиняемого. В связи с этим весьма важно определить, в какой момент досудебного производства по уголовному делу осуществлять привлечение лица в качестве обвиняемого.

Еще в середине XX в. Л. И. Тарасов-Родионов отмечал, что привлечение в качестве обвиняемого «должно производиться, как только следователь соберет достаточные данные для предъявления обвинения в совершении конкретного преступления. Предъявление обвинения не должно совпадать с моментом окончания следствия, как это бывает в практике некоторых следователей. После предъявления обвинения следствие должно продолжаться» [1, с. 197–198].

Современный Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) широко оперирует понятием «достаточные доказательства». При этом в ч. 7 ст. 105 содержится исходное нормативное предписание: «Достаточными признаются доказательства, когда их совокупность позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу». Что касается «достаточности доказательств» для предъявления обвинения, УПК не уточняет.

М. С. Строгович придерживался мнения, что лицо можно привлекать в качестве обвиняемого при наличии определенной вероятности его виновности [2, с. 235]. Ценность такой рекомендации противоречива. С одной стороны, привлечение в качестве обвиняемого на ранних этапах расследования в советском уголовном процессе открывало возможность более основательно защищаться от предъявленного обвинения, а по некоторым уголовным делам – с помощью защитника, а с другой стороны – убедить следователя в его ошибке было также сложно. Как отмечает В. Г. Асташенков, с мнением М. С. Строговича не соглашались многие ученые (В. З. Лукашевич, Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткулин, Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Л. М. Карнеева и др.) [3, с. 82–83].

С резкой критикой позиции М. С. Строговича выступил В. Н. Шпилев, который писал, что нельзя предъявлять обвинение на основе вероятности виновности определенного лица. Надо располагать бесспорными фактами. Если следователь сомневается в виновности данного лица, он не вправе привлекать его в качестве обвиняемого [4, с. 71].

Тем не менее, вопрос о достаточности доказательств для предъявления обвинения продолжал оставаться открытым. Л. М. Карнеева пришла к выводу: «Доказательства могут быть достаточными для предъявления обвинения только в том случае, когда они характеризуют каждый из элементов (сторон) инкриминируемого состава преступления» [5, с. 5]. Еще более широкий смысл

вкладывает в это понятие А. И. Казаков, полагающий, что под достаточными доказательствами, дающими основание для привлечения в качестве обвиняемого, следует понимать совокупность относимых и допустимых доказательств, устанавливающую: 1) событие преступления; 2) его квалификацию; 3) виновное совершение преступления лицом, привлекаемым в качестве обвиняемого; 4) отсутствие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность или освобождающих от нее [6, с. 49–50]. Законодательство некоторых государств, возникших на постсоветском пространстве, по существу восприняло такой подход.

Статья 241 УПК не содержит дефиниции понятия «достаточные доказательства для привлечения в качестве обвиняемого», но в то же время предъявляет требования, которым должно соответствовать постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Среди его структурных элементов названы имеющие отношение к достаточности доказательств: описание инкриминируемого обвиняемому преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 89 УПК, т. е. охватываемых предметом доказывания в целом; уголовный закон, предусматривающий ответственность за данное преступление. Примерно такие же требования изложены в ст. 171 УПК РФ 2001 г. Без преувеличения можно сказать, что современное уголовно-процессуальное законодательство сформулировало такие критерии, которые были заложены еще в период реформы советского законодательства в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. Так, в ст. 143 УПК БССР 1960 г. упоминалось о составе преступления и уголовном законе, предусматривающем уголовную ответственность. В УПК 1999 г. более четко, с использованием современных приемов юридической техники, сформулированы те же требования.

Итак, достаточными доказательствами для привлечения в качестве обвиняемого, исходя из УПК, будут обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 89 УПК). Заметим, что круг таких обстоятельств довольно широк. Значение, конечно, имеют и пределы доказывания каждого из обстоятельств. При этом основным критерием будет являться внутреннее убеждение следователя. И все же, если связывать достаточность доказательств для предъявления обвинения со всеми обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу, то можно предположить, что дальнейшее расследование будет сопряжено с активностью сторон (заявление ходатайств, представление доказательств, в том числе и собранных адвокатом), несмотря на то, что почти каждый обвиняемый ранее находился в статусе подозреваемого, причем по некоторым делам более продолжительный период. Следует отметить, что Ю. К. Якимович делает существенную оговорку: собранных доказательств должно быть столько, чтобы следователь был убежден в виновности лица, но их оказалось бы недостаточно для окончания предварительного расследования [7, с. 120].

Из всех обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 89 УПК), доминирующим при решении вопроса о привлечении в качестве обвиняемого будет один элемент – виновность лица. Если собранных доказательств достаточно для установления виновности, то можно выносить постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Конечно, при установлении данного элемента предмета доказывания попутно могут устанавливаться и другие элементы. Этим фактом нельзя пренебрегать. В связи с этим необходимо уточнить редакцию ч. 1 ст. 240 УПК, изложив ее следующим образом: «При наличии достаточных доказательств

о виновности лица, дающих основания для предъявления лицу обвинения в совершении преступления, следователь выносит мотивированное постановление о привлечении его в качестве обвиняемого».

Обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 89 УПК), т. е. предмет доказывания, коррелирует с элементами состава преступления. При этом не все элементы предмета доказывания равнозначны. Одни из них подлежат первоочередному доказыванию. К таким относится все то, что свидетельствует о виновности лица. Другие могут быть доказаны уже после установления виновности лица, хотя на практике это чаще всего происходит одновременно.

Для установления вины лица в уголовно-правовом смысле необходимо установление виновности в уголовно-процессуальном смысле, т. е. с помощью указанных в УПК средств и способов доказывания.

Привлечению лица в качестве обвиняемого в УПК придается если не основополагающее, то, безусловно, очень важное значение. Мною уже отмечалось несоответствие содержания стадии предварительного расследования и уголовно-процессуальных документов, завершающих эту стадию [8, с. 299]. Так, согласно ст. 324 УПК «судебное следствие начинается с оглашения государственным обвинителем предъявленного лицу обвинения». Из смысла этого предписания неясно, какой документ подлежит оглашению. Если предположить, что это постановление о привлечении в качестве обвиняемого, то информации, содержащейся в нем, явно недостаточно, поскольку расследование дела после его вынесения продолжалось. В свою очередь, постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд носит чисто служебный, ведомственный характер, хотя ст. 260 УПК обязывает составлять его достаточно пространно. Что касается такого документа, как справка о результатах проведенного по делу предварительного расследования, то это своего рода резюме, отчет следователя о проделанной работе по конкретному уголовному делу. Прикладной характер носит и список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Прокурор ограничивается лишь вынесением постановления о направлении уголовного дела в суд (ст. 266 УПК). Обобщающего уголовно-процессуального документа согласно УПК не составляет ни следователь, ни прокурор. Обвиняемому и потерпевшему направляется копия постановления следователя о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. Можно констатировать, что такого рода разрозненные документы и отсутствие системообразующего затрудняет прежде всего право обвиняемого на защиту. Потерпевший также оказывается в затруднительном положении, поскольку ему приходится самому в таком обилии документов определять, что же все-таки удалось установить по уголовному делу о совершенном против него преступлении. В связи с этим необходимо вернуться к прежней практике составления обвинительного заключения как итогового документа.

Изложенное позволяет прийти к следующим выводам и предложениям.

1. УПК не содержит определения понятия «достаточность доказательств для предъявления обвинения».

2. Установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, является завышенным требованием к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого.

3. Для привлечения в качестве обвиняемого достаточно установления одного из элементов предмета доказывания – виновности лица в совершенном преступлении. В связи с этим необходимо изменить редакцию ст. 240 УПК.

4. Отсутствие итогового уголовно-процессуального документа, завершающего стадию предварительного расследования, отрицательно сказывается на защите прав и законных интересов сторон. Возвращение к прежнему опыту составления обвинительного заключения как системообразующего акта способствовало бы упорядочению иерархии уголовно-процессуальных документов, составляемых в досудебном производстве по уголовному делу.

Список цитированных источников

1. Тарасов-Родионов, П. И. Предварительное следствие / П. И. Тарасов-Родионов. – М.: Госюриздат, 1955. – 248 с.
2. Строгович, М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М. С. Строгович. – М.: АН СССР, 1947. – 274 с.
3. Асташенков, В. Г. Этико-правовые основы привлечения лица в качестве обвиняемого / В. Г. Асташенков // Проблемы охраны прав и интересов обвиняемого: сб. науч. тр. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1983. – С. 81–87.
4. Шпилев, В. Н. Участники уголовного процесса / В. Н. Шпилев. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – 178 с.
5. Карнеева, Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого / Л. М. Карнеева. – М.: Госюриздат, 1962. – 93 с.
6. Казаков, А. И. Достаточность доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого / А. И. Казаков // Актуальные проблемы охраны прав личности в советском уголовном судопроизводстве: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1989. – С. 46–50.
7. Якимович, Ю. К. Участники уголовного процесса / Ю. К. Якимович. – СПб.: Юрид. центр, 2015. – 176 с.
8. Бибило, В. Н. Проблемы правоповедения: избр. тр. / В. Н. Бибило. – Минск: Право и экономика, 2011. – 356 с.

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАБИЛИТИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ (УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ): МАТЕРИАЛЬНЫЙ И ФОРМАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

Богданович Н.А.

Наиболее значимой и получившей широкое распространение в юридической литературе, является классификация оснований прекращения производства по уголовному делу и уголовному преследованию (далее по тексту – оснований), в соответствии с которой они делятся на реабилитирующие (основания, предоставляющие обвиняемому (подозреваемому) право на реабилитацию) и нереабилитирующие (не предоставляющие такого права) [1]. В свою очередь классификация реабилитирующих оснований предусматривает два подхода: материальный и формальный.

1. С точки зрения материального подхода к реабилитирующим основаниям относятся только те, которые официально констатируют факт несвершения лицом преступления. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее –

УПК) [2] к ним относят: отсутствие общественно-опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК); отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК); недоказанность участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, (ч. 2 ст. 250 УПК). Именно такой подход учтен законодателем в ч. 1 ст. 27 УПК, в соответствии с которой орган уголовного преследования в пределах своей компетенции обязан принять все предусмотренные законом меры по реабилитации невиновного. С точки зрения формального подхода основания являются реабилитирующими в том числе и в тех случаях, когда признается незаконность уголовного преследования по формальным причинам, пусть даже сам факт совершения запрещенного уголовным законом деяния под сомнение не ставится (например, истечение сроков давности, прекращение производства по уголовному делу в отношении умершего, отсутствие заявления лица по делам частного обвинения, издание акта амнистии и др.)

Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки. К достоинствам материального подхода можно отнести констатацию факта невиновности лица; к недостаткам – возможность избежать ответственности органам уголовного преследования при несвоевременном прекращении производства по уголовному делу. Достоинства формального подхода: расширение круга реабилитирующих оснований; недостатки – неопределенность границы между реабилитирующими и нереабилитирующими основаниями, что ставит их восприятие в зависимость от оценочных факторов.

2. УПК создает предпосылки для расширения традиционного материального перечня реабилитирующих оснований формальными, относя к ним такие, которые не связаны непосредственно с выводом о невиновности лица либо отсутствии преступления. В частности, ч. 1 ст. 461 УПК предоставляет право на возмещение вреда обвиняемому (подозреваемому), уголовное преследование против которых прекращено (помимо указанных выше) по основаниям, предусмотренным п. п. 8 и 9 ч. 1 ст. 29 УПК (так называемое правило «non bis in idem»), к которым относит прекращение производства по уголовному делу в отношении лица, о котором имеются вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению либо определение (постановление) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию (п. 8 ч. 1 ст. 29 УПК) и в отношении лица, о котором имеются неотмененное постановление органа дознания, следователя, прокурора о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 29 УПК).

Аналогичным примером может служить такое основание как истечение сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК), когда прекращение производства предварительного расследования по основаниям ч. 1 ст. 250 УПК имеет место в досудебном производстве. С одной стороны, в отношении обвиняемого (подозреваемого) осуществлялось уголовное преследование, что дает ему право на реабилитацию; с другой стороны, производство по уголовному делу прекращено в полном соответствии с законом и поэтому права на реабилитацию нет. Следовательно, несмотря на то, что п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК не относится к традиционным материальным основаниям, прекращение производства по уголовному делу (уголовному преследованию) на досудебном производстве позволяет отнести такое основание, как истечение сроков давности, к реабилитирующим основаниям по формальному признаку.

Таким образом, если применять формальный подход при классификации реабилитирующих оснований, то каждый случай должен носить исключительно субъективный характер в части особенностей применения конкретных обстоятельств уголовного дела, что может привести к введению в УПК прецедентных норм.

3. Действующий УПК не содержит норм, в название которых был бы включен термин «Реабилитация». Однако косвенное упоминание о нем можно встретить в отдельных статьях уголовно-процессуального закона. Например, в ранее отмеченной ч. 1 ст. 27 УПК, в п. 18 ч. 2 ст. 41 и п. 28 ч. 2 ст. 43 УПК (обвиняемый или подозреваемый должны быть полностью реабилитированы, если обвинение (подозрение) не подтвердилось) и прочих статьях. В обозначенных нормах четко сформулирован признак материального подхода: официально констатируется факт несоревнования лицом преступления.

Резюмируя содержание проанализированных норм УПК, можно констатировать необходимость руководствоваться материальным подходом при структуризации реабилитирующих оснований прекращения производства по уголовному делу (уголовному преследованию) в досудебном производстве.

Список цитированных источников

1. Головкин, Л. В. Курс уголовного процесса: Учебник [Электронный ресурс]: [по состоянию на 09.04.2018] / Л.В. Головкин [и др.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295–З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Букато Л.Г.

На практике возникают случаи необходимости возбуждения уголовного дела, когда имеется решение о привлечении физического лица к административной ответственности по тому же факту (в отношении одного и того же деяния). В такой ситуации возникает вопрос о препятствии к вынесению соответствующего процессуального решения в виде неотмененного в установленном порядке решения о привлечении лица к административной ответственности.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) в ст. 29 не содержит указания на такое обстоятельство как обстоятельство, исключающее возбуждение уголовного дела. То есть, наличие решения о привлечении лица к административной ответственности не препятствует возбуждению уголовного дела (как по тому же факту, так и в отношении того же лица), и осуществлению по нему производства. Вместе с тем, в п. 9 ч. 1 ст. 9.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях в качестве одного из обстоятельств,

исключающих административный процесс в отношении физического лица, названо наличие по данному факту уголовного дела.

Административная ответственность и уголовная ответственность являются родственными видами государственно-принудительной (негативной) юридической социальной ответственности, карательными (штрафными) по своему характеру. Справедливость последней предполагает, что «за одно правонарушение возможно лишь одно юридическое наказание, взыскание» [1, с. 455]. Данная формулировка предопределяет, что решение компетентного органа о наложении административного взыскания или применении наказания может быть вынесено лишь при отсутствии ранее вынесенного решения по аналогичному факту, поскольку данные виды ответственности в таком случае исключают друг друга. В то же время не ясно, может ли до отмены постановления по делу об административном правонарушении быть возбуждено уголовное дело и осуществляться по нему производство. Поиск ответа на этот вопрос связан с необходимостью определения момента начала уголовной ответственности.

В научной литературе уголовная ответственность как вид юридической ответственности определяется как установленная законом обязанность лица, совершившего преступление, нарушившего запрет уголовно-правовой нормы, претерпеть «принудительные меры воздействия» [2, с. 85], наступающая после приговора суда. Высказываются мнения о том, что уголовная ответственность возникает с момента предъявления обвинения или применения к обвиняемому меры пресечения [3, с. 56–57; 2, с. 89], а «решающей стадией уголовной ответственности является рассмотрение дела в судебном заседании» [1, с. 457].

В свою очередь, в ч. 1 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) закреплено: «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности ...». Реализуя в УК закрепленный в международных документах принцип *ne (non) bis in idem* (лат. – «не дважды за одно и то же»), в соответствии с которым запрещается предание лица, которое уже было осуждено или оправдано в связи с определенным преступлением, вновь тому же суду или другому суду за это же преступление, белорусский законодатель указывает, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ч. 6 ст. 3 УК). В данном случае не конкретизирован момент, с которого лицо начинает нести эту ответственность.

Не добавляет определенности и анализ первоисточников такого положения: Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. предусматривается, что «никто не должен быть *вторично судим или наказан* за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны» (п. 7 ст. 14) [4, с. 85–86], а в Конвенции СНГ «О правах и основных свободах человека» от 26 мая 1995 г. сказано, что «никто не должен быть *осужден или наказан повторно* за преступление, за которое он уже был осужден или понес наказание на основе национального законодательства» (ч. 2 ст. 7) [4, с. 136]. В то же время, Европейским Судом по правам человека разъясняется, что целью нормативного закрепления права не быть судимым или наказанным дважды в статье 4 Протокола № 7 от 22 ноября 1984 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5), подписанной 4 ноября 1950 г., является запрет повторения уголовного

преследования, окончательно завершено. «Следовательно, эта норма не применяется до возбуждения нового дела» [5, с. 1033]. Последний документ ведет речь об уголовном преследовании, хотя значение этого термина следует трактовать в контексте схождения административной и уголовной ответственности как видов юридической ответственности карательного характера. В данном аспекте заслуживает внимания трактовка принципа «*ne bis in idem*» в энциклопедическом словаре, в соответствии с которой это «правовой принцип, согласно которому одно и то же действие не должно дважды делаться предметом какого-либо правового разбирательства» [6, с. 785].

В научно-практическом комментарии к УК разъясняется, что «лицо считается подверженным уголовной ответственности независимо от ее фактического содержания (находится в режиме осуждения) *со дня провозглашения обвинительного приговора* вплоть до погашения или снятия судимости» [7, с. 126]. В то же время в УПК обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу в отношении лица, является наличие вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения (постановления) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию (п. 8 ч. 1 ст. 29 УПК). В данном случае белорусский законодатель связывает возможность принятия решения о возбуждении уголовного дела с отсутствием предшествующего решения по данному факту, не допуская не только повторное вынесение итогового решения о привлечении лица к уголовной ответственности, в виде приговора суда, но и производство по тому же факту до этого момента. К слову, ст. 30 УПК установлены основания прекращения производства по уголовному делу судом, прокурором или следователем с согласия прокурора с освобождением от уголовной ответственности, в числе которых освобождение в связи с применением мер административного взыскания (п. 1 ч. 1).

Не оспаривая законодательное положение о взаимосвязи обвинительного приговора суда и момента начала уголовной ответственности (полагая, вместе с тем, необходимым считать таким моментом момент вступления приговора в законную силу), представляется обоснованным выносить решение о привлечении лица в качестве обвиняемого лишь после отмены постановления по делу об административном правонарушении. Дело в том, что таким решением осуществляется уголовное преследование конкретного лица, а именно его обвинение в значении п. 17 ст. 6 УПК: утверждение о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, сделанное в порядке, установленном УПК.

Представляется, что ст. 29 УПК должна быть дополнена указанием на то, что препятствием к возбуждению уголовного дела в отношении конкретного лица (не по факту совершенного преступления) является наличие в отношении этого лица постановления о наложении административного взыскания по тому же факту, неотмененного в установленном порядке.

Список цитированных источников

1. Дробязко, С. Г. Общая теория права: учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 6-е изд., исправл. – Минск : Амалфея, 2013. – 496 с.
2. Ветрова, Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г. Н. Ветрова. – М. : НАУКА, 1987. – 113 с.

3. Строгович, М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М. С. Строгович; Акад. наук СССР. Ин-т права. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 191 с.

4. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост.: Е. В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.

5. Де Сальвиа, М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Сальвиа. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 1072 с.

6. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. – 24 см. – Т. 20а: Наказный атаман – Неясыти. – [1897?]. – II, 481–960, II, 2 с.: ил., карты.

7. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

ЧАСТЬ 1 СТ. 37 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

Данько И.В.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) уголовно-процессуальный закон призван способствовать формированию в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина, утверждению справедливости. В качестве одной из задач, направленных на достижение указанного установления, ч. 1 ст. 2 УПК называет закрепление надлежащей правовой процедуры осуществления уголовного процесса. Очевидно, что только качественное, учитывающее текущие изменения в социальной среде законодательство способно стать надежным средством обеспечения законности и правопорядка, предупреждения преступлений, защиты от необоснованного обвинения или осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека.

В данном контексте следует констатировать, что в последние годы уголовно-процессуальное законодательство энергично совершенствуется, стремясь идти в ногу со временем и угнаться за интенсивно развивающимися общественными отношениями, современным состоянием науки и техники. Активно обсуждаются вопросы внедрения в уголовное производство электронного дела, регламентации работы с электронными доказательствами, интеграции поисково-познавательной деятельности следователя и эксперта в доказывании и пр. [1].

Между тем на фоне ярких, новомодных дискуссий остаются незамеченными отдельные недостатки существующих процессуальных норм, которые вызывают вопрос о правовой основе уголовно-процессуальной деятельности большинства органов дознания. Их перечень содержится в ч. 1 ст. 37 УПК. При этом закон наделяет органы дознания достаточно широкой компетенцией, возлагая на них прием, регистрацию и рассмотрение заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом и готовящемся преступлении; проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении, принятие по ним решения в соответствии со ст. 174 УПК; производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам и т.п.

Столь обширные полномочия, предоставленные законом органам дознания, подчеркивают их важность в борьбе с преступностью и иными правонарушениями. Авторы Курса советского уголовного процесса указывают на разнообразие функций органов дознания, специфика которых «делает необходимым и возможным оперативное реагирование на факты совершения преступлений. Этим оправдывается возложение на них производства неотложных следственных действий по обнаружению и раскрытию преступлений, задержанию виновных и т.п. Весьма характерным для деятельности органов дознания является сочетание оперативно-розыскных и следственных начал» [2, с. 456].

От того, насколько эффективно и слаженно будут действовать органы дознания, во многом зависит успех досудебного производства и, в целом, решение задач уголовного процесса.

Роль органов дознания в противодействии уголовно-наказуемым деяниям, возможность применения ими при этом мер процессуального принуждения, в том числе задержания и заключения под стражу, обуславливают необходимость безупречного правового регулирования соответствующей сферы правоотношений. Вместе с тем анализ ч. 1 ст. 37 УПК вызывает вопрос о законности реализации части своих полномочий всеми органами дознания, за исключением Министерства внутренних дел Республики Беларусь, специальных подразделений по борьбе с коррупцией и организованной преступностью органов внутренних дел, территориальных органов внутренних дел. Это объясняется тем, что процессуальная компетенция остальных органов дознания касается только уголовных дел. Подобный вывод вытекает из редакции пунктов 2-10 ч. 1 ст. 37 УПК. Во всех приведенных нормах в качестве составного элемента признания того или иного учреждения, должностного лица органом дознания фигурирует уголовное дело. Например, органы государственной безопасности рассматриваются как органы дознания только по уголовным делам, отнесенным законом к их ведению (п. 2 ч. 1 ст. 37 УПК); начальники учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по уголовным делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений (п. 4 ч. 1 ст. 37 УПК); органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 224-227, 233-235, 237-245, 247 и 261¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также о коррупционных преступлениях в экономической сфере (п. 7 ч. 1 ст. 37 УПК); органы государственного пожарного надзора – по уголовным делам о пожарах и нарушении противопожарных правил (п. 8 ч. 1 ст. 37 УПК) и т.д.

Уголовное дело согласно п. 47 ст. 6 УПК представляет собой обособленное производство, ведущееся после принятия решения о его возбуждении. До момента появления уголовного дела процесс протекает на стадии рассмотрения заявления или сообщения о преступлении и не считается производством по уголовному делу. В буквальном смысле это означает невозможность указанных органов осуществлять прием и рассмотрение заявлений, сообщений о преступлениях, проводить по ним проверки и принимать решения в соответствии со ст. 174 УПК. Иными словами под законодательным запретом оказывается наиболее значимая и востребованная, связанная с обнаружением и закреплением следов преступления,

сфера функционирования большинства органов дознания, которые, выходя, в настоящее время реализуют часть своих процессуальных полномочий скорее не в силу закона, а, как удачно подметил А.В. Беляков применительно к сотрудникам оперативных подразделений уголовно-исправительных учреждений, «в силу сложившейся практики» [3, с.15]. Такая нормативная регламентация не отвечает месту и роли органов дознания в уголовном процессе и нуждается в совершенствовании путем дополнения пунктов 2-10 ч. 1 ст. 37 УПК правом проведения перечисленными в них органами дознания процессуальной деятельности не только по уголовным делам, но и по заявлениям, сообщениям о преступлениях.

Высказанное предложение, на наш взгляд, позволит создать юридическую основу, фундамент для выполнения всеми органами дознания в полном объеме своих процессуальных полномочий, тем самым обеспечивая законность их действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела.

Список цитированных источников

1. См., например: Дело принимает электронный оборот // Советская Белоруссия, № 25459. – 2018. – 14 апреля; Андреева, Н.А. Проблемные вопросы правовой регламентации работы с электронными доказательствами / Н. А. Андреева // Предварительное расследование. – 2018. – № 1(3). – С. 85-87; Рубис, А. С. Об интеграции поисково-познавательной деятельности следователя и эксперта в процессе осуществления доказывания / А. С. Рубис, Р. М. Ропот // Предварительное расследование. – 2018. – № 1(3) – С. 29-34.
2. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – М., 1989. – 640 с.
3. Беляков, А. В. Методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: автореф. дис... канд. юрид. наук. 12.00.09 / А. В. Беляков. – Псков, 2010. – 22 с.

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Зайцева Л.Л.

Одним из путей укрепления белорусской государственности в постсоветский период являлось реформирование действующего законодательства, в том числе и уголовно-процессуального, которое прошло несколько этапов. Первый из них связан с реализацией положений Концепции судебно-правовой реформы 1992 г. и принятием в 1999 г. нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), который был введен в действие с 1 января 2001 г.

Второй этап реформирования уголовно-процессуального законодательства охватывает первое десятилетие работы нового Кодекса. В этот период отдельные изменения и дополнения, внесенные в УПК, были направлены на устранение его явных недостатков и пробелов, выявленных на практике. В частности, УПК был дополнен главой 49 «Производство в отношении отдельных категорий лиц» (2006 г.) и разделом XV «Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности» (2008 г.).

Третий этап реформирования начался в 2009 г. и продолжается по настоящее время. В этот период особенно ярко проявились следующие тенденции, определяющие развитие национального уголовно-процессуального законодательства:

1. Проведение институциональных реформ в системе правоохранительных органов на основе принципа централизации:

- создание Следственного комитета Республики Беларусь (2011 г.) и возложение на него основных полномочий по осуществлению досудебного производства по уголовным делам (ст. 182 УПК);

- создание Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (2013 г.), который объединил все экспертные подразделения, действующие в стране;

- ликвидация военных судов (2013 г.) и передача их подсудности судам общей юрисдикции (ст. 270 УПК исключена).

2. Изменение полномочий органов уголовного преследования и их взаимодействия:

- передача функции процессуального руководства расследованием от прокурора начальнику следственного подразделения (2011 г., ст.ст. 34 и 35 УПК);

- создание системы органов процессуального контроля за деятельностью следователей в подразделениях Следственного комитета Республики Беларусь (2014 г.);

- лишение органов дознания права самостоятельного расследования уголовного дела с передачей его прокурору для направления в суд (ст.ст. 187-189 УПК исключены в 2013 г.).

3. Упрощение процессуальной формы уголовного судопроизводства:

- рассмотрение дел, расследованных в порядке ускоренного производства, без участия государственного обвинителя (2009 г., ст. 455 УПК);

- постановление обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства (заочное производство) по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, которые расследованы в ускоренном производстве (2016 г., ст. 459 УПК).

4. Усложнение уголовно-процессуальной формы досудебного и судебного производства:

- приостановление проверки по заявлению или сообщению о преступлении на срок до трех месяцев (2017 г., ст.ст. 173¹ – 173³ УПК);

- введение предварительного судебного заседания в стадию назначения и подготовки судебного разбирательства (2015 г., ст.ст. 277¹, 280¹ – 280⁴ УПК);

- замена кассационного производства апелляционным (2016 г., раздел X УПК).

5. Расширение прав участников уголовного процесса и усиление их гарантий:

- введение производства по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (2015 г., глава 49¹ УПК);

- введение производства по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого (2017 г., глава 49² УПК);

– наделение свидетеля правом приглашения адвоката для участия в следственных действиях и оказания ему юридической помощи (2017 г., ст. 60¹ УПК).

В то же время имеются институты, необходимость которых в УПК все еще обсуждается учеными и практиками. К ним относятся:

- стадии возбуждения уголовного дела;
- участие понятых в производстве следственных действий;
- примирение обвиняемого с потерпевшим с участием медиатора;
- основания для отмены или изменения приговора в надзорном производстве, отличные от апелляции;
- судебная санкция на заключение под стражу.

На основании изложенного полагаем, что несмотря на различные, порой противоречивые тенденции в развитии уголовно-процессуального законодательства его совершенствование должно быть связано с дифференциацией досудебных и судебных процедур, в основу которой следует положить наличие или отсутствие материально-правового спора между сторонами.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Каланча И.Г.

Анализ современного уголовного процесса иллюстрирует необходимость его реформирования в соответствии с требованиями информационного общества практически во всех странах мира. В данном аспекте представляется актуальным внедрение электронного уголовного производства (далее – ЭУП). Переход к электронным уголовным процессуальным процедурам должен быть последовательным и комплексным, следовательно, он начнется с досудебного расследования. Формировать ЭУП в пределах Украины наиболее целесообразно на основе Единого реестра досудебных расследований. В то же время электронный формат уголовного производства требует усиления механизмов защиты информации и электронных информационных систем органов уголовной юстиции. Указанное предопределяет учет положений законов Украины «Об основных принципах обеспечения кибербезопасности Украины» от 05.10.2017, «Об основах национальной безопасности Украины» от 19.06.2003, «О защите информации в информационно-телекоммуникационных системах» от 05.07.1994, «О борьбе с терроризмом» от 20.03.2003, Уголовного процессуального кодекса Украины от 13.04.2012, иных нормативно-правовых актов относительно статуса и перечня объектов критической информационной инфраструктуры.

Защита информации и электронных информационных систем органов уголовной юстиции предусматривает соблюдение ключевых актов Европейского Союза (далее – ЕС) и Совета Европы по данному вопросу: Конвенции Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция) от 23.11.2001 [2]; Выводов Совета Европейского Союза по вопросам правосудия и внутренних дел по вопросам улучшения уголовного правосудия в киберпространстве от 09.06.2016 [1]; Законодательного предложения относительно доступа к электронным доказательствам в уголовных процессах от 03.08.2017 (Европейская комиссия) [3];

Предложения относительно Постановления Европейского Парламента и Совета ЕС относительно Европейских распоряжений относительно распространения и хранения электронных доказательств в уголовных процессах от 17.04.2018 [4].

На выполнение ключевых положений приведенных документов, наряду с нормативным закреплением требований к кибернетической защите электронных информационных систем органов уголовной юстиции, необходимо также их технологическое обеспечение, что, в частности, требует создания Системы информационной безопасности интегрированной электронной системы ЭУП, которая будет реализовывать требования безопасности при использовании функциональности электронной системы и получении доступа к электронному досье уголовного производства или его отдельных частей.

Ключевыми функциями безопасности, что реализует Система информационной безопасности, являются: аутентификация субъектов; предоставление доступа к электронной системе с учетом полномочий субъектов; журналирование и анализ действий субъектов (в том числе смежных систем).

Функциональность Системы информационной безопасности распределена на следующие составляющие:

1) Подсистема аккредитованного центра сертификации ключей (далее – АЦСК). АЦСК – это информационно-телекоммуникационная система (далее – ИТС), которая взаимодействует с интегрированной электронной системой ЭУП. АЦСК предназначен для обеспечения субъектов ЭУП средствами аутентификации (электронный сертификат, ключевой носитель) и услугами электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП). Для АЦСК создается отдельная комплексная система защиты информации.

2) Подсистема управления полномочиями субъектов предназначена для решения задач автоматизации обслуживания пользователей ЭЦП (субъектов ЭУП). Она **выполняет задачи по:** накоплению персональных данных конечных пользователей ЭЦП; структурированному хранению организационной и штатной структуры органов уголовной юстиции; автоматизации подготовки данных для выпуска сертификатов ЭЦП конечных пользователей ЭЦП; автоматизации учета ключевых носителей пользователей ЭЦП; а также **дополнительно обеспечивает:** учет и управление функциональными ролями, включая их привязку к организациям и назначения конечным пользователям ЭЦП; оперативный учет и управление полномочиями; возможность ввода, просмотра и изменения кодов подразделений, специфических для электронной системы; возможность закрепление подразделений за административно-территориальными единицами Украины; выгрузка штатно-организационной структуры и актуальной информации о должностных лиц (пользователей ЭЦП) непосредственно в электронной системе; автоматическое формирование и установка запросов на сертификацию специализированных атрибутов пользователей ЭЦП, специфических для электронной системы.

В состав Подсистемы управления полномочиями субъектов входят три компонента: 1) серверное программное обеспечение комплекса подсистемы, которое отвечает за накопление данных и предоставления сервисов как внешним системам, так и операторам системы; 2) единое программное обеспечение сотрудника Центра регистрации АЦСК; 3) программное обеспечения для самостоятельной подготовки персональных данных потенциальными пользователями ЭЦП.

3) Подсистема журналирования и анализа действий субъектов.

Информация ЭУП, подлежащая защите, делится на три категории: **конфиденциальная** информация (персональные данные регистраторов и пользователей ЭУП, которые обрабатываются в АЦСК и передаются при взаимодействии с интегрированной электронной системой ЭУП); **технологическая** (данные, описывающие настройки программно-технических средств ЭУП, права его регистраторов и пользователей, атрибутов доступа, сведения о событиях, которые генерируются программно-техническими средствами электронной системы); **открытая** (данные, не требующие защиты от несанкционированного ознакомления посторонними лицами, а также публичную информацию, которая не относится к информации с ограниченным доступом). В отношении всех категорий информации обеспечиваются требования относительно сохранения ее целостности, доступности и наблюдаемости действий субъектов, в отношении первой и второй категорий – требование конфиденциальности.

Эффективное *разграничение полномочий субъектов ЭУП* в части доступа к его ресурсам *обуславливает определение их ролей* в электронной системе, подразделение на *административные роли*: *администратор безопасности*: обеспечивает защищенность ресурсов ИТС; предоставление доступа пользователям к ресурсам в соответствии с их полномочиями; контроль за выполнением пользователями и другими администраторами требований политики безопасности; *администратор сетевых сервисов*: настраивает и обслуживает операционные системы активного сетевого оборудования, создает резервные копии и восстанавливает функционирование этого оборудования; *системный администратор*: устанавливает, настраивает и обслуживает операционные системы серверов, устанавливает на них программное обеспечение; *администратор баз данных*: устанавливает, настраивает и обслуживает системы управления базами данных, налаживает и обслуживает базы данных электронной системы; *эксплуатационные роли*: *«Следователь»* (процессуальный функционал); *«Прокурор»* (процессуальный функционал); *«Руководитель ОДР»* (процессуальный и аналитический функционал, мониторинг); *«Руководитель прокуратуры»* (процессуальный (самый широкий по сравнению с другими ролями) и аналитический функционал, мониторинг); *«Аналитик ОДР»* (аналитический функционал и мониторинг); *«Аналитик прокуратуры»* (аналитический функционал и мониторинг).

Обеспечение надлежащего уровня непрерывного функционирования электронной системы и защиты информации позволяет совмещение двух или более административных ролей, за исключением роли администратора безопасности. При этом запрещено совмещение административных и эксплуатационных ролей.

Система информационной безопасности является обязательной структурной составляющей технологической архитектуры исследуемой электронной системы. В данном направлении актуальна разработка и построение (по модульному принципу) комплексной системы защиты информации интегрированной электронной системы ЭУП.

1. Conclusions of Justice and Home Affairs Council on improving criminal justice in cyberspace [Electronic resource]: 9 June 2016 // Council of the EU. – Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/media/24300/cyberspace-en.pdf>.
2. Council of Europe Convention on Cybercrime (the Budapest Convention) [Electronic resource]: 23 November 2001 // Council of Europe. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf.
3. Legislative proposal on access to electronic evidence in criminal investigations, Inception Impact Assessment [Electronic resource]: 3 August 2017 // European Commission. – Mode of access: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/b2f853ff-7868-11e7-b2f2-01aa75ed71a1/language-en>.
4. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal matters [Electronic resource]: 17 April 2018 // European Commission. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1524129181403&uri=COM:2018:225:FIN>.

ПРОКУРОР НАДЗИРАЕТ, РУКОВОДИТ, КООРДИНИРУЕТ ИЛИ РАССЛЕДУЕТ? (ОПЫТ УКРАИНЫ)

Каплина О.В.

20 ноября 2012 года в Украине вступил в силу новый Уголовный процессуальный кодекс (далее – УПК Украины). Его принятие открыло новую страницу в истории современной украинской уголовной процессуальной науки и правоприменительной практики. Кодекс концептуально отличается от УПК Украины 1961 года. Понадобилось время, чтобы правоприменительная практика осмыслила сущность предложенных разработчиками изменений «традиционных» институтов уголовного процесса, а также тех новелл, которые впервые нашли свое закрепление в уголовном процессуальном законодательстве. Среди нововведений концептуального характера можно назвать отмену стадии возбуждения уголовного дела; введение институтов следственного судьи, мер обеспечения уголовного производства, негласных следственных (розыскных) действий, уведомления о подозрении, уголовного производства на основе соглашений. В новом УПК Украины закреплены особые порядки производства в суде первой инстанции – упрощенное производство по уголовным проступкам, а также производство в суде присяжных. Среди новелл также следует отметить принципиальное изменение процессуального статуса прокурора в уголовном процессе. В настоящее время в соответствии со ст. 131¹ Конституции Украины, к функциям прокуратуры относятся: 1) поддержание публичного обвинения в суде; 2) организация и процессуальное руководство досудебным расследованием, решение в соответствии с законом иных вопросов в ходе уголовного производства, надзор за негласными и иными следственными и розыскными действиями органов правопорядка; 3) представительство интересов государства в суде в исключительных случаях и в порядке, определенном законом. Таким образом, на конституционном уровне прокуратура была лишена функций представительства интересов гражданина в суде, а также надзора за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении

других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан.

Обвинительная деятельность в значительной степени генерирует всю уголовно-процессуальную деятельность прокуратуры. Выдающиеся процессуалисты – М. С. Строгович, М. А. Чельцов, Н. Н. Полянский, В. М. Савицкий именно обвинение называли движущей силой уголовного процесса, пружиной, действие которой обуславливает развитие процесса и его движение по ступеням, двигателем или пусковым механизмом уголовного процесса. Поэтому вполне обоснованно, что поддержание публичного обвинения закреплено в качестве генеральной конституционной функции прокуратуры.

Положения Конституции нашли свое закрепление и конкретизацию в ст. 36 УПК Украины, которая определяет, что прокурор в уголовном производстве осуществляет надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства. Таким образом, второй функцией прокуратуры является осуществление надзора за досудебным расследованием в форме процессуального руководства. По сути это означает, что именно на прокурора возлагается обязанность по организации процесса досудебного расследования, определению его направлений, координации проведения процессуальных действия, обеспечению соблюдения в ходе уголовного производства требований законов Украины.

Осуществляя процессуальное руководство досудебным расследованием, прокурор имеет постоянный доступ к процессуальной информации, осведомлен обо всех ключевых решениях, принимаемых следователем, обязан своевременно устранять нарушения закона, и на основании собранных под его руководством доказательств впоследствии утверждает обвинительный акт и поддерживает публичное обвинение в суде.

Такая модель функций прокурора в уголовном процессе обуславливается теми широкими полномочиями, которыми он наделен по конкретному уголовному производству. Уже на первоначальном этапе досудебного расследования прокурор имеет право непосредственно принимать заявления или сообщения о совершенном уголовном правонарушении; вносить соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований; лично начинать досудебное расследование при наличии к тому соответствующих оснований (ст. 25, п.1 ч. 2 ст. 36, ч. 1 ст. 214 УПК); если сведения в Единый реестр внесены им непосредственно, прокурор обязан безотлагательно, но не позднее следующего дня, с соблюдением правил подследственности передать имеющиеся у него материалы в орган досудебного расследования и поручить проведение досудебного расследования (п. 3 ч. 2 ст. 36, ч. 7 ст. 214 УПК).

Прокурор имеет еще более широкие полномочия, связанные с обеспечением законности досудебного расследования. На него возлагается обязанность по обеспечению выполнения требований закона о соблюдении разумных сроков досудебного расследования; он вправе участвовать в проведении следственных (розыскных), негласных следственных (розыскных) действий, а также во всех иных процессуальных действиях (п. 4 ч. 2 ст. 36 УПК). Прокурор вправе отменять незаконные и необоснованные постановления следователей, инициировать перед руководителем органа досудебного расследования вопрос об отстранении следователя от проведения досудебного расследования и назначении другого следователя при наличии оснований, предусмотренных УПК, для его отвода, или

в случае неэффективного досудебного расследования. Прокурор согласовывает или отказывает в согласовании ходатайства следователя к следственному судье о проведении следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, иных процессуальных действий, мер обеспечения уголовного производства в случаях, предусмотренных УПК. Прокурор вправе отказывать в утверждении обвинительного акта, ходатайств о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, внести изменения в составленный следователем обвинительный акт.

Формируя публичное обвинение, прокурор утверждает составленный следователем обвинительный акт, вносит, если необходимо, в него изменения, а также вправе самостоятельно составлять обвинительный акт. В обвинительном акте излагаются фактические обстоятельства уголовного производства, которые прокурор считает установленными. Именно прокурор разъясняет обвиняемому в совершении преступления, за которое предусматривается наказание в виде пожизненного лишения свободы, возможность и особенности рассмотрения его дела судом присяжных.

В суде первой инстанции прокурор непосредственно реализует функцию поддержания публичного обвинения, для чего он не только непосредственно поддерживает обвинение по всем уголовным делам (включая дела частного обвинения), но и представляет суду предметы, документы, иные доказательства, заявляет ходатайства, принимает участие в исследовании доказательств, излагает суду свое мнение. Также прокурор вправе изменить обвинение, выдвинуть новое обвинение, отказаться от поддержания публичного обвинения.

Прокурор, осуществляющий свои полномочия в конкретном уголовном производстве, определяется руководителем соответствующего органа прокуратуры. Реализация полномочий осуществляется с самого начала производства (с момента внесения сведений о совершенном уголовном правонарушении в единый реестр) до его завершения (то есть прекращения уголовного производства или вынесения приговора). Таким образом, в уголовном судопроизводстве вводится принцип несменяемости прокурора, который должен обеспечить эффективность осуществления процессуального руководства досудебным расследованием, а впоследствии личное поддержание публичного обвинения в суде и в целом достижение задач уголовного судопроизводства. Осуществление полномочий прокурора в уголовном производстве другим прокурором возможно только в случаях, предусмотренных законом, например, в случае тяжелой болезни прокурора-процессуального руководителя или удовлетворения ходатайства о его отводе.

Следует заметить, что в соответствии с новым УПК Украины, суд не вправе возвратить дело на дополнительное расследование, а также по собственной инициативе собирать доказательства. Он обязан рассмотреть поступившее в суд уголовное дело и вынести обвинительный или оправдательный приговор, либо, при наличии к этому оснований, прекратить дело. Такая нормативная модель обязывает прокурора с самого начала формировать обвинение, контролировать законность применения мер обеспечения уголовного производства, законность производства следственных, негласных следственных действий, иных процессуальных действий, обеспечение собирания допустимых доказательств, вынесение законных уголовно-процессуальных решений следователем, недопущение нарушений прав и законных интересов граждан. Именно прокурор-процессуальный руководитель представляет

суду доказательства, поддерживает публичное обвинение. Поэтому он непосредственно заинтересован в качестве проведенного расследования и недопущении направления в суд неподготовленных уголовных дел.

Прокурор, осуществляя процессуальное руководство досудебным расследованием, вникает в суть каждого уголовного производства, по которому он назначен процессуальным руководителем. Существовавшая ранее модель подвергалась критике судьями, потерпевшими в связи с тем, что прокурор по сути дела знакомился с материалами уголовного производства на этапе его окончания либо уже непосредственно в суде, что негативно сказывалось на качестве поддерживаемого обвинения. С принятием нового УПК Украины, которым предусмотрена реальная, а не иллюзорная состязательность в судебном разбирательстве, ушли в прошлое надежды на судью, который устранил пробелы досудебного расследования либо возвратит дело на доследование. Именно обвинение стало реальным двигателем судебного разбирательства.

Нельзя сказать, что закрепление за прокурором функции надзора в форме процессуального руководства автоматически разрешило комплексные проблемы, существовавшие в уголовном процессе. Шестилетняя практика применения новой модели вскрыла новые проблемы. В частности, одной из них является взаимоотношение следователя и прокурора–процессуального руководителя, а также обеспечение процессуальной самостоятельности следователя.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Качалов В.И.

Одним из видов прекращения уголовного преследования является прекращение уголовного преследования в связи с применением судебного штрафа.

Л. Л. Зайцева относит освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности, предусмотренное ст. 86 УПК Республики Беларусь к альтернативным способам разрешения споров в уголовном процессе [1, с. 24, 60-65]. В уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси данное решение может быть принято прокурором в ходе досудебного производства по делу и не может рассматриваться как итоговое судебное решение. Особенности российской модели прекращения уголовного преследования с применением штрафа заключаются в том, что решение об этом может быть вынесено только судом на основе анализа обстоятельств дела, которые предварительно установлены в ходе расследования. В ходе расследования преступления фактически доказывалась виновность конкретного лица в его совершении, дается уголовно-правовая оценка деяния, а также выявляются причины, позволяющие не привлекать такое лицо к уголовной ответственности, не назначать ему наказание. Прекращение уголовного преследования по данному основанию возможно лишь при условии возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, а также с согласия обвиняемого. Кроме того, принимая решение о прекращении уголовного преследования и применении судебного штрафа, суд должен установить и указать в этом решении фактические обстоятельства совершенного деяния [2, с. 9].

Определяя судебный штраф в качестве иной меры уголовно-правового характера, законодатель определил возможность вынесения двух разновидностей судебного решения о его применении:

1) постановление или определение об удовлетворении ходатайства следователя (с согласия руководителя следственного органа) или дознавателя (с согласия прокурора) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа — в случаях, когда применение штрафа инициируется в ходе досудебного производства по уголовным делам (п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ);

2) постановление или определение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и о назначении подсудимому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа — в случаях, когда вопрос о необходимости принятия такого решения возникает уже в ходе судебного разбирательства (ч. 1 ст. 446.3 УПК РФ).

С точки зрения процессуального порядка принятия практически никакой разницы между ними не существует.

В случае неуплаты судебного штрафа суд отменяет постановление о прекращении уголовного преследования и назначении судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору (ст. 446.5 УПК РФ). Иницирование данной процедуры осуществляется только по представлению судебного пристава-исполнителя о неуплате штрафа, которое он направляет в суд. В соответствии с ч. 6 ст. 103.1 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», если по истечении 10 календарных дней со дня окончания срока уплаты судебного штрафа у судебного пристава-исполнителя отсутствуют сведения об уплате должником соответствующих денежных сумм, он направляет в суд представление об отмене указанной меры уголовно-правового характера и о решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности.

Если в поступивших материалах не содержится достаточных данных для рассмотрения представления и в судебном заседании восполнить их невозможно, суд в ходе подготовки к его рассмотрению возвращает эти материалы для соответствующего оформления.

Принятие решения об отмене судебного штрафа осуществляется по общим правилам производства по исполнению приговора. Предметом исследования в судебном заседании могут стать доказательства в виде справок, характеристик, иных документов, которые могут подтвердить причины неуплаты штрафа, данные о личности лица, не уплатившего штраф (семейное положение, уровень дохода, место работы и т. д.).

Предметом судебного разбирательства в данном случае будет установление оснований для отмены постановления (определения) суда о прекращении уголовного преследования и применении судебного штрафа. Таковыми основаниями является неуплата судебного штрафа в установленный судом срок без уважительных причин. В соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» уважительными причинами неуплаты судебного штрафа могут считаться такие появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обстоятельства, вследствие

которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица).

При рассмотрении вопроса об отмене судебного штрафа суд должен установить, что лицо сознательно, без уважительных причин не оплачивает штраф и не предпринимает никаких мер к тому, чтобы его уплатить.

Соответственно в суде подлежат исследованию доказательства, подтверждающие факт неуплаты лицом штрафа в установленный срок без уважительных причин. По смыслу данного вида производств суд может как удовлетворить представление судебного пристава-исполнителя, так и отказать в его удовлетворении в том случае, если признает причину неуплаты штрафа уважительной.

Подводя итоги вышесказанному, можно прийти к следующим выводам.

1. В ходе производства по отмене судебного штрафа суд на основе исследования представленных доказательств должен установить причины, по которым лицо не уплатило штраф, а также установить, предпринимаются ли какие-либо меры к его оплате.

2. Отказ лица от уплаты штрафа в установленный судом срок, а равно ненадлежащее исполнение данной обязанности без уважительных причин свидетельствуют о несоблюдении лицом условий прекращения уголовного преследования в отношении него. Такой отказ должен влечь за собой и отказ государства от данного компромиссного способа разрешения уголовно-правового спора и дальнейшее осуществление производства по делу в общем порядке.

3. Прекращение производства по отмене назначенного судебного штрафа в случае уплаты штрафа по истечении срока, установленного для этого судом, может осуществляться только в том случае, если просрочка его оплаты вызвана причинами, признанными судом уважительными. Такое прекращение должно допускаться до принятия судом решения по существу поданного судебным приставом-исполнителем представления.

Список цитированных источников

1. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе: учебно-методическое пособие / Л. Л. Зайцева [и др.]; под ред. У. Хелльманна. – Минск: Издательский центр БГУ. – 224 с.

2. Качалова, О. В. Как суду нужно применять судебный штраф / О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2016. – № 11. – С. 9.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ

Лапцевич И.И.

Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 Конституции Республики Беларусь). Не являются исключением из этого правила лица, страдающие психическими расстройствами (заболеваниями). Они пользуются всеми правами и свободами, которые предусмотрены как международно-правовыми документами,

так и национальным законодательством, получают защиту от государства в полном объеме.

В соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), лицам, совершившим общественно опасные деяния, и страдающим психическими расстройствами (заболеваниями), судом могут быть назначены принудительные меры безопасности и лечения. Принимая решения по таким уголовным делам, суд выступает гарантом соблюдения прав и свобод лица, страдающего психическим расстройством (заболеванием).

Назначая принудительные меры безопасности и лечения, суд не устанавливает их сроков. Лечение зависит от многих обстоятельств (характера, тяжести и степени заболевания, особенностей его течения, применяемых методов лечения и реабилитации и т.д.) и должно продолжаться либо до полного выздоровления лица, либо до такого изменения характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этой меры, или возникает необходимость в назначении иной меры безопасности и лечения (ч. 3 ст. 103 УК). Разнообразная система мер, представленных в УК, позволяет не только изначально выбрать меру наиболее адекватную психическому состоянию лица, но и в процессе применения принудительного лечения изменять ее вид, добиваясь максимального соответствия между характером психического расстройства и принудительной мерой безопасности и лечения [1, с. 37-39].

Функция суда не ограничивается только назначением лицу, страдающему психическим расстройством (заболеванием), принудительных мер безопасности и лечения. Принятие последующих решений об их изменении или прекращении также является прерогативой суда. Однако суд по своей инициативе не может принимать такие решения. Изменение и прекращение применения к лицам, страдающим психическими расстройствами (заболеваниями), принудительных мер безопасности и лечения осуществляются на основании заключения врачебно-консультационной комиссии врачей-специалистов в области оказания психиатрической помощи (ч. 1 ст. 103 УК). Так, лица, страдающие психическими расстройствами (заболеваниями), к которым по решению суда применяются принудительные меры безопасности и лечения, должны не реже одного раза в шесть месяцев подвергаться освидетельствованию врачебно-консультационной комиссией врачей-специалистов в области оказания психиатрической помощи для решения вопроса относительно возможности прекращения судом применения принудительных мер безопасности и лечения или изменения их вида (ч. 2 ст. 103 УК). Указанная формулировка закона, с одной стороны, не допускает превышения этого срока, являющегося, по мнению психиатров, оптимальным, позволяющим вовремя выявить положительные изменения в психике лица и в связи с этим исключить его нахождение в стационаре без необходимости; с другой стороны – при наличии оснований позволяет врачам ставить вопрос о прекращении или изменении принудительного лечения до истечения 6-месячного срока [2, с. 448].

Вопросы о прекращении или изменении принудительных мер безопасности и лечения рассматриваются судом, вынесшим определение (постановление) о применении таких мер (ч. 2 ст. 450 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)). При проведении судебного заседания заключение экспертов подлежит тщательному исследованию и оценке. Суд, рассмотрев представленные материалы, должен принять одно из следующих решений: 1) о прекращении или изменении принудительной меры безопасности

и лечения; 2) об отказе в прекращении или изменении принудительной меры безопасности и лечения.

При наличии таких оснований как: 1) отпала необходимость в применении ранее назначенной меры; 2) возникла необходимость в назначении иной принудительной меры безопасности и лечения (ч. 5 ст. 450 УПК), суд изменяет назначенную ранее лицу принудительную меру безопасности и лечения, т. е. изменяет режим (в рамках видов, указанных в ст. 101 УК) психиатрического лечения и наблюдения врача-специалиста в области оказания психиатрической помощи. Таким образом, для изменения принудительной меры безопасности и лечения, необходима констатация у лица иного, чем существовавшее до назначения принудительного лечения, психического состояния, которое, соответственно, влечет за собой потребность в изменении условий его лечения, ухода, содержания и наблюдения. Возможен переход как к более мягкому, так и более строгому виду принудительных мер [2, с. 449].

В юридической литературе высказано мнение о том, что при решении вопроса о возможности изменения принудительных мер безопасности и лечения рекомендуется использовать принцип «ступенчатости», в соответствии с которым полная отмена принудительных мер осуществляется после предварительного изменения более строгой меры на менее строгую [2, с. 449; 3, с. 249]. Однако указанный принцип не является для судов обязательным. УК подобного рода требований не содержит.

Основания прекращения применения принудительных мер безопасности и лечения определены в ч. 3 ст. 103 УК. Ими являются: 1) выздоровление лица; 2) такое изменения характера заболевания лица, при котором отпадает необходимость в применении этих мер. О необходимости прекращения применения принудительных мер безопасности и лечения можно судить при таком изменении психического состояния лица, когда отпадает либо значительно снижается его общественная опасность [4, с. 93].

К решению вопроса об отмене принудительных мер безопасности и лечения суду следует подходить особенно тщательно, с учетом прогнозов психического состояния лица в будущем. Лицу принудительные меры безопасности и лечения могут быть назначены вновь только в случае совершения им нового общественно опасного деяния, при соблюдении требований главы 14 УК.

УК нашей республики не предоставляет суду право продления сроков применения принудительных мер безопасности и лечения.

Обращаясь к изучению зарубежного опыта, отметим, что уголовные законы государств-участников СНГ, кроме УК Республики Армения, содержат нормы о продлении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами. Так, например, УК Азербайджанской Республики в ст. 98.2 закрепляет, что «при отсутствии оснований для прекращения применения или изменения принудительной меры медицинского характера администрация учреждения, осуществляющего принудительное лечение, представляет в суд заключение для продления принудительного лечения. Первое продление принудительного лечения производится по истечении шести месяцев с момента начала лечения, в последующем продление принудительного лечения производится ежегодно». Аналогичная норма содержится в ст. 96 УК Республики Казахстан, ст. 93 УК Кыргызской Республики, ст. 102 УК Российской Федерации. УК Республики Таджикистан (ст. 100) и УК Республики Узбекистан (ст. 95)

не оговаривают сроки освидетельствования лица, а лишь регламентируют, что продление применения принудительных мер медицинского характера осуществляется судом на основании заключения комиссии врачей-психиатров. УК Республики Молдова в ст. 101 (3) определяет, что «продление срока применения принудительных мер медицинского характера осуществляется судебной инстанцией также на основе контроля необходимости применения этого лечения, проводимого как по ее инициативе, так и по требованию соответствующего лица или его представителя не реже одного раза в 6 месяцев». Схожая по содержанию норма предусмотрена ч. 2 ст. 95 УК Украины, однако продление применения принудительных мер медицинского характера определяется понятием «продолжение».

С медицинской точки зрения продление принудительных мер безопасности и лечения может быть осуществлено в отношении двух категорий лиц: а) которые в процессе лечения не восстановили способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими; б) которые имеют временное улучшение психического состояния, но при этом сохраняется достаточно высокая вероятность рецидива заболевания. С юридической точки зрения продление таких мер трактуется отсутствием данных, свидетельствующих о безопасности психически больного лица после проведенного лечения, т. е. речь идет о сохранении потенциальной опасности, обусловленной психическим состоянием больного и антисоциальными тенденциями, которые проявляются в его поведении [3, с. 251; 4, с. 98].

Судебной практике известны случаи, когда мнения экспертов и суда в вопросах принятия решения об изменении и прекращении принудительных мер безопасности и лечения расходились, заключение экспертов вызывало у суда сомнения, а при назначении и проведении повторной судебно-психиатрической экспертизы, ее результаты не совпадали с ранее изложенным мнением экспертов. Также следует обратить внимание, что согласно действующему УК решение экспертов о продлении лечения лица судом не оценивается вовсе.

Таким образом, уголовный закон предоставляет суду право не только принять решение о назначении принудительных мер безопасности и лечения, но и в последующем обязывает осуществлять контроль за применением этих мер. На наш взгляд, установление дополнительного судебного контроля в виде «продления принудительных мер безопасности и лечения» (в ст. 103 УК) никоим образом не свидетельствует о недоверии к экспертам, проводящим судебно-психиатрическую экспертизу психического состояния лица, но будет способствовать созданию дополнительных гарантий соблюдения прав и свобод лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), повысит ответственность суда за принятые в рамках уголовного дела решения.

Список цитированных источников

1. Мищенко, Е. В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном судопроизводстве / Е. В. Мищенко. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 143 с.
2. Уголовное право. Общая часть: учебник / Ю. В. Грачева [и др.]; под ред. А. И. Чучаева. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 462 с.
3. Гребенкин, Ф. Б. Меры уголовно-правового характера и их применение: учеб. пособие / Ф. Б. Гребенкин. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 263 с.
4. Назаренко, Г. В. Принудительные меры медицинского характера: учеб. пособие / Г. В. Назаренко. – М.: Дело, 2003. – 174 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ

Луцик В.В.

Трансформация функций прокурора в уголовном процессе Украины началась с принятием нового УПК Украины в 2012 году. Новый УПК закрепил осуществление прокурором функции надзора за досудебным расследованием в форме процессуального руководства. Даная формулировка законодателя была обусловлена тем, что в Конституции Украины функция прокуратуры была закреплена как надзор за деятельностью органов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное расследование.

Фактически введение новой функции служило целям переориентации деятельности прокурора в уголовном процессе, создании активного прокурора в ходе досудебного расследования и повышению эффективности расследования уголовных правонарушений. Содержание процессуального руководства состоит в том, что прокурор непосредственно в полном объеме или частично участвует в расследовании, несет ответственность за результаты расследования, то есть фактически является «хозяином» уголовного дела. Однако данная концепция не была реализована в полной мере в УПК, поскольку законодатель не предоставил прокурору одного из основных полномочий по осуществлению процессуального руководства – самостоятельно отстранять и заменять следователя.

Но вместе с функцией процессуального руководства досудебным расследованием в УПК осталась функция надзора за досудебным расследованием, которая осуществляется прокурорами высшего уровня. Подобная дихотомия функций прокурора привела фактически к ограничению полномочий прокурора по осуществлению процессуального руководства.

Как подтверждают проведенные исследования эффективности деятельности прокурора в уголовном процессе за шесть лет действия нового УПК институт процессуального руководства не смог полностью и эффективно реализоваться на практике. Это обусловлено рядом причин правового, организационного и этического характера.

Первая проблема возникла в связи с тем, что прокурорская практика пошла путем избегания персональной ответственности прокурора как процессуального руководителя за результаты расследования. Это проявилось в том, что почти по всех уголовных производствах назначалась группа прокуроров, хотя данная норма УПК должна применяться лишь в исключительных случаях. Такая практика привела к тому, что из группы прокуроров только старший группы ознакомился с материалами и давал указания о ходе досудебного расследования.

Вторая проблема возникла в связи с количеством дел, расследованием которых руководит один прокурор. В среднем один прокурор руководит расследованием от 160 до 300 уголовных производств в месяц, но в некоторых прокуратурах нагрузка составляет около 500 уголовных производств на одного прокурора в месяц [1, с. 34].

В связи с этими проблемными моментами правоприменения в июне 2016 года были внесены изменения в Конституцию Украины, и функция прокурора

на досудебном расследовании была изложена в следующей редакции: прокурор осуществляет функцию организации и процессуального руководства досудебным расследованием, разрешение в соответствии с законом других вопросов во время уголовного производства, надзор за негласными и другими следственными и розыскными действиями органов правопорядка. Новая редакция функций прокурора в уголовном процессе вызвала ряд дискуссий относительно компетенции и полномочий прокурора в уголовном процессе. Следует согласиться с мнением И.В. Гловюк, что такая формулировка вызывает необходимость полного изменения подходов к организации досудебного расследования, поскольку в УПК организация возложена на руководителя органа досудебного расследования, а в Конституции Украины – на прокуратуру, причем пока неизвестно, каким путем пойдет законодатель, и на кого именно он возложит комплекс организационных полномочий – на прокурора - процессуального руководителя, прокурора высшего уровня или на руководителя органа прокуратуры, и, как следствие, останется ли необходимость в таком участнике уголовного производства, как руководитель органа досудебного расследования [2, с. 23].

В то же время изменений в УПК Украины внесено не было, но поскольку нормы Конституции являются нормами прямого действия, прокуроры должны осуществлять функцию, предусмотренную Конституцией. В то же время на уровне Генеральной прокуратуры никаких нормативных актов и разъяснений не принято, в связи с чем прокуроры продолжают исполнять функции, предусмотренные УПК Украины, а не Конституцией.

Если рассматривать функциональное назначение прокурора в уголовном процессе в контексте европейских стандартов, следует заметить, что украинский законодатель, принимая зарубежный опыт деятельности прокурора, не в полной мере имплементирует эти стандарты, вследствие чего возникают неточности и противоречия в правовом регулировании деятельности прокурора в уголовном процессе.

Так, в соответствии с п. 9. Бордоской декларации «Судьи и прокуроры в демократическом обществе» в государстве, опирающемся на верховенство права, в котором прокуратура имеет иерархическую структуру, эффективность прокурорской службы, связанной с выполнением обязанностей государственных обвинителей, тесно связана с наличием прозрачных правил их полномочий, подотчетности и ответственности. Указания отдельным прокурорам должны предоставляться в письменном виде в соответствии с законом и обнародованных инструкций и критериев деятельности прокуратуры [3].

В свою очередь для того, чтобы избежать неправомерных указаний, необходимо разработать каталог гарантий невмешательства в деятельность обвинителя. Невмешательство означает обеспечение того, что действия обвинителя в суде свободны от внешнего давления, а также от неправомерного или незаконного внутреннего давления внутри самой системы обвинения (п. 32 Отчета 2010 года Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) по европейским стандартам относительно независимости судебной системы (Часть II: Служба обвинения)) [4].

Кроме того, если рассмотреть статус и полномочия прокурора в уголовном процессе европейских стран, можно сделать следующие выводы. Во-первых, роль прокурора в уголовном судопроизводстве усиливается с каждым годом (Франция, Англия и Уэльс), во-вторых, существенно расширяются дискреционные

полномочия прокурора (Германия, Шотландия), в-третьих, принцип внутренней независимости прокурора постепенно с относительного трансформируется в абсолютный (Германия, Швейцария, Италия).

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Реформа уголовного процесса Украины, в части места, задач и функций прокурора в уголовном судопроизводстве, проведена фрагментарно и непоследовательно. Это было обусловлено как быстрым принятием УПК Украины 2012 года, так и отсутствием системного подхода к реформированию прокуратуры в целом.

2. Наличие противоречий между Конституцией, УПК и Законом Украины «О прокуратуре» можно разрешить лишь путем внесения системных изменений в эти законодательные акты, но только на основании детального анализа последствий внесения таких изменений, наличия экономического обоснования результатов реформы.

3. В процессе принятия данных изменений должны использоваться европейские стандарты деятельности прокурора в уголовном процессе, но не путем их автоматического копирования в национальное законодательство, а учитывая национальные и исторические особенности функционирования прокуратуры в Украине, а также реальность воплощения этих стандартов на практике.

Список цитированных источников

1. Прокурор: керує, координує, наглядає, розслідує?: Звіт за результатами дослідження «Роль прокурора на досудовій стадії кримінального процесу» / Ю. Белоусов, В. Венгер, В. Мітько, А. Орлеан, В. Сущенко, В. Яворська; за заг. ред. Ю. Белоусова. – К.: СТ-Друк, 2017. – 268 с.

2. Гловюк, І. В. Прокурор у кримінальному провадженні: конституційна та галузева регламентація функціональної спрямованості діяльності / І. В. Гловюк // Вісник кримінального судочинства. – 2017. – №4. – С. 20-26.

3. Бордоская декларация «Судьи и прокуроры в демократическом обществе», утвержденная Заключением №12 (2009) Консультативного совета европейских судей и заключением №4 (2009) Консультативного совета европейских прокуроров от 8 декабря 2009 г.

4. Отчет 2010 года Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) по европейским стандартам относительно независимости судебной системы (Часть II: Служба обвинения) [Электронный ресурс]: принятый на 85-м пленарном заседании [Венеция, 17-18 декабря 2010 г.] // Режим доступа: http://pravo.org.ua/files/zarub_zakon/zvit_V_2010.pdf.

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Макарчук Д.И.

Необходимым атрибутом правового государства является соблюдение принципа верховенства права, которое, в свою очередь, согласно естественно-правовой теории, заключается в подчинении деятельности государственной власти целям защиты достоинства, свободы и прав человека.

Исходя из комплексного толкования ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, каждый имеет право на справедливое судебное разбирательство, в том числе и на применение такой санкции, которая была бы соразмерна тяжести деяния или достаточна для компенсации ущерба, нанесенного тем или иным деянием.

Кроме того, общемировая и, в частности, общеевропейская тенденция, на наш взгляд, заключается в том, чтобы постепенно гуманизировать уголовное законодательство с целью обеспечения справедливости в отношении достоинства и прав человека, даже совершившего правонарушение, однако, все же безусловно имеющего право на возвращение к полноценной жизни в обществе. В частности, означенная тенденция преследует, на наш взгляд, две основные цели:

1) дать лицу, совершившему преступное деяние, возможность осознать социальную опасность (неправомерность) совершенного им деяния, без применения к такому лицу суровых санкций уголовно-правового характера (таких как лишение свободы и т.п.);

2) минимизировать негативные социальные последствия осуждения и отбывания наказания (например, уголовной судимости) для лица, совершившего уголовное правонарушение, ресоциализации такого лица и возвращении его к нормальной общественной жизни.

Кроме снижения затрат государства на процессы назначения и исполнения наказания для конкретного лица, выгоду от введения «промежуточного», более «гуманизированного», вида правонарушений получило бы и общество ввиду меньшей вероятности повторного совершения неправомерных деяний лицами, привлеченными к такому виду ответственности, вместо полноценной уголовной ответственности со всеми вытекающими из нее негативными последствиями.

Так, в свое время, еще А. Пионтковский замечал, что дела, которые прекращаются на основании ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и передаются на рассмотрение товарищеского суда (например, мелкое хулиганство, мелкая кража государственного или коммунального имущества), являются не преступлениями, дисциплинарными или административными правонарушениями, а правонарушениями особого вида – своеобразным антиобщественным проступком [1, 165]. Продолжая эту мысль, И. Самощенко назвал такие деяния аморальными проступками и отмечал, что существуют деяния, за которые назначаются более жестокие административные санкции, чем за уголовные преступления, и только отсутствие уголовной противоправности не относит такой проступок к преступлением [2, 82].

Следует также вспомнить позицию А. Костенко относительно различия преступления от других видов правонарушений (проступков) который определяет преступление как деяние, нарушающее законы природы, воплощенные людьми в уголовное законодательство, в частности Уголовный кодекс Украины (далее – УК Украины) [3, 135]. Развивая позицию А. Костенко, необходимо отметить, что лишь некоторые преступления, предусмотренные УК Украины, можно определить как действия, которые нарушают законы природы, имплементированные государством в законодательство, другие же преступления нарушают только социальные законы, созданные позитивным правом.

Таким образом, мы можем проследить, что в научных кругах уже давно назревала дискуссия касательно целесообразности изменения подходов к понятию и структуре преступного деяния путем введения такого института как уголовный

проступок. Упомянутый институт широко применяется в законодательстве многих европейских стран, таких как Франция, ФРГ, Румыния и др.

Данный институт нашел свое законодательное закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Украины 2012 года (далее – УПК Украины). Согласно действующему украинскому законодательству на расследование уголовных проступков отведены сокращенные сроки (до двух месяцев с момента предъявления лицу подозрения), а также прописана возможность ускоренного рассмотрения дела в суде. В перспективе наличие этого института должно гуманизировать законодательство Украины об уголовной ответственности, оптимизировав систему уголовно-правовых санкций и некоторым образом смягчив правовые последствия совершения определенной категории деяний для субъектов. Еще одной целью введения данного института является укрепление принципа верховенства права и справедливости для лиц, совершивших преступное деяние, большая обособленность (частность) рассмотрения каждого конкретного случая.

Однако введение данного института в украинское законодательство сопряжено с рядом проблем. Так, институт уголовного проступка был включен лишь в процессуальное законодательство, тогда как в материальном праве (УК Украины) он до сих пор отсутствует. УК Украины в данный момент не располагает ни законодательным определением понятия «уголовный проступок», ни собственно составами этого уголовно-правового института. Кроме того, некоторые украинские ученые считают необходимым фактором узаконивания института уголовного проступка закрепление последнего как вида ответственности в Конституции Украины.

Несмотря на вышеизложенные проблемы, в научном сообществе Украины ведется довольно бурная дискуссия касательно понятия, характерных признаков уголовного проступка, а также других вопросов, связанных с имплементацией этого института в уголовно-правовую материю Украины.

Так, согласно УПК Украины, уголовные деяния объединяются общим понятием – уголовное правонарушение, которое в свою очередь включает в себя понятие преступления и понятие уголовный проступок. И если понятие преступления содержится в статье 11 УК Украины, то понятие уголовного проступка, как и его признаки, выделяют на сегодняшний день лишь на уровне теоретических концепций.

Итак, мы предлагаем остановиться лишь на основных различиях признаков понятий преступления и уголовного проступка, которые отмечаются в теории уголовного права Украины.

Преступление есть социально *опасное* деяние, тогда как уголовный проступок есть социально *вредное* деяние, что, в свою очередь, проводит различие степени опасности данных деяний для общества. Осуждение лица за преступление влечет за собой наложение судимости, которая может ограничивать лицо в определенных правах и после отбывания наказания, до момента, пока она не снята или не погашена в установленном законом порядке, тогда как осуждение лица за совершение уголовного проступка не предусматривает наложения уголовной судимости, а, следовательно, и действия её негативных последствий.

В теории указывается на различие типов санкций, применяемых за совершение этих двух видов уголовного правонарушения. Так, за совершение преступления следует уголовное наказание, а за совершение уголовного проступка – уголовное взыскание в виде штрафа, ареста, общественных или

исправительных работ, либо же лишения права занимать определенные должности, либо заниматься определенной деятельностью. Тут же следует отметить, что в странах классической континентальной системы права, например, во Франции, где подобная система разделения преступных деяний функционирует уже более двухсот лет, законодательно закреплено, что уголовный проступок – это правонарушение, которое не связано с наказанием в виде лишения свободы (ст. 111-1 Уголовного кодекса Франции 1992 года).

Таким образом, из всего вышеизложенного можно заключить, что институт уголовного проступка выступает фактором модернизации уголовной юстиции в Украине. Он также является весомым «регулятором» системы уголовной ответственности, гарантией соблюдения принципа верховенства права посредством применения механизма соразмерности и соизмеримости совершенного уголовного правонарушения и полагающегося за него меры наказания.

Институт уголовного проступка дает возможность лицу, совершившему преступное деяние, возможность осознать социальную опасность (неправомерность) совершенного им деяния без применения к такому лицу суровых санкций уголовно-правового характера, минимизировать негативные социальные последствия осуждения и отбывания наказания для лица, совершившего «не опасное», а «вредное» уголовное правонарушение, ресоциализации такого лица и возвращении его к нормальной общественной жизни.

И хотя введение института уголовного проступка в Украине сопряжено с рядом некоторых законодательных трудностей, можно высказать надежду, на то, что окончательная имплементация данного института станет положительным примером гуманизации законодательства об уголовной ответственности.

Список цитированных источников

1. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – Москва: Издательство юридической литературы, 1961. – 667 с.
2. Самошенко, И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И. С. Самошенко. – Москва: Издательство юридической литературы, 1963. – 265 с.
3. Костенко, О. М. Соціальний натуралізм як методологічний принцип юриспруденції і кримінології / О. М. Костенко // Вісник Академії правових наук. – 2004. – № 4. – С. 135–144.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ

Матвеева К.О.

Правовое государство – это государство, которое во всей своей деятельности подчиняется праву, ограничивает себя действующими в нем правовыми нормами и главной целью провозглашает обеспечение прав и свобод личности.

Согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [1].

В Республике Беларусь в соответствии со ст. 7 Конституции устанавливается принцип верховенства права, который означает, прежде всего, верховенство конституции и закона, так как именно эти правовые акты регулируют наиболее важные общественные отношения.

Признание прав и свобод человека в качестве высшей ценности возлагает на государство обязанность их обеспечения как на национальном, так и международном уровне. Неукоснительного соблюдения устоявшиеся нормы прав человека требуют от государственных органов при осуществлении ими своих полномочий, в том числе от органов прокуратуры.

Прокуратура Республики Беларусь представляет собой единую и централизованную систему органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами [2].

Прокуратура играет важную роль в обеспечении верховенства конституции и законов, защиты прав человека и гражданина, осуществляя надзор за их применением и исполнением, в том числе представляя интересы государства в суде. Органы прокуратуры в первую очередь должны отстаивать те ценности, которые государство провозглашает как высшие.

Сегодня законодательно закреплена и установлена система мер государственной защиты жизни, здоровья, имущества, законных прав и иных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, членов их семей и близких родственников, обеспечение их безопасности в целях пресечения противоправного вмешательства в уголовном процессе.

Основной гарантией соблюдения законности в уголовном процессе является уголовно-процессуальная деятельность прокурора, который обязан на всех стадиях уголовного процесса своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили.

Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в суде многогранна.

Прокурор, участвуя в рассмотрении уголовных дел, осуществляет две основные функции. Во-первых, он принимает непосредственное участие в рассмотрении судом конкретных уголовных дел. Во-вторых, функция прокурора в судопроизводстве состоит в прокурорском надзоре за законностью приговоров или постановлений суда. Реализация этой функции предполагает право и обязанность прокурора опротестовать в установленном законодательством порядке указанные акты суда в случаях выявления их незаконности [3, с.336].

Прокурор, участвующий в рассмотрении уголовного дела судом, представляет интересы государства путем поддержания обвинения, являясь государственным обвинителем, то есть прокурор как сторона обвинения появляется лишь в стадии судебного разбирательства.

Современный государственный обвинитель – это, прежде всего, представитель государства, от имени которого он поддерживает в суде обвинение, должностное лицо, от деятельности и профессиональных качеств которого зависит как успех завершающего этапа изобличения виновного в совершенном преступлении, так и реализация результатов многомесячной и кропотливой работы органов дознания и предварительного следствия [3, с.335].

В правовой литературе остается дискуссионным вопрос о существовании в судебном разбирательстве функции обвинения. Некоторые авторы считают, что

функция обвинения в уголовном процессе существует. Другие авторы утверждают, что функция обвинения закреплена лишь законодательно. Однако реализация этой функции прокурором вступает в противоречие с целями и задачами уголовного процесса, поэтому они считают необходимым освободить прокурора от выполнения этой функции. Третьи авторы считают, что функции обвинения в уголовном процессе нет и не должно быть [4, с.9].

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству прокурор поддерживает государственное обвинение в суде. Закон исходит из того, что обвинение, поддерживаемое прокурором, должно быть максимально объективным, свободным от обвинительного уклона. Именно поэтому поддержание обвинения возлагается на прокурора, а не на следователя, который, как правило, знает дело лучше прокурора, но в то же время не может быть объективным при поддержании обвинения в суде [3, с.335].

После принятия дела судом к своему производству роль прокурора меняется, он начинает выполнять функцию государственного обвинителя, и все его действия связаны с обвинением, которое прокурор вправе поддержать в полном объеме либо изменить или вовсе отказаться от обвинения. Изобличая на основе собранных доказательств лиц, виновных в совершении преступлений, прокурор способствует проведению в жизнь государственной политики борьбы с преступностью, основанной на принципах законности, справедливости, неотвратимости ответственности за совершенные преступления.

В настоящее время об участии прокурора в рассмотрении судами уголовных дел в научной литературе высказываются различные мнения. Согласно одной точке зрения, прокурор – это не только тот, кто выступает государственным обвинителем, но и выполняет другую функцию – представительства интересов государства и защиты неопределенного круга интересов физических и юридических лиц. В связи с этим сторонники данной позиции считают, что необходимо максимально увеличить влияние прокурора на укрепление законности при ведении уголовного процесса. Другая точка зрения сводится к тому, что прокурор – это сторона в деле, на которую возложен надзор за соблюдением норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства при осуществлении уголовного преследования. И приверженцы такого мнения считают, что прокурор как должностное лицо в государстве не может обладать неопределенным кругом прав и полномочий в ходе уголовного процесса [3, 339].

В этой связи очень важно, что, поддерживая государственное обвинение в суде, прокуроры обладают тем же объемом процессуальных прав как и сторона защиты. Такой подход обеспечивает равенство сторон в процессе и его состязательность. Многие из нововведений в уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских стран в настоящее время направлены именно на достижение этих целей. Причем равенство сторон должно быть обеспечено как в судах первой инстанции, так и в судах апелляционной и надзорной инстанций.

В заключение сформулируем следующие выводы:

1. При поддержании государственного обвинения в суде от государственного обвинителя требуется активное и объективное участие в исследовании судом доказательств, обоснованное и принципиальное отстаивание своей позиции на основе требований закона и внутреннего убеждения, поскольку бремя доказывания вины обвиняемого возложено исключительно на сторону

обвинения, на прокурора возлагается большая ответственность за соблюдением гарантированных законом прав и свобод граждан, обеспечения верховенства права.

2. Непременным требованием, которое в первую очередь предъявляется к прокурорскому работнику, поддерживающему государственное обвинение в суде, является хорошее знание материалов уголовного дела. Хорошее знание материалов уголовного дела позволяет участвующему в рассмотрении уголовного дела прокурору определить свое отношение к решению вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства, сопоставить показания участвующих в судебном разбирательстве лиц с их показаниями, запротоколированными в ходе предварительного следствия, а также с протоколами иных процессуальных действий и наметить предстоящую тактику допросов указанных лиц в судебном заседании.

3. Государственный обвинитель, участвуя в рассмотрении уголовного дела в суде, исходит в первую очередь из интересов законности, точного следования требованиям закона, он обязан быть объективным и беспристрастным, должен учитывать все возможные судебные версии. Для прокурора в равной степени важно добиться как осуждения виновного при доказанности вины, так и оправдания невиновного, когда нет оснований для обвинительного приговора.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – 9-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2013. – 64 с.

2. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2018.

3. Прокурорский надзор: учебник / Ю. Е. Винокуров [и др.]: под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. – 3-е изд. – М.: Юрайт-М, 2001. – 352 с.

4. Лупинская, П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / П. А. Лупинская. – 2-е изд. – М.: норма, 2009. – 1072 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Никитин Ю.А.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что проведение многих процессуальных действий так или иначе сопряжено с ограничением личных прав участников уголовного процесса. В связи с этим актуальным является вопрос о допустимости принуждения указанных лиц к совершению определенных действий и пределов такого принуждения.

Наибольший интерес в этом аспекте представляет проведение различного рода экспертных исследований, в том числе в отношении названных участников процесса, а также их освидетельствование.

В соответствии с ч.1 ст.103 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) производство экспертиз является одним из способов собирания доказательств в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении,

ускоренного производства, дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства.

До возбуждения уголовного дела в соответствии со ст.173 УПК допускается назначение судебно-медицинской экспертизы для определения причин смерти и степени тяжести телесных повреждений и иных экспертиз, выводы которых могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Не могут назначаться экспертизы, связанные с применением мер процессуального принуждения в отношении физических лиц.

Если при назначении или проведении судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы возникает необходимость в стационарном наблюдении, то подозреваемый или обвиняемый могут быть помещены в государственную организацию здравоохранения.

Помещение в государственную организацию здравоохранения для проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы подозреваемого или обвиняемого, не содержащихся под стражей, производится по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя в порядке, предусмотренном ст.ст.227-229 УПК.

Потерпевший по требованию органа, ведущего уголовный процесс, может быть подвергнут амбулаторной экспертизе для проверки способности правильно воспринимать и давать показания об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, если есть веские основания сомневаться в наличии у него такой способности, а также для установления его возраста (п.5 ч.2 ст.50 УПК).

Анализируя уголовно-процессуальное законодательство, нельзя не отметить отсутствие четкого определения круга лиц, которые могут быть принудительно помещены в государственную организацию здравоохранения для проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Как уже отмечалось, такая возможность нормами УПК предусматривается только в отношении обвиняемого и подозреваемого. Вместе с тем буквальное толкование п. 4 ч. 1 ст. 228 УПК, регламентирующей обязательное проведение экспертизы с целью установления психического или физического состояния потерпевшего, позволяет сделать вывод о том, что проведение стационарной судебно-психиатрической экспертизы в отношении этого лица в принципе возможно.

В определенной степени существующий пробел устранен постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31.03.2016 № 1 «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» и внесении в него изменений и дополнений». Так, п. 5 постановления Пленума от 29.03.2001 г. дополнен частью второй, в которой разъяснено, что проведение экспертизы в отношении потерпевшего с наблюдением в стационарных условиях допускается только с его согласия либо согласия его родителей или иных законных представителей, если потерпевший является несовершеннолетним.

Как указано в ч. 5 ст. 60 УПК, свидетель не может быть принудительно подвергнут экспертизе. В развитие данной нормы ч. 3 ст. 229 УПК предписывает, что согласие на проведение экспертизы дается свидетелями письменно. Если эти лица не достигли совершеннолетия, письменное согласие на проведение экспертизы дается их родителями, усыновителями, опекунами или попечителями.

Если экспертиза в случаях, предусмотренных ст. 228 УПК, не была проведена в ходе предварительного следствия, ее производство должен обеспечить суд, на что указано в постановлении Пленума № 1.

При назначении и проведении многих судебных экспертных исследований возникает необходимость предоставления экспертам определенных материалов для сравнения с объектами, поступившими на экспертизу (образцов для сравнительного исследования). Нормы ст. 234 УПК предусматривают их получение от подозреваемого, обвиняемого и с некоторыми ограничениями от потерпевшего и свидетеля.

Так, следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого или обвиняемого. Указанные должностные лица также вправе получить перечисленные образцы у потерпевшего, а также у свидетеля с его согласия в случаях, когда возникла необходимость проверить, не оставлены ли ими следы на месте происшествия или на вещественных доказательствах.

Если получение образцов для сравнительного исследования является частью экспертного исследования, оно проводится экспертом. В таком случае сведения об этом действии эксперт отражает в своем заключении.

При расследовании уголовных дел, особенно о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности, против жизни и здоровья, часто возникает необходимость проведения освидетельствования подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего (ст. 206 УПК).

Освидетельствование подозреваемого (обвиняемого) по любым категориям уголовных дел и потерпевшего в случае совершения в отношении его тяжкого или особо тяжкого преступления проводится для обнаружения на теле освидетельствуемого особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела.

Освидетельствование осуществляется следователем, при необходимости – с участием врача или иного специалиста.

О проведении освидетельствования следователь, лицо, производящее дознание, выносят постановление, которое обязательно для подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. В случае отказа они могут быть освидетельствованы принудительно.

Следователь не вправе присутствовать при освидетельствовании лица другого пола, если освидетельствование сопровождается обнажением тела этого лица. В этом случае освидетельствование проводится врачом в присутствии понятых одного пола с освидетельствуемым, а протокол освидетельствования следователем, лицом, производящим дознание, составляется со слов врача.

В соответствии со ст. 343 УПК освидетельствование в судебном заседании проводится по определению (постановлению) суда в случаях, предусмотренных ч.ч.1 и 2 ст. 206 УПК.

Освидетельствование, сопровождающееся обнажением освидетельствуемого, проводится в отдельном помещении врачом, которым составляется и подписывается акт освидетельствования. После этого указанные лица возвращаются в зал судебного заседания, где в присутствии сторон сообщают суду о следах и приметах на теле освидетельствованного, если они обнаружены, отвечают на вопросы сторон и судей. Акт освидетельствования приобщается к уголовному делу.

Исходя из всего вышеизложенного, принудительное проведение судебной экспертизы и освидетельствования допускается законом в отношении обвиняемого, подозреваемого и в определенных случаях потерпевшего и не допускается ни при каких обстоятельствах в отношении свидетеля (запрещено, в частности, отбирание у свидетеля образцов для сравнительного исследования с целью проверки его участия в совершении преступления).

В то же время в УПК не установлен механизм производства принудительных экспертиз и освидетельствования, а также меры реагирования должностного лица органа уголовного преследования на отказ участников процесса от участия в проведении необходимых процессуальных действий.

Так, в частности, в УПК указано, что потерпевший может быть подвергнут амбулаторной судебно-психиатрической экспертизе, однако не предусмотрен алгоритм действий следователя либо эксперта в случае отказа потерпевшего от участия в экспертном исследовании. Потерпевший может, например, отказаться контактировать с экспертом и сообщить сведения анамнестического характера, при отсутствии контакта эксперт не сможет получить данные, указывающие на состояние интеллекта, воли, эмоций потерпевшего.

Также не оговорено в законе, допускается ли принудительное экспертное исследование и освидетельствование несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Не установлен законодателем и механизм отобрания образцов для сравнительного исследования, меры реагирования на отказ подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего от прохождения названной процедуры, также не указано, допустимо ли их принудительное получение. В ч. 3 ст. 234 УПК предусмотрено лишь, что при этом не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

На наш взгляд, не должна вызывать сомнения допустимость принудительного экспертного исследования лица, подвергаемого уголовному преследованию с целью установления истины по делу, защиты прав и законных интересов потерпевшего, а также в отдельных случаях самого потерпевшего. При расследовании уголовных дел указанные лица нередко уклоняются от экспертного исследования по самым различным причинам. Подозреваемый (обвиняемый), как правило, опасается изобличения в совершенном преступлении, а потерпевший зачастую воспринимает экспертизу в отношении себя как унижительную процедуру, умаляющую его честь и достоинство.

Между тем возникает вопрос, на который обращают внимание некоторые исследователи: каким образом произвести освидетельствование лица, вероисповедание и национальные традиции которого запрещают не только обнажение тела, но и снятие головного убора в присутствии лица другого пола, а также нахождение в одном помещении с лицами другого пола? В подобной ситуации весьма проблематично получить и образцы для сравнительного исследования [1].

В связи с этим, на наш взгляд, следует внести дополнения в УПК, указав, в частности, что проведение экспертиз и освидетельствования в отношении потерпевших, не достигших совершеннолетия, не может проводиться без согласия их родителей, усыновителей, опекунов или попечителей. Согласие на проведение экспертизы дается в письменном виде.

Также представляется целесообразным принятие Следственным комитетом, МВД, КГБ, Государственным комитетом судебных экспертиз и Минздравом

совместной инструкции, в которой следует предусмотреть порядок проведения, в том числе принудительного, экспертных исследований в отношении участников уголовного процесса, включая отобрание образцов для сравнительного исследования, а также их освидетельствования.

Список цитированных источников

1. Данилова, Н. А. К вопросу о допустимости принуждения при производстве следственных действий [Электронный ресурс] / Н. А. Данилова, Т. Г. Николаева // Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.procuroor.spb.ru/k1018.html>. – Дата доступа: 15.08.2018.

**«ГРАЖДАНСКОЕ» ЗАДЕРЖАНИЕ В ОБЩЕМ МЕХАНИЗМЕ
ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ (В РОССИИ И БЕЛАРУСИ)**

Россинский С.Б.

Среди всех доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, охватывающих задержание лица по подозрению в совершении преступления, особый интерес имеет вопрос, связанный с так называемым «гражданским» задержанием, то есть активными действиями физического лица, выраженными в пресечении противоправного поведения и принудительном удержании другого лица в целях его последующей передачи в правоохранительные органы.

Ст. 109 УПК Беларуси прямо предполагает право граждан на осуществление «гражданского» задержания, включающее возможности захвата предполагаемого преступника, подавления его сопротивления, его личного досмотра и изъятия у него оружия либо иных предметов, имеющих значение для уголовного дела.

Действующее российское законодательство, напротив, не содержит четкой правовой базы «гражданского» задержания. Ввиду изначальной диспозитивности, заложенной в механизмы юридического регулирования поведения частных лиц, возможность осуществления «гражданского» задержания скорее обусловлена формулой «Разрешено все то, что прямо не запрещено». Ст. 45 Конституции РФ предоставляет право любому человеку защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а нормы российского федерального законодательства (в частности ст. 38 УК РФ) не содержат прямого запрета на осуществление «гражданского» задержания.

В этой связи среди ученых бытует мнение о необходимости более четкого нормативно-правового регулирования «гражданского» задержания, сопряженного с его введением в сферу уголовно-процессуального регулирования, подобно тому, как это сделано во многих странах, например, в Германии, во Франции, в Испании, в Италии и т.д. [1, с. 10; 2, с. 45-46]. По такому же пути пошли и Беларусь, и Украина, и некоторые другие государства, возникшие на постсоветском пространстве. Эта же идея в свое время была заложена в ст. 161 МУПК СНГ.

Мы не имеем никаких принципиальных возражений против более детального законодательного урегулирования вопросов «гражданского» задержания потенциального подозреваемого. Хотя при этом необходимо отдавать

себе отчет, что любая формализация какого-либо правоотношения требует известную степень правовой грамотности, правовой культуры и правосознания соответствующих участников. Надеясь частных лиц достаточно «сильным» субъективным правом, законодатель должен серьезно задуматься, а смогут ли они правильно использовать предоставленный им правовой потенциал в соответствии с его подлинным предназначением? Не будут ли велики риски того, что в своей массе не очень образованные и юридически неподкованные жители России, Украины, Беларуси, иных стран просто не справятся с предоставленными возможностями по «гражданскому» задержанию подозреваемого или, что еще опаснее, начнут злоупотреблять своими правами? Представляется, что этот вопрос заслуживает гораздо более глубокого анализа и проработки.

Но гораздо хуже другое – абсолютно необоснованная и противоречащая всем современным канонам публичного права тенденция к введению «гражданского» задержания не в какой-то отдельный нормативный правовой акт, а именно в сферу уголовно-процессуального регулирования. Ведь доводы авторов, ратующих за подобные идеи во многом продиктованы стремлением к перениманию некоего «положительного» опыта других, в первую очередь, западных стран. Кстати среди этих самых «развитых» стран предлагаемая модель не является единственной, безальтернативной. Существуют и иные варианты регламентации «гражданского» задержания, например, нормами материального права (Канада, Швеция) или отдельными законодательными актами (Великобритания, Израиль) [2, с. 45], которые также вполне достойны внимания и российского, и белорусского законодателя.

Увлечшись подобными новациями, специалисты забывают о системности уголовно-процессуального права, об обязательности необходимости регламентации любого процессуального правоотношения в контексте единых постулатов и принципов национальной доктрины. Следует помнить, что в разных странах существуют различные концепции и правовые модели уголовного судопроизводства. Поэтому отнесение «гражданского» задержания к предмету уголовно-процессуального регулирования в какой-нибудь стране может оказаться вполне приемлемым.

Однако в контексте национальной парадигмы уголовного судопроизводства, предполагающей четко очерченную и формализованную систему юрисдикционных правоотношений с участием строго определенных субъектов, подобные идеи представляются несостоятельными. В своих работах мы неоднократно писали о невозможности включения в предмет уголовно-процессуального регулирования фактического задержания, осуществляемого правоохранительными органами как действия, противоречащего концепции уголовно-процессуальных правоотношений. Так чего уж говорить про «гражданское» задержание, осуществляемое даже не в публично-правовом режиме, не специально уполномоченными государством субъектами, а всего лишь частными лицами. Представляется, что ни о каком уголовно-процессуальном характере этого действия не может идти и речи. Гражданское задержание представляет собой специфическую частноправовую (диспозитивную) форму, имеющую по сравнению с деятельностью правоохранительных органов принципиально иную непубличную юридическую природу.

И в этой связи невольно актуализируется вопрос о правилах исчисления сроков задержания, начатого в «гражданском» порядке. Если в очередной раз

взглянуть на разрешение этой проблемы с некой «правильной», «правозащитной» точки зрения, то ответ представляется очевидным: время «гражданского» задержания должно включаться в предусмотренный 48-часовой (российский) и 72-часовой (белорусский) сроки.

Однако если посмотреть на данные вопросы под несколько иным углом, попытаться проанализировать их системно, опираясь на общие подходы и принципы национальной правовой доктрины, то вышеуказанная точка зрения представляется абсолютно ошибочной и несостоятельной. Дело в том, что, определяя подобные сроки, государство предполагает именно публично-правовой режим охраны свободы и личной неприкосновенности. Ведь, принимая на себя бремя признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, власть может исполнить свои обязательства лишь посредством собственных органов, действующих в публично-правовом русле. Именно подобные (публично-правовые) мотивы и движут законодателем, устанавливающим механизмы фактического задержания и доставления лица сотрудниками правоохранительных органов в целях его возможного привлечения к уголовной ответственности.

Тогда как физические лица (граждане) действуют в принципиально ином, частноправовом (диспозитивном) русле; в своей деятельности они не представляют государство, гарантирующее соблюдение и защиту прав и свобод личности. В соответствии с уже упомянутой формулой: «Разрешено все то, что прямо не запрещено» исключения здесь могут составлять лишь случаи, прямо предусмотренные законом как преступления или правонарушения, например, то самое же превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ, ст. 35 УК Беларуси) и др. Пресекая противоправное поведения нарушителя закона, удерживая его или препровождая в «полицейские» органы, физические лица (граждане), в первую очередь, движимы не заботой об целостности конституционно режима, не охраной каких-то непонятных общеправовых ценностей, а исключительно своими частными интересами, например, защитой себя, своей семьи, своего жилища или имущества от противоправного посягательства. В крайнем случае, они движимы обязанностью выполнения гражданского долга, но также в частноправовых формах. И уж, тем более, удерживая потенциального подозреваемого до передачи правоохранительным органам, граждане не в состоянии предоставить ему необходимые правовые гарантии, например, обеспечить защитника, дать возможность позвонить по телефону близким родственникам и т.д. Большинство жителей РФ или Беларуси вообще не имеют (да и не обязаны иметь!) какого-либо даже самого отдаленного представления о всех тонкостях процедуры ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

Поэтому, «гражданское» задержание ни в коей мере не может являться предметом установленной государством публично-правовой гарантии. И, следовательно, 48-часовой и 72-часовой сроки внесудебного ограничения свободы личности в этом случае надлежит исчислять не с момента «гражданского» захвата, а с момента передачи этой самой личности удерживающими ее людьми в ведение правоохранительных органов.

1. Исаева, Н. П. Актуальные вопросы участия общественности в уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... к.ю.н. / Н. П. Исаева. – Челябинск: ЮУрГУ, 2009. – 227 с.
2. Сумин, А. А. Задержание по подозрению в совершении преступления: некоторые правовые вопросы / А. А. Сумин // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 43-46.

ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ПОРУЧЕНИЮ КОМПЕТЕНТНОГО ОРГАНА ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

Самарин В.И.

Каждое государство стремится обеспечить присутствие субъекта преступного деяния в своей территориальной юрисдикции. Если такое лицо находится вне территории заинтересованного государства, то оно может быть возвращено путем выдачи при достижении компетентными органами государств соответствующей договоренности. В ряде случаев в выдаче лица может быть отказано. Однако с древних времен считается, что в такой ситуации не может проявляться потакание безнаказанности лица, совершившего преступление, а должна начинаться действовать вторая альтернатива сформулированного еще в римском праве принципа *aut dedere aut judicare*.

Аналогично, лица, обладающие в стране совершения преступления иммунитетом от уголовного преследования, должны быть преданы правосудию в государстве своего гражданства. Так, в соответствии со ст.ст. 31, 37 Венской конвенции о дипломатических сношениях иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания пользуются дипломатический агент и некоторые иные лица, а в соответствии с ч. 1 ст. 43 Венской конвенции о консульских сношениях *«консульские должностные лица и консульские служащие не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций»*. Международными договорами либо законодательством Республики Беларусь предоставлен также иммунитет от юрисдикции представителям некоторых международных организаций (например, Указ Президента Республики Беларусь № 221 от 30.04.2009 «Об условиях деятельности на территории Республики Беларусь постоянных полномочных представителей государств – участников Содружества Независимых Государств при уставных и других органах Содружества Независимых Государств», ст. 14, 15 Соглашения между Республикой Беларусь и Евразийским экономическим союзом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь) и военнослужащим иностранных армий (ст. 5 Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь). Но исключение из юрисдикции государства

совершения преступления не освобождает лицо от личной (национальной) юрисдикции государства гражданства (см. ч. 1 ст. 6 УК Республики Беларусь).

В этих случаях возникает вопрос, насколько суд ограничен при постановлении приговора договоренностью с иностранным государством о передаче осуществления уголовного преследования?

Осуществление уголовного преследования как вид международной правовой помощи представляет собой согласованные передачу и прием от одного государства другому суверенного права по установлению факта и обстоятельств совершения преступления, лиц его совершивших и обеспечению применения к таким лицам наказания либо иных предусмотренных уголовным законом мер [1, с. 109]. Исходя из своих целей, осуществление уголовного преследования по просьбе органа, ведущего уголовный процесс, возможно при нахождении подозреваемого (обвиняемого) на территории иностранного государства.

Уголовное преследование на территории Республики Беларусь по просьбе органа иностранного государства может осуществляться в случае, если на территории соответствующего иностранного государства уже было возбуждено уголовное дело (так как должны быть представлены его материалы), но по нему еще не было вынесено окончательное решение (приговор суда, постановление о прекращении предварительного расследования и т.п.). Направление просьбы об осуществлении уголовного преследования без направления материалов уголовного дела (или их заверенных копий) не дает возможности произвести полное расследование и в таких случаях отказывается в исполнении просьбы [2].

На основании анализа положений международных договоров Республики Беларусь о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам, норм раздела XV Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и судебной практики в процессуальном плане можно выделить две разновидности осуществления уголовного преследования как вида международной правовой помощи:

1) осуществление уголовного преследования посредством *принятия возбужденного* компетентными органами иностранного государства *уголовного дела* к производству органом уголовного преследования Республики Беларусь;

2) осуществление уголовного преследования посредством *возбуждения уголовного дела* органом уголовного преследования Республики Беларусь.

Так, ч. 2 ст. 73 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее – Конвенция СНГ 1993 г.) указывает, что *«при направлении запрашивающей Договаривающейся Стороной возбужденного уголовного дела расследование по этому делу продолжается запрашиваемой Договаривающейся Стороной в соответствии со своим законодательством»*. Аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 92 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (далее – Конвенция СНГ 2002 г.). В этом случае законодатель придает доказательствам, имеющимся в материалах уголовного дела, а также принятым по нему процессуальным решениям юридическую силу на территории Республики Беларусь.

Большинство же двухсторонних договоров, как, например, договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1992 г. (ч. 1 ст. 61), указывают, что запрашиваемое государство возбуждает в соответствии со своим

законодательством уголовное преследование против своих граждан, подозреваемых в совершении преступлений на территории запрашивающего государства. Аналогичной позиции придерживается законодатель в УПК. Такой вывод можно сделать, например, из анализа ст. 477, в которой говорится не о передаче доказательств, а предметов, *«которые служили орудиями и средствами совершения преступления, или сохранили на себе следы преступления...»*, то есть повторяется формулировка ст. 96 УПК, но не говорится об этих предметах, как о вещественных доказательствах.

В этом случае, независимо от стадии уголовного процесса, на которой дело находилось в иностранном государстве, на территории Республики Беларусь производство начинается со стадии возбуждения уголовного дела [3; 4] и проводится в соответствии с положениями УПК Республики Беларусь. Срок предварительного расследования начинает исчисляться со дня вынесения органом предварительного расследования Республики Беларусь постановления о возбуждении уголовного дела. В качестве повода к возбуждению уголовного дела при передаче производства по нему используется предусмотренное ст. 170 УПК сообщение должностных лиц государственных органов, выразившееся в принятом на основании п. 9 ч. 1 ст. 494 УПК поручении Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя по результатам рассмотрения просьбы органа иностранного государства. После производства проверочных действий, если не установлены обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, выносится постановление о возбуждении уголовного дела и о принятии его к своему производству.

Отдельно отметим договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1994 г. (ст. 57, 58), где говорится о *«возбуждении или продолжении уголовного преследования»*. То есть в последнем случае стороны могут выбирать разновидность осуществления уголовного преследования.

Как известно, пределы судебного разбирательства представляют собой установленные законом ограничения предмета судебного разбирательства [5, с. 665], т.е. какие вопросы могут быть разрешены судом, а какие – нет. Статья 301 УПК ограничивает пределы судебного разбирательства рамками постановления о привлечении в качестве обвиняемого (заявления о совершенном преступлении – по делам частного обвинения): *«только в отношении обвиняемого и лишь по тому обвинению, которое ему предъявлено»* в установленном УПК порядке. Тем самым пределы судебного разбирательства устанавливаются в отношении лиц и в отношении обвинения [6, с. 807].

В то же время, при наличии по уголовному делу элемента международной правовой помощи могут возникнуть дополнительные ограничения для возможности рассмотрения отдельных вопросов уголовного дела в суде. Такая ситуация возникает в случае принятия производства по возбужденному уголовному делу. В этом случае пределы судебного разбирательства ограничены не только обвинением, предъявленным органами уголовного преследования Республики Беларусь, но и процессуальными решениями, связанными с обвинением, принятыми органами уголовного преследования запрашивающего государства в рамках возбужденного ими дела и не отмененными к моменту рассмотрения дела в суде.

Так, на основании ст. 73 Конвенции СНГ 1993 г. орган уголовного преследования Республики Беларусь принял к своему производству из Российской

Федерации уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – аналог ч. 3 ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) и п. «в» ч. 4 ст. 162 (разбой в крупном размере – аналог ч. 3 ст. 207 УК) Уголовного кодекса Российской Федерации. В материалах переданного уголовного дела было также неотменное постановление о прекращении уголовного преследования по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом – аналог п. 6, 12, 15 ч. 2 ст. 139 УК). Орган уголовного преследования Республики Беларусь направил уголовное дело в суд с постановлением о привлечении А. в качестве обвиняемого за совершение преступлений, предусмотренных п. 6, 12, 15 ч. 2 ст. 139 и ч. 3 ст. 207 УК. Суд первой инстанции изменил квалификацию и приговором Брестского областного суда А. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 147 и ч. 3 ст. 207 УК. Пересматривая уголовное дело, суд апелляционной инстанции поддержал постановленный приговор, указав, что расследование уголовного дела продолжилось на территории Республики Беларусь без нового возбуждения уголовного дела, а соответственно запрашиваемой стороной приняты не только материалы уголовного дела и доказательства, но и процессуальные решения, вынесенные по делу, имеющие правовое значение и влияющие на дальнейшее движение дела. По данному уголовному делу пределы судебного разбирательства определялись не только предъявленным в Беларуси обвинением, но и процессуальными решениями, принятыми органом уголовного преследования и судом запрашивающей стороны [7, с. 36-37]. В рассмотренном примере препятствием был п. 9 ч. 1 ст. 29 УПК: в отношении лица имелось неотменное постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению.

В случае же, если осуществление уголовного преследования по просьбе компетентного органа иностранного государства производится посредством возбуждения уголовного дела, переданные материалы уголовного дела не имеют для органа предварительного расследования и суда заранее установленной силы и особого процессуального значения. Они выступают носителем фактических данных, который следует оценивать в соответствии с УПК. После оценки вместе с переводом они на основании ч. 3 ст. 88 УПК могут быть приобщены к уголовному делу в качестве иных документов. Передаваемые в соответствии со ст. 477 УПК предметы после их оценки могут быть приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

При этом необходимо помнить, что в отличие от выдачи лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, при осуществлении уголовного преследования по просьбе органа иностранного государства не может применяться принцип конкретности (недопустимости уголовного преследования, выходящего за рамки просьбы), так как лицо находится на территории Республики Беларусь и применяется УПК Республики Беларусь. А ст. 18 УПК указывает на то, что орган уголовного преследования обязан всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела, то есть он не связан содержанием просьбы органа иностранного государства.

Следователь вправе принять постановление о прекращении предварительного расследования и уголовного преследования. Однако, установив, что в юрисдикции иностранного государства иностранным гражданином или постоянно не проживающим на территории Республики Беларусь лицом без гражданства было совершено иное деяние, содержащее признаки преступления, принять постановление о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела орган уголовного преследования Республики Беларусь некомпетентен [8]. Такие решения могут быть приняты только в отношении гражданина Республики Беларусь или постоянно проживающего в нашем государстве лица без гражданства в соответствии со ст. 6 УК.

В этой связи следует помнить, что закон ограничивает судебное усмотрение при постановлении приговора по рассматриваемым уголовным делам. При осуждении назначаемое наказание за совершенное преступление не должно быть более строгим, чем наказание, предусмотренное законодательством запрашивающего государства (абз. 2 ч. 3 ст. 91 Конвенции СНГ 2002 г.). Данное положение международного договора Республики Беларусь коррелирует с нормой предложения второго ч. 1 ст. 6 УК: наказание назначается в пределах санкции статьи УК, но не должно превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом государства, на территории которого было совершено преступление. Например, при осуществлении уголовного преследования за совершенные на территории Российской Федерации преступления по поручению Генеральной прокуратуры Российской Федерации не может быть назначено наказание в виде конфискации имущества, так как она отсутствует в системе наказаний, предусмотренных ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации [7, с. 40].

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Для правильного определения пределов судебного разбирательства по уголовным делам, расследованным в связи с поступлением просьбы компетентного органа иностранного государства об осуществлении уголовного преследования, следует выделить две разновидности данного вида международной правовой помощи:

1) осуществление уголовного преследования посредством принятия возбужденного компетентными органами иностранного государства уголовного дела к производству органом уголовного преследования Республики Беларусь;

2) осуществление уголовного преследования посредством возбуждения уголовного дела органом уголовного преследования Республики Беларусь.

2. В случае принятия производства по уголовному делу, возбужденному органом уголовного преследования иностранного государства, пределы судебного разбирательства определяются не только по общему правилу – предъявленным обвинением (ст. 301 УПК), но и дополнительно – процессуальными решениями, принятыми органом уголовного преследования и судом запрашивающего государства.

3. Пределы судебного разбирательства следует отграничивать от пределов судебного усмотрения при постановлении приговора по рассматриваемым в настоящей статье уголовным делам: суд может назначить наказание в пределах санкции статьи УК, но оно не должно превышать верхнего предела санкции и выходить за пределы системы наказаний, предусмотренных законом государства, на территории которого было совершено преступление.

Список цитированных источников

1. Самарин, В. И. Международная правовая помощь по уголовным делам: уголовно-процессуальный аспект / А. А. Данилевич, В. И. Самарин. – Минск: БГУ, 2009. – 127 с.
2. Архив Минского городского суда. – 1999. – Уг. дело № 2-5/99, т. 1, л.д. 69-70.
3. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – 2004. – Надзорное производство № 1601-546-2004.
4. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – 2005. – Надзорное производство № 1601-482-2005.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М. А. Шостака. – Минск: Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
7. Судебные постановления Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам // Судовы веснік. – 2018. – № 2. – С. 36-40.
8. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – 2004. – Надзорное производство № 1601-684-2004.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС ПРОКУРОРА

Самко А.В.

Существенной особенностью производства по уголовным делам частного обвинения является возможность примирения сторон (ч. 4 ст. 427 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) (далее – УПК). Следует отметить, что в указанном производстве оно имеет ряд отличительных черт по сравнению с общими правилами примирения как основаниями для прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности.

Значимым отличием является то обстоятельство, что прекращение уголовного дела за примирением сторон по делам публичного, частно-публичного обвинения зависит от усмотрения суда и прокурора, является проявлением их дискреционных полномочий. Достижение соглашения о применении между сторонами не обязывает органы, ведущие уголовный процесс, прекратить уголовное дело, в отличие от дел частного обвинения. Кроме того, по делам частного обвинения судья не обязан устанавливать факт возмещения обвиняемым причиненного вреда, в то время как при иных порядках производства уголовно-процессуальный закон требует установления указанного обстоятельства (ст. 89 УК, п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК).

Вступление прокурора в процесс по уголовным делам частного обвинения характеризуется противоречивостью правовой природы, являясь, с одной стороны, гарантией защиты прав лиц, пострадавших от преступлений, со стороны государства, с другой – ограничивая их процессуальную самостоятельность в вопросах необходимости инициирования, развития и прекращения рассматриваемых уголовно-процессуальных отношений. Представляются

значимым для рассмотрения вопрос о примирении сторон в подобной ситуации, так как при этом происходит трансформация частного обвинения в публичное, в связи с чем частный обвинитель лишается основополагающего права, отличающего данный порядок преследования от иных – на примирение и отказ от обвинения.

Несмотря на то обстоятельство, что ч. 5 ст. 26 УПК содержит запрет на прекращение производства по уголовному делу за примирением пострадавшего с обвиняемым лишь на предварительном следствии, п. 12 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 1 от 31.03.2010 года «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» разъясняет судам, что безусловность такого основания прекращения производства по делу как примирение, не распространяется на случаи, предусмотренные ч. 5 и ч. 6 ст. 26 УПК, таким образом исключая его возможность в случае участия прокурора в процессе, как в форме возбуждения последним уголовного дела, так и вступления в начатое производство.

Безусловно, существует возможность освобождения обвиняемого от уголовной ответственности по ст. 89 УК и п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК. Однако, данные основания коренным образом отличаются друг от друга. Как справедливо указывает Л.Л. Зайцева, если примирение сторон по делам частного обвинения в обязательном порядке влечет прекращение производства по делу, то примирение по ч. 1 ст. 30 УПК происходит по усмотрению органов, ведущих уголовный процесс [0, с. 75]. А указанные органы не всегда «усматривают» необходимость в таковом примирении, чему есть примеры в судебной практике.

Видится верной позиция процессуалистов, считающих, что «даже если прокурор возбудил уголовное дело и настаивает в судебном заседании на осуждении лица, а стороны пришли к примирению, то производство по делу должно быть прекращено» [0, с. 258]. По данному пути пошел законодатель Российской Федерации, в уголовном процессе которой вступление прокурора в дела частного обвинения не лишает стороны права на примирение (ч. 4 ст. 318 УПК Российской Федерации). Сходная регламентация содержится и в уголовно-процессуальном законе Республики Молдова (ч.ч. 5 и 6 ст. 276 УПК Молдовы).

Исходя из изложенного выше представляется внести определенные изменения в нормы УПК:

изложить ч. 5 ст. 26 УПК в следующей редакции:

«Прокурор вправе возбудить уголовное дело о преступлениях, указанных в частях 2 и 4 настоящей статьи, и при отсутствии заявления лица, пострадавшего от преступления, если они затрагивают существенные интересы государства и общества или совершены в отношении лица, находящегося в служебной или иной зависимости от обвиняемого либо по иным причинам не способного самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Дело, возбужденное прокурором, направляется для производства предварительного следствия. Производство по такому делу за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым в ходе предварительного следствия прекращению не подлежит. *В судебном разбирательстве в случае примирения сторон производство по ним подлежит прекращению по п. 5 ч. 1 ст. 29 настоящего Кодекса*»;

изложить ч. 6 ст. 26 УПК в следующей редакции:

«Прокурор вправе в любой момент вступить в судебное разбирательство дела о преступлениях, указанных в части 2 настоящей статьи, и поддерживать обвинение в суде, если этого требует защита прав граждан, государственных или общественных интересов. *Вступление прокурора в судебное разбирательство не лишает стороны права на примирение*».

Список цитированных источников

1. Зайцева, Л. Л. Институт примирения в уголовном процессе Республики Беларусь / Л. Л. Зайцева // Право и демократия: сб. научн. тр. / редкол.: В. Н. Бибило [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – Вып. 22. – С. 250-267.

2. Зайцева, Л. Л. Примирение с потерпевшим – альтернативный способ урегулирования уголовно-правового конфликта / Л. Л. Зайцева // Судовы веснік. – 2011. – № 3. – С. 71-77.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО ПРОКУРОРОМ ДОСУДЕБНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Севрук Ю.Г.

В настоящее время проводится активное реформирование правоохранительной системы на территории ряда стран Европы и постсоветского пространства. Одной из основных проблем является реформирование института прокуратуры и введение функции процессуального руководства досудебным расследованием как элемента надзорных полномочий.

В Украине деятельность прокурора на стадии досудебного расследования связана с осуществлением функции процессуального руководства. Такой вывод можно сделать в связи с тем, что полномочия прокурора, определенные в Уголовно-процессуальном кодексе Украины (далее – УПК), являются не просто властными, а властно-распорядительными. Координируя работу следователя, принимая непосредственное участие в производстве следственных действий, своевременно указав на допущенные во время следствия ошибки, прокурор приобретает фактическую и юридическую возможности твердо отстаивать в суде собственные взгляды относительно доказанности факта преступления и виновности подсудимого [1, с. 120].

Процессуальные полномочия прокурора значительно шире, чем у начальника следственного отдела. Руководитель органа досудебного расследования обязан выполнять поручения и указания прокурора, которые даются в письменной форме.

Процессуальное руководство прокурором – это организация процесса досудебного расследования, определение направлений расследования, координация процессуальных действий, содействие созданию условий для нормального функционирования следователей, обеспечение соблюдения в процессе расследования требований законов Украины [2, с. 120]. Прокурор осуществляет деятельность, связанную с определением круга доказательств и способов их получения в конкретном уголовном производстве, проведением с данной целью определенных следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий, а также обеспечение при этом законности действий следователя [3].

В свою очередь, Тертишник В.М. считает, что процессуальный руководитель объединяет в себе руководителя следователя, обвинителя и прокурора, который осуществляет надзор за расследованием в общем, а соответственно, и за руководством расследованием [4, с. 64].

С момента вступления в действие 20 ноября 2012 года нового УПК Украины фактически прокурорский надзор, предусмотренный УПК 1961 года, был заменен на прокурорский надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства. Теперь в каждом уголовном производстве с момента внесения его в Единый реестр досудебного расследования (далее – Реестр) назначается прокурор – процессуальный руководитель. Он может влиять на ход расследования путем дачи указаний, участия в проведении следственных действий, согласовании соответствующих ходатайств и решений, тем самым готовя доказательства для принятия окончательного решения по производству. Следственные действия, которые ограничивают права граждан, следователь вообще не может проводить без согласования с прокурором.

В то же время ограничено право прокурора реагировать на бездеятельность следователей и руководителей следственных подразделений. На данный момент прокурор имеет только право дачи обязательных для исполнения следователем указаний, но не имеет возможности реагировать на их неисполнение.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 131-1 Конституции Украины функцией прокуратуры является «организация и процессуальное руководство досудебным расследованием, разрешение в соответствии с законом других вопросов во время уголовного производства, надзор за негласными и другими следственными и розыскными действиями органов правопорядка».

В ч. 2 ст. 36 УПК Украины указано, что прокурор осуществляет «надзор за соблюдением законов во время проведения досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием».

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона Украины «О прокуратуре», на прокуратуру возложены такие функции, как надзор за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие, при этом в данной норме процессуальное руководство не закреплено.

Вышеуказанное свидетельствует о необходимости приведения подходов к закреплению данного института в законодательстве в соответствии с положениями Конституции Украины.

Поскольку УПК Украины схож с УПК Германии, в силу имплементации норм последнего, при разработке отечественного уголовного процессуального закона следует рассмотреть регулирование данного института в Германии.

Так, в уголовном процессе Германии только у прокуратуры есть право инициировать уголовный процесс и поддерживать обвинение. Согласно §170 абз. 1 УПК Германии, если в процессе проведения дознания получено достаточно оснований для возбуждения публичного обвинения, то прокуратура предъявляет его путем подачи обвинительного акта в соответствующий суд [5]. Также § 163 УПК Германии «обязанность расследовать обстоятельства уголовно наказуемого деяния» делегирует и полиции, хотя она и не является официально органом дознания. Органы полиции считаются вспомогательными органами прокуратуры, поскольку должны без лишнего затягивания передать ей собранные материалы с целью обеспечения выполнения ей своей функции «владычицы расследования», как того требует § 163 абзац 2 УПК Германии [6, с. 302-303].

Интересен и опыт Грузии в данных вопросах. Так, в соответствии со ст.ст. 32 и 33 УПК Грузии прокуратура является органом уголовного преследования. Для обеспечения выполнения этой функции прокуратура осуществляет процессуальное руководство следствием, но может и сама в полном объеме проводить расследование.

Законодательство Грузии возлагает на прокурора функцию осуществления процессуального надзора на стадии предварительного следствия с целью обеспечения обвинения. Во исполнение этих полномочий, согласно ст. ст. 23-28 Закона Грузии «О прокуратуре», к его компетенции относится внесение таких актов прокурорского реагирования, как представление, протест, постановление, указание, согласование и жалоба.

Главный прокурор Грузии или уполномоченное им лицо вправе, независимо от подследственности, изымать дело у одного следственного органа и передавать его для расследования другому следственному органу; отстранять нижестоящего прокурора от процессуального руководства следствием и возлагать его функции на другого прокурора.

Юрчишин В.М. указывает, что функция надзора (контроля) за соблюдением законов при проведении досудебного расследования осуществляется в 27 из 42 проанализированных зарубежных стран (64%); функция процессуального руководства органами, осуществляющими расследование уголовных правонарушений, выполняются прокурорами в 13 из 42 зарубежных стран, что составляет 31%; функция непосредственного расследования уголовных правонарушений – в 16 из 42 (38%); правозащитная функция – в 10 из 42 (24%) [7, с. 331].

За последние годы особое распространение получает функция осуществления прокурором процессуального руководства досудебным расследованием (Азербайджан, Грузия, Армения, Чехия, Австрия, Андорра, Греция, Италия, КНР, Молдова, Нидерланды, Норвегия, Румыния, Турция, Франция, Швейцария) [7, с. 322].

В заключении сформулируем выводы и предложения:

Однородного института уголовного процесса, в общем, и института процессуального руководства прокурором досудебным расследованием, не существует.

В связи с исследованным позитивным опытом в уголовном процессе возможно считать:

- по примеру Германии и Франции – исключительное право прокурора инициировать уголовный процесс (досудебное расследование);

- по опыту Германии – наличие права прокурора давать поручения конкретному полицейскому без привлечения его руководства;

- право прокурора в Молдавии инициировать привлечение к дисциплинарной ответственности следователей, работников органов, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, за допущенные нарушения закона, невыполнение или ненадлежащее выполнение служебных обязанностей, указаний прокурора;

- по опыту Литвы – право прокурора издать приказ о возбуждении дисциплинарного производства в отношении следователя;

- по опыту Грузии – передавать производство от одного следователя к другому, прекращать уголовное преследование во всех случаях, предусмотренных законом.

Список цитированных источников

1. Актуальні питання кримінального процесу України : навч. посіб./ С. М. Блажівський [та ін.]; за заг. ред. С. М. Блажівського. – К.: Національна академія прокуратури України; Центр учбової літератури, 2013. – 304 с. .
2. Кримінальний процесуальний кодекс України: Науково-практичний коментар: у 2 т. / О. М. Бандурка [та ін.]; за заг. ред. В. Я. Тація [та ін.]. –Х.: Право, 2012. – Т. 1. – 768 с.
3. Процесуальне керівництво прокурором досудовим розслідуванням: організаційно-правові та криміналістичні основи: наук.-практ. посіб / ред. ол.: І. М. Козьяков [та ін.]. – К.: Національна академія прокуратури України . – 2014. – 750 с.
4. Тертишник, В. М. Науково-практичний коментар Кримінального процесуального кодексу України / В. Н. Тертишник. – К.: Алерта, 2014. – 768 с.
5. Луцик, В. В. Процесуальне керівництво досудовим розслідуванням як функція прокуратури у кримінальному процесі Німеччини [Електронний ресурс] / В. В. Луцик // Порівняльно-аналітичне право. – 2013. – № 3/1. – Режим доступу: http://pap.in.ua/3-1_2013/9/Lutsyk%20V.V..pdf.
6. Кримінальний процес України, республіки Польщі, ФРН: порівняльний аналіз / В. Д. Басай [та ін.] – К.: Алерта, 2015. – 480 с.
7. Юрчишин, В. М. Кримінальні процесуальні функції прокурора у досудовому розслідуванні зарубіжних країн / В. М. Юрчишин. – Режим доступу: http://www.pjv.nuoua.od.ua/v1_2014/33.pdf.

ГЕНЕЗИС ОТРАСЛЕВОГО СОДЕРЖАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Сенько А.С.

Предписания п. 3 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 года «О прокуратуре Республики Беларусь» о производстве прокурорами предварительного следствия по уголовным делам в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК), а также самих соответствующих норм УПК составляют правовой базис современного содержания конституционной функции органов прокуратуры по осуществлению предварительного следствия по уголовным делам.

Точкой отсчета реализации обозначенного направления деятельности прокуратуры является дата 15 марта 1994 года – день принятия Конституции Республики Беларусь, которой на прокуратуру впервые на конституционном уровне была возложена функциональная обязанность по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса.

Несмотря на то, что на протяжении всего советского периода государственности органам прокуратуры была присуща функция производства предварительного следствия по уголовным делам, рассматриваемое направление деятельности прокуратуры того времени нельзя отнести к проявлениям конституционного статуса прокуратуры. В Конституциях (Основных Законах) СССР от 5 декабря 1936 года, от 7 октября 1977 года, в Конституциях союзных республик, в том числе конституциях БССР, отсутствовало упоминание об анализируемом предназначении прокуратуры.

Принятие Конституции Республики Беларусь стало очередным и значимым этапом развития института предварительного следствия прокуратуры. Первоначально, в его рамках прослеживалось не только следование традициям советской школы организации и деятельности органов прокуратуры, но и усиление, в первую очередь в плане правовой регламентации, функции уголовного преследования прокуратуры.

Законом Республики Беларусь от 29 января 1993 года «О прокуратуре Республики Беларусь» устанавливалась целостная система следственного аппарата органов прокуратуры (ст. 19). Следственный аппарат республиканской прокуратуры состоял из следственного отдела по особо важным делам. Следственные аппараты прокуратур областей, города Минска и приравненных к ним прокуратур – из следственных отделов по важнейшим делам, а следственные аппараты в прокуратурах районов (городов), межрайонных и приравненных к ним прокуратурах – из старших следователей и следователей.

Следователи прокуратуры уполномочены были проводить расследование по уголовным делам о преступлениях, отнесенных законом к их подследственности, а также по любым другим делам по указанию прокурора. Так, на первых этапах УПК относил к исключительной подследственности следователей прокуратуры производство предварительного следствия по преступлениям, предусмотренным более чем 80 статьями Уголовного Кодекса Республики Беларусь, а также по преступлениям, совершенным рядом должностных лиц.

Такое положение дел в сфере реализации прокуратурой конституционной функции предварительного следствия по уголовным делам, в целом, просуществовало вплоть до 2010 года, когда на повестку дня в сфере противодействия преступности не стал вопрос о реформировании следственного аппарата страны. Научные и научно-практические дискуссии по данной проблематике позволили прийти к однозначному выводу о том, что оптимальное совершенствование системы предварительного расследования возможно лишь посредством создания независимого следственного органа, а также расширения процессуальной самостоятельности следователя и повышения его правового и социального статуса.

Одним из первых шагов по реализации избранного направления оптимизации органов предварительного расследования стало издание Указа Президента Республики Беларусь от 1 марта 2010 года № 99 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности органов прокуратуры», которым устанавливалась следующая система следственного аппарата органов прокуратуры: следственное управление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и подчиненных ему следственные отделы прокуратур областей, города Минска и приравненных к ним специализированных прокуратур. Вместе с тем, данным указом не затрагивались вопросы изменения полномочий прокурора по осуществлению процессуального руководства предварительным следствием, проводимым как следователями прокуратуры, так и следователями иных ведомств, вопросы процессуального статуса самих следователей.

Подобные полумеры, выразившиеся только в организационном преобразовании следственного аппарата прокуратуры, не могли окончательно решить задачу по качественному улучшению предварительного расследования уголовных дел как в рамках прокурорской системы, так и в масштабах всей страны.

По-прежнему необходимо было решать две основные задачи. Во-первых, реформировать весь отечественный следственный аппарат, по возможности сконцентрировав его в одной организационно-правовой правоохранительной системе. Во-вторых, поднимать на качественно новый уровень процессуальный статус следователей, обеспечивая, прежде всего, такую его составляющую как процессуальную самостоятельность. В последующем указанные задачи получили свое разрешение в Указе Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 года № 409 «Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь».

В связи с образованием Следственного комитета Республики Беларусь были внесены серьезные изменения и дополнения в нормы отечественного права, регламентирующие построение и функционирование правовой модели уголовного преследования в целом, и ее реализации со стороны прокуратуры на досудебных стадиях уголовного процесса в частности. В итоге прокуратура лишилась статуса самостоятельного органа предварительного следствия, а прокуроры – функции процессуального руководства предварительным следствием, осуществляемым следователями.

Таким образом, в первые годы функционирования единого следственного органа, по существу законодатель, а вслед за ним и правоприменитель (органы прокуратуры) приравнивали анализируемую функцию органов прокуратуры к категории факультативных (второстепенных) задач, стоящих перед прокурорами, и форм реализации функций уголовного преследования и прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного процесса.

Несмотря на подобную, отведенную прокуратуре отраслевым законодательством того времени роль в сфере осуществления производства предварительного следствия по уголовным делам, следует подчеркнуть, что объем и значение соответствующего конституционного статуса прокуратуры все-же сохранялись в прежних пределах.

Так, прокуроры, по сравнению со следователями Следственного комитета Республики Беларусь и органов государственной безопасности, потенциально были наделены и продолжают обладать до настоящего времени более широкими процессуальными полномочиями. Они вправе не только возбуждать уголовные дела по преступлениям, предусмотренным практически всеми статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, но и производить, при необходимости, по ним предварительное следствие. Помимо этого, прокуроры вправе возбуждать уголовные дела частного обвинения, а также уголовные дела частно-публичного обвинения.

В УПК достаточно полно и исчерпывающе разрешен вопрос о правовом статусе прокурора при производстве предварительного следствия по уголовному делу, который традиционно приравнивается законодателем к правам и обязанностям следователя. Прокурор, в соответствии с ч. 4 ст. 34 УПК, помимо свойственных только ему полномочий, пользуется всем спектром предоставляемых следователю уголовно-процессуальным законом правовых средств, а также процессуальными формами и гарантиями их реализации. При этом процессуальное руководство деятельностью прокурора, производящего предварительное следствие по уголовному делу, осуществляет вышестоящий прокурор (по отношению к следователю – начальник следственного подразделения).

Как представляется, имеются лишь отдельные, небесспорные составляющие правового положения прокурора в сфере осуществления им производства предварительного следствия по уголовному делу, требующие своего более детального рассмотрения и анализа с точки зрения соответствия уголовно-процессуальных норм содержанию конституционной функции прокуратуры по производству предварительного следствия по уголовным делам.

Таким образом, содержание действующего уголовно-процессуального законодательство в целом соответствует конституционным предписаниям об осуществлении прокуратурой производства предварительного следствия по уголовным делам. Данный вывод с очевидностью подтверждается, в том числе, прослеживающейся в настоящее время тенденцией по значительной активизации деятельности органов прокуратуры в сфере производства предварительного следствия по уголовным делам.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Солтанович А.В.

В толковых словарях контроль как вид деятельности определяется как наблюдение с целью проверки или надзора, проверка [1, с. 452]; наблюдение, надзор над чем-нибудь с целью проверки [2, с. 368]. Не вдаваясь в дискуссию о том, сужает или нет содержание контроля понимание его как проверки [3, с. 88 – 89], следует отметить, что в любом случае проверки – это фундамент, сердцевина, «квинт-эссенция» контроля. Поэтому не случайно в Указе Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (в ред. Указа от 16.10.2017 № 376) (далее – Указ № 510) и в утвержденных данным указом Положении о порядке организации и проведения проверок, Положении о порядке проведения мониторинга и перечне контролирующих (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки, и сфер их контрольной (надзорной) слово проверка (проверки, проверяемый и т.п.) упоминается 1066 раз.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) также, хотя и в меньшем объеме (163 раза), оперирует термином «проверка» и производными от него. В данном ракурсе не является исключением стадия возбуждения уголовного дела, так как о проверках здесь указывается в ст.ст. 173, 173-1, 173-2, 173-3, 174, 178, 178-1, 179 УПК. В рамках стадии возбуждения уголовного дела решается вопрос о необходимости производства предварительного расследования, и фактически на этом этапе уголовного процесса сложился самостоятельный вид деятельности, получивший на практике название «доследственная проверка» [4, с. 48].

До внесения Указом от 16.10.2017 № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности» изменений в Указ № 510 проверки проводились, в частности, по поручениям органов уголовного преследования по возбужденному уголовному делу, а также руководителей (заместителей) органов уголовного преследования как по находящимся в их производстве делам,

так и по материалам. В настоящее время п. 8 Указа № 510 устанавливает, что внеплановые проверки могут назначаться по поручению органов уголовного преследования по возбужденному уголовному делу. Такая формулировка указанной нормы позволила некоторым авторам сделать вывод о том, что с 1 января 2018 года поручения о проведении проверки органы уголовного преследования по имеющимся у них материалам давать не могут, что, в свою очередь, повлияет на сокращение количества проверок [5, с. 36]. С данным утверждением, не основанном на системном анализе действующего законодательства, нельзя согласиться, исходя из следующего.

Как определено в ч. 2 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), установленный УПК порядок производства по материалам и уголовному делу является единым и обязательным для всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а также для иных участников уголовного процесса. В соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК проверка финансово-хозяйственной деятельности отнесена к числу процессуальных действий, которые могут быть проведены до возбуждения уголовного дела. Одним из оснований приостановления проведения проверки в соответствии со ст. 173-3 УПК является неполучение результатов проверки финансово-хозяйственной деятельности, когда это препятствует принятию уголовно-процессуального решения, предусмотренного пп. 1–4 ч. 1 ст. 174 УПК. В ч. 1 ст. 175 УПК закреплено, что при наличии поводов и оснований, предусмотренных ст.ст. 166 и 167 УПК, орган дознания, следователь, прокурор выносят постановление о возбуждении уголовного дела. Пункт 23 Указа № 510 прямо определяет, что этот Указ не применяется при осуществлении, в частности, правосудия, а также уполномоченными государственными органами процессуальных действий, предусмотренных УПК; п. 8 Указа № 510 устанавливает, что внеплановые проверки могут назначаться по поручению органов уголовного преследования по возбужденному уголовному делу.

Комплексный анализ указанных норм законодательства позволяет сделать следующие выводы.

1. Назначение проверки финансово-хозяйственной деятельности как процессуального действия возможно после принятия и регистрации заявления или сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в ходе производства по материалам (проведения проверки) в порядке ст.ст. 172–174 УПК, а также при наличии любого иного законного повода для возбуждения уголовного дела.

2. Внеплановая проверка, предмет которой выходит за рамки финансово-хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования, проводится по поручению органов уголовного преследования только по возбужденному уголовному делу в отношении конкретного работника данного субъекта хозяйствования. Если в материалах уголовного дела содержится информация о совершении преступления иным работником этого субъекта хозяйствования, такие материалы должны быть выделены и обособленное производство по ним осуществляется в предусмотренном УПК порядке.

3. Назначение органами уголовного преследования проверок финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования является не только возможным, но и при необходимости обязательным процессуальным действием для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

4. В каждом конкретном случае вопрос о необходимости акта проверки финансово-хозяйственной деятельности для возбуждения уголовного дела решается органом уголовного преследования на основании требований п. 1 ст. 167 УПК, т.е. при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу.

Таким образом, следует констатировать, что Указ № 510 направлен на создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, что, в свою очередь, является одним из базисных условий устойчивого социально-экономического развития нашей страны. Деятельность контролирующих органов нацеливается на профилактическую работу, на построение взаимодействия государственных органов и их должностных лиц с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Это взаимодействие должно быть основано на принципах презумпции добросовестности субъектов хозяйствования, саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства госорганов в предпринимательскую деятельность субъектов хозяйствования. Однако если тот или иной работник субъекта хозяйствования при исполнении своих функциональных обязанностей выходит за рамки правового поля, совершая преступление, указанные принципы в данной ситуации прекращают свое действие и начинают применяться нормы УПК, регулирующие производство по материалам и уголовным делам.

Список цитированных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.
2. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2007. – VIII, 1239 с.
3. Косинов, С. А. Контроль в государстве как составляющая социальной системы / С. А. Косинов // Право. бу. – 2014. – № 5 (31). – С. 87 – 92.
4. Вершинина, С. Контрольные полномочия руководителя следственного органа при проведении доследственной проверки / С. Вершинина, А. Оськин // Законность. – 2014. – № 9. – С. 48 – 52.
5. Давыдко, Н. В. Изменения в контроле и надзоре в вопросах и ответах / Н. В. Давыдко // Промышленно-торговое право. – 2018. – № 1. – С. 35 – 37.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

***Сосновский А.А.
Мамчиц В.Н.***

В настоящее время в Республике Беларусь отчетливо наметилась необходимость концептуальных корректировок уголовно-процессуального закона, что обусловлено требованиями времени о повышении оперативности расследования и судебного рассмотрения дел, внедрения новых передовых форм и методов, снижения издержек при ведении уголовного процесса и т.д.

Одним из наиболее острых и дискуссионных вопросов на сегодняшний день является оптимизация досудебного производства в части целесообразности отмены

стадии возбуждения уголовного дела (далее – ВУД) и исключения такого этапа как производство по материалам (или так называемой доследственной проверки).

Этот институт уже представляется определенным анахронизмом, оставшимся со времен советского процесса. В современный период тенденции изменений уголовно-процессуального закона в постсоветских республиках явно свидетельствуют об отказе от доследственной проверки и отмены стадии ВУД. Это уже реализовано в принятых УПК Грузии (2009), Украины (2012) и Казахстана (2014).

Примечательно, что стадия ВУД среди постсоветских европейских стран сохранилась лишь в Беларуси и России, где вопрос ее отмены также находится в активной научной проработке.

Между тем стадия ВУД и в Беларуси фактически утрачивает свою процессуальную значимость из-за постепенного ее слияния с непосредственно предварительным расследованием. Так, если первоначально (до ВУД) на этом этапе разрешалось лишь истребование необходимых материалов и получение объяснений, то сейчас допускается производство значительного числа следственных действий: осмотры, экспертизы, освидетельствование, задержание, личный обыск, эксгумация.

Критиками нынешней модели акцентируется внимание и на фактическом дублировании проводимых процессуальных действий. Так, при доследственной проверке происходит опрос очевидца и соответственно отбирается объяснение, а после возбуждения дела следователь производит уже допрос. При этом гражданин дает пояснения об одном и том же событии.

Однако полученные в ходе доследственных проверок объяснения не признаются показаниями (в отличие от допроса) и в качестве источников доказательств зачастую судом не учитываются.

Между тем граждане именно при даче объяснений, как правило, дают правдивые свидетельства, тогда как при допросе (по прошествии времени, после общения с адвокатом, при изменении конъюнктуры и др.) меняют показания. В итоге доказательство получается утраченным.

Помимо этого, неоднократные вызовы граждан для проведения по сути одних и тех же процессуальных действий (фиксации показаний) отвлекают их от работы, влекут дополнительные финансовые затраты на проезд, тем самым формируя негативный имидж органов уголовного преследования. Возникают сложности при проведении судебных заседаний, поскольку свидетели, будучи неоднократно опрошенными и допрошенными, уклоняются от явки в суд.

Все это приводит к неоправданным временным издержкам, волоките, затратности и снижению эффективности процесса.

Этот довод актуален и с той точки зрения, что проверочные мероприятия могут длиться месяцами (до шести месяцев), что сопоставимо со сроками следствия. При этом собранные материалы имеют значение для решения только одного вопроса – о возбуждении уголовного дела.

В то же время существующий порядок зачастую обуславливает принятие процессуальных решений о ВУД не по объективным критериям наличия поводов и оснований для этого, а в зависимости от совпадения либо расхождения мнений должностных лиц органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры.

В этой связи до сих пор имеют место взаимные претензии Следственного комитета и органов дознания (МВД, ДФР КГК) в части обоснованности

направления материалов проверок и достаточности оснований для возбуждения дел. Представляется, что противоречия между ведомствами обусловлены как раз незавершенностью произошедшей реформы предварительного следствия, элементом которой и рассматривается отмена стадии возбуждения дела.

Приблизительную модель досудебного производства в этом случае возможно сконструировать следующим образом.

Прием и регистрацию заявлений и сообщений о преступлениях возложить на органы дознания, которые после этого будут вправе наряду со Следственным комитетом начать досудебное расследование и приступить к производству неотложных следственных действий, собиранию и закреплению доказательств (допросам, обыскам, выемкам).

После проведения неотложных следственных действий в десятидневный (или иной) срок их материалы должны будут передаваться в следственный орган, который уполномочен давать им правовую оценку, определять квалификацию и выносить все ключевые процессуальные решения (о предъявлении обвинения, прекращении производства, направлении дела прокурору и др.)

Таким образом, дознание будет ориентировано на первичное реагирование на факт совершенного преступления и закрепление доказательств. Досудебное же производство в полном объеме будет осуществляться профессиональным органом – Следственным комитетом.

В то же время важно предусмотреть и механизм, позволяющий «отсечь» массу заявлений и сообщений, объективно не содержащих достаточных данных, указывающих на уголовное правонарушение. В этой связи предлагается предоставить возможность их проверки (отсрочку в принятии решения о начале досудебного расследования) в срок до 3 суток, как это сделано в Казахстане. Так, по УПК Казахстана, например, не подлежат регистрации заявления, сообщения или рапорт об уголовном правонарушении в которых отсутствуют сведения о нарушениях действующего законодательства, об ущербе, существенном вреде либо незаконном доходе, подтвержденные актами проверок, ревизий, аудита и другими, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения.

При наличии в поступившем заявлении, сообщении сведений о признаках административного правонарушения либо дисциплинарного проступка обращение в течение трех суток передается сопроводительным письмом в соответствующий уполномоченный государственный орган или должностному лицу.

Примечательно, что в Казахстане, вопреки скептическим прогнозам, после принятия нового УПК и отмены ВУД в 2014 году отмечено снижение нагрузки на органы уголовного преследования, что позволило сосредоточить усилия на качестве расследования уголовных дел.

Так, количество зарегистрированных досудебных расследований в Казахстане в 2015 году снизилось на треть в сравнении с поступившими в 2014 году заявлениями и сообщениями криминального характера (713 тыс. против 1,26 млн.). В 2014 году вынесены 721 тыс. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и 32 тыс. постановлений о прекращении производства по уголовным делам. В 2015 году по указанным основаниям прекращено 229 тыс. досудебных расследований.

Весомым фактором отказа от стадии возбуждения дела является и устранение предпосылок для коррупционных проявлений в виде принятия заведомо незаконных решений.

Между тем, очевидно, что оптимизация процесса не должна заключаться только в техническом исключении одной из его стадий. Положительный эффект может быть достигнут лишь при комплексном подходе в изменении как УПК, так и УК.

В частности, в этом ключе заслуживает внимания активно обсуждаемый в России и реализованный в Казахстане вопрос включения в УК «уголовного проступка», к которому относятся преступления небольшой тяжести (мелкая кража, хулиганство, оскорбление, нанесение легких телесных повреждений и др.). За их совершение применяются менее строгие меры наказания, упрощается процесс, исключаются последствия судимости.

Процедуру расследования уголовных проступков в этой связи возможно осуществлять в форме дознания в рамках существовавшей ранее протокольной формы досудебной подготовки материалов при соблюдении следующих условий: совершено преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое, оно очевидно, полностью возмещен ущерб и лицо признало вину.

Это позволит существенно снизить расходы государства на досудебное расследование и судопроизводство.

Также как вариант снижения затратности процесса видится приемлемым предложение о декриминализации составов преступлений, касающихся нарушений порядка отбывания наказаний (ст.ст.415–419 УК). В этом случае не нужно будет осуществлять расследование и судебное рассмотрение дел по этим преступлениям и доказывать состав допущенных нарушений. Судья будет просто принимать решение о замене наказания в рамках процедуры его исполнения. Разумность и экономическая обоснованность такого подхода специалистами в целом не оспаривается и поддерживается.

Практически невостребованным на практике остается и такой институт, как отказ от уголовного преследования в связи с малозначительностью.

При этом привлечение к уголовной ответственности граждан за мелкие правонарушения влечет для них, наряду с наказанием, негативные правовые последствия, в частности в виде судимости. Приобретенное «клеймо» ограничивает их в правах, создает сложности в дальнейшей жизни.

Ярким примером подобного несовершенства закона является возбуждение в ноябре 2017 г. уголовного дела по ч. 2 ст. 206 «Грабеж, совершенный группой лиц» УК в отношении жительницы г. Витебска и ее несовершеннолетней дочери за срывание засохших цветков с клумбы у подъезда многоквартирного дома.

Указанный факт вызвал широкий общественный резонанс с критикой излишней карательности уголовного закона.

Помимо этого, перспективным представляется использование механизмов так называемой «сделки о признании вины», реализуемой во многих странах мира. Для Республики Беларусь наиболее приемлемым видится опыт Российской Федерации, где успешно внедрен «особый порядок принятия судебного решения (без судебного разбирательства) при согласии обвиняемого с обвинением».

Например, об эффективности такого подхода заявил Генеральный прокурор Казахстана А.Даулбаев, выступая на коллегии ведомства 15 января 2016 г.:

«Эффективно используется институт сделки о признании вины. В суде дела рассматриваются за день, не нужно вызывать потерпевших и свидетелей. За 2015 год рассмотрено 3 тыс. дел».

Важно понимать, что такое комплексное изменение УПК и УК путем разумного внедрения прогрессивных новелл позволит нивелировать прогнозируемое в случае отмены ВУД повышение нагрузки на следственные органы, обеспечит качественное и оперативное расследование уголовных дел. При этом благоприятным условием для проведения столь глобальных изменений в рассматриваемых сферах является и устойчивая тенденция по снижению преступности.

Так, согласно статистическим данным в 2017 году зарегистрировано 86,3 тыс. преступлений (минус 7,1 процента к уровню 2016 года). Для сравнения, в 2011 году, в преддверии создания Следственного комитета, данный показатель составил 132,1 тыс. преступлений, в 2007 году – 180,4 тыс.

Таким образом, следует констатировать назревшую необходимость тщательного рассмотрения вопросов оптимизации УК и УПК, внедрения апробированных новелл, используя опыт других стран, вплоть до подготовки принципиально нового программно-концептуального документа.

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ЭТАПЫ И МЕРОПРИЯТИЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ

Столетний А.В.

Информатизация социальных, экономических, культурных условий жизни общества и государства, начатое в Украине создание антикоррупционных органов, реформирование органов прокуратуры и правопорядка, принятие нормативной основы Единой судебной информационно-телекоммуникационной системы (ЕСИТС) актуализируют необходимость обеспечения эффективными инновационными процессуальными процедурами ведение досудебного расследования. Сегодня в условиях информационного общества на досудебном расследовании используются отдельные электронные процедуры, которые между собой структурно и системно не связаны, что не позволяет реализовать инновационные возможности, направленные на максимально эффективное использование человеческих, временных и финансовых ресурсов. Указанное требует создания концепции по объединению их интегрированным электронным уголовно-процессуальным средством и функционирования как единой электронной уголовно-процессуальной системы.

Электронное уголовное производство (ЭУП) – режим уголовно-процессуальной деятельности, основанный на композиционных алгоритмах автоматизированных уголовно-процессуальных процедур Единого реестра досудебных расследований (ЕРДР) и интегрированных с ним электронных информационных систем, осуществляемый субъектами в электронном формате и зафиксированный в официальном электронном процессуальном документе.

На сегодня ключевую роль в электронном сегменте досудебного расследования играет ЕРДР, который является неотъемлемой, процессуально обязательной составляющей данной стадии, от применения которого зависят свершение ключевых юридических фактов. Указанное обуславливает

целесообразность введения ЭУП именно на базе ЕРДР, что предполагает четыре этапа:

1. Совершенствование функционала ЕРДР, которое достигается:

разработкой новых подсистем:

- электронное досье уголовного производства;
- шаблоны электронных процессуальных документов;
- личный виртуальный кабинет;
- управление деятельностью и организационными правилами;
- обучение;

модернизацией действующих подсистем:

- аналитика ЕРДР (дополнение модулем Графическая информационно-аналитическая система «ЕРДР - Визуализация»);
- учет деятельности ЕРДР.

2. Привлечение следственного судьи в ЭУП путем создания модуля обмена структурированной электронной информацией между ЕРДР и ЕСИТС.

3. Привлечение субъектов уголовного производства в ЭУП с помощью внешних ресурсов цифрового обмена сообщениями (электронная почта): потерпевший; представитель потерпевшего; законный представитель потерпевшего; лицо, которое привлекается к уголовной ответственности подозреваемый; лицо, в отношении которого предполагается применение принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного характера; защитник; заявитель; гражданский истец; гражданский ответчик; представитель гражданского истца, гражданского ответчика; законный представитель гражданского истца; представитель юридического лица, в отношении которого осуществляется производство; третье лицо, в отношении имущества которого решается вопрос об аресте; свидетель; переводчик; эксперт; специалист; представитель персонала органа пробации; поручитель; залогодатель; педагог, психолог, врач; обыскиваемый; лица, которым имущество передано на хранение; лицо, у которого берутся образцы для экспертного исследования.

4. Переход к осуществлению электронных уголовных процессуальных процедур (ЭУПП) с использованием Личного виртуального кабинета (Автоматизированного рабочего места).

Во исполнение определенных этапов введения ЭКП предусмотрено проведение в рамках каждого из них таких групп мероприятий:

1. Создание нормативной базы путем разработки и принятия в установленном порядке изменений в:

- Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 [1];
- Положение о порядке ведения ЕРДР, утвержденное приказом Генерального прокурора Украины от 06.04.2016 № 139 [2];
- Порядок направления информации о лицах в уголовных производствах и электронных копий судебных решений в отношении лиц, совершивших уголовные преступления, утвержденный приказом Генерального прокурора Украины и Председателя Государственной судебной администрации Украины от 14.08.2014 № 82/108 [3].

2. Создание программного обеспечения:

- разработка комплексного технического задания: анализ требований, концептуальное проектирование;

- разработка программного обеспечения: проектирование, разработка, тестирование функциональности, применимости и безопасности;
- аудит информационной и криптографической безопасности программного обеспечения;
- тестирование эффективности и производительности интеграционной среды ЭУП в форме пилотного проекта.

3. Расширение инфраструктуры:

- увеличение мощностей центров хранения и обработки данных ЭУП;
- обеспечение техническими средствами субъектов уголовного производства.

4. Обучение субъектов ЭУП работе с функционалом электронной системы:

- создание специализированных программ-тренажеров;
- обучение на базе Национальной академии прокуратуры Украины.

Переход к электронному процессу требует усиления механизмов защиты информации уголовного производства и электронных информационных систем органов уголовной юстиции:

- защита от DDoS-атак (Distributed Denial-of-Service) путем организации распределенной системы серверов;
- кодирование информации с помощью открытого ключа ЭЦП получателя при пересылке процессуальных документов по электронной почте (3 этап)
- защищенные туннели обмена данными между ЕРДР и специализированными системами субъектов уголовного производства.

Электронный процессуальный документ должен быть надежно защищен от постороннего просмотра, включая работниками подразделений, обеспечивающих работу ЕРДР. Возможно применение кодирования данных, которые будут расшифровываться с помощью ключа регистратора, или введение каталога журнала просмотров данных производства.

Ожидаемые положительные результаты внедрения ЭУП:

1. Упрощение процедуры досудебного расследования: удобство и оперативность, удаленный доступ к материалам следствия (ликвидация бюрократических процедур); снижение вероятности потери, удаления или фальсификации материалов досудебного расследования; устранение необходимости перевозки или пересылки бумажных носителей.

2. Совершенствование систем процессуального контроля и надзора: самостоятельное получение субъектами надзора актуальной информации в минимальные сроки; автоматизированный контроль процессуальных нарушений путем обработки расширенной базы анализируемого материала (за счет перевода значительной части бумажных данных в электронные) в минимальные сроки.

3. Экономия бюджетных средств: сокращение расходов на расходные материалы (бумага, краска, экспедиция), пересылка (конверты, почтовые услуги), процессуальную экспедицию; экономия фонда заработной платы путем сокращения численности работников надзорных и контролирующих отделов, канцелярии, экспедиции; экономия ресурсов направленных на хранение бумажных производств (уменьшение размеров архивов).

4. Повышение качества работы органов прокуратуры и органов досудебного расследования за счет устранения бюрократических процедур и перераспределение ресурсов на реальное расследование преступлений.

5. Повышение социального капитала, а именно: общественного доверия к правоохранительным и судебным органам в целом; уровня доверия экспертной среды (адвокаты, юристы) к правоохранительным и судебным органам; рейтинга Украины в международных справочниках, связанных с эффективностью правоохранительной и судебной систем и т.п.

Список цитированных источников

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс]: 13 апреля 2012, № 4651-VI. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.

2. Положение о порядке ведения Единого реестра досудебных расследований, утв. приказом Генерального прокурора Украины [Электронный ресурс]: 6 апреля 2016, № 139. – Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0680-16>.

3. Порядок направления информации о лицах в уголовных производствах и электронных копий судебных решений в отношении лиц, совершивших уголовные преступления, утв. приказом Генерального прокурора Украины и Председателя Государственной судебной администрации Украины [Электронный ресурс]: 14.08.2014, № 82 /108. – Режим доступа: URL: http://www.gp.gov.ua/ua/file_downloader.html?_m=fslib&_t=fsfile&_c=download&file_id=179800.

**РАСШИРЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ – ВАЖНЕЙШЕЕ
НАПРАВЛЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
ЗНАЧИМОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА
И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**ОПТИМИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ – ЗАЛОГ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ПРОКУРАТУРЫ**

Бильдейко А.А.

Эффективность системы управления обусловлена оптимальным типом организационной структуры, характером иерархии [1, с. 169]. Организация работы в системе прокуратуры начинается с выявления потребности в выполнении определенного вида и объема работы или формировании конкретного направления деятельности. На втором этапе проектируется определенная структура, состоящая из должностей, закрепленных видов деятельности или участков, определяются взаимосвязи элементов, составляющих структуру организационной системы. Эти взаимосвязи формируются в основном за счет установления прав, обязанностей и ответственности [2, с. 37].

Таким образом, на изменение организационной структуры с целью повышения эффективности деятельности органов прокуратуры влияют как изменяющиеся задачи, так и объем работы на конкретном направлении деятельности.

Вместе с тем нормативными правовыми актами, приказами Генерального прокурора Республики Беларусь не предусмотрено проведение какого-либо анализа эффективности организационной структуры органов прокуратуры, в том числе, при принятии решений о проведении организационно-штатных изменений. Вместе с тем оптимизацию оргструктуры необходимо производить на основе глубокого анализа, поиска элементов структуры, выполняющих функции, которые утратили или существенно снизили свою актуальность, либо осуществляют необходимые функции с привлечением неоправданно большого количества ресурсов, а также тех элементов, которые ввиду возрастающего объема нагрузки не могут выполнять эффективно свои функции. При этом отмечается, что в условиях постоянного роста нагрузки на органы прокуратуры в целом, с изменениями общественных отношений, при которых рождаются новые проблемы и число их быстро нарастает, прокуроры показывают себя как самые прилежные и надежные исполнители-профессионалы, государственники, готовые справляться с любой нагрузкой [3, с. 266]. Однако, безусловно, существует предел увеличения нагрузки, когда данный фактор, наряду с другими мерами, предполагает расширение штата конкретной прокуратуры либо структурного подразделения.

Задача управления организационной структурой формулируется как поиск алгоритма, который минимизировал бы организационные издержки (или максимизировал функционал, способный отражать в обобщенном виде

предпочтения участников организационной структуры и/или других субъектов [4, с. 8]. В данном случае действует закон композиции и пропорциональности (гармонии): каждая организационная система стремится к оптимальному взаимному расположению частей (композиции) и к оптимальному количественному соотношению между ними (пропорциональности), что обеспечивает гармонию ее строения и функционирования [5, с. 402].

Проведем анализ деятельности органов прокуратуры Брестской области по нагрузочному критерию оценки эффективности, который характеризуется параметром «сравнительная напряженность деятельности», определяющим интенсивность труда сотрудников различных служб и подразделений [6, с. 144].

Однако перед этим особо отметим, что выводы о нагрузке на сотрудников по конкретным направлениям прокурорского надзора, также как и оценке эффективности их деятельности, нельзя делать исключительно на основании абсолютных показателей. Следует соотносить их с результатами аналогичных подразделений в других регионах, и, самое главное, необходимо учитывать качественную составляющую работы. Изменение структуры преступности, уменьшение удельного веса сложных и многоэпизодных дел также влияет на нагрузку. Поддержание государственного обвинения по уголовному делу об организованной преступной группе, по которому привлекаются в качестве обвиняемых десятки не признающих вину лиц, может занять полгода, в то время как поддержание государственного обвинения по значительной части дел при полном признании вины занимает не более часа.

Для исследования определим ряд параметров, наиболее полно отражающих самые значимые направления деятельности органов прокуратуры, занимающих основную часть времени прокурорских работников. На органы прокуратуры, как и на все организации, распространяется закон Парето, согласно которому (относительно к менеджменту) 20% всех дел дают 80% всех результатов, и наоборот [7, с. 8]. Наличие Парето-соотношения обнаружили российские исследователи при отборе ключевых показателей без потери их информативности для анализа и оценки деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [8, с. 4-6].

Исходя из целей и задач, стоящих перед органами прокуратуры, определим важнейшие параметры, исходя из которых будем изучать нагрузку:

- 1) надзор за законностью принятых органами внутренних решений об отказе в возбуждении уголовного дела (сфера дознания);
- 2) надзор за законностью решений следователей по оконченным производством уголовным делам (сфера следствия);
- 3) поддержание государственного обвинения и принесение протестов по уголовным делам;
- 4) участие прокурора в рассмотрении судами гражданских дел;
- 5) надзор за исполнением законодательства и законностью правовых актов (далее – общий надзор) – количество внесенных актов надзора и привлеченных к ответственности физических лиц.

Исследование нагрузки на прокурорских работников проведем на примере органов прокуратуры Брестской области, однако предложенный алгоритм может быть использован для такого исследования как для любого региона, так и для органов прокуратуры Республики Беларусь в целом.

Начнем с анализа тенденций, отражающих снижение объема работы, выполняемой прокурорскими работниками прокуратуры Брестской области, функциональное руководство которыми осуществляют сотрудники отдела прокуратуры области по надзору за дознанием.

Так, в 2014 году должностными лицами органов внутренних дел Брестской области по 12116 материалам проверок принимались решения об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2015 г. – 11217, в 2016 г. – 10772, в 2017 г. – 9835. В 2014 году прокурорскими работниками Брестской области отменено 2265 незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных сотрудниками органов внутренних дел, в 2015 г. – 2080, в 2016 г. – 2034, в 2017 г. – 1797.

Таким образом, за четыре года наблюдается тенденция снижения количества материалов об отказе в возбуждении уголовного дела органов внутренних дел, которые должны проверять прокурорские работники Брестской области (на 18,8%). Аналогичная тенденция наблюдается и по результатам анализа отмененных прокурорами вышеуказанных незаконных решений (на 20,7%). При этом штатная численность сотрудников отдела прокуратуры области по надзору за дознанием в этот период времени оставалась неизменной (4 единицы).

Еще более являются наглядными тенденции, отражающие снижение объема работы, выполняемой прокурорскими работниками прокуратуры Брестской области, функциональное руководство которыми осуществляют сотрудники отдела прокуратуры области по надзору за исполнением законодательства управлением Следственного комитета Республики Беларусь по Брестской области (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты надзора прокуратуры Брестской области за исполнением законодательства в ходе следствия к в 2014-2017 гг.

	Направлено прокурорами уголовных дел в суд	Возвращено прокурорами уголовных дел для производства дополнительно предварительного расследования	Изучено прокурором прекращенных уголовных дел	Отменено прокурором прекращенных уголовных дел
2014	6043	58	1476	209
2015	6539	83	1113	138
2016	6098	63	1156	76
2017	5237	34	823	45

Таким образом, за четыре года в сфере надзора за исполнением законодательства в ходе следствия наблюдается тенденция снижения количества:

- направляемых уголовных дел в суд – на 13,3% (с 2015 г. – на 19,9%);
- возвращенных прокурорами следователям уголовных дел для производства дополнительно предварительного расследования – на 41,4% (с 2015 г. – на 59%);

- изученных прокурором прекращенных уголовных дел – на 44,2%;
- отмененных прокурором прекращенных уголовных дел – на 78,5%.

При этом штатная численность сотрудников отдела прокуратуры области по надзору за исполнением законодательства управлением Следственного комитета Республики Беларусь по Брестской области в этот период времени уменьшилась всего на 1 штатную единицу (с 2016 г.), т.е. на 10% (с 10 до 9).

Снижается объем работы, выполняемой прокурорскими работниками прокуратуры Брестской области, функциональное руководство которыми осуществляют сотрудники отдела прокуратуры области по надзору за соответствием закону судебных решений по уголовным делам.

В 2014 году прокурорскими работниками прокуратуры Брестской области поддержано обвинение по 4690 уголовным делам, по которым принесено 583 протеста (апелляционных, кассационных, надзорных), в 2015 г. – по 4790 (855), в 2016 г. – по 4987 (871), в 2017 г. – 4370 (461).

Таким образом, с 2014 по 2016 годы наблюдался рост количества уголовных дел, по которым прокурорами поддержано государственное обвинение, однако в 2017 году произошло изменение тенденции (снижение за 4 года на 6,8%, за последний год – на 12,4%). Аналогичный тренд можно проследить в результате анализа динамики принесенных прокурорами кассационных, апелляционных и надзорных протестов (снижение за 4 года на 20,9%, за последний год – на 47%). Также следует отметить, что в первом полугодии 2018 г. количество фактов поддержания государственного обвинения снизилось еще на 11,7%, принесенных протестов – на 20,6%.

При этом, штатная численность сотрудников отдела прокуратуры области по надзору за соответствием закону судебных решений по уголовным делам в 2016 году увеличилась с 7 до 10 штатных единиц, в 2017 году составила 9 штатных единиц (+28,6%).

По результатам анализа вышеуказанных тенденций можно сделать следующий вывод. В Брестской области, как и в Республике Беларусь, в последние годы наблюдается обусловленное общим снижением преступности существенное уменьшение нагрузки на прокурорских работников, осуществляющих надзор за исполнением законодательства в сфере уголовного судопроизводства (до возбуждения уголовного дела, в ходе расследования, при поддержании обвинения в суде, при опротестовании приговоров судов).

Также снижается объем работы, выполняемой прокурорскими работниками прокуратуры Брестской области, функциональное руководство которыми осуществляют сотрудники отдела прокуратуры области по надзору за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам.

Уменьшилось количество рассмотренных судами гражданских дел с участием прокуроров как в *первой* инстанции (2014 г. – 4316, 2015 г. – 3846, в 2016 г. – 3551, в 2017 г. – 3305), так и *кассационной* инстанции (2014 г. – 306, 2015 г. – 303, в 2016 г. – 287, в 2017 г. – 262).

Таким образом, за четыре года снизилось количество гражданских дел, по которым прокурорские работники Брестской области участвовали в суде первой (на 23,4%) и кассационной инстанции (на 14,4%). При этом, штатная численность сотрудников отдела прокуратуры области по надзору за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам в этот период времени оставалась неизменной (3 единицы). Следовательно, надзорная нагрузка на прокуроров

в данной сфере также снижается. Более того, приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 26.03.2018 № 18 внесены изменения в приказ Генпрокурора от 27.03.2009 № 27 «Об организации надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам». В настоящее время прокуроры должны проверять законность не всех судебных постановлений по гражданским делам, а только вынесенных по делам, по которым участие прокурора является обязательным, а также затрагивающим интересы Республики Беларусь, государственных юридических лиц, а также права граждан, которые не могут самостоятельно защитить свои права. Данные изменения также существенным образом сократят объем работы, выполняемой при осуществлении надзора в сфере гражданского судопроизводства.

Снижение нагрузки на прокуроров в сфере уголовного и гражданского судопроизводства в определенной степени позволило органам прокуратуры Брестской области активизировать общий надзор. Следует отметить, что организываются осуществление вышеуказанного надзора в нижестоящих прокуратурах отдел по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов, а также ряд других структурных подразделений прокуратуры Брестской области:

- отдел по борьбе с коррупцией и организованной преступностью;
- группа по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи;
- старший помощник прокурора области по надзору за исполнением природоохранного законодательства;
- старший помощник прокурора области по надзору за исполнением законодательства о профилактике правонарушений.

В таблице 2 приведены тенденции, отражающие повышение результативности при осуществлении общего надзора прокурорскими работниками органов прокуратуры Брестской области, функциональное руководство которыми осуществляют сотрудники вышеперечисленных структурных подразделений прокуратуры области.

Таблица 2 – Результаты деятельности прокуратуры Брестской области в сфере общего надзора в 2014-2017 гг.

	Внесено прокурорами представлений об устранении нарушений	Принесено прокурорами протестов на незаконных акты	По актам надзора привлечено к дисциплинарной ответственности	По актам надзора привлечено к административной ответственности
2014	894	874	2516	1035
2015	1040	1081	2557	1180
2016	1045	1059	2739	1204
2017	1056	1061	2908	1159

Из анализа вышеуказанных данных следует, что за 4 года увеличилось количество вносимых прокурорами наиболее значимых актов надзора: представлений об устранении нарушений законодательства (на 18,1%), протестов на незаконные правовые акты (на 21,4%), а также привлеченных во исполнение

актов прокурорского реагирования к дисциплинарной (на 15,6%) и административной (на 12%) лиц. Следует отметить, что аналогичная тенденция наблюдается и по внесению других актов прокурорского реагирования и по привлечению к другим видам ответственности.

При этом, с 2016 года штатная численность отдела увеличилась с 6 до 7 штатных единиц (на 14,3%).

Кроме того, что с учетом новых задач, поставленных Главой государства перед органами прокуратуры, существенно изменилась структура тематики проверок, проводимых органами прокуратуры Брестской области. Если в 2014 году соотношение количества проверок в сфере экономики к общему количеству проверок составляло 16,58% (187 из 1128), т.е. только каждая шестая прокурорская проверка была в сфере экономики, то в 2017 году данное соотношение составило 20,59% (272 из 1321), т.е. уже более чем каждая пятая прокурорская проверка проводилась в сфере экономики. Общее количество проверок в данной сфере выросло на 45,5%. При этом, указанное направление прокурорского надзора справедливо считается особо сложным [9, с. 8], требует предельной рационализации оснований вмешательства в дела экономических субъектов, соответствующих общедозволительным началам в предпринимательстве [10, с. 10], для чего целесообразна разработка критериев разумности вмешательства и реагирования органов прокуроров в связи с нарушениями законодательства в сфере экономики для недопущения создания препятствий правомерной предпринимательской деятельности, исключения фактов наступления негативных последствий вследствие принятия формальных мер реагирования [11, с. 96].

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Оптимизацию организационной структуры органов прокуратуры необходимо производить регулярно на основе глубокого анализа, а именно поиска элементов, выполняющих функции, которые утратили или существенно снизили свою актуальность, либо осуществляют необходимые функции с привлечением неоправданно большого количества ресурсов, а также тех элементов, которые ввиду возрастающего объема нагрузки не могут выполнять эффективно свои функции.

2. Организационная структура в органах прокуратуры должна оптимизироваться с учетом появления новых задач, поставленных руководством страны перед прокуратурой, а также нагрузки на одного прокурорского работника по направлениям деятельности в целом по областям (для оптимизации численности структурных подразделений областного аппарата) и в отдельных прокуратурах (для перераспределения должностных обязанностей по направлениям деятельности и, при явно завышенных (заниженных) нагрузках, – оптимизации численности).

3. Организационная структура прокуратуры Брестской области для получения оптимального результата в настоящее время должна совершенствоваться путем перераспределения штатной численности в структурные подразделения, занимающиеся организацией общего надзора. В противном случае часть структурных подразделений, в которых объем выполняемой работы по объективным причинам падает, будет недогружена, а другая часть подразделений не будет иметь необходимых ресурсов для качественного выполнения поставленных перед ними задач.

4. Отсутствие у прокуроров должного объема экономических знаний при возрастании количества прокурорских проверок в сфере экономики обуславливает

необходимость разработки вышестоящими элементами организационной структуры (Генеральной прокуратурой, прокуратурами областей) указаний и методических рекомендаций с целью обеспечения качественного осуществления процесса предупреждения и пресечения нарушений в данной сфере, недопущения создания препятствий правомерной предпринимательской деятельности.

Список цитированных источников

1. Максимова, Л. В. Основы управления персоналом: учеб. пособие / Л. В. Максимова. – М.: Инфра-М, 2018. – 247 с.
2. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации / Ф. М. Кобзарев [и др.]; под ред. А. Ф. Смирнова. – М.: Ин-т повыш. квалиф. руководящих кадров Генер. прокуратуры РФ, 2005. – 335 с.
3. Аналитическая работа прокуратуры субъекта Российской Федерации / А. Н. Ларьков [и др.]; под ред. А. Н. Ларькова. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. – 292 с.
4. Новиков, Д. А. Сетевые структуры и организационные системы / Д. А. Новиков. – М.: Ин-т проблем управления РАН, 2003. – 102 с.
5. Михненко, П. А. Теория менеджмента / П. А. Михненко. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2014. – 640 с.
6. Тимакина, Ю. А. Оценка эффективности управленческой деятельности в органах внутренних дел с использованием инструментария информационных технологий / Ю. А. Тимакина, С. В. Лемайкина // Юрист-Правовед. – 2018. – № 1. – С. 141-146.
7. Пахомов, А. П. Применять или не применять принцип Парето на практике? // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2010. – № 1. – С. 5-12.
8. Капинус, О. С. Проблемы совершенствования внутрисистемной оценки работы органов прокуратуры / О. С. Капинус, Б. В. Андреев, А. Х. Казарина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 5. – С. 3 -14.
9. Мадякин, Д. А. Проблемы совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Д. А. Мадякин. – М., 2005. – 164 с.
10. Капинус, О. С. Актуализация разработки концепции развития органов прокуратуры / О. С. Капинус // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 2. – С. 8-11.
11. Капинус, О. С. Прокурорский надзор за исполнением законов: перспективы развития / О. С. Капинус // Всероссийское совещание по проблемам совершенствования в области надзора за исполнением федерального законодательства: сб. материалов семинара по обмену опытом / под ред. А. В. Паламарчука. – М.: Генеральная прокуратура РФ, 2015. – С. 94-101.

К ВОПРОСУ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Боричевская Ю.Я.

Прокуратурой Гомельской области при изучении проблемы сексуального насилия над детьми исследованы вопросы динамики преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, снижения брачного возраста, рождения несовершеннолетними матерями детей и прерывания беременности, влияния глобальной сети «Интернет». Изучен опыт зарубежных

государств по половому просвещению несовершеннолетних, а также организация работы учреждений образования области в данном направлении.

По предложению прокуратуры области в ноябре 2017 года управлением образования Гомельского облисполкома проведено анкетирование «Что я знаю о половых отношениях» среди обучающихся учреждений общего среднего образования (опрошено 14 193 человека) и обучающихся учреждений профессионально-технического образования (опрошено 1232 человека).

Главными элементами в деятельности государства, направленной на защиту ребенка от сексуального насилия, является создание законодательной базы, развитие системы помощи и реабилитации жертвам насилия, действенной системы органов, занимающихся предупреждением преступлений против половой неприкосновенности детей.

Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» закрепил основные принципы реализации ребенком своего права на неприкосновенность личности, защиту от эксплуатации и насилия. Уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает повышенную ответственность за посягательства на половую неприкосновенность детей.

Однако в 2017 году жертвами таких преступлений в Гомельской области стало 88 детей против 80 за 2016 год.

Как показало изучение уголовных дел, жертвами сексуальных домогательств дети становились на улице, учреждении образования и дома. В подавляющем большинстве случаев преступником являлся отец, дедушка, отчим, родственник ребенка или близко знакомый ему человек.

К., 1956 года рождения, совершал насильственные действия сексуального характера и изнасилование в отношении своих малолетних внуков. К. приговорен к 14 годам лишения свободы.

Причинами и условиями, способствующими совершению преступлений на сексуальной почве в отношении детей стали: ненадлежащий контроль за соблюдением прав детей в детских учреждениях; прием на работу в такие учреждения лиц, склонных к совершению данного вида преступлений; безразличное отношение семьи к специфическим отношениям, существующим между ее членами; злоупотребление психоактивными веществами; проживание детей в неблагополучных и замещающих семьях.

Не менее актуальной является проблема совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием телекоммуникационных технологий [1].

Это, прежде всего, преступления, связанные с изготовлением и распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего.

В 2017 году в области зарегистрировано 14 преступлений, предусмотренных ст. 343-1 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь.

Эта цифра могла быть значительно больше. Однако в ст. 341-1 УК Республики Беларусь отсутствует ответственность за хранение порнографических материалов с изображением несовершеннолетнего без цели распространения.

В то же время в ст. 20 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия от 25 октября 2007 г. (далее – Конвенция Совета Европы) к преступлениям, «касающимся детской порнографии» отнесено «Хранение детской порнографии» [2].

Одно из наиболее востребованных направлений использования Интернета – это социальные сети, которые дают возможность детям общаться и обмениваться информацией, заводить новые знакомства.

В ст. 23 Конвенции Совета Европы «Домогательство в отношении детей с сексуальными целями» предусмотрена уголовная ответственность «за умышленное предложение о встрече, с которым взрослый при помощи информационно-коммуникационных технологий обращается к ребенку ... с целью совершения против него или нее любого из преступлений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом а) пункта 1 статьи 18 и подпунктом а) пункта 1 статьи 20 настоящей Конвенции, если за таким предложением последовали практические действия, направленные на проведение такой встречи» [2].

В нашем уголовном законодательстве подобный состав преступления отсутствует.

Негативное влияние на психическое и физическое здоровье детей оказывает ранняя половая жизнь.

Несмотря на некоторое снижение числа потерпевших по Гомельской области от преступлений, предусмотренных ст. 168 УК Республики Беларусь «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» (с 59 за 2016 год до 40 за 2017 год), эта проблема продолжает оставаться актуальной.

Как показал опрос более 15 тысяч обучающихся учреждений общего среднего и профессионально-технического образования, основной причиной ранней половой жизни является желание казаться взрослее, далее идет любопытство и воздействие алкоголя, наркотиков, токсических веществ.

О ранней половой жизни свидетельствует снижение брачного возраста.

В 2016 году он был снижен 84 лицам женского пола и 9 мужского, в 2017 – 72 и 12 соответственно. Причинами снижения брачного возраста во всех случаях являлась беременность или рождение ребенка.

Ранние половые отношения – это прямой путь к незапланированной беременности, вирусным гепатитам, СПИДу, а также другим инфекционным патологиям, передаваемым половым путем.

По сведениям, предоставленным управлением здравоохранения Гомельского облисполкома, в 2016 году беременность была прервана у 45 несовершеннолетних, в 2017 году – у 47.

Заболееваемость венерическими заболеваниями среди несовершеннолетних выглядит следующим образом: 2015 год – 46 случаев, 2016 год – 23, 2017 год – 16.

Ежегодно в области выявляется около 10 ВИЧ-инфицированных детей, в том числе заразившихся от половых партнеров.

Значительное число несовершеннолетних становятся матерями, будучи не готовыми к материнству.

В 2016 году 248 несовершеннолетних родили детей, в 2017 году – 169.

Одним из важнейших направлений профилактики преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы детей является их половое просвещение.

Изучение опыта других стран по половому воспитанию детей показало, что каждое государство в этом вопросе имеет свои особенности.

Впервые обязательное половое просвещение в школе было внедрено в Швеции в 1955 году [3]. В 1970-80-е годы примеру Швеции последовали многие страны Западной Европы.

Конвенция Совета Европы предусматривает необходимость «включения в программы начального и среднего школьного образования информации для детей об опасностях, связанных с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями». Эта информация дается в более широком контексте полового воспитания» [2]. В Республике Беларусь обсуждается вопрос о возможном присоединении к данной Конвенции.

Как показало анкетирование, у наших подростков недостаточно знаний о половых отношениях. В то же время около половины опрошенных не считают необходимым введение в учреждениях образования специального курса по половому воспитанию.

Вопросам полового просвещения детей недостаточно внимания уделяется их родителями, педагогами, медицинскими работниками. Данный информационный вакуум заполняет Интернет.

На вопрос: «Откуда Вы получаете знания о половых отношениях» около 35% опрошенных указали Интернет, чуть больше 10% респондентов получают сведения от родителей и учителей.

Учитывая важность принятия своевременных мер по защите детей от насилия, предупреждения преступлений против них по инициативе прокуратуры области и с участием прокурора области Морозова В.Н. данный вопрос с принятием соответствующих решений рассмотрен на заседании комиссии по делам несовершеннолетних Гомельского облисполкома, коллегии управления образования Гомельского облисполкома. По поручению прокуратуры области и при активном ее участии 04.04.2018 Гомельским облисполкомом проведен семинар-учеба на тему «Профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних» для заместителей председателей районных комиссий по делам несовершеннолетних, сотрудников органов внутренних дел, отделов и учреждений образования, главных врачей территориальных учреждений здравоохранения, врачей-педиатров, врачей-гинекологов, студентов факультета психологии и педагогики УО «Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины», студентов УО «Гомельский государственный медицинский университет».

На заседании Общественного совета при прокуроре Гомельской области 26 декабря 2017 г. обсужден вопрос: «Профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних». Участие в мероприятии приняли прокурор области Морозов В.Н., депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Корж И.А., заслуженный юрист Республики Беларусь Михалькова Л.С., председатель Гомельской областной организации ОО «Белорусский союз женщин» Пашед Г.М., начальник управления образования Гомельского облисполкома Порошин С.И., заместитель начальника управления здравоохранения Гомельского облисполкома Змушко М.Н. и другие заинтересованные.

С целью информирования о проблеме сексуального насилия над детьми прокуратурой области широко использовались средства массовой информации.

Принятые меры позволили активизировать деятельность субъектов профилактики по выявлению и пресечению преступлений против половой

неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, обратить внимание родителей, педагогов, общественности на данную проблему.

Список цитированных источников

1. Чеботарева, Т. В. Интернет безопасность несовершеннолетних: миф или реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/46911928-Internet-bezopasnost-nesovershennoletnih-mif-ili-realnost.html>. – Дата доступа: 22.08.2018.
2. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (Лансаротская конвенция) [Электронный ресурс]: пособие для парламентариев. – Режим доступа: https://www.coe.int/t/dg3/children/1in5/source/assembly/handbook_rus.pdf. – Дата доступа: 22.08.2018.
3. Половое просвещение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5. – Дата доступа: 22.08.2018.

МЕСТО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ИНСТИТУЦИЙ В УКРАИНЕ

Бусол Е.Ю.

Государственные органы, которые осуществляют деятельность по противодействию и предотвращению коррупции в Украине, не поддаются точной классификации, поскольку не выработано четких критериев их построения и функционирования. Однако, широкий спектр проблем правоохранительных органов по противодействию коррупции и коррупционной преступности требует их обобщения и системной классификации. Это даст возможность в конкретных условиях отдельно взятого органа анализировать влияние на его деятельность отдельных функциональных составляющих других органов.

Принимая во внимание исследования автора [1], логично предположить, что антикоррупционные органы, как субъекты противодействия коррупции, можно классифицировать на: 1) государственные органы по противодействию коррупции; 2) государственные органы по противодействию коррупционной преступности. Ко второй группе, принимая во внимание их задание и функции, относим специализированные антикоррупционные органы с правоохранительными функциями: Национальное антикоррупционное бюро Украины, Государственное бюро расследований, Специализированную антикоррупционную прокуратуру как самостоятельное структурное подразделение Генеральной прокуратуры Украины.

Согласно научным разработкам [2], первая группа субъектов, которые осуществляют мероприятия относительно предотвращения и противодействия коррупции, включает субъектов с общими полномочиями, которые не созданы специально для непосредственного противодействия коррупционной преступности.

Вторую группу представляют специально уполномоченные субъекты в сфере противодействия коррупции. Эти субъекты определены Законом Украины «О предотвращении коррупции» [3] и осуществляют мероприятия по предотвращению и расследованию коррупционных или связанных с ними правонарушений, а именно: 1) органы прокуратуры; 2) органы Национальной

полиции Украины; 3) Национальное антикоррупционное бюро Украины; 4) Национальное агентство по вопросам предотвращения коррупции. Указанная группа вызывает вопрос о размещении их в одном ряду. Если органы прокуратуры и органы Национальной полиции относятся фактически к государственным органам, которые выполняют функции не только противодействия коррупции, но и другие, то есть не являются специализированными, то Национальное антикоррупционное бюро является специализированным правоохранительным органом, на который возложены функции предупреждения, выявления, прекращения, расследования и раскрытия коррупционных преступлений. Что касается национального агентства по вопросам предотвращения коррупции, то оно, по нашему мнению, вообще не относится ни к первому, ни ко второму виду, а лишь выполняет превентивную функцию в сфере обеспечения формирования и реализации государственной антикоррупционной политики, и не расследует криминальные преступления. В составе Генеральной прокуратуры Украины функционирует Специализированная антикоррупционная прокуратура [4], само название которой свидетельствует о её особом значении в иерархии субъектов противодействия коррупционной преступности.

В Законе Украины «О предотвращении коррупции» [3] не определено, как специально уполномоченный субъект в сфере противодействия коррупции Государственное бюро расследований, однако, исходя из его заданий и функций, оно играет важную роль в раскрытии коррупционных преступлений. Очевидно, что мероприятия по предотвращению коррупции в пределах своей компетенции проводят также другие правоохранительные органы, например, Служба безопасности Украины.

Третья группа включает субъектов, которые «имеют право участвовать в предотвращении и противодействии коррупции», к которым, в частности, относятся и граждане (по собственной инициативе), объединения граждан (по их согласию) [2].

Следует отдельно выделить и такую группу государственных органов, которые способствуют противодействию коррупционной преступности, как специальные научные учреждения: Межведомственный научный исследовательский центр по борьбе с организованной преступностью при Совете Национальной безопасности и обороны Украины; Национальный институт стратегических исследований, который осуществляет научное сопровождение деятельности Национального совета по вопросам антикоррупционной политики как консультативно-совещательного органа при Президенте Украины. Последние две отмеченных институции можно отнести к группе субъектов – государственные органы по разработке стратегии и тактики противодействия коррупции. Такое разделение специальных субъектов представляется возможным, принимая во внимание ранние исследования автора относительно специализированных антикоррупционных органов зарубежных государств, а именно, их разделение на многоцелевые государственные органы противодействия коррупции, которые сочетают в пределах одного учреждения превентивную и репрессивную функции; институции в структуре правоохранительных органов; институции по выработке политики, разработки стратегии, тактики и координации государственных органов в сфере противодействия коррупции [5]. В настоящее время Украина находится в активном процессе формирования созданного Высшего антикоррупционного суда Украины, что придаёт еще большей актуальности проблеме классификации

государственных антикоррупционных институций, определения места нового органа у антикоррупционной иерархии. Вышеприведенную классификацию государственных органов (за видом создания и характером деятельности), что составляет систему специализированных антикоррупционных институций, можно считать лишь условной. В пределах общей классификации выделим два вида государственных антикоррупционных институций в Украине, которые, впрочем, представляют еще не совсем сбалансированную систему (к первому виду относятся как правоохранительные органы, так и НАЗК, которое не выполняет правоохранительной функции):

I. Государственные органы по предотвращению и противодействию коррупционной преступности: 1. Национальная полиция Украины. 2. Государственное бюро расследований. 3. Национальное антикоррупционное бюро Украины. 4. Специализированная антикоррупционная прокуратура. 5. Национальное агентство по вопросам предотвращения.

II. Государственные органы по разработке стратегии и тактики противодействия коррупции: 1. Национальный совет по вопросам антикоррупционной политики при Президенте Украины. 2. Межведомственный научно-исследовательский центр по проблемам борьбы с организованной преступностью при Совете национальной безопасности и обороны Украины. 3. Национальное агентство по вопросам выявления, розыска и управления активами, полученными от коррупционных и других преступлений. 4. Антикоррупционный суд Украины.

Большое количество антикоррупционных институций не всегда способствует реальной минимизации коррупции, а иногда даже мешает, что проявляется в пробелах в законодательстве и недобросовестности чиновников, дублировании некоторых функций органов, возникновении споров по определению подследственности, соперничеству за первенство в разоблачении преступлений, укрывательстве фактов коррупции. Представляется, что законодатель в Законе Украины «О предотвращении коррупции» необоснованно включил в перечень специально уполномоченных субъектов в сфере противодействия коррупции НАЗК, потому что этот орган не осуществляет правоохранительных функций. Предложенный классификационный подход не является исчерпывающим и неизменным, т.к. в дальнейшем в Украине будут созданы и другие государственные институции, а соответственно, появятся и новые признаки их систематизации.

Список цитированных источников

1. Бусол, О. Ю. Протидія корупційній злочинності в Україні у контексті сучасної антикорупційної стратегії: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Олена Юрїївна Бусол. – К., 2015. – С. 23.

2. Шатрава, Сергій. Місце та особливості функціонування органів Національної поліції України в системі суб'єктів протидії корупції / Сергій Шатрава // Visegrad Journal on Human Rights. – 2016. – С. 222–226.

3. Про запобігання корупції: Закон України від 14 жовтня 2014 р. № 1700 // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 49. – Ст. 2056.

4. Романюк, Б. В. Законодавство України та зарубіжних країн щодо протидії корупції. Міжнародний досвід боротьби з корупцією : [монографія] / Б. В. Романюк, О. Ю. Бусол. – Кіровоград : ТОВ «Поліграф-Сервіс», 2010. – 628 с.

ИНИЦИИРОВАНИЕ ПРОКУРОРОМ ЧАСТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ (ЧАСТНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ) СУДА ВНЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СТРАНАХ СНГ

Головко И.И.

В настоящее время предупреждению правонарушений уделяется все больше внимания, так как, несомненно, предупредить нарушение закона проще, чем устранять его последствия. В Республике Беларусь, России и Республике Казахстан указанная деятельность осуществляется в соответствии со следующими положениями нормативных актов.

В Республике Беларусь согласно ст. 125 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 № 2875 – XII, ст. 23 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 №238-З, ст.ст. 4, 26 Закона Республики Беларусь от 08 мая 2007 №220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» прокуратура осуществляет надзор за законностью, обоснованностью решений по гражданским делам и соблюдением законодательства при их исполнении, прокурор обязан на всех стадиях гражданского судопроизводства своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению любых нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили. Прокурор является участником гражданского судопроизводства (ст. 54 ГПК Республики Беларусь). Статьи 56, 84 ГПК РФ определили следующие полномочия прокурора: право подавать заявления, знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии представленных документов, заявлять отводы, представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, задавать вопросы другим участникам судопроизводства по делу, заявлять ходатайства, давать устные и письменные объяснения суду, представлять свои доводы и соображения, возражать против ходатайств, доводов и соображений других лиц, обжаловать (опротестовывать) судебные постановления, прокурор высказывает мнения по вопросам, возникающим во время разбирательства дела, и по существу дела в целом, а также совершает другие процессуальные действия, предусмотренные ГПК Республики Беларусь.

ГПК Республики Беларусь в ст. 325 закрепляет право суда при выявлении в ходе рассмотрения дела нарушения законности отдельными должностными лицами или гражданами либо существенных недостатков или нарушений в деятельности юридических лиц, вынести частное определение и направить его соответствующим юридическим лицам или их должностным лицам, которые обязаны в месячный срок сообщить суду о принятых ими мерах.

Если при рассмотрении дела суд обнаружит признаки преступления в действиях гражданина, он сообщает об этом прокурору частным определением. Причем частное определение вправе вынести и суд апелляционной инстанции (ст. 430 ГПК Республики Беларусь).

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 № 219-З в ст. 54 относит прокурора к числу лиц, участвующих в деле, в ст. 55 наделяет его соответствующими правами (правом в порядке, установленном судом, рассматривающим экономические дела, знакомиться с материалами дела, делать

выписки из них, снимать за свой счет копии этих материалов; заявлять отводы; представлять доказательства, знакомиться до начала судебного разбирательства с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в деле, участвовать в исследовании доказательств; с разрешения суда, рассматривающего экономические дела, задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле; заявлять ходатайства, подавать заявления; давать суду, рассматривающему экономические дела, в письменной и устной форме объяснения; приводить свои доводы по всем вопросам, возникающим в ходе рассмотрения дела; ознакомиться с ходатайствами других лиц, участвующих в деле, возражать против их ходатайств, доводов; получать копии судебных постановлений, принимаемых в виде отдельного документа; обжаловать судебные постановления; знать о жалобах, поданных другими лицами, участвующими в деле; осуществлять иные процессуальные права, предоставленные настоящим Кодексом и иными законодательными актами о судопроизводстве в судах, рассматривающих экономические дела); в ст. 66 указывает, что прокурор, предъявивший иск (заявление), пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения.

Кроме этого, ст. 215 ХПК Республики Беларусь предусматривает, что в случае выявления при рассмотрении спора нарушения юридическими лицами, предпринимателями, государственными органами, органами местного управления и самоуправления, должностными лицами или гражданами законодательных и иных нормативных правовых актов в их деятельности суд, рассматривающий экономические дела, вправе вынести частное определение. Частное определение направляется соответствующим юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, государственным органам, органам местного управления и самоуправления, должностным лицам или гражданам, которые обязаны в срок не более одного месяца со дня вынесения частного определения сообщить в суд о принятых мерах.

В Республике Беларусь рассмотрение дел, возникающих из административно-правовых правоотношений, регулируется соответствующими разделами ХПК и ГПК.

Таким образом, как лицо, участвующее в деле, в гражданском и арбитражном процессе прокурор в Республике Беларусь вправе ходатайствовать о вынесении судом частного определения.

На основании ст. 10.31 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 № 194-3 при установлении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению, судья имеет право вынести частное определение. Должностные лица государственных органов и иных организаций обязаны в течение месяца со дня поступления частного определения или предложения сообщить о принятых мерах суду. Однако ПИКоАП Республики Беларусь не устанавливает случаев обязательного участия прокурора в рассмотрении судом дел об административном правонарушении.

В Российской Федерации при установлении нарушений законов судами могут быть вынесены частные определения, которые направляются в соответствующие организации или соответствующим должностным лицам, которые обязаны в течение месяца сообщить о принятых ими мерах (часть 1 статьи 226 ГПК РФ).

В арбитражном процессе также должно быть обеспечено предупреждение правонарушений. АПК РФ в ст. 188.1 предусматривает, что при выявлении в ходе рассмотрения дела случаев, требующих устранения нарушения законодательства государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностным лицом, адвокатом, субъектом профессиональной деятельности, арбитражный суд вправе вынести частное определение. Частное определение направляется в соответствующий орган, организацию, наделенную федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностному лицу, а в случае нарушения законодательства адвокатом, субъектом профессиональной деятельности – соответственно в адвокатское образование, саморегулируемую организацию, которые в течение месяца со дня его получения обязаны сообщить о принятых ими мерах.

Как лицо, участвующее в деле, прокурор вправе ходатайствовать о вынесении судом частного определения (статьи 34, 35, 45 ГПК РФ, 40, 41, 52 АПК РФ).

В настоящее время Генеральный прокурор Российской Федерации в приказах от 10.07.2017 № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (пункт 8), от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном процессе» (пункт 9) требует при выявлении в ходе рассмотрения дела судом нарушений закона ходатайствовать о вынесении частного определения в адрес организации или должностного лица, их допустивших.

По делам об административных правонарушениях ст. 29.13 КоАП РФ предусматривает право судьи, рассматривающего дело об административном правонарушении, при установлении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению, внести в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий. Организации и должностные лица обязаны рассмотреть представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, в течение месяца со дня его получения и сообщить о принятых мерах судье.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» в п. 3.3.6. обращает внимание прокуроров на необходимость в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении выяснять причины административного правонарушения и условия, способствовавшие его совершению, ходатайствовать о внесении судье в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представления о принятии мер по устранению указанных причин и условий (ст. 29.13 КоАП РФ).

В Республике Казахстан ст. 270 Гражданского процессуального кодекса от 31 октября 2015 № 377-V ЗРК определяет, что при выявлении случаев нарушения законности суд вправе вынести и направить частное определение, а если нарушения допущены со стороны государственных органов, должностных лиц и государственных служащих, суд выносит и направляет частное определение соответствующим организациям, должностным или иным лицам, выполняющим управленческие функции, которые обязаны в месячный срок сообщить о принятых

ими мерах (часть 1); несообщение о принятых мерах влечет административную ответственность.

Причем частное определение вправе вынести и суд апелляционной инстанции (ст. 430 ГПК РК).

ГПК РК в статье 54 определяет, что высший надзор за законностью судебных актов, вступивших в законную силу, по гражданским делам от имени государства осуществляется Генеральным прокурором Республики Казахстан как непосредственно, так и через подчиненных ему прокуроров (часть 1). При этом в силу ч. 2 ст. 54 прокурор вправе вступить в процесс для дачи заключения по делу в целях осуществления обязанностей, предусмотренных Кодексом, на основании ч. 5 ст. 54 ГПК РК прокурор, предъявивший иск, пользуется всеми процессуальными правами, а также несет все процессуальные обязанности истца, кроме права на заключение мирового соглашения, соглашения об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации и соглашения об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры.

Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 № 488-V «Об арбитраже» не упоминает о прокуторе. Однако в связи с тем, что особенности арбитражного разбирательства регулируются в том числе ГПК РК, арбитражное разбирательство осуществляется с учетом задач, установленных ГПК РК в ст. 4, которая закрепила в том числе задачу предупреждения правонарушений.

Как лицо, участвующее в деле, прокурор вправе ходатайствовать о вынесении судом частного определения (статьи 43, 46, 54 ГПК РК).

Нормативный акт, регулирующий порядок судопроизводства по делам, возникающим из публичных правоотношений, не принят. Обсуждается проект Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях в ст. 759 наделил прокурора правом участвовать в рассмотрении дел об административных правонарушениях, в ст. 829-19 определил, что при выявлении случаев нарушения законности, а также установлении причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений, суд выносит частное постановление и вносит в соответствующую организацию и должностным лицам представление о принятии мер по их устранению. Руководители организаций и другие должностные лица обязаны рассмотреть частное постановление в течение месяца со дня его получения и сообщить о принятых мерах суду, вынесшему частное постановление.

Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 2 мая 2018 № 60 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора» в пунктах 29, 44 предписывает прокурорам при выявлении по материалам гражданских дел, дел об административных правонарушениях нарушений законности со стороны должностных лиц государственных органов, физических и юридических лиц ходатайствовать перед судом о вынесении частного определения (частного постановления) и/или незамедлительно рапортом в письменном виде или в форме электронного документа доводить об этом до сведения вышестоящего прокурора, который принимает одно из следующих решений: о регистрации рапорта в Едином реестре досудебных расследований; о возбуждении дела об административном правонарушении; о предъявлении иска; о возбуждении дисциплинарного производства; о внесении иных актов прокурорского надзора и реагирования,

предусмотренных законом, с целью привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности и устранения нарушений.

Таким образом, в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан законодательно установлено осуществление превенции вне уголовного судопроизводства, и в этом активная роль принадлежит прокурору.

В настоящее время международные правовые акты не регулируют предупреждение правонарушений прокурором в гражданском или административном судопроизводстве. Модельный закон СНГ «О прокуратуре», принятый на 27 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ постановлением от 16.11.2006 №27-6, закрепил задачу прокуратуры по принятию мер для предупреждения, пресечения и устранения нарушений конституции и законов, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 2). Однако механизм решения указанной задачи не определен. Модельные процессуальные кодексы государств – участников СНГ не приняты.

Представляется, что прокурор сможет достичь наиболее значимого эффекта в том случае, если при наличии повода будет активно инициировать вынесение частных определений (постановлений) в адрес государственных органов, органов местного самоуправления, органов контроля (надзора) и их должностных лиц. Как показывает судебная практика, именно уполномоченные органы достаточно часто нарушают законодательство и права граждан, публичных образований, иных лиц, своим бездействием или прямыми нарушениями способствуя совершению правонарушений гражданами, субъектами предпринимательской деятельности.

Прокуроры России ходатайствовали о вынесении частных определений в адрес органов опеки и попечительства в связи несвоевременным принятием мер к защите прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних, выразившемся в длительном принятии решения о предъявлении исков о лишении родительских прав, что приводит, в том числе, к возникновению угрозы жизни несовершеннолетних. Также частные определения выносились в связи с неявкой в судебное заседание представителя органа опеки и попечительства, участие которого в делах данной категории обязательно.

Думается, что указанный аспект заслуживает внимания ученых в связи с тем, что содержит серьезный потенциал влияния на стабильность общества в современных условиях.

В связи с большим влиянием на участников судопроизводства психологической, эмоциональной обстановки судебного заседания отмечают воспитательную роль судебного разбирательства. Также осуществляется и предупредительное воздействие на всех участвующих в деле лиц (в зависимости от уровня правосознания, добросовестности и др.). Поэтому в научной литературе одним из способов решения анализируемой проблемы указывали придание профилактике правонарушений в гражданском процессе значения основной функции, наряду с функцией рассмотрения и разрешения гражданских дел [1], но развитие этого аспекта в советском и российском законодательстве не последовало.

Представляется интересным предложение ввести в судопроизводство предупредительный иск по делам о лишении родительских прав, об ограничении дееспособности лица, по спорам в сфере труда и охраны природы [2; 3]. Авторы отмечали, что такой иск не аналогичен иску, например, об ограничении в родительских правах. Решение суда по предупредительному иску должно предупреждать правонарушение. Помощь обладателю права состоит в том, чтобы

поддержать его требования об устранении незаконного притязания, снять напряженность до наступления последствия в случае, если иными способами этого достичь невозможно [1]. Так, предупредительные решения могут приниматься судами в случае, если оснований для выселения еще нет, но противоправное поведение ответчика дает повод предупредить его. Предупредительное решение может быть вынесено и по иску о предупреждении нанимателя и членов его семьи [1]. Такую практику формируют суды при рассмотрении дел о выселении граждан, проживающих на условиях социального найма, и, например, более шести месяцев без уважительных причин не вносят плату за жилое помещение и коммунальные услуги (ст. 90 Жилищного кодекса РФ); если наниматель и члены его семьи используют жилое помещение не по назначению, систематически нарушают права и законные интересы соседей или бесхозяйственно обращаются с жилым помещением, допуская его разрушение (ч. 1 ст. 91 ЖК РФ). Суд вправе предупредить лицо о недопустимости подобного поведения и о необходимости его изменения и указать на возможность подобного иска в будущем при непринятии им должных мер.

Думается, что такая мера должна воздействовать на лицо, обладающее достаточным уровнем правосознания, ведь граждане зачастую не вполне верно представляют последствия своих действий или намерено преступают запрет закона. Также проблемным является исполнение решения суда, невозможность контролировать соблюдение запрета. Так, обоснованно указывали, что по иску о выселении суд вправе предупредить граждан и отказать в иске, таким образом иск не имеет названия предупредительного либо превентивного, и суд, предупредив ответчика, иск не удовлетворяет [4, с. 100]. Все-таки такой иск по характеру будет предупредительным. Однако необходимую теоретическую основу для этой категории исков еще предстоит создать.

В настоящее время защита прав граждан путем выдвижения требований о прекращении действий, могущих привести к нарушению права в будущем, предусмотрена п. 2 ст. 578 ГК РФ (о договоре дарения), п. 2 ст. 73 (ограничение родительских прав) Семейного кодекса РФ и пр. Судебная практика по таким делам не сформирована.

Кроме отмеченных мер по предупреждению правонарушений, прокурор вправе ходатайствовать об истребовании доказательств, проведении экспертизы, принятии мер по обеспечению иска, обжалованию незаконного постановления суда. Реализация данных полномочий способствует предупреждению возможных правонарушений.

В заключение укажем, что проблематика предупреждения правонарушений в судопроизводстве, в том числе как важная составляющая деятельности прокурора, участвующего в рассмотрении дел судами, обладает серьезным потенциалом в обеспечении стабильности общества и правопорядка, безопасности граждан и требует дальнейшего всестороннего научного исследования.

Список цитированных источников

1. Мурадян, Э. М. Предупредительный иск в гражданском процессе / Э. М. Мурадян, В. Г. Тихия // Правоведение. – 1987. – № 4. – С. 75-79.
2. Мурадян, Э. М. Социальное действие и резонанс судебного решения // Советское государство и право. – 1983. – № 3. – С. 46-54.

3. Мурадян, Э. М. Оптимальное судопроизводство (по гражданским делам) / Э. М. Мурадян, В. Г. Тихиня. – Минск: Изд-во Унив-та, 1989. – С. 39-56.

4. Осокина, Г. Л. Иск (теория и практика) / Г. Л. Осокин. – М.: Городец, 2000. – 192 с.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В ПЕРИОД 1939-1941 гг.

Грачева И.М.

В результате польско-советской войны 1919–1920 гг. часть территории Белоруссии оказалась под властью Польши. Решение об этом было принято в результате мирных переговоров, начавшихся еще в августе 1920 г. в Минске. Несмотря на то, что переговоры напрямую затрагивали белорусские интересы, представители БССР участия в них не принимали.

В соответствии с условиями Рижского мирного договора 1921 года белорусская нация и ее этническая территория оказались на долгое время разделенными на три части. Почти половина этнической территории Белоруссии отошла к Польше, еще одна часть была включена в состав РСФСР. Как суверенное государство ССРБ существовала после второго провозглашения в границах только 6 уездов (Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Мозырский, частично Минский и Слуцкий) бывшей Минской губернии.

По условиям Рижского договора, Польша обязалась предоставить белорусам, украинцам и русским все права, которые обеспечивали бы свободное развитие культуры, языка и вероисповедания. Такие же права предоставлялись полякам на советской территории. Стороны декларировали отказ от враждебной пропаганды и недопущение создания групп и организаций, которые действовали бы против государств, подписавших договор. Однако впоследствии эти условия неоднократно нарушались.

С середины 30-х гг. мир стал втягиваться в новую войну. 1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. 3 сентября Франция и Англия объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война. Мужественное сопротивление Польской армии у Гдыни, Модлина, Варшавы не смогло противостоять хорошо вооруженной машине гитлеровского рейха. К середине сентября фашистские войска заняли почти все жизненно важные центры Польши, 14 сентября окружили Брест, 15 сентября пал Белосток.

17 сентября Красная Армия перешла советско-польскую границу. Белорусский фронт насчитывал более 200 тысяч солдат и офицеров. Ему противостояло 45 тыс. польских солдат и офицеров. Военных действий между польскими и советскими войсками почти не было. К 25 сентября Западная Беларусь была полностью занята Красной Армией. Уже 22 сентября генерал Гудериан и комбриг Кривошеин на главной улице Бреста приняли парад германских и советских войск, затем советские войска были отведены за Буг. 28 сентября в Москве был подписан договор между СССР и Германией о дружбе и границах, по которому устанавливалась новая Западная граница Советского Союза по так называемой «линии Керзона». В секретном дополнительном протоколе была зафиксирована договоренность о вхождении территории Литвы

в сферу влияния СССР в обмен на Люблинское и часть Варшавского воеводств, которые попадали в сферу влияния Германии. 10 октября 1939 г., по решению правительства СССР, Литве были переданы Вильно и Виленское воеводство, и летом 1940 г. - Свентянский и Гадутинский районы, часть Островецкого, Ошмянского и Свирского районов.

Ввиду необходимости наведения порядка на занятых территориях бывших польских воеводств на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) от 01.10.1939 было принято решение о создании областных временных управлений. [2, с. 23].

20 сентября ЦК Компартии Беларуси составил списки работников для временных управлений, были подобраны на руководящие должности партийные, советские и хозяйственные кадры. Всего до октября 1940 г. в Белостокскую область было направлено 12396 человек, Брестскую – 5989 человек. Эти люди не знали местного уклада жизни, обычаев, языка, а поэтому не пользовались доверием местного населения. Во всех городах и повятах были созданы временные управления, в деревнях - крестьянские комитеты из местных активистов, представителей Красной Армии и присланных из восточных районов коммунистов и комсомольцев. Они налаживали работу промышленных предприятий, медицинское обслуживание населения, открывали школы.

1 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Вопросы Западной Беларуси и Западной Украины», которым обязывало создать Украинское и Белорусское Народные собрания. 22 октября 1939 г. в Западной Беларуси были проведены выборы в Народное собрание, в которое было избрано 929 депутатов. 28-30 октября в Белостоке состоялось Народное собрание Западной Беларуси. Оно приняло декларацию об установлении Советской власти на всей территории Западной Беларуси, конфискации помещичьих земель, национализации банков и крупной промышленности. Собрание приняло декларацию о вхождении Западной Беларуси в состав СССР и БССР и избрало полномочную комиссию, которой поручалось передать Верховному Совету СССР и Верховному Совету БССР его решения. 2 ноября 1939 г. сессия Верховного Совета СССР и 12 ноября сессия Верховного Совета БССР приняли законы о включении Западной Беларуси в состав СССР и воссоединении ее с БССР.

В результате этого территория БССР увеличилась с 125,5 тыс. кв. км до 225,7 тыс. кв. км, а численность населения выросла - в 2 раза и составила 10 млн. 200 тыс. человек. В декабре 1939 - январе 1940 гг. было введено новое административно-территориальное деление, созданы Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская области и 101 район. В феврале-марте партийные и комсомольские организации, местные органы власти в Западных областях оказались включенными в сталинскую командно-административную систему, стали ее составной частью. Это отразилось на методах работы и ходе социально-экономических преобразований.

Таким образом, в декабре 1939 года БССР состояла из 10 областей: 5 восточных и 5 «новых» западных (Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской).

Очевидно, что становление советской власти не могло пройти без образования соответствующих органов на новых территориях.

Вместе с тем остается открытым вопрос о дате создания прокуратур данных областей.

Согласно исторической справке о прокуратуре Барановичской области БССР, составленной 26.02.1954 и.о. прокурора Барановичской области Г.Крючковым указывается, что «прокуратура Барановичской области была создана на основании приказа Прокурора СССР от 10.10.1939 № 106-с с центром в г. Барановичи. За время восстановления прокуратуры Барановичской области, т.е. с октября 1939 года по 22 июня 1941 года никаких архивных даны о деятельности прокуратуры не сохранилось.» [2, с. 1,2]. Так как в иных архивах Республики Беларусь не сохранилось сведений о дате создания прокуратур областей Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской области, логично предположить, что дата основания прокуратуры для них будет едина.

В первый месяц становления советской власти в Бресте, всеми вопросами в городе занималось Временное управление, организованное силами специально созданных оперативно-чекистских групп. Данные группы прибыли в Брест в сентябре 1939 года с передовыми частями РККА для работы среди гражданского населения [3, с. 22]. Аналогичная ситуация складывалась и в других регионах Западной Беларуси.

Временные управления организовывали на фабриках и заводах комитеты рабочего контроля, обеспечивали население продуктами питания, налаживали медицинское обслуживание, регулировали цены на промышленные и продовольственные товары, боролись со спекуляцией, открывали школы. При временных управлениях создавались отряды рабочей гвардии.

Первые составы прокуратур в западных регионах были малочисленны. Так, по состоянию на май 1940 года в прокуратуре Брестской области работало 12 человек. Районные прокуратуры имели состав от 1 до 3 человек. В каждой прокуратуре был следователь. Любопытным представляется тот факт, что отдельные штаты районных прокуратур состояли в первое время только из следователя, что свидетельствует о высокой нагрузке по расследованию уголовных дел прокурорской направленности.

Воссоединение с БССР ускорило развитие промышленности Западной Беларуси. Восстанавливались и расширялись промышленные предприятия, велось строительство новых. Объем промышленной продукции увеличился в конце 1940 г. почти в 2 раза в сравнении с 1938 г. и составил 27,6 % промышленного производства республики.

С осени 1939 г. на базе бывших помещичьих имений начали создаваться колхозы и совхозы. В них записывалось в основном малоимущее крестьянство, видевшее в этом средство спасения от бедности. В отношении зажиточных крестьян проводилась политика ограничения путем установления повышенных денежных и натуральных налогов. Обновлялись и реконструировались промышленные предприятия, строились новые фабрики и заводы. К концу 1940 г. в Западных областях БССР действовали 392 промышленных предприятия, на которых было занято около 40 тыс. человек. Объем промышленной продукции по сравнению с 1938 г. вырос в 2 раза. До войны было создано 1115 колхозов, которые объединяли 6,7% хозяйств и 7,8% земли. В апреле 1941 г. были установлены нормы землепользования в размере 10, 12, 15 га земли в зависимости от местных условий.

Осуществлялись также преобразования в области культуры. В Западных областях была создана советская система социального обеспечения, введено бесплатное медицинское обслуживание населения, открыто много поликлиник,

больниц. В 1940-1941 учебном году действовало 5958 общеобразовательных школ, 5 институтов, 25 средних специальных учебных заведений. К началу 1940 г. работало 5 драмтеатров, 100 кинотеатров, 92 Дома культуры, 220 библиотек.

Указанные тенденции развития регионов Западной Белоруссии обуславливали и спектр вопросов с которыми работали прокуроры. Так в докладе о состоянии работы по общему надзору Брестской облпрокуратуры от 20.04.1940 указан перечень проверок, включенных в план работы:

- проверка в организованных колхозах внедрения Сталинского устава с/х артели в части обобществления, учета трудодня и управления делами артели;

- проверка выполнения постановлений СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28.12.1938 об укреплении трудовой дисциплины;

- проверка законности издаваемых обязательных постановлений райисполкомами, горисполкомами, облизполкомом [4, с. 4].

При этом следует отметить, что вмешательство прокуратуры по указанным вопросам оказывала зачастую неоценимую помощь в социально-экономическом развитии регионов. Так, в том же докладе указано, что прокурор Каменецкого района при проверке организации машино-тракторных станций установил, что Старобинская МТС отправила 8 тракторов, 4 из которых требовали ремонта. Оформленные прокурором по данному факту материалы были направлены по месту отправки тракторов для привлечения виновных к уголовной ответственности, а взамен неисправных прибыли трактора в рабочем состоянии.

Однако имелись и перегибы. В ноябре-декабре 1939 г. были национализированы не только крупные и средние предприятия, но и часть мелких, что противоречило решениям Народного собрания Западной Беларуси. В отношении кулачества проводилась политика ограничения. Из Западных областей органами НКВД в восточные районы была выселена часть зажиточного крестьянства.

Решения, принимаемые по данному вопросу прокурорами также носили зачастую вынужденный политический характер. Так, двое крестьян в одной из деревень Малоритского района после прихода Красной Армии убили бывшего коменданта польской полиции Чепика. Молодой районный прокурор А.В. Зуб совершил, с точки зрения обкома партии, непростительную ошибку – арестовал крестьян и на суде потребовал для них высшую меру. На заседании Брестского обкома КПБ(б), где его жестко раскритиковали за политическую близорукость и освободили от должности, объявив выговоры заместителю и прокурору области. Однако спустя два месяца прокурор был восстановлен в должности, в которой проработал до начала войны [4, с. 15].

Одновременно власти начали проводить работу по выселению из города «неблагонадежных лиц». Первая такая операция прошла по всей территории Западной Беларуси 10 февраля 1940 года. 21 февраля нарком внутренних дел БССР Л. Цанава направил докладную записку первому секретарю ЦК КП(б)Б Пантелеймону Пономаренко о результатах: "Операция началась на рассвете 10 февраля. К концу дня в основном была завершена. В связи с высокими морозами (– 37- 42 градуса), пургой и большими заносами, погрузка в эшелоны затянулась до 13 февраля. Выселению подлежали 9810 хозяйств (52.892 человека)... Было погружено в эшелоны 50.224 человека, арестовано 307 человек, умерло и убито во время операции 4 человека. Репрессировано после 13 февраля и помещено в изоляторы для последующей высылки 197 человек. Таким образом, общее

количество репрессированных составило 9854 хозяйства (50.732 человека)". Второе выселение семей «репрессированных военнопленных и офицеров, полицейских, жандармов, помещиков, руководителей фашистских партий, провокаторов и шпионов» прошло 13 апреля 1940 года. До начала войны с Германией Западная Беларусь пережила еще три такие "операции". В апреле 1940 года – 26.777 человек, в июне 1940 года – 22.897, в мае-июне 1941 года – 24.412. Еще многие тысячи были насильно завербованы в различного рода строительные организации, отправлены на принудительные работы на предприятия и шахты в другие регионы СССР. Многим западным белорусам этого было достаточно, чтобы понять все, что требуется, об СССР и методах советской власти. Польская довоенная пропаганда не имела успеха, зато менее чем за два года советская действительность прекрасно справилась с тем, чтобы перевоспитать западнобелорусское население.

К оставшемуся же населению применялись самые жесткие меры. Так, в акте проверки выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.04.1940 по нарушению и прокуратуре Косовского района на 24.08.1940, указано: «В процессе рассмотрения дел о прогульщиках и самовольно ушедших с работы нарушителей (судья Булгаков) допущены нарушения Указа, а именно применены необоснованно мягкие меры наказания.» [4, с. 222]. В приведенных примерах описывается изменение отмена приговоров с мерой наказания общественное порицание со штрафом, с новым вынесением приговора, предусматривающим лишение свободы.

Неудивительно, что летом 1941 года офицеры немецкой армии писали о том, что их радостно встречают – прямо как офицеры Красной армии в своих донесениях в 1939-м. В 1939-1941 гг. на территории Западных областей действовали польские подпольные организации «Союз борьбы за независимость Польши», «Союз вооруженной борьбы», «Союз польских патриотов», «Стрельцы» и др. Они вели антисоветскую пропаганду, создавали тайные хранилища оружия. [5, с. 55].

С одной стороны, Советское правительство стремилось поднять экономическое и социальное развитие присоединенных территорий. Сюда были направлены учителя и доктора, открыты школы и больницы, доставлены товары первой необходимости. [6, с. 525].

С другой стороны, поспешная коллективизация, раскулачивание, депортация, борьба с религией и недоверие к местным кадрам вызвало сопротивление населения. Форсирование конфликтов было вызвано как идеологическими причинами, так и реальной политической и международной обстановкой в этот период. Угроза войны требовала оперативных решений, что не позволяло сосредоточить внимание на перспективном развитии присоединенных территорий [7, с. 289].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Воссоединение Западной Беларуси с БССР было восстановило ее территориальную целостность. Несмотря на командно-административную систему, Западные области БССР за 1 год и 9 месяцев сделали значительный шаг в социально-экономическом развитии и осуществлении культурных преобразований.

2. Накануне войны Белорусская ССР была одной из индустриально-аграрных республик Советского Союза. В ее состав входили 10 областей и 188 районов. Проводилась большая работа по воспитанию у советских людей

чувства патриотизма, готовности защищать Отечество. Защита Западной границы СССР возлагалась на войска 5 приграничных военных округов.

3. Значительные достижения советской власти, проведенные с участием прокуроров на территории Западной Белоруссии (существенное увеличение экономического потенциала, сокращение безработицы, повышение жизненного уровня и социального обеспечения населения) одновременно сопровождались рядом негативных действий (значительным количеством необоснованных депортаций, практически полным отстранением и недопущением местного населения на руководящие и властные посты, недопустимо высокими темпами коллективизации без необходимой подготовки сельского населения к этому процессу), которые определили враждебное отношение части населения к советской власти.

4. Несмотря на отдельные просчеты, допущенные советской властью на территории Западной Белоруссии в период 1939 - 1941 гг., в целом ее действия в этот период с позиций государственных интересов СССР следует оценивать положительно. Угроза войны требовала оперативных решений, что не позволило сосредоточить внимание на перспективном развитии присоединенных территорий.

5. Быстрому внедрению новой государственной системы способствовал ряд мер, которые реализовала советская власть в области решения территориального и национального вопроса, землепользования, соцкультбыта, бесплатного медицинского обслуживания и образования. Такие шаги советской власти воспринимались населением на освобожденных территориях с одобрением и радостью. Но в процессе становления новой власти советское правительство допустило и ряд серьезных просчетов. Наибольшее недовольство среди населения вызвало разгосударствление личного хозяйства, насаждение марксистской идеологии и атеизма, отстранение местных кадров от участия во властных структурах.

Список цитированных источников

1. «Ты з Заходняй, я з Усходняй Беларусі...». Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы: у 2 кн. – Кніга 1. Верасень 1939 г.-1941г. – склад.: У.І. Адамушка [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – С. 23 – Опубликовано: Брест в 1939-1941 гг.: документы и материалы / Учреждение «государственный архив Брестской области»; сост.: А. Г.Карапузова (и др.). – Брест: Альтернатива, 2012. – 246 с.

2. Государственный архив г. Барановичи. – Ф.593. Дело фонда, л. 1,2.

3. Брест в 1939-1941 гг.: документы и материалы / Учреждение «Государственный архив Брестской области»; сост.: А. Г.Карапузова (и др.). – Брест: Альтернатива, 2012. – 22 с.

4. Архив прокуратуры Брестской области. – Ф. 3. Оп. 2. Д. 223.

5. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк, І. М. Ігнаценка, У. І. Вышыньскі [і інш.]. – Мн.: Беларусь, 1995. – 560 с.

6. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Саврем. шк.: Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / Ю. Бохан [і інш.]. – 2007. – 613 с.

7. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / Я. А. Юхо. Мінск: РІВШ БГУ. – 2000. – 352 с.

КООРДИНАЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ, УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

*Ермолаев Л.В.
Герцовский Я.И.*

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью возложена на Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров. В целях обеспечения координации деятельности правоохранительных органов прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утвержденным Президентом Российской Федерации.

В 2017 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации осуществлен комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

В соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утвержденным Президентом Российской Федерации от 18.04.1996 № 567, проведение заседаний Координационного совещания является одной из основных форм координации деятельности правоохранительных органов и осуществляется в целях повышения эффективности противодействия преступным проявлениям, позволяет правильно определить главные направления, приоритеты деятельности, использовать оптимальные и своевременные формы и методы борьбы с преступностью. Данная деятельность реализуется на основании Конституции Российской Федерации с соблюдением принципа равенства всех участников.

В 2017 г. органами прокуратуры Российской Федерации проведено 12 866 заседаний координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, а также 15 508 межведомственных совещаний, на которых рассматривались наиболее актуальные вопросы борьбы с преступностью. В том числе на федеральном уровне в рамках реализации плана основных мероприятий по координации деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по борьбе с преступностью на 2017 г. проведено 3 координационных и 2 межведомственных совещания.

В 2017 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации разработан ряд межведомственных приказов: «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия при выявлении, выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования», «Об утверждении Порядка взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов Российской Федерации по вопросам противодействия преступной деятельности в миграционной сфере», «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным

путем». В настоящее время данные документы согласованы и проходят процедуру подписания.

В течение 2017 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации во взаимодействии с заинтересованными правоохранительными органами проводилась работа по выполнению Межведомственного комплексного плана совместных профилактических мероприятий по противодействию преступным проявлениям на 2016–2017 гг.

Приоритетной задачей для органов прокуратуры Российской Федерации является противодействие коррупции. Генеральная прокуратура Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры в пределах своих полномочий координируют деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов Российской Федерации и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализуют иные полномочия в области противодействия коррупции, установленные федеральными законами, в частности:

- осуществляют защиту и восстановление нарушенных в результате коррупционных правонарушений прав, свобод и законных интересов граждан и организаций;

- проводят мониторинг и анализ исполнения законодательства о борьбе с коррупцией и вырабатывают предложения по его совершенствованию;

- проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов, выявляют коррупционные проявления и проводят по ним соответствующие проверки;

- участвуют в международном сотрудничестве с антикоррупционными и иными структурами других стран.

В прошлом году прокурорами организовано проведение около 2 900 (что на 3,1 % больше, чем в 2016 г.) заседаний координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, на которых определены задачи в сфере борьбы с коррупцией и акцентировано внимание на работе по выявлению и расследованию преступлений коррупционной направленности, возмещению ущерба от них, привлечению виновных лиц к ответственности.

Помимо этого, прокуроры совместно с другими правоохранительными органами, а также при необходимости с привлечением контрольно-надзорных органов, общественных организаций и средств массовой информации провели 1 473 межведомственных совещания, 2 236 целевых мероприятий для выявления и пресечения коррупционных преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению, издали 105 межведомственных организационно-распорядительных документов в сфере борьбы с коррупцией, 83 информационных бюллетеня, осуществили 200 выездов в регионы, организовали 714 семинаров, конференций и иных мероприятий для повышения квалификации работников правоохранительных органов.

Среди форм координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией особенно эффективной является деятельность межведомственных рабочих групп, созданных на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В настоящее время в России функционирует 2,9 тыс. таких межведомственных рабочих групп, из которых в прошлом году создано 164. В 2017 г. проведено более 10 тыс. совещаний межведомственных рабочих групп, что на 2,6 % больше, чем в 2016 г. (9 819).

Органами прокуратуры Российской Федерации осуществляется работа по обеспечению соблюдения законодательства о противодействии коррупции, а также по выявлению и предупреждению коррупционных правонарушений. В течение 2017 г. прокурорами на постоянной основе проводились проверки исполнения законодательства о противодействии коррупции в федеральных органах исполнительной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также в организациях, в том числе созданных для выполнения задач, поставленных перед органами государственной власти.

В 2017 г. органами прокуратуры выявлено 245,6 тыс. (в 2016 г. – 325,6 тыс.) нарушений законодательства о противодействии коррупции, с целью устранения которых внесено 58,5 тыс. (67,7 тыс.) представлений, принесено 34 тыс. (44,8 тыс.) протестов на незаконные правовые акты, направлено 6,1 тыс. исков в суд на сумму 16,4 млрд рублей (10,2 тыс. исков на сумму 1,6 млрд рублей). По результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования в 2017 году привлечено к дисциплинарной ответственности 65 тыс. (72,7 тыс.) лиц, к административной – 6,8 тыс. (92 тыс.) лиц.

Для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурорами направлено 3,9 тыс. материалов, по которым возбуждено 3,4 тыс. уголовных дел (в 2016 г. – 4,5 тыс. материалов и 3,8 тыс. уголовных дел соответственно).

Об эффективности принимаемых Генеральной прокуратурой Российской Федерации мер организационного характера, нацеливающих нижестоящих прокуроров на выявление и пресечение наиболее существенных общественно опасных коррупционных деяний, свидетельствует более чем трехкратный рост числа лиц, уволенных в связи с утратой доверия в результате прокурорского вмешательства. По данному основанию в 2017 г. уволено 1 251 лицо, тогда как в 2016 г. – лишь 383.

При осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в сфере экономики основная масса нарушений выявлялась при проверках законности закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд (12 тыс.), распоряжения государственной и муниципальной собственностью (9,3 тыс.), а также использования бюджетных средств (605 тыс.). Как правило, нарушения были связаны с наличием конфликта интересов у представителей организаторов и участников закупок.

Для восстановления интересов государства, граждан и организаций в 2017 г. прокурорами предъявлено 2 214 исков с требованиями о возмещении ущерба, причиненного актами коррупции (в 2016 г. – 2 705), на сумму 16,3 млрд рублей (3,6 млрд рублей). Удовлетворено 1 488 исков на сумму 11,4 млрд рублей (в 2016 г. – 1 899 исков на сумму 3,3 млрд рублей).

Одним из факторов, способствующих развитию и распространению коррупции, является несовершенство законодательства. Действующие нормативные правовые акты нередко содержат нормы, порождающие коррупционное поведение и способствующие злоупотреблению властными полномочиями. По этой причине антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов рассматривается в качестве одного из эффективных средств профилактики коррупции. Результаты проведенной органами прокуратуры

работы по выявлению коррупционных факторов в нормативных правовых актах и их проектах свидетельствуют о наличии положительных тенденций, направленных на снижение коррупциогенности нормативных правовых актов на всех уровнях власти и местного самоуправления.

В 2017 г., реализуя полномочия, предоставленные ст. 9-1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», прокуроры провели антикоррупционную экспертизу более 970 тыс. нормативных правовых актов (в 2016 г. – 989 тыс.), выявлено 46 тыс. (49 тыс.) нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы.

Анализ работы органов прокуратуры показал, что наиболее часто прокурорами выявлялись такие коррупциогенные факторы, как принятие нормативного правового акта за пределами компетенции (13,9 тыс.), широта дискреционных полномочий (13,2 тыс.), отсутствие или неполнота административных процедур (11,2 тыс.), выборочное изменение объема прав (6,8 тыс.), наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права (4,6 тыс.).

Работа органов прокуратуры Российской Федерации по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью является системной и последовательной. Вместе с тем, конечно же, необходим обмен опытом и заимствование положительных примеров из деятельности органов прокуратуры других государств, в связи с чем Секретариат Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ ежегодно проводит анализ законодательства в этой сфере и практики работы прокуратур СНГ, а подготовленный по результатам обзор направляет во все генеральные прокуратуры.

УСИЛЕНИЕ РОЛИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Каюмов Б.Э.

Анализ пройденного этапа развития Узбекистана, изменяющаяся конъюнктура мировой экономики в условиях глобализации и усиливающаяся конкуренция потребовали выработку и реализацию кардинально новых идей и принципов устойчивого и опережающего развития страны, не только в сфере экономики, но, и в сфере обеспечения исполнения принимаемых актов законодательства, укрепления законности и правопорядка в обществе.

В связи с этим, в целях повышения эффективности проводимых реформ по итогам анализа действующего законодательства, правоприменительной практики и передового зарубежного опыта утверждена Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 – 2021 годах, [1, ст.70], предусматривающая во-первых, совершенствование государственного и общественного строительства; во-вторых, обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебно-правовой системы; в-третьих, развитие и либерализацию экономики; в-четвертых, развитие социальной сферы; в-пятых,

обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики.

Стратегия действий стала, по сути, «дорожной картой» реформ страны на ближайшее пятилетие, призванной стимулировать целенаправленное устойчивое развитие страны и общества.

Сегодня можно много говорить об Узбекистане. К нему приковано всеобщее внимание в связи с происходящими переменами в стране.

Но хотелось бы акцентировать внимание на конкретных изменениях, происходящих в органах прокуратуры Узбекистана.

В соответствии с Законом Республики Узбекистан «О прокуратуре» от 29 августа 2001 г. основными задачами органов прокуратуры Республики Узбекистан являются обеспечение верховенства закона, укрепление законности, защита прав и свобод граждан, охраняемых законом интересов общества и государства, конституционного строя Республики Узбекистан, предупреждение и профилактика правонарушений.

Наряду с этим, эффективная реализация Стратегии действий, новые задачи и приоритеты социально-экономического развития страны потребовали максимальной мобилизации потенциала органов прокуратуры и совершенствования организации её деятельности, в том числе по осуществлению системного анализа состояния законности, своевременному выявлению, устранению причин и условий совершения правонарушений.

В связи с этим, приоритетной задачей органов прокуратуры определено «служить интересам народа» путем обеспечения, в частности, неукоснительного выполнения программ комплексного социально-экономического развития территорий, всемерной поддержки предпринимательской деятельности, надежной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства.

Одним из наиболее важных компонентов Стратегии являются реформы, направленные на улучшение инвестиционного климата и повышение уровня прозрачности экономики республики для иностранных инвесторов.

При этом органы прокуратуры занимают особое место в либерализации экономики, устранении всяческих преград и ограничений для частного предпринимательства.

Не представляется возможным перечислять все решения руководства страны, направленные на достижение этой цели, но некоторые из них, наиболее важные, достойны отдельного упоминания.

Так, на сегодняшний день, уже принят ряд решений, при разработке которых принимали активное участие сотрудники Генеральной прокуратуры, в результате которых:

- учреждён институт Уполномоченного при Президенте Республики Узбекистан (Бизнес-омбудсмен) по защите прав и законных интересов субъектов предпринимательства;
- объявлен сроком на два года мораторий на проведение проверок финансово-хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства;
- создано Агентство государственных услуг;
- практически во всех регионах страны созданы новые свободные экономические зоны, где инвесторы получают значительные налоговые и таможенные льготы и преференции на срок от 3 до 10 лет;

- принята концепция реформирования системы налогообложения, предусматривающая почти двукратное снижение налогового бремени для юридических и физических лиц с начала следующего года;

- отменены 42 вида лицензий и документов разрешительного характера, а 37 таких документов сокращены до 17 путём их объединения.

Следует отметить, что в 2017-2018 годах система органов прокуратуры Узбекистана претерпела колоссальную модернизацию с учетом современных требований.

Так, в мае 2017 года задачи, функции и полномочия упраздненного Судебного департамента при Министерстве юстиции переданы вновь созданному Бюро принудительного исполнения при Генеральной прокуратуре [2, ст.413].

Кроме того, в апреле 2018 года образована Инспекция по контролю за агропромышленным комплексом и обеспечением продовольственной безопасности при Генеральной прокуратуре Республики Узбекистан, ответственная за осуществление контроля за состоянием агропромышленного комплекса и продовольственной безопасности, исполнением требований законодательства и нормативных документов в данной области. [3].

Также в мае 2018 года в целях создания благоприятных условий для ведения бизнеса и привлечения инвестиций, а также повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями и коррупцией Департамент по борьбе с налоговыми, валютными преступлениями и легализацией преступных доходов при Генеральной прокуратуре преобразован в Департамент по борьбе с экономическими преступлениями при Генеральной прокуратуре [4].

В августе текущего года введена должность заместителя Генерального прокурора, ответственного за осуществление надзора за исполнением законодательства в налоговой и таможенной сферах.

Вместе с тем, в целях эффективного осуществления реформ и демократических преобразований в 2018 году в в структуре Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан созданы 9 новых управлений, в частности, такие как управления по надзору за исполнением законодательства в сфере осуществления налоговых и таможенных реформ, транспорта, строительства и других отраслях экономики, Управление по правовой защите предпринимательства и инвестиций, Управление по надзору за исполнением решений Президента Республики Узбекистан и другие [5].

Учитывая широкий спектр задач Генеральному прокурору Республики Узбекистан предоставлено право принимать на работу высококвалифицированные кадры неюридических специальностей (экономисты, финансисты, инженеры, социологи и другие), обладающие необходимыми знаниями и опытом [5].

Следует отметить, что на Управление по правовой защите предпринимательства и инвестиций возложены задачи по оказанию всемерной поддержки субъектам предпринимательства и инвесторам.

Для создания эффективного механизма прямого контакта и сотрудничества с инвесторами в региональных прокуратурах дополнительно учреждены штаты по работе с предпринимателями.

Так, Генеральной прокуратурой оказывается организационно-правовое содействие субъектам предпринимательства и инвесторам, в том числе в получении земельных участков, в выделении зданий, в подключении к инженерным коммуникациям, в получении необходимых разрешений и лицензий

и другим вопросам. Тщательным образом рассматривается каждое обращение предпринимателя и инвестора.

При этом Генеральная прокуратура является уполномоченным органом по координации проверок деятельности субъектов предпринимательства

Наряду с этим, Генеральная прокуратура оказывает содействие и правовое сопровождение инвестиционных проектов в нефтегазовой и химической отраслях, в энергетической сфере, в производстве строительных материалов и других направлениях.

Проводится активная работа по подготовке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, недопущению и устранению нарушений законодательства, а также фактов произвольного, субъективного, избирательного толкования правовых норм, совершенствованию деятельности государственных органов и организаций,

В ближайшем будущем будут приняты законодательные акты и осуществлены организационные мероприятия, направленные на:

- активное внедрение механизма взаимодействия государственных органов с частным сектором на основе государственного частного партнерства;

- унификацию системы налогообложения, направленную на снижение налоговой нагрузки на бизнес, путем принятия Налогового кодекса в новой редакции;

- кардинальное совершенствование таможенной системы, обеспечение ее соответствия международным стандартам;

- диверсификацию логистических маршрутов с соседними странами.

Генеральная прокуратура заинтересована в привлечении иностранных инвестиций в экономику страны и всячески способствует и содействует иностранным инвесторам.

Список цитированных источников

1. О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан: Указ Президента Республики Узбекистан, 7 февр. 2018 г., №УП–4947 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2017 г. – № 6. – Ст. 70.

2. О мерах по дальнейшему укреплению платежной дисциплины в сфере поставки и потребления электрической энергии и природного газа, а также коренному совершенствованию системы исполнительного производства: Указ Президента Республики Узбекистан, 29 мая 2017 г., № УП–5059 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2017 г. – № 22. – Ст. 413.

3. О мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления сельским и водным хозяйством: Указ Президента Республики Узбекистан, 17 апр. 2018 г., № УП–5418 // Национальная база данных законодательства, 18.04.2018 г., №06/18/5418/1082.

4. О мерах по коренному повышению эффективности использования бюджетных средств и совершенствованию механизмов борьбы с экономическими преступлениями: Указ Президента Республики Узбекистан, 23 мая 2018 г. – № УП–5446 / Национальная база данных законодательства, 24.05.2018 г., № 06/18/5446/1251.

5. О дополнительных мерах по повышению эффективности деятельности органов прокуратуры в обеспечении исполнения принимаемых нормативно-правовых актов: Указ Президента Республики Узбекистан, 15 февр. 2018г. № УП–5343 // Национальная база данных законодательства, 15.02.2018 г., № 06/18/5343/0703.

МОНИТОРИНГ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОЕКТОВ ПРАВОВЫХ АКТОВ (ПРАВОВЫХ АКТОВ) КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

Поляцук Н.А.

В современных условиях правоохранительная деятельность прокуратуры осуществляется по нескольким основным направлениям, которые определяются Законом Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь». Прежде всего, закон устанавливает, что прокуратура – единая и централизованная система органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами.

Выполнение функций и реализация задач, возложенных на органы прокуратуры, невозможно без повышения качества нормотворческой и правоприменительной деятельности, поскольку нередко совершение правонарушений может быть обусловлено, в том числе и несовершенством действующего законодательства. Следовательно, оценка качества нормотворческой и правоприменительной деятельности становится одним из направлений деятельности органов прокуратуры.

Обеспечение качества законодательства напрямую связано с созданием эффективной «системы защиты» нормативных правовых актов от норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение криминогенных последствий (т.е. рисков криминогенного характера) в различных сферах общественных отношений. Исключение из проектов правовых актов (правовых актов) таких норм является одним из приоритетных направлений деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее – НПЦ Генеральной прокуратуры), который входит в систему органов прокуратуры и непосредственно подчиняется Генеральному прокурору Республики Беларусь. В частности, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 3 августа 2006 г. № 482 «О создании государственного учреждения», наряду с иными функциями, НПЦ Генеральной прокуратуры проводит криминологическую экспертизу проектов правовых актов (правовых актов) в случаях и порядке, предусмотренных законодательными актами.

Следует отметить, что криминологическая экспертиза проектов правовых актов (правовых актов) (далее – криминологическая экспертиза) проводится не только в целях предотвращения возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов, но и выступает дополнительным инструментом обеспечения качества нормативных правовых актов, их большей эффективности. В этой связи возникает необходимость в определении результативности самого института криминологической экспертизы посредством внедрения мониторинга соблюдения законодательства о криминологической экспертизе, основной целью которого является анализ и обеспечение эффективности института криминологической экспертизы.

Мониторинг соблюдения законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов) (далее – мониторинг) осуществляется НПЦ Генеральной прокуратуры и представляет собой регулярную комплексную аналитико-оценочную деятельность, включающую наблюдение, анализ, обобщение и оценку информации о соблюдении законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов), в том числе о наличии (отсутствии) в принятых (изданных) нормативных правовых актах, проекты которых поступали (должны были поступать) в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения обязательной криминологической экспертизы, норм, содержащих риски криминогенного характера.

Учитывая определение мониторинга, его объектом является деятельность нормотворческих органов по соблюдению законодательства о криминологической экспертизе. В свою очередь, предмет мониторинга составляют прошедшие в установленном законодательством порядке криминологическую экспертизу нормативные правовые акты, в проектах которых были выявлены риски криминогенного характера, а также нормативные правовые акты, в отношении которых выявлены нарушения порядка проведения криминологической экспертизы.

Информация о результатах мониторинга подлежит включению в соответствующий отчет НПЦ Генеральной прокуратуры об обобщении и анализе результатов криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов) и направляется в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь (далее – Генеральная прокуратура). На этом деятельность НПЦ Генеральной прокуратуры по осуществлению мониторинга формально считается оконченной.

Согласно подпункту 1.4 пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» уже Генеральная прокуратура осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законодательных актов в сфере проведения криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов), в том числе за выполнением требований об их направлении для проведения обязательной криминологической экспертизы. В этой связи по результатам проведенного специалистами НПЦ Генеральной прокуратуры мониторинга и представленной по итогам его проведения информации Генеральная прокуратура уполномочена на проведение проверки нормотворческого органа, допустившего нарушение, и вынесение соответствующего акта прокурорского надзора.

Вместе с тем следует отметить, что в рамках осуществления мониторинга возникает необходимость более плотного взаимодействия Генеральной прокуратуры с НПЦ Генеральной прокуратуры в части информирования последнего о результатах надзора за исполнением законодательных актов в сфере проведения криминологической экспертизы и принятии соответствующих мер. Кроме того, возникает необходимость и в налаживании обратной связи с нормотворческими органами, в деятельности которых были выявлены соответствующие нарушения законодательства о криминологической экспертизе. Благодаря тесному взаимодействию и каналам обратной связи предоставляется возможность выявлять и анализировать причины и условия совершения правонарушений, а также разрабатывать меры по их предупреждению, что, в свою очередь, будет способствовать совершенствованию нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Кроме того, в рамках взаимодействия большое значение при проведении криминологической экспертизы и мониторинга имеют сведения о необходимости правового упорядочения общественных отношений, пробелах и противоречиях законодательства, недостатках правоприменения, поступающие к прокурорам, в том числе и в ходе осуществления ими надзора, уголовного преследования, рассмотрения заявлений, жалоб и иных обращений граждан и юридических лиц, участия в рассмотрении дел судами, координационной и нормотворческой деятельности.

Таким образом, криминологическая экспертиза, являясь комплексным правовым институтом, может быть представлена как специфический вид не только правоохранительной, но и правозащитной деятельности, а мониторинг при этом выступает в качестве информационно аналитического средства выработки обоснованных мер совершенствования правового регулирования общественных отношений, а также позволяет более эффективно применять меры прокурорского реагирования и принимать соответствующие решения, связанные с реализацией функций органов прокуратуры.

ПОНЯТИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

Ракицкий А.П.

Из содержания Концепции национальной безопасности Республики Беларусь следует, что эффективное функционирование правовой системы общества неизбежно требует каждодневного мониторинга ее состояния, на основе которого должны применяться меры своевременного реагирования на любые угрозы ее нормальному существованию (в том числе и превентивного характера). Одно из центральных мест в деятельности государства занимает выполнение задач по обеспечению законности и правопорядка, защите прав и свобод человека и гражданина, охране прав и законных интересов государственных и негосударственных организаций, трудовых коллективов и общественных объединений, борьбе с преступлениями и иными правонарушениями.

Это становится одним из постоянных направлений деятельности разнообразных органов государственной власти, т.е. функцией государства. Так, неслучайно, характеризуя функции государства, исследователи-теоретики права и государства выделяют и правоохранительную функцию, объединяющую деятельность по охране всех форм собственности, прав и свобод граждан, правопорядка, борьбе с преступностью и обороне страны; они также отмечают, что правоохрана имеет целью недопущение отклонения от установленного правопорядка, а также восстановление его при помощи принудительных средств [2 С. 123, 142].

Являясь неотъемлемой частью деятельности государства, каждая функция объективно нуждается в обеспечении соответствующим органом (системой органов) государственной власти.

Для подавляющего большинства органов государственной власти диапазон их деятельности не замыкается, естественно, на решении названных, хотя и весьма важных, но все же конкретно ограниченных задач - задач непосредственной

охраны законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступлениями и иными правонарушениями.

Специально обеспечением законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступлениями и иными правонарушениями занимается значительно меньший круг органов государственной власти. Это те органы, которые существуют только или главным образом для выполнения такой роли. Среди этих органов центральное место по праву занимают органы прокуратуры. (далее см. Закон о прокуратуре)

В общей теории государства и права превалирует мнение о том, что правоохранительная функция реализуется на практике через именно правоохранительную деятельность [1 С. 73].

В юридической литературе существует широкий спектр мнений по определению понятия правоохранительной деятельности. Полагаем наиболее удачным является определение, данное Шагиевой Р.В. и Шагиевым Б.В. Правоохранительная деятельность — это такая государственная или санкционированная государством деятельность, которая осуществляется с целью охраны и защиты права и предупреждения его нарушений специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка. Правоохранительная деятельность включает в себя три составляющих.

1. Охрана существующего в государстве правопорядка.
2. Защита существующего правопорядка.
3. Предупреждение нарушений существующего в государстве правопорядка.

Если деятельность органа государственной власти или иной организации связана только с одной или двумя составляющими, то он (она) вряд ли может быть причислен (-а) к числу правоохранительных, а выступает либо правозащитным, либо контрольно-надзорным органом и др. При этом собственно правоохранительная деятельность с точки зрения своего содержания должна включать полный комплекс указанных составляющих [3].

В соответствии со статьей 125 Конституции Республики Беларусь органы прокуратуры осуществляют надзор за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов министерствами и другими подведомственными Совету Министров органами, местными представительными и исполнительными органами, предприятиями, организациями и учреждениями, общественными объединениями, должностными лицами и гражданами; надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебных решений по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях, в случаях, предусмотренных законом, проводит предварительное следствие, поддерживает государственное обвинение в судах.

Согласно Закону Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» органы прокуратуры являются субъектом профилактики правонарушений.

Таким образом, правоохранительная функция органов прокуратуры заключается в деятельности по охране правопорядка не только от преступлений и правонарушений, но и иных проявлений противоправности. Все антиобщественные явления и нарушения законности должны пресекаться

органами прокуратуры не менее решительно, чем преступления или правонарушения, а их негативные последствия - устраняться или исправляться.

Список цитированных источников

1. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права / С. С. Алексеев. – Свердловск, 1963. – Вып. 1.
2. Червонюк, В.И. Теория государства и права / В. И. Червонюк. – М., 2007. – С. 123, 142.
3. Шагиева, Р. В. Правоохранительная деятельность: проблемы теоретического обоснования [Электронный ресурс] / Р. В. Шагиева, Б. В. Шагиев // Административное и муниципальное право. – 2014. - № 6 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

**ОБЩЕНАДЗОРНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОКУРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
ДОСТИЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ ЦЕЛЕЙ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

Рочева Е.А.

В сентябре 2015 года страны - члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года. Она содержит 17 целей, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех.

Все 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР) связаны с основными направлениями Стратегического плана ПРООН: устойчивое развитие, демократическое правление и укрепление мира, изменение климата и климатические бедствия. Цель 1 по вопросу бедности, Цель 10 по вопросу неравенства и Цель 16 по делам управления являются центром краткосрочных и долгосрочных планов ПРООН.

Одна из новых целей, провозглашенных ООН в контексте обеспечения устойчивого развития в 2015 году, объединяет в себе решение проблем преодоления насилия, предоставления всеобщего доступа к правосудию и повышения эффективности институтов — ЦУР 16 «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» Решение указанных проблем позволит гарантировать неприкосновенность личности и собственности человека, а, следовательно, создаст стимулы для осуществления инвестиций в человеческий капитал, дающих отдачу на длительном временном горизонте.

Беларусь взяла на себя обязательства по достижению ЦУР и уже приступила к имплементации ЦУР на национальном уровне. В Беларуси приняты необходимые для реализации ЦУР документы - Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года и программу социально-экономического развития на 2016–2020 годы. Кроме того, Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 181 учрежден пост Национального координатора по достижению Целей устойчивого развития. По мнению международных экспертов, Беларусь по ряду целей в социальной сфере

уже является примером для других стран (в вопросах гендерного равенства, материнства и детства, социальной поддержки населения, это ЦУР 1, 2, 3, 5) [1].

Достижение целей устойчивого развития невозможно без обеспечения верховенства права. Проблема обеспечения верховенства права и всеобщего доступа к правосудию лежит в основе формирования устойчивого развития демократического, правового, социально ответственного государства. Степень верховенства закона показывает, в какой мере поведение людей находится под влиянием правовой среды, насколько люди верят в действенность формальных институтов и в связи с этим подчиняются им (в соответствии с определением Всемирного банка), а доступ к правосудию предоставляет инструмент для частной защиты прав.

В соответствии со ст.4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 года «О прокуратуре Республики Беларусь» задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов.

В настоящее время в странах сложились две основные модели прокуратуры, в которых определяются приоритеты в осуществлении ее функции в каждом конкретном государстве с учетом особенностей национальной правовой системы и структуры правоохранительных органов. В рамках первой модели прокуратура является, главным образом, органом уголовного преследования и обвинения, во второй — многофункциональным органом, приоритетной функцией которого является надзорная [2, с. 47]. При этом полномочие по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов, издаваемых органами государственной власти и местного самоуправления, Консультативный совет европейских прокуроров, проходивший в Санкт-Петербурге 3 июля 2008 года, рассматривает в качестве основного инструмента реальной защиты прав и свобод групп граждан либо неограниченного круга лиц.

Одной из ключевых отраслей прокурорского надзора в Республике Беларусь является надзор за исполнением законодательства и законностью правовых актов (общий надзор). Обладая чертами, присущими всем прокурорским функциям, надзор в то же время представляет собой деятельность прокуратуры, направленную на выявление любых нарушений закона, независимо от степени причиняемого вреда для общества; по целям и задачам предшествует другим функциям; полномочия прокурора при осуществлении всех других функций являются логическим развитием надзорных полномочий [3]. В рамках данного направления деятельности органами прокуратуры Республики Беларусь в 2017 г. проведено 8872 проверки, по итогам которых подготовлено более 36 тысяч актов прокурорского реагирования. По результатам проверок прокурорами было возбуждено 140 уголовных дел, на основании актов прокурорского надзора 18380 лиц привлечено к дисциплинарной ответственности, по требованию прокурора 7439 лиц привлечено к административной ответственности.

В соответствии с приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 3 января 2013 г. № 2 «Об организации прокурорского надзора» основными направлениями прокурорского надзора предполагается надзор за соблюдением трудовых и других социальных прав граждан, исполнением законодательства при осуществлении хозяйственной (экономической) деятельности, законодательства

о профилактике правонарушений, т.е. сферы, наиболее актуальные для достижения республикой ЦУР

Важнейшими элементами организации работы по надзору за исполнением законов является сбор информации о нарушениях законов, ее анализ. Всесторонняя информация о массовых нарушениях прав и свобод человека и гражданина по большей части аккумулируется в органах прокуратуры и судебных органах, поскольку граждане обращаются именно в эти органы непосредственно за государственной защитой их прав и законных интересов.

Следует отметить, что, по мнению российских исследователей, проведение органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы относится к сфере надзора за исполнением законов, являясь разновидностью надзора за законностью правовых актов [4, с.16]. Полагаем, что сущность, направленность и содержание криминологической экспертизы (антикоррупционная является частью проводимой в Беларуси криминологической экспертизы) позволяет ассоциировать ее с деятельностью по надзору за исполнением законодательства, результаты которой имеют существенное значение в сфере профилактики правонарушений. Реализация задач криминологической экспертизы в ходе практической правоохранительной работы органов прокуратуры способствует повышению уровня законности и правопорядка в стране.

Таким образом, можно утверждать, что прокуратура, занимая особое место в системе государственно-правовых органов республики, осуществляет важнейшие задачи государственно-правового регулирования. Ведущей функцией прокуратуры Беларуси, как и большинства прокуратур стран СНГ, является надзор за точным и единообразным применением законов, который охватывает практически все сферы правовых отношений. Прогресс в достижении целей устойчивого развития, контролируемый органами ООН при помощи набора глобальных показателей (индикаторов), невозможен без обеспечения органами прокуратуры надзора за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. [<http://www.belta.by/comments/view/belarus-pri-realizatsii-tsur-namerena-sozdat-62-tsentra-ekonomicheskogo-rosta-5971/>].
2. Щерба, С. П. Прокуратура в странах СНГ: правовой статус, функции, полномочия: науч. и учеб. пособие / С. П. Щерба, О. А. Зайцев, Т. А. Решетникова; под общ. и науч. ред. проф. С.П. Щербы. – М.: Изд-во «Экзамен», 2007. – 557 с.
3. Шалумов, М. С. Участие в правотворческой деятельности как функция современной российской прокуратуры / М. С. Шалумов, Н. Э. Шалумова // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2018.
4. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций / В. Г. Бессарабов [и др.], под ред. О. С. Капинус, Акад. Ген.прокуратуры Рос.Федерации. – М., 2015. – 224 с.

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Северук И.Г.

Нормативной основой ответственности прокурора за законность на стадии досудебного производства является Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция).

В соответствии со ст. 125 Конституции на Генерального прокурора и подчиненных ему прокуроров возложено осуществление надзора за точным и единообразным исполнением законодательства. Указано, что прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, а в случаях, предусмотренных законом, проводит предварительное следствие, поддерживает государственное обвинение в судах.

Статья 4 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) указывает, что задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов.

Именно в целях выполнения этих задач прокуратура осуществляет надзор за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания.

Статья 30 Закона о прокуратуре указывает, что предметом надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания является соответствие Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – УПК) правовых актов и решений (действий) органов предварительного следствия и органов дознания и их должностных лиц.

В ст. 31 Закона о прокуратуре указано, что полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания определяются УПК.

Статья 25 УПК «Прокурорский надзор в уголовном процессе» находится в главе 2 «Задачи и принципы уголовного процесса», т.е. прокурорский надзор является одним из принципов уголовного процесса. Эта же статья прямо возлагает на прокурора обязанность на всех стадиях уголовного процесса своевременно принимать предусмотренные законом меры по устранению нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили.

Законодательные изменения, связанные с реформой органов предварительного следствия и созданием Следственного комитета Республики Беларусь, никоим образом не изменили ни принципы УПК, ни ответственность прокурора, ни возможности реагирования.

Напротив, в ст. 36 Закона «О Следственном комитете Республики Беларусь» прямо указано, что надзор за точным и единообразным исполнением Следственным комитетом законодательства осуществляют Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры в пределах своей компетенции.

И в ходе реформы никто и никогда не говорил, что теперь ответственность прокурора за результаты досудебного производства уменьшится. Напротив, Глава государства неоднократно с момента создания Следственного комитета

Республики Беларусь требовал обеспечить надлежащий и принципиальный прокурорский надзор на стадии досудебного производства, указывая, что у прокурора для этого есть все необходимые полномочия.

Кстати, в УПК появился даже новый инструмент «требование об устранении нарушений законодательства», которое обязательно для рассмотрения.

Название данного документа входит в некое логическо-лексическое противоречие со ст. 10 Закона о прокуратуре, которая указывает, что требования прокурора, вытекающие из его полномочий и предъявленные в соответствии с законодательными актами, подлежат исполнению. Однако, несмотря на эту коллизию, требование прокурора об устранении нарушений законодательства стало действенным средством влияния на органы предварительного расследования в целях обеспечения законности.

Статья 34 УПК предусматривает широкий перечень полномочий, которые позволяют прокурору на каждом этапе досудебного производства эффективно пресекать беззаконие, обеспечивать в ходе досудебного производства реализацию принципов уголовного процесса.

Особо подчеркнуто, что прокурор является должностным лицом, в пределах своей компетенции осуществляющим от имени государства уголовное преследование и при осуществлении своих полномочий по надзору за исполнением законов на стадиях досудебного производства прокурор независим и подчиняется только закону. Вот лишь некоторые из полномочий прокурора.

Прокурор уполномочен истребовать от нижестоящего прокурора, следователя и органа дознания для проверки уголовные дела, материалы и проверять их; изымать от органа дознания и передавать органу предварительного следствия любое уголовное дело в соответствии с подследственностью, определенной ст. 182 УПК.

Прокурор вправе лично производить отдельные следственные и другие процессуальные действия при санкционировании применения меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, заключить с подозреваемым (обвиняемым) досудебное соглашение о сотрудничестве.

Прокурор отменяет незаконные и необоснованные постановления нижестоящего прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, органа дознания и лица, производящего дознание, за исключением постановлений, указанных в ч. 5 ст. 35 и ч. 6 ст. 38 УПК, а также не соответствующие закону указания нижестоящего прокурора, начальника органа дознания.

Прокурор дает нижестоящему прокурору, органам, уполномоченным законом осуществлять дознание, оперативно-розыскную деятельность, лицу, производящему дознание, обязательные для исполнения письменные указания о производстве следственных и других процессуальных действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также о применении мер по обеспечению безопасности; применяет, изменяет или отменяет меры пресечения по уголовным делам, находящимся в производстве у нижестоящего прокурора, продлевает срок содержания под стражей, домашнего ареста, срок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении и срок предварительного расследования.

Прокурор прекращает производство по уголовному делу в случаях и по основаниям, предусмотренным УПК, разрешает отводы и самоотводы,

разрешает жалобы на решения и действия нижестоящего прокурора, следователя, органа дознания и лица, производящего дознание.

Прокурор вправе выносить требование начальнику следственного подразделения, органу дознания об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания, предварительного следствия.

Прокурор уполномочен обращаться в соответствующие органы с представлением о лишении иммунитета от уголовного преследования лиц, им пользующихся, если эти лица подлежат привлечению по уголовному делу в качестве обвиняемых по находящемуся в его производстве уголовному делу, санкционировать применение меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога; проведение различных следственных и процессуальных действий.

Прокурор наделен полномочием возвращать уголовные дела нижестоящему прокурору, следователю со своими письменными указаниями, обязательными для исполнения, в случаях и порядке, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК, а также при отмене постановления о прекращении предварительного расследования; направлять уголовное дело в суд; использовать ряд других полномочий, предоставленных ему УПК.

Особая роль возложена на прокурора при возникновении спора между органом дознания и органом следствия о наличии достаточности оснований для передачи материалов в орган следствия для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

По сути, на прокурора возложена обязанность в случае необходимости принять процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, что позволяет пресечь волокиту, обеспечить оперативность в рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях.

Практика показывает, что прокурор обладает необходимыми полномочиями для обеспечения законности на стадии досудебного производства, и вопрос успешной реализации этих полномочий лежит в плоскости подготовки кадров прокурорских работников, методического и аналитического обеспечения, глубокого знания законодательства, тщательного изучения материалов проверки или уголовного дела.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА УВЕДОМЛЕНИЯ О ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Харевич Д.Л.

В структуре любого оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) исследователи выделяют ряд элементов, одним из которых является его объект. Под объектом оперативно-розыскного мероприятия понимают то, на что направлено ОРМ [1, с. 45–49; 2, с. 11–13; 3]. Согласно ст.ст. 23 – 25, 28, 29 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») объектом ряда ОРМ (сбор образцов, исследование предметов и документов, оперативное отождествление, проверочная

закупка, контролируемая поставка) являются предметы и документы. Под предметами и документами в абз. 9 ст. 2 Закона «Об ОРД» понимаются вещества, вещи, иные объекты, имущественные права, программные продукты, в том числе изъятые из оборота и ограниченно оборотоспособные, полученные или использованные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, понятия «предметы и документы» и «вещи» соотносятся как целое и часть.

В соответствии с ч. 11 ст. 19 Закона «Об ОРД» должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, проводившее оперативный осмотр, проверочную закупку, контролируемую поставку вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания, в течение 48 часов с момента окончания их проведения письменно уведомляет об этом прокурора или его заместителя. Как видно из приведенной формулировки, в ней установлен порядок действий в отношении одной из возможных разновидностей перечисленных ОРМ, а именно проводимой в отношении вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания. Дословное толкование приводит к выводу о том, что иные виды предметов и документов, не являющиеся вещами, не попадают под действие рассматриваемой нормы. К примеру, не требуется уведомление по окончании проведения указанных ОРМ в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов, радиоактивных, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых веществ, поскольку перечисленное относится к веществам, а не вещам, то есть иной указанной в абз. 9 ст. 2 Закона «Об ОРД» подсистемы понятия «предметы и документы». Такой порядок отличается как от норм прежней редакции Закона «Об ОРД», так и от сложившейся правоприменительной практики [4].

В рассматриваемой норме противоречивым является правило об уведомлении прокурора или его заместителя о проведении оперативного осмотра вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания, поскольку согласно приведенному в ст. 26 Закона «Об ОРД» определению объектом данного ОРМ являются жилище и иное законное владение гражданина, помещения, здания, сооружения, транспортные средства, иные объекты и территория организации, участок местности. Предметы и документы, разновидностью которых являются вещи, в данный перечень не входят и правомерность их осмотра при обнаружении на осматриваемых объектах явным образом не определена. Представляется нелогичным, что в перечне ОРМ, приведенных в ч. 11 ст. 19 Закона «Об ОРД», отсутствует контроль почтовых отправлений, который по содержанию познавательных операций близок к оперативному осмотру и решает сходные задачи, хотя и в отношении иных объектов ОРМ. Не вполне последовательным является отсутствие среди ОРМ, приведенных в рассматриваемой норме, оперативного эксперимента, в некоторых случаях имеющего много сходного в содержательном и тактическом отношении с проверочной закупкой, которая отнесена к ОРМ, требующим уведомления.

Из текста нормы ч. 11 ст. 19 Закона «Об ОРД» следует, что после проведения проверочной закупки уведомление необходимо направлять и в случае, когда она проводится повторно или более двух раз в отношении одного и того же гражданина в рамках одного и того же дела оперативного учета (далее – повторная проверочная закупка). Представляется, что в этом случае направление уведомления прокурору или его заместителю является излишним, поскольку

проведение этой разновидности проверочной закупки обеспечивается такой формой прокурорского надзора, как дача санкции. Например, в сходной ситуации при проведении другого санкционируемого ОРМ – оперативного эксперимента в отношении вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания, уведомления прокурора или его заместителя не требуется. В случае прекращения повторной проверочной закупки вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания, до истечения срока, указанного в санкции прокурора или его заместителя, прокурорский надзор за проведением такой проверочной закупки может обеспечиваться трижды: в ходе даче санкции прокурора или его заместителя и направления двух уведомлений: в соответствие с ч. 11 ст. 19 и ч. 4 ст. 46 Закона «Об ОРД». Данный подход представляется излишним и необоснованно увеличивает объем документов, оформляемых при оперативно-розыском производстве, особенно с учетом возможности прокурорского надзора после окончания ОРМ путем изучения дел оперативного учета, в которые оперативный сотрудник обязан поместить материалы повторной проверочной закупки, а также при изучении материалов оперативно-розыскной деятельности, находящихся в уголовном деле, направляемом в суд.

Также возникает вопрос о практической значимости нормы ч. 11 ст. 19 Закона «Об ОРД». В юриспруденции вещь рассматривается как объект имущественного правоотношения. В гражданском праве вещи делятся на оборотоспособные, изъятые из оборота, ограниченные в обороте, что нашло свое отражение в абз. 9 ст. 2 Закона «Об ОРД». Из формулировки нормы ч. 11 ст. 19 Закона «Об ОРД» сложно понять, к какой группе относятся «вещи, запрещенные к обороту». Можно предположить, что к ним относятся некоторые вещи, изъятые из оборота или ограниченно оборотоспособные. Тогда к группе «вещей, запрещенных к обороту» будут относиться вещи, не являющиеся объектами имущественных правоотношений или созданные (полученные) противоправным путем, например, незаконно изготовленные огнестрельное или холодное оружие, боеприпасы, взрывные устройства, а также те ограниченно оборотоспособные вещи, правила обращения которых нарушены. С учетом принятого в абз. 9 ст. 2 Закона «Об ОРД» деления предметов и документов на вещи, вещества и иные категории, такие разновидности предметов и документов, как наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги, взрывчатые, сильнодействующие, ядовитые, радиоактивные вещества, незаконный оборот которых может нанести серьезный ущерб общественным отношениям, к вещам, запрещенным к обороту относиться не будут. В связи с этим не вполне понятны основания, по которым из широкого перечня объектов ОРМ, указанных в ч. 11 ст. 19 Закона «Об ОРД», выделяется отдельная группа, не обладающая очевидными (в сравнении с другими объектами) отличительными признаками с точки зрения необходимости более строгого прокурорского надзора. В этой связи логично возникает вопрос о практической значимости нормы ч. 11 ст. 19 Закона «Об ОРД».

Разрешение указанных вопросов возможно двумя способами. Одним из них может быть уточнение формулировки ч. 11 ст. 19 Закона «Об ОРД» для обеспечения согласованного подхода к регулированию сходных общественных отношений в Законе «Об ОРД», приведения содержания указанной нормы в соответствие с потребностями эффективного осуществления правоприменительной деятельности и прокурорского надзора. Другим способом

является исключение рассматриваемой нормы из Закона «Об ОРД» как избыточной, не имеющей очевидного (в правовом аспекте) смысла.

Согласно ч. 3 ст. 29 Закона «Об ОРД» должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о проведении контролируемой поставки через Государственную границу Республики Беларусь (далее – международная контролируемая поставка) письменно уведомляет таможенные органы Республики Беларусь и органы пограничной службы Республики Беларусь, прокурора или его заместителя. Полагаем, что формулировка этой нормы не вполне последовательна. Пограничный и таможенный контроль не осуществляются на российско-белорусском участке государственной границы, поэтому направление уведомлений в таможенные органы и органы пограничной службы Республики Беларусь о проведении контролируемой поставки через данный участок государственной границы может привести к необоснованной расшифровке проводимого оперативно-розыскного мероприятия и лиц, привлеченных к его проведению [5].

В отличие от уведомления прокурора или его заместителя, которые чаще всего не имеют возможности непосредственно ознакомиться с ходом ОРМ, норма об уведомлении иных субъектов оперативно-розыскной деятельности (органы пограничной службы и таможенные органы), вступающих во время прохождения пограничного (таможенного) контроля в непосредственный контакт с участниками международной контролируемой поставки, оказывающими содействие на конфиденциальной основе, вступает в определенное противоречие с закрепленной в абз. 20 ч. 1 ст. 14 Закона «Об ОРД» обязанностью сохранять в тайне сведения об оказании гражданами содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а также сведения о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Отметим, что норма ч. 3 ст. 29 Закона «Об ОРД», имевшая до принятия действующей редакции указанного Закона характер рекомендации, обеспечивающей успешное решение задачи межведомственного взаимодействия, будучи закрепленным в Законе «Об ОРД», приобрела обязательный характер. Ее несоблюдение будет являться нарушением порядка получения материалов оперативно-розыскной деятельности, установленного законодательством Республики Беларусь, что в соответствии со ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь может негативно сказаться на возможности использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе.

Для разрешения указанной коллизии можно перенести норму о направлении уведомления в органы пограничной службы и таможенные органы Республики Беларусь в межведомственный нормативный правовой акт, изложив его в следующей редакции: «Должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, письменно уведомляет о проведении контролируемой поставки через участок Государственной границы Республики Беларусь, на котором осуществляется пограничный контроль, органы пограничной службы Республики Беларусь, таможенный контроль – таможенные органы Республики Беларусь». Для исключения возможности разглашения охраняемой законом тайны об отношениях конфиденциального содействия необходима выработка соответствующего механизма уведомления на уровне межведомственного нормативного правового акта.

Отметим также, что рассматриваемая норма об уведомлении органов пограничной службы и таможенных органов Республики Беларусь согласуется с абз. 6 ч. 1 ст. 14 Закона «Об ОРД», в соответствии с которым на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, возложена обязанность информировать другие органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, о сведениях, полученных при выполнении задач данной деятельности, относящихся к их компетенции. Последняя норма распространяется на все оперативно-розыскные органы и имеет обязательный характер. В большинстве случаев механизм направления письменного уведомления выполняет функции межведомственной координации между субъектами оперативно-розыскных правоотношений, не находящимися в подчинении друг у друга, при наличии определенной обязанности одного из них перед другим. Например, помимо ч. 3 ст. 29, в Законе «Об ОРД» предусмотрено направление письменных уведомлений:

- прокурору или его заместителю о проведении в определенных ситуациях контроля в сетях электросвязи; о проведении ОРМ, требующего получения санкции прокурора или его заместителя, в случаях, не терпящих отлагательства; о проведении ОРМ по заявлению гражданина; о приостановлении ОРМ, которые проводились с санкции прокурора или его заместителя; о прекращении ОРМ, которые проводились с санкции прокурора или его заместителя, до истечения срока, указанного в санкции прокурора или его заместителя; после окончания оперативного осмотра, проверочной закупки, контролируемой поставки вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания;

- в орган уголовного преследования или суд, направившие в орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, письменный запрос о предоставлении материалов оперативно-розыскной деятельности или поручение о проведении ОРМ, в международную организацию, правоохранительный орган или специальную службу иностранного государства в случае принятия решения о непредоставлении или отсрочке предоставления материалов оперативно-розыскной деятельности;

в орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, поручивший проведение исследований гражданам, обладающим специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, привлекаемым к участию в ОРМ в качестве специалиста, об отказе от составления справки по результатам исследования;

гражданина, в отношении которого проводится ОРМ, и получение согласия этого гражданина на его проведение.

В этой связи возникает вопрос об одностороннем характере уведомления таможенных органов и органов пограничной службы Республики Беларусь о проведении контролируемой поставки через Государственную границу Республики Беларусь, поскольку отсутствует обязанность уведомления указанными органами в случае проведения ими ОРМ на территории Республики Беларусь вне государственной (таможенной) границы, что затрагивает компетенцию тех субъектов оперативно-розыскной деятельности, чьи полномочия осуществляются на такой территории. На наш взгляд, данная ситуация требует корректировки на уровне межведомственного нормативного правового акта.

Представляется, что разрешение отмеченных в статье проблемных аспектов будет способствовать совершенствованию института уведомления о проведении

оперативно-розыскных мероприятий, повышению эффективности прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью и межведомственного взаимодействия субъектов данной деятельности.

Список цитированных источников

1. Чечетин, А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография / А. Е. Чечетин. – М., 2006. – 180 с.
2. Бобров, В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция / В. Г. Бобров. – М.: Акад. управ. МВД России, 2003. – 64 с.
3. Бобров, В. Г. О некоторых вопросах оперативно-розыскных мероприятий / В. Г. Бобров // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 2004. – Вып. 7. – С. 206–207.
4. Харевич, Д. Л. Проверочная закупка в практике деятельности подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков государств – участников СНГ / Д. Л. Харевич // Вестн. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 2004. – № 1. – С. 155–157.
5. Харевич, Д. Л. О совершенствовании правового регулирования контролируемой поставки / Д. Л. Харевич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 апр. 2016 г.: тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – С. 201–202.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Хмарук С.К.

Современный этап развития белорусского государства требует повышения эффективности государственных закупок как инструмента государственного регулирования экономики. По данным Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, удельный вес государственных закупок составляет около 5 - 7% ВВП: в 2016 году государство закупило товаров и услуг в размере 3,3 млрд. долл. США.

Согласно данным рейтинга Bribe Payer's Index неправительственной международной организации "Transparency International" государственные закупки являются одним из самых коррумпированных секторов экономики во всем мире [1]. С этими данными коррелируются и результаты исследования, проведенного международными экспертами в рамках составления рейтинга TPPR (Transparent Public Procurement Rating). Согласно данным исследовательского проекта Беларусь ежегодно теряет на коррупции при государственных закупках от 600 до 800 млн. долларов, т.е. около четверти суммы расходов на них. При этом, по мнению экспертов, 10 % этой суммы – прямая коррупция, еще 10-15 % – закупка ненужных товаров или ненадлежащего качества [2].

Значительные объемы финансирования и сохраняющаяся коррупциогенность сферы закупок, обуславливают необходимость на системной основе не только внедрять более строгие антикоррупционные стандарты, но и совершенствовать механизмы надзора (контроля).

Такой подход соответствует положениям Лимской декларации руководящих принципов контроля. Согласно ст. 1 декларации контроль является обязательным элементом управления общественными финансовыми средствами. При этом отмечается, что контроль – не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является выявление нарушений законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии.

На этот аспект неоднократно обращал внимание и Глава государства. Так, в частности, на совещании об итогах проверки деятельности Комитета государственного контроля, состоявшемся 16 декабря 2016 года, Президент отметил, что контролировать расходы бюджета и использование госимущества объективно необходимо, и это одна из важнейших функций государства [3].

Учитывая значимость закупочной деятельности для обеспечения экономической безопасности страны Генеральным прокурором Республики Беларусь предупреждение в ней правонарушений названо одной из приоритетных задач органов прокуратуры [4]. Для качественного осуществления фактически нового направления прокурорской деятельности сотрудникам необходимо не только знание правил и процедур закупок, но и умение работать с интернет ресурсами, информационными данными электронных торговых площадок.

Прокуратурой города были организованы обучающие семинары на базе Белорусской универсальной товарной биржи, в которых приняли участие сотрудники правоохранительных органов города. Важное направление работы – обеспечение на системной основе мониторинга информационной системы «Тендеры». Это позволило предотвратить необоснованное и незаконное расходование бюджетных средств в размере 3 160 000 рублей.

Органами прокуратуры города Минска получение информации о нарушениях законодательства о закупках осуществляется не только из официальных источников, но и при изучении материалов оперативно-розыскной деятельности, что позволяет своевременно выявить такие нарушения и предотвратить ущерб. Положительной является практика создания межведомственных рабочих групп и совместного проведения антикоррупционных проверок в составе прокурорских работников и сотрудников УВД, ГУБОПиК, УКГБ.

Статистические данные свидетельствуют, что почти каждое третье коррупционное правонарушение и нарушение, создающее условия для коррупции, выявляемое органами прокуратуры Минска совершается в сфере закупок. В Конвенции ООН против коррупции особое внимание уделяется необходимости установления в национальном законодательстве требований, касающихся персонала, который несет ответственность за закупки, установления процедуры проверки и требования к профессиональной подготовке.

По оценке МАРТ, уполномоченного государственного органа в сфере закупок, большинство таких нарушений при осуществлении процедур государственных закупок не являются проявлением коррупции, а допускаются из-за низкой квалификации специалистов. Об этом же свидетельствуют и аналитические данные органов прокуратуры города Минска. Так, достаточно распространены факты несвоевременного размещения годовых планов и положений о закупках; не всегда соблюдаются сроки заключения договоров и составления справок по результатам закупок; сроки хранения дел по закупкам.

Поэтому в ходе надзорных мероприятий прокурорами будет даваться и оценка выполнения руководителями заказчиков (организаторов) возложенных на них законодательством обязанностей о необходимости назначения для выполнения функций, связанных с осуществлением государственных закупок работников, обладающих профессиональными навыками в данной сфере.

Прокуратурой города Минска на регулярной основе проводится анализ состояния законности в сфере закупок, результаты которого обсуждаются на координационных совещаниях. На совещании, состоявшемся в феврале 2018 года, не только выработаны конкретные меры, направленные на устранение выявленных недостатков, но и разработаны предложения, направленные на совершенствование законодательства в этой области.

В частности, на наш взгляд, нуждаются в дополнении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31.01.2014 № 88 «Об организации и проведении процедур закупок товаров (работ, услуг) и расчетах между заказчиком и подрядчиком» (далее – постановление № 88) и постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.03.2012 № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств» (далее – постановление № 229).

В них необходимо предусмотреть запреты на указание в техническом задании ссылок на конкретный источник происхождения товара (работы, услуги), а также на разделение объема (количества) предмета государственной закупки, если таким образом можно избежать проведения соответствующего вида конкурентной процедуры закупки.

Такие пробелы в законодательстве, регулирующем закупку товаров (работ, услуг) за счет собственных средств, а также в сфере строительства не позволяют предотвращать коррупционные риски, а наоборот зачастую способствуют совершению коррупционных правонарушений.

Полагаем, что Закон от 13.07.2012 № 419-3 «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» и постановление № 229 должны быть дополнены нормой, предусматривающей обязанность заказчика (организатора) проводить процедуру закупки из одного источника, в случае если конкурентная процедура признавалась несостоявшейся, на условиях изначально указанных в задании на закупку товаров (работ, услуг).

Это обусловлено тем, что одним из способов заключения договоров с необходимым поставщиком является изначально формирование задания на участие в конкурентной процедуре на заведомо невыгодных для участников условиях либо на условиях, которые не исполнимы. Указанные обстоятельства приводят к тому, что конкурентная процедура дважды признается несостоявшейся, ввиду отсутствия предложений участников, а в последующем конкурсной комиссией принимается решение о закупке из одного источника.

Исходя из того, что в законодательстве о закупках не содержится четкого перечня требований к участникам процедуры закупки, которым они должны соответствовать, необходимо разработать и утвердить такой перечень, исключив произвольное формирование подобных критериев заказчиком (организатором) процедуры закупки с целью заключения договоров с определенным субъектом хозяйствования.

Указанный пробел позволяет недобросовестным организаторам процедур закупок включать в задание на их проведение необоснованные требования

к потенциальным поставщикам, что существенно сокращает количество потенциальных участников, ограничивает их права на участие в процедуре закупки и нарушает принципы добросовестной конкуренции.

Предлагаем внести изменения в нормативные правовые акты регламентирующие порядок осуществления торгов на универсальной товарной бирже, обеспечив общедоступность информации о проводимых процедурах закупок товаров (работ, услуг) по примеру электронной площадки www.icetrade.by.

На законодательном уровне целесообразно закрепить необходимость обязательной профессиональной подготовки членов конкурсной комиссии с ежегодной аттестацией и проверкой знаний по вопросам знания законодательства в области закупок товаров (работ, услуг).

Предложения направлены в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь для рассмотрения вопроса о подготовке и доведении соответствующей информации до субъектов законодательной инициативы.

Список цитированных источников

1. Pyman, M. Addressing Corruption and Building Integrity in Defence Establishments [Electronic resource] // Transparency International Working Paper 02/2007. Berlin: Transparency International. – Mode of access: [http://www.ethicsworld.org/publicsectorgovernance/PDF % 20links/national defence and corruption pdf](http://www.ethicsworld.org/publicsectorgovernance/PDF%20links/national%20defence%20and%20corruption.pdf). – Date of access: 15.08.2014.
2. Ануфриев, О. До 800 миллионов долларов при госзакупках уходит на коррупцию. Как реформировать систему [Электронный ресурс] // TUT BY MEDIA, LLC (BY). – Режим доступа: [http:// news .tut.by/econog](http://news.tut.by/econog). – Дата доступа: 15.08.2017.
3. Совещание об итогах проверки деятельности Комитета государственного контроля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/>. –Дата доступа: 16.12.2016.
4. Конюк, А. В. Прокуратура как субъект обеспечения национальной безопасности / А. В.Конюк // Проблемы управления. – 2014. – №2. – С. 117–125.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамович Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин Барановичского государственного университета.

Афонченко Татьяна Петровна – доцент кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, кандидат юридических наук, доцент.

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Барков Александр Владимирович – заведующий кафедрой судебной деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь.

Бахур Олег Иванович – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор.

Бильдейко Алексей Александрович – начальник отдела по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов прокуратуры Брестской области.

Богданович Наталья Александровна – главный специалист НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Боричевская Юлия Яковлевна – помощник прокурора Гомельской области по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи.

Букато Людмила Геннадьевна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук.

Бусол Елена Юрьевна – ведущий научный сотрудник Института государства и права имени В.Н. Корецкого НАН Украины, доктор юридических наук, профессор.

Гашникова Тамара Владимировна – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Герцовский Ян Иванович – Секретарь информационного бюро, специалист-эксперт Секретариата Координационного совета Генеральных прокуроров государств-участников СНГ, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Гладкий Петр Александрович – заместитель начальника отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Головки Ирина Ивановна – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел ФГКОУ ВО «Университета прокуратуры Российской Федерации», Санкт-Петербургского юридического института (филиала), кандидат юридических наук, доцент.

Грачева Ирина Михайловна – старший помощник прокурора Брестской области по правовому обеспечению и связям с общественностью.

Груодите Эдита – заместитель декана по науке юридического факультета Университета Витаутаса Магнуса (г. Каунас, Литва), профессор.

Давидовская Вероника Александровна – научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Данько Игорь Владимирович – заведующий кафедрой экономического и финансового права ЧУО «БИП – Институт правоведения», кандидат юридических наук, доцент.

Демидова Людмила Николаевна – профессор кафедры уголовного права Национального юридического университета им. Я. Мудрого (Украина), доктор юридических наук, профессор.

Денисов Сергей Федорович – заведующий кафедрой уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Академии государственной пенитенциарной службы (г.Чернигов, Украина), доктор юридических наук, профессор.

Денисова Татьяна Андреевна – помощник ректора по научной и учебно-методической работе Академии государственной пенитенциарной службы (г.Чернигов, Украина), доктор юридических наук, профессор.

Дмитренко Денис Иванович – главный специалист НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Дубко Михаил Анатольевич – следователь по особо важным делам управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Ермолаев Леонид Владимирович – Исполнительный секретарь Координационного совета Генеральных прокуроров государств-участников СНГ, Руководитель Секретариата, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Зайцева Людмила Львовна – заведующий кафедрой прокурорской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Захилько Кирилл Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета БГУ.

Идрисов Наиль Талгатович – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ», кандидат юридических наук, доцент.

Каланча Инга Георгиевна – прокурор Киевской местной прокуратуры № 2 г. Киева, кандидат юридических наук.

Каплина Оксана Владимировна – заведующий кафедрой уголовного процесса Национального юридического университета им. Я. Мудрого (Украина), доктор юридических наук, профессор.

Карабельникова Анна Сергеевна – помощник директора НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Карташова Юлия Николаевна – старший преподаватель цикла уголовно-правовых дисциплин Центра повышения квалификации руководящих работников и специалистов МВД Республики Беларусь.

Катушонок Ольга Валерьевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета.

Качалов Виктор Иванович – профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

Каюмов Бахтиёр Эркинжонович – начальник отдела организации и контроля учебного процесса Академии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан.

Ключко Римма Николаевна – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

Ковальчук Алексей Васильевич – доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Коротич Елена Алексеевна – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент.

Кукштель Виктория Александровна – аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Ландина Анна Валентиновна – старший научный сотрудник отдела проблем уголовного права, криминологии и судостроительства Института государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, кандидат юридических наук.

Лапцевич Ирина Игоревна – начальник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Лихолая Валентия Антоновна – профессор кафедры уголовно-правовых наук юридического факультета Латвийского Университета, доктор юридических наук, профессор.

Лопашенко Наталья Александровна – профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

Лосев Владимир Владимирович – заместитель директора НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Лукашов Алексей Ильич – доцент кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Луцик Василий Васильевич – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Макарчук Данило Игоревич – аспирант Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины.

Мамчиц Виталий Николаевич – сотрудник оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, доктор юридических наук, профессор.

Марчук Василий Васильевич – директор НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Матвеева Кристина Олеговна – помощник прокурора г. Витебска.

Навроцкий Вячеслав Александрович – профессор кафедры теории права и прав человека Украинского католического университета (г. Львов, Украина), доктор юридических наук, профессор.

Никитин Юрий Александрович – заместитель начальника отдела прокуратуры Минской области, кандидат юридических наук, доцент.

Новикова Екатерина Викторовна – доцент кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Павлова Людмила Владимировна – старший научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Плетенева Дарья Александровна – старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета БГУ.

Полящук Наталья Анатольевна – главный специалист НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Португал Мария Леонидовна – юрисконсульт ООО «Группа Компаний Домостроения», аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Примаченок Анатолий Андреевич – профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Прудникова Татьяна Анатольевна – старший преподаватель Могилевского филиала ЧУО «БИП – Институт правоведения».

Ракицкий Александр Петрович – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Россинский Сергей Борисович – профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент.

Рочева Едена Альбертовна – главный специалист НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Самко Андрей Викторович – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

Сахарчук Алексей Иванович – доцент кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Сашченко Павел Иванович – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Севрук Игорь Григорьевич – начальник управления по надзору за исполнением законодательства Следственным комитетом Республики Беларусь Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Севрук Юрий Григорьевич – первый заместитель Генерального прокурора Украины, на время командировки, проректор Национальной академии прокуратуры Украины.

Сенько Анатолий Степанович – начальник управления аналитической и правовой работы Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Сосновский Александр Алексеевич – сотрудник оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Мегатрендского университета (г. Белград, Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Столетний Антон Владимирович – начальник отдела подготовки прокуроров по надзору за соблюдением законов органами, осуществляющими

оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие Национальной академии прокуратуры Украины, доктор юридических наук.

Топорикова Ольга Олеговна – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Хамкова Диана Евгеньевна – доцент кафедры уголовно-правовых наук Латвийского Университета (г. Рига, Латвия), доктор юридических наук, доцент.

Харевич Дмитрий Людвигович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Хилюта Вадим Владимирович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

Хмарук Сергей Константинович – прокурор города Минска.

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь.

Хуснутдинов Рашид Марсович – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Удмуртского государственного университета.

Шаблинская Диана Викторовна – заведующий сектором правового обеспечения экономической безопасности Центра государственного строительства и права Института экономики Национальной академии наук Беларуси, кандидат юридических наук, доцент.

Швед Надежда Александровна – главный специалист НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Шибковас Олегас – доцент юридического факультета Университета Витаутаса Магнуса (г. Каунас, Литва).

Юльский Роман Евгеньевич – адвокат Адвокатского бюро «Лаевский. Юльский и партнеры» Минской городской коллегии адвокатов.

Яцута Игорь Станиславович – профессор специальной кафедры Института национальной безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	3
-------------------------	---

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВОБОД ЧЕЛОВЕКА, СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Абрамович О.А.

Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ.....	5
--	---

Афонченко Т.П.

Государственно-частное партнерство: перспективы реализации в процессе социальной реабилитации осужденных	8
---	---

Бабий Н.А.

Обеспечение законности квалификации преступлений, раскрываемых с помощью оперативного эксперимента	12
---	----

Барков А.В.

Назад в будущее: об идеях возврата к старым институтам уголовного права	15
---	----

Бахур О.И., Примаченок А.А.

Дифференциация уголовной ответственности за причинение вреда здоровью человека.....	17
--	----

Гашникова Т.В.

К вопросу о квалификации правонарушений против экологической безопасности и природной среды	20
--	----

Гладкий П.А.

Об ответственности за действия по распоряжению денежными средствами на банковских счетах	22
---	----

Грудите Э., Шибковас О.

Роль уголовного права в эру технологий: проблемы и перспективы	24
--	----

Давидовская В.А.

Опыт законодательного установления уголовного наказания: сравнительный анализ.....	26
---	----

Демидова Л.Н.

Социальные функции уголовного закона: проблемы определения и реализации в условиях глобализации общественных процессов.....	29
--	----

Денисов С.Ф., Денисова Т.А.

Мораль, правовая идеология, уголовный закон и современная действительность.....	35
--	----

Дмитренко Д.И. Научно-образовательный этос: особенности формирования скрытой коррупционной среды	40
Дубко М.А. Зарубежный опыт криминализации неправомерного завладения компьютерной информацией.....	43
Захилько К.С. К вопросу о моменте юридического окончания криминального банкротства	46
Идрисов Н.Т. Уголовный запрет в сфере профессиональной медицинской деятельности: реальность и перспективы правового регулирования	50
Карабельникова А.С. Ответственность юридических лиц за совершение коррупционных деяний по уголовному законодательству государств – участников Содружества Независимых Государств.....	53
Карташова Ю.Н. Собственность как объект уголовно-правовой и гражданско-правовой охраны	56
Катушонок О.В. Проблемы предупреждения внутрисемейного насилия органами внутренних дел.....	58
Ключко Р.Н. Проблемы уголовно-правового воздействия за действия информационного характера.....	61
Ковальчук А.В. Экономия уголовно-правового воздействия как принцип и современная тенденция развития уголовного закона	65
Коротич Е.А. Уголовный закон Республики Беларусь и охрана прав пациента: вопросы криминализации преступных деяний	69
Кукштель В.А. К вопросу о способах уклонения от погашения кредиторской задолженности	72
Ландина А.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против информацион- ной безопасности как составляющей национальной безопасности	76
Лихолая В.А. Проблемные вопросы уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и приравненных к ним платежей	78

Лопашенко Н.А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона.....	83
Лосев В.В. Квалификация склонения руководителем подчиненного к взяточничеству	89
Лукашов А.И. Нарушение запрета на осуществление предпринимательской деятельности как правонарушение	92
Мартыненко И.Э. Археологическое наследие Беларуси как предмет преступного посягательства.....	96
Марчук В.В. О социальной обусловленности уголовно-правового запрета в условиях обеспечения социально-экономической стабильности общества	100
Навроцкий В.А. Уголовно-правовые средства защиты прав человека в Украине	103
Новикова Е.В. Уголовная наказуемость незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.....	109
Павлова Л.В. Профилактика суицидов среди несовершеннолетних посредством совершенствования уголовно-правовой охраны семейной тайны	112
Плетенева Д.А. Цель общественно опасного поведения как квалифицирующий признак преступления.....	115
Португал М.Л. Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности: уголовно-правовой аспект и проблемы квалификации.....	118
Прудникова Т.А. Актуальные вопросы совершенствования законодательства в сфере уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности	122
Русецкий О.В. Криминологическая экспертиза в контексте реализации правоохранительной функции прокуратуры	125
Сахарчук А.И. Признание рыбы или других водных животных предметом преступления в ст. 282-1 УК как пример расширительного толкования норм уголовного закона.....	127

Сащенко П.И. Коррупционные преступления по уголовному праву Великобритании.....	129
---	-----

Срето Ного Уголовное право и глобализация	131
---	-----

Топорикова О.О. Уголовно-правовая защита половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в Республике Беларусь и Эстонской Республике: сравнительный анализ.....	139
--	-----

Хамкова Д.Е. Некоторые вопросы уголовной ответственности за легализацию	142
---	-----

Хиллута В.В. Общественная опасность и целесообразность: грани соприкосновения	148
---	-----

Хомич В.М. Уголовный закон и обеспечение верховенства права в противодействии преступности	151
---	-----

Хуснутдинов Р.М. Защита имущественных и корпоративных прав владельцев ценных бумаг в Российском уголовном праве	155
--	-----

Шаблинская Д.В. Современные тенденции оптимизации уголовной ответственности субъектов экономической деятельности	159
---	-----

Швед Н.А. О подходах к закреплению категории «уголовный проступок» в зарубежном законодательстве	161
---	-----

Юльский Р.Е. О соотношении социально-правой природы рецидива преступлений и законодательной формулировки его понятия.....	165
--	-----

Яцута И.С. Об ответственности за преступление, предусмотренное статьей 333-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь.....	168
---	-----

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Бибило В.Н. Достаточность доказательств для привлечения в качестве обвиняемого	171
--	-----

Богданович Н.А. Классификация реабилитирующих оснований прекращения производства по уголовному делу (уголовному преследованию): материальный и формальный подходы	174
Букаго Л.Г. О соблюдении принципа справедливости юридической ответственности в стадии возбуждения уголовного дела	176
Данько И.В. Часть 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь нуждается в совершенствовании.....	179
Зайцева Л.Л. Развитие уголовно-процессуального законодательства в новейшей истории Республики Беларусь	181
Каланча И.Г. Обеспечение информационной безопасности электронного уголовного производства	183
Каплина О.В. Прокурор надзирает, руководит, координирует или расследует? (опыт Украины).....	186
Качалов В.И. Уголовно-процессуальные проблемы прекращения уголовного преследования с применением судебного штрафа	189
Лапцевич И.И. К вопросу о судебном контроле за применением принудительных мер безопасности и лечения	191
Луцик В.В. Трансформация функций прокурора в уголовном процессе Украины в контексте европейских стандартов	195
Макарчук Д.И. Институт уголовного проступка как фактор обеспечения верховенства права при осуществлении правосудия по уголовным делам.....	197
Матвеева К.О. Роль прокурора в обеспечении верховенства права при поддержании государственного обвинения в суде	200
Никитин Ю.А. Некоторые проблемные вопросы производства экспертиз в уголовном процессе.....	203

Росинский С.Б. «Гражданское» задержание в общем механизме ограничения права на свободу и личную неприкосновенность (в России и Беларуси)	207
---	-----

Самарин В.И. Пределы судебного разбирательства при осуществлении уголовного преследования по поручению компетентного органа иностранного государства	210
--	-----

Самко А.В. О необходимости совершенствования регламентации примирения сторон по уголовным делам частного обвинения при вступлении в уголовный процесс прокурора	215
---	-----

Севрук Ю.Г. Процессуальное руководство прокурором досудебным расследованием: международный опыт	217
--	-----

Сенько А.С. Генезис отраслевого содержания конституционной функции прокуратуры по расследованию уголовных дел	220
--	-----

Солтанович А.В. О правовом регулировании проведения проверок при осуществлении контрольной (надзорной) и уголовно-процессуальной деятельности	223
--	-----

Сосновский А.А., Мамчиц В.Н. Актуальные вопросы совершенствования уголовного процесса	225
---	-----

Столетний А.В. Электронное уголовное производство: этапы и мероприятия по реформированию	229
---	-----

РАСПИРЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ – ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Бильдейко А.А. Оптимизация организационной структуры – залог повышения эффективности деятельности органов прокуратуры	233
--	-----

Боричевская Ю.Я. К вопросу профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних	239
--	-----

Бусол Е.Ю. Место правоохранительных органов в системе государственных антикоррупционных институций в Украине.....	243
Головко И.И. Инициирование прокурором частного определения (частного постановления) суда вне уголовного судопроизводства в странах СНГ	246
Грачева И.М. Правоохранительная функция органов прокуратуры в обеспечении социально-экономической стабильности на территории западной Белоруссии в период 1939–1941 гг.	252
Ермолаев Л.В., Герцовский Я.И. Координация Генеральной прокуратурой Российской Федерации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка	258
Каюмов Б.Э. Усиление роли органов прокуратуры Республики Узбекистан в реализации социально-экономических реформ и государственного частного партнерства	261
Полящук Н.А. Мониторинг соблюдения законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов) как способ реализации правоохранительной функции прокуратуры	265
Ракицкий А.П. Понятие правоохранительной функции прокуратуры	267
Рочева Е.А. Общенадзорная функция прокуратуры в контексте достижения Республикой Беларусь целей устойчивого развития	269
Севрук И.Г. Роль прокуратуры в обеспечении законности на стадии досудебного производства	272
Харевич Д.Л. О некоторых проблемных аспектах правовой регламентации института уведомления о проведении оперативно-розыскных мероприятий	274
Хмарук С.К. Повышение эффективности прокурорского надзора в сфере государственных закупок.....	279
Наши авторы	283

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ**

**Сборник материалов
Международной научно-практической конференции**

Минск, 9—10 ноября 2018 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. Г. Щербакова*

Подписано в печать 09.10.2018. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 17,20. Уч.-изд. л. 22,17.
Тираж 100 экз. Заказ 487.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.